

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
И Н С Т И Т У Т   Я З Ы К О З Н А Н И Я

**ОСНОВНЫЕ
НАПРАВЛЕНИЯ
СТРУКТУРАЛИЗМА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1964

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ
М. М. ГУХМАН, В. Н. ЯРЦЕВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный труд является вторым в серии исследований по современному языкознанию, подготавливаемых Институтом языкознания АН СССР¹.

О структурализме много писалось как у нас, так и за рубежом. Но в большинстве случаев это были обзорные статьи и популярные брошюры или исследования, посвященные одной из школ, объединяемых под термином «структурализм». Предлагаемая монография, в отличие от упомянутых работ, рассматривает четыре основных структуральных направления — Пражскую школу, глоссематику, американский дескриптивизм и Лондонскую школу, показывая то общее, что их объединяет, но особенно выделяя специфические черты, характеризующие каждую школу и определяющие ее существование как индивидуальной лингвистической системы. Критически исследуя философские и методологические основы названных направлений, авторы особенно детально останавливаются на конкретной методике лингвистического анализа. Хотя данное исследование и не ставит своей задачей описание развития общего языкознания второй четверти двадцатого века, структуральные направления рассматриваются здесь в их связях с предшествующими лингвистическими концепциями и как определенный этап в истории лингвистической мысли. Особое внимание уделяется процессу формирования и преобразования каждого направления, становлению основных понятий и категорий в их обусловленности методологическими предпосылками. Поскольку авторы стремились возможно полнее охарактеризовать основные течения структурализма, они не имели возможности останавливаться на рассмотрении индивидуальных концепций отдельных языковедов, не входящих в эти направления, хотя и разделяющих частично их взгляды (Э. Бенвенист, Е. Курилович, А. В. де Гроот и др.)². Этим же объясняется и отсутствие анализа работ тех

---

¹ См.: «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., 1961.

² Поэтому, например, и лингвистическая деятельность Р. Якобсона освещается только за тот период, когда он входил в состав Пражского лингвистического кружка.

советских языковедов, которые причисляют себя к структуралистам. Вместе с тем в данной работе не рассматривается специальное применение структуральных методов в отдельных областях языкознания, как например, в сравнительном языкознании, математической лингвистике, поскольку каждая из этих областей заслуживает самостоятельного исследования.

Критически анализируя методологические основы рассматриваемых направлений, их связь с современным прагматизмом и неопозитивизмом, авторы в то же время стремились дать детальный разбор методики лингвистического анализа, разработанной в структуральной лингвистике, так как именно в этой области структуралисты внесли немало нового и ценного в практику лингвистического исследования.

Работа осуществлена в группе общего языкознания Института языкознания АН СССР под руководством М. М. Гухман и В. Н. Ярцевой. Авторский коллектив приносит свою благодарность членам группы общего языкознания Н. Н. Короткову, А. А. Леонтьеву, В. З. Панфилову и Б. А. Серебренникову, принявшим активное участие в обсуждении рукописи. Особую благодарность авторы выражают рецензентам Е. А. Бокареву, А. А. Реформатскому и А. А. Уфимцевой за их ценные советы и замечания.

Книга подготовлена к печати Т. В. Булыгиной и Е. С. Кубряковой при участии А. А. Леонтьева, Н. Д. Орловой и В. Н. Телия.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТРУКТУРАЛИЗМА

М. М. Гухман

1

Нельзя понять современное состояние науки без знакомства с историей оформления современных школ и направлений. Этот очевидный тезис приобретает особое значение в исследовании, рассматривающем структурализм, или структуральную лингвистику, когда исследователь сталкивается с необходимостью выделить и разграничить черты, присущие большинству лингвистических школ современности и характеризующие, до известной степени, современный этап нашей науки, и черты, специфичные только для определенных направлений. Подобное разграничение отсутствует, к сожалению, в тех работах, где сформулированы основные отличительные признаки структурализма, суммарные же характеристики структурализма, встречающиеся у разных авторов, причислявших и причисляющих себя к структуралистам, носят столь общий характер, что в значительной степени применимы к весьма различным направлениям. Как справедливо отмечал А. Мартине, «слово структурализм стало даже своего рода ярлыком почти для всякого движения, порвавшего с традицией»¹.

К тому же сами термины «структура», «структурные методы» в применении к языку и языковому анализу достаточно неопределенны и лишены поэтому однозначности: «Многие языковеды, — писал тот же Мартине, — говорят о структуре, но единство взглядов относительно того, что же представляет собой лингвистическая структура, встречается редко»². Впрочем, это не помешало А. Мартине неоднократно выдвигать в качестве ведущего постулата, объединяющего всех структуралистов, тезис,

¹ А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960, стр. 89.

² A. Martinet. Structural linguistics. «Anthropology today». Chicago, 1953, стр. 575.

что «каждый язык характеризуется как таковой (тем самым противопоставляясь любому другому языку) прежде всего внутренней организацией *sui generis*, которая имеет гораздо большее значение, чем случайное сходство между отдельными единицами»³, т. е. фактически положение, что каждый язык представляет собой структуру. В статье 1962 г. Э. Бенвенист, отмечая резкие теоретические расхождения между разными структуральными школами, особенно между американским и европейским структурализмом, считает возможным выделить в качестве общих для структурализма положений следующие: «Основным принципом является утверждение, что язык образует систему, все части которой объединены отношениями общности (*solidarité*) и зависимости. Эта система организует единицы (*unités*), которые являются артикулируемыми знаками, отличающимися друг от друга и отграничивающими друг друга. Структуральная теория утверждает преобладание системы над элементами, раскрывает структуру системы через отношения элементов, как в речевой цепи, так и в формальных парадигмах»⁴.

И здесь основная характеристика структурализма сводится к признанию системности и структурности языка. Между тем эти понятия, попадая в разный философско-теоретический контекст, получают совершенно разное значение. Сопоставляя концепцию Пражской школы и глоссематиков, В. Скаличка подчеркивал еще в 1945 г. принципиальное различие этих направлений в самом понимании структуры⁵. С другой стороны, системность и структурность языка признается и школой Л. Вейсгербера, т. е. направлением, весьма далеким от структурализма. Не меньшие расхождения наблюдаются и в оценке того, какие исследовательские приемы могут получить квалификацию «структурных», какая степень формализации этих приемов соответствует понятию «структурные методы». Неудивительно поэтому, что и сами термины «структурализм», «структуральные исследования», «структуральная лингвистика» не имеют четко очерченных границ и характеризуются значительной расплывчатостью.

Показательно, что во всех общих характеристиках трех основных направлений структурализма (Пражская школа, глоссематика, дескриптивная лингвистика) анализ различий оказы-

---

³ А. Мартине. Принцип экономии..., стр. 90; ср. также: Он же. *Structural linguistics*, стр. 575.

⁴ E. Benveniste. «Structure» en linguistique. — В сб.: «Sens et usages du terme *structure* dans les sciences humaines et sociales». 's-Gravenhage, 1962, стр. 38—39.

⁵ В. Скаличка. Копенгагенский структурализм и «Пражская школа». — В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1960, стр. 99.

вается гораздо более детальным и глубоким, чем выделение объединяющих положений⁶. Так, в коллективной статье чешских языковедов мы читаем: «Отметим, что под структурализмом часто понимаются самые различные направления в лингвистике, возникшие в период между двумя мировыми войнами... Общим для всех этих направлений (речь идет о Пражской лингвистической школе, глоссематике Л. Ельмслева и американских дескриптивистах. — М. Г.) является отход от младограмматических методов с характерными для них психологизмом и атомизированием языкового анализа. Общим для них следует признать и стремление рассматривать языкознание... как самостоятельную науку, опирающуюся на понятие „языкового знака“». «Впрочем, — продолжают авторы, — принципы и методы работы указанных школ во многом значительно отличаются друг от друга, и поэтому нам кажется целесообразным применять для них особые названия, а именно „функциональная лингвистика“ для Пражской лингвистической школы, „глоссематика“ для направления Л. Ельмслева и „дескриптивная лингвистика“ для направления Л. Блумфилда»⁷. Наконец, А. Мартине, возвращаясь к этому вопросу в одной из своих последних работ, полагает, что «современные „структуралисты“ единодушны в своем признании приоритета за синхронным анализом, как и в отрицании всякого рода интроспекций. Что касается точек зрения и методов исследования, то они варьируются от школы к школе, от направления к направлению, и подчас за согласованной терминологией кроются фундаментальные расхождения»⁸. Помимо того, что высказанные здесь соображения А. Мартине требуют серьезных уточнений (так как данная суммарная характеристика вряд ли охватывает концепцию Пражской школы, признающей равноправность синхронного и диахронного аспектов), приходится заметить, что приведенные различительные признаки, взятые изолированно, едва ли могут служить достаточным основанием для отграничения одних направлений от других: примат синхронного анализа признает и школа Л. Вейсгербера.

Таким образом, одной из задач данного раздела является рассмотрение следующих вопросов: Что такое структурализм? Можно ли говорить о структурализме как о едином направлении с четко выраженной общей системой постулатов или же следует рассматривать пражский структурализм, американский дескрипти-

⁶ Ср., например: А. Martinet. *Structural linguistics*; Б. Трнка и др. К дискуссии по вопросам структурализма. — ВЯ, 1957, № 3; E. Vennemann. «Structure» en linguistique и т. д.

⁷ Б. Трнка и др. К дискуссии по вопросам структурализма, стр. 44—45.

⁸ А. Мартине. Основы общей лингвистики. «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 367.

визм, глоссематику, Лондонскую школу и т. д. как независимые и даже во многом противоположные направления? Если последнее предположение более правильно отражает реальное положение вещей, то можно ли вообще говорить о структурализме как о направлении или же содержание, вкладываемое в это понятие, настолько общо, неопределенно и поэтому бедно различительными признаками, что нельзя выделить структурализм как лингвистическую теорию, дающую особое и притом единое решение основных онтологических, гносеологических, методологических и методических вопросов нашей науки, а следует говорить о некоторых общих положениях, характерных для разных направлений современного языкознания?

Весьма существенным для ответа на поставленные вопросы является само понимание того минимума содержательных характеристик, который позволяет говорить об особом лингвистическом направлении. При всей значительности, например, особенностей методики лингвистического анализа для характеристики любой языковедческой школы, совокупность тех или иных исследовательских приемов сама по себе не является достаточным критерием при выделении лингвистического направления. Так, изучение лексики как системы, связанное с выделением лексических микросистем или семантических полей, используется в разных направлениях учеными, по-разному решающими вопрос о сущности языка, его соотношении с мышлением, его роли в обществе. Использование методов, связанных с выделением изоглосс и некоторыми приемами ареальной лингвистики, может оказаться основой лингвистического анализа в работах с разной направленностью, по-разному ставящих задачи исторического исследования. Тем более применение в современном языкознании так называемых формализованных методов, включая и математические методы и приемы, само по себе не может служить критерием при определении лингвистического направления. Методика исследования во многом зависит от уровня развития науки, а также от конкретных задач той или иной работы.

Определяющим при выделении лингвистических школ и направлений приходится признавать понимание целого комплекса основных онтологических, гносеологических и методологических проблем. К ним относятся прежде всего: определение предмета лингвистической науки, включая и вопрос о соотношении языка и речи (системы и процесса, нормы и речевой деятельности); проблема соотношения языка и внеязыковой действительности, соотношения языка и мышления; определение задач лингвистической науки и ее места среди других наук; система лингвистических методов. Но и здесь тот или иной тезис, взятый изолированно, не может служить критерием, позволяющим отграничить одно направление от другого; это относится даже к такому, казалось бы, определяющему положению, как призна-

ние за языком коммуникативной функции. В этой связи обращает на себя внимание и тот факт, что даже близкие или общие философские положения могут оказаться компонентами разных лингвистических концепций: так, идеи неопозитивизма влияли не только на глоссематику и американский дескриптивизм, но и на современное неогумбольдтианство.

Поэтому так существенно при характеристике и выделении лингвистических направлений стремиться к отграничению признаков, присущих определенному этапу в истории языкознания, обусловленных в значительной степени состоянием разработки проблем данной науки и, следовательно, наблюдаемых в этот период в разных направлениях, от специфических черт определенной школы, по-своему решающей основные лингвистические вопросы. Рассмотрение указанных вопросов тесно связано с определением исторических и методологических основ тех школ и направлений, которые обычно объединяются термином «структурализм».

2

Быть может, наиболее общей чертой современного языкознания, почти независимо от дифференциации на школы и направления, является резкая оппозиция по отношению к младограмматической школе. Еще в 1933 г. в известной статье Н. С. Трубецкого впервые со всей определенностью структурализм и универсализм («*structuralisme et universalisme systematique*») новой лингвистики, представленной фонологией, были противопоставлены индивидуализму и атомизму предыдущих направлений⁹. Несколько лет спустя В. Брэндаль снова высказал аналогичные соображения¹⁰, а затем они повторялись в разной форме в разных работах. Подобное противопоставление становится неотъемлемой частью всех программных статей пражцев и глоссематиков; оно характерно и для работ главы Лондонской школы Дж. Р. Фёрса¹¹; критика лейпцигской традиции наблюдается в большинстве современных работ по сравнительной грамматике индоевропейских языков¹²; наконец, преодоление младограмматизма ставится как одна из задач «содержательной грамматики»

---

⁹ N. Trubetzkoy. *La phonologie actuelle*. «*Psychologie du langage*». Paris, 1933, стр. 245 («*Journal de psychologie*», vol. XXX).

¹⁰ В. Брэндаль. Структурная лингвистика. — В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, стр. 40 и сл.

¹¹ Ср., например: J. R. Firth. *Personality and language in society*. — В кн.: J. R. Firth. *Papers in Linguistics*. Oxford, 1957, стр. 179 (подробнее см. главу IV данной монографии).

¹² Ср., в частности, кн.: «Сравнительная грамматика германских языков», т. I (Введение). М., 1962.

в работах Л. Вейсгербера¹³. Таким образом, «антимладограмматизм» объединяет большинство современных направлений, являясь фактически одной из наиболее общих характеристик современного языкознания. Лишь в известной степени здесь сказалось влияние Ф. де Соссюра: нетрудно показать, что независимо от Соссюра и до него антимладограмматические тенденции обнаруживаются у столь разных языковедов, как И. А. Бодуэн де Куртене, Г. Шухардт, К. Фосслер. В частности, оформление взглядов Пражской школы осуществлялось в значительной степени под влиянием идей И. А. Бодуэна де Куртене¹⁴. Для американского дескриптивизма, и в первую очередь для Л. Блумфилда и Йельской школы, создание новой лингвистической концепции означало не только борьбу против младограмматизма, но и преодоление так называемых «менталистских» положений (см. дальше, стр. 38, а также главу III). Наконец, в Англии развитие новых идей обнаруживает частичное влияние Г. Суита, языковеда, примыкавшего к младограмматикам, но вместе с тем дававшего и весьма оригинальное решение некоторых лингвистических проблем. Оформление современных лингвистических направлений протекало в разных странах в неодинаковых культурно-исторических условиях, при наличии разных научных традиций, но, как это было, впрочем, и в период возникновения младограмматической школы, процесс этот сопровождался повсеместно резкой критической оценкой господствующих идей прошлого. Однако объекты критики, теоретические позиции, на базе которых происходила переоценка ценностей, закрепленных в лингвистических концепциях XIX и начала XX в., были отнюдь не тождественными.

Несомненно, чаще всего упоминались положения, связанные с младограмматическим направлением, точнее — с Лейпцигской школой, поскольку эти идеи в течение нескольких десятилетий были господствующими; критиковалась как система теоретических положений, так и лингвистическая практика этой школы.

Теоретические основы младограмматизма, в его лейпцигском варианте, были обобщены и закреплены в известной работе Г. Пауля «Принципы истории языка», первое издание которой вышло еще в 1880 г.¹⁵ Примечательно само заглавие, примечательны и поставленные задачи.

---

¹³ Ср.: М. М. Гухман. Лингвистическая теория Л. Вейсгербера. — В сб.: «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., 1961, стр. 129.

¹⁴ Ср.: В. Матезиус. Куда мы пришли в языкознании. В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, стр. 90; Б. Трнка и др. К дискуссии по вопросам структурализма, стр. 47. Подробнее см. ниже, главу I.

¹⁵ H. Paul. Prinzipien der Sprachgeschichte. Berlin, 1920. (Русск. перевод: Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960).

Принципиальное сведение теоретических проблем к изучению языковых процессов и языковых изменений оставляло в стороне такие основные вопросы, как изучение самой структуры языка и характера его функционирования. Утверждение, что реально существуют только языки отдельных индивидов, делавшееся в терминах позитивизма и психологизма XIX в., не только сводило на нет социальную природу языка, но и превращало индивидуальную психологию в теоретическую основу языкознания. Подчеркивая индуктивный характер своей теории, сознательно отказываясь от проблемы философии языка и резко противопоставляя свои исследования работам В. Гумбольдта, Г. Штейнталя и других, младограмматики сделали своей основной задачей выявление и изучение отдельных изменяющихся языковых единиц. «Атомизм» младограмматиков был производным от их позитивизма, психологизма и ложно понятого историзма. Неудивительно в этой связи, что критика всех этих особенностей младограмматических исследований стала общим местом многих современных работ. Однако в известной степени подобная критика имеет односторонний характер: она не только не дает полного представления о месте данного направления в развитии лингвистической науки, но и препятствует пониманию преемственности, существовавшей в постановке некоторых языковедческих проблем.

Между тем нельзя забывать, что младограмматики фактически впервые поставили вопрос о строгих лингвистических методах, позволяющих языкознанию стать подлинной наукой, и дали образцы применения этих методов в исторических и сравнительно-исторических исследованиях. Конечно, уровень строгости и точности методов определялся тогда, как и в настоящее время, степенью разработанности методики не только лингвистического, но и вообще научного исследования (точность методики понималась в основном как регистрация и описание единичных языковых фактов в процессе их изменения); однако именно младограмматики отказались от «темного», «мистического» языка В. Гумбольдта и языковедческих штудий романтиков; именно младограмматическое направление способствовало освобождению языкознания от метафизических гипотез эпохи романтизма и сделало возможным переход к трезвой научной трактовке языковедческих проблем. Другой вопрос, что позитивизм и эмпиризм мешали представителям младограмматизма понять те более глубокие процессы, которые не лежат на поверхности и не раскрываются в непосредственной данности языкового факта. В этом аспекте наиболее близки к младограмматикам Л. Блумфилд и отчасти Лондонская школа, позиция которых может быть определена как новая форма лингвистического феноменализма.

Внимание к методике лингвистического анализа, характерное в 70—80-е годы не только для представителей Лейпцигской

школы, но и для таких языковедов, как И. А. Бодуэн де Куртенэ, несколько позднее Ф. Ф. Фортунатов и, наконец, Ф. де Соссюр, было связано с необходимостью уточнить само понятие о языке как объекте лингвистической науки и определить тем самым специфику этой отрасли человеческого знания. Характерно, что при значительном расхождении во взглядах Лейпцигскую школу объединяло с Бодуэном де Куртенэ «антишлейхеровское» понимание языка как одного из видов деятельности человека.

Весьма существенно также, что младограмматики, хотя и рассматривали язык по преимуществу в аспекте речевой деятельности индивида (которая и выделялась в качестве единственно достоверного объекта науки)¹⁶, впервые наметили и проблему соотношения индивидуального и социального, речевой деятельности и нормы, речи и языка, постановка которой обычно связывается с именем Соссюра, но в имплицитной форме имела уже у Г. Пауля, как и у ряда других его современников (фон Габеленц, А. Марти, Ф. Финк), особенно же у Бодуэна де Куртенэ. Поскольку с позиций психологического позитивизма единственной реальностью признавалась речевая деятельность, то понятно, что узус, норма, «совокупность узусов, которую описательная грамматика называет языком»¹⁷, объявлялись абстракцией. Но вместе с тем Пауль утверждал, что так как «язык служит орудием общения», он «отвергает все чисто индивидуальное, так или иначе навязываемое ему, не впитывая и не удерживая ничего такого, что не было бы санкционировано согласием данной общности людей»¹⁸, т. е. нормой или узусом; уточняя же задачи языкознания в его отграничении от филологии (вопрос, весьма занимавший и И. А. Бодуэна де Куртенэ¹⁹), Пауль совершенно определенно писал, что языкознание занимается «общими, узусально упрощенными языковыми отношениями», т. е. в терминах Соссюра — языком, а филология — «их индивидуальным использованием»²⁰.

Таким образом, эта проблема возникла во всей ее сложности еще в работах представителей младограмматического направления, но не получила здесь развернутой интерпретации.

---

¹⁶ Г. Пауль. Принципы истории языка, стр. 46.

¹⁷ Там же, стр. 474.

¹⁸ Там же, стр. 42.

¹⁹ Ср., например: И. А. Бодуэн де Куртенэ. О задачах языкознания. — В кн.: И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, т. I, М., 1963, стр. 203 и сл.

²⁰ Г. Пауль. Принципы истории языка, стр. 54, прим.

Неудовлетворительность решения многих лингвистических проблем, в том числе и тех, которые в дальнейшем оказались в центре внимания языкознания XX в. (соотношение языка и речи, социального и индивидуального), осознавалась не только сторонниками антипозитивистских идеалистических концепций философии языка — К. Фосслером, А. Марти и другими, но и языковедами, первоначально примыкавшими к младограмматическому направлению — Бодуэном де Куртенэ и Ф. де Соссюром. Оба эти лингвиста традиционно рассматриваются как предтечи структурализма, причем, как показывают новейшие материалы, в частности переписка Бодуэна де Куртенэ с А. Мейе, имеются основания предполагать, что Ф. де Соссюру были известны идеи русского языковеда и он не был свободен от бодуэновского влияния²¹. Таким образом, И. А. Бодуэн де Куртенэ и Ф. де Соссюр как бы связывают языкознание 80-х годов XIX в. с современными лингвистическими направлениями. Весьма существенно вместе с тем, что в отличие от младограмматиков Бодуэн де Куртенэ, а также, по-видимому (хотя и в меньшей степени), Ф. де Соссюр восприняли наиболее плодотворные идеи В. Гумбольдта. И. А. Бодуэн де Куртенэ сам отмечал, что В. Гумбольдт был одним из немногих языковедов, оказавших на него влияние. Не модернизируя концепции Гумбольдта, что наблюдается в настоящее время в некоторых работах²², можно сказать, что гумбольдтовское понимание системного характера языка и его учение о внутренней форме в известной степени соотносены с понятиями структуры и системы, ставшими центральными в работах Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра²³. Несомненно, однако, что у Гумбольдта понятие внутренней формы было значительно более метафизично и менее формализовано, менее «структурно», чем понятия структуры и системы у Бодуэна и Соссюра. С другой стороны, и социологический аспект в рассмотрении речевой деятельности как деятельности языкового коллектива, столь характерный для Гумбольдта, повлиял, по-видимому, на бодуэновское понимание языка. К Гумбольдту, быть может, восходят в известной степени и функционализм Бодуэна де Куртенэ и его сопостави-

²¹ См.: А. А. Леонтьев. Общелингвистические взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ. (Автореф. канд. дисс.). М., 1963, стр. 24; ср. также: В. В. Виноградов. И. А. Бодуэн де Куртенэ. — В кн.: И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, т. I, стр. 12.

²² Ср., например: Г. В. Рамишвили. Некоторые вопросы лингвистической теории В. Гумбольдта. (Автореф. канд. дисс.). Тбилиси, 1960; А. А. Леонтьев. Общелингвистические взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ (Автореф. канд. дисс.), стр. 13—14.

²³ Ср.: W. Humboldt. Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues. Darmstadt. 1949, стр. 43. — В. Матезиус неоднократно подчеркивал влияние Гумбольдта на системное понимание языка, см., например, статью «Куда мы пришли в языкознании», стр. 88—89.

тельно-типологические интересы, обусловленные стремлением исследовать общезыковые категории²⁴. Именно сочетание достижений сравнительно-исторического метода XIX в., в том числе и достижений методики лингвистического анализа Лейпцигской школы, с проблематикой, теоретическими положениями, характерными для Гумбольдта, способствовало постановке наиболее сложных вопросов лингвистики в трудах Бодуэна де Куртене, хотя намечавшиеся решения нередко сохраняли недостатки, присутствующие младограмматическому направлению.

Как указывалось выше, оформление структуральных направлений обычно связывается с развитием концепций Ф. де Соссюра и Бодуэна де Куртене²⁵; их влияние особенно подчеркивается в работах представителей Пражской школы. Это объясняется несомненной общностью некоторых положений обоих языковедов, общностью тех новых тенденций, которые отличали их работы от традиций младограмматической школы. Но вместе с тем даже такие общие для этих языковедов положения, как разграничение языка и речи, внешней и внутренней лингвистики, синхронии и диахронии, при внимательном анализе обнаруживают разное осмысление, причем настолько разное, что можно схематично выделить в последующем развитии зарубежной лингвистики две традиции, две линии развития: бодуэновскую и соссюрговскую. Первая непосредственно доминирует в Пражской школе и в работах тех языковедов, которые примыкали и примыкают к этой школе; опосредствованно эта линия прослеживается у англичан. Вторая реализуется в Женевской школе и у глоссематиков, хотя и не в одинаковой форме.

Подобно Ф. де Соссюру, Бодуэн де Куртене не оставил обобщающей работы, содержащей систематическое изложение теоретических взглядов. Его идеи разбросаны в разных статьях и набросках, к тому же опубликованных по преимуществу на языках, знание которых не было тогда распространенным среди языковедов²⁶. Поэтому непосредственное влияние его идеи оказали прежде всего на русских языковедов в Ленинграде и Москве (Л. В. Щерба, Е. Д. Поливанов, Л. П. Якубинский, В. В. Виноградов, С. И. Бернштейн, отчасти Московская фонологическая школа), а также на оформление воззрений Пражского лингвистического кружка²⁷. Иным было влияние Ф. де Соссюра: напи-

²⁴ Ср., например: И. А. Бодуэн де Куртене. Некоторые общие замечания о языковедении и языке. — В кн.: И. А. Бодуэн де Куртене. Избранные труды по общему языкознанию, т. I, стр. 55 и сл.

²⁵ Ср.: В. Брэндалль. Структурная лингвистика, стр. 43; К. Хансен. Пути и цели структурализма. — ВЯ, 1959, № 4, стр. 93; E. Benveniste. «Structure» en linguistique, стр. 32 и др.

²⁶ См.: Л. В. Щерба. И. А. Бодуэн де Куртене и его значение в науке о языке. «Русский язык в советской школе», 1929, № 6, стр. 63.

²⁷ Подробнее см.: А. А. Леонтьев. Общелингвистические взгляды И. А. Бодуэна де Куртене. (Автореф. канд. дисс.). — Вряд ли можно, впрочем, согласиться с утверждением автора, что целесообразно ста-

санный его учениками и последователями «Курс общей лингвистики» сделал идеи женевского ученого, хотя и не всегда в аутентичной форме, достоянием мировой лингвистической науки. Практически почти все современные зарубежные направления, включая и американскую дескриптивную лингвистику и неогумбольдтианство, в той или иной форме связаны с идеями Ф. де Соссюра.

Трудно определить, в какой степени Бодуэн де Куртенэ преодолел противопоставление индивидуального (психического) и социального, связанное с решением вопроса о соотношении языка и речи, и в какой мере он действительно понимал, что общество является необходимым условием существования и развития психики человека²⁸. Слишком противоречивы и неопределенны его высказывания по этому поводу²⁹. Несомненно, однако, что уже в ранних работах Бодуэн де Куртенэ не только понимал важность социологии языка, но, выделяя внешнюю и внутреннюю историю языка и утверждая, что внешняя история языка составляет часть прикладного языкознания, вместе с тем подчеркивал взаимодействие этих двух сторон в процессе развития языка³⁰: «От влияния иностранных языков, от литературной обработки, от рода занятий людей, говорящих данным языком, от географических условий страны, ими обитаемой, и т. п. зависит ускорение или замедление и своеобразность развития языка»³¹. С этим связан и интерес к проблеме соотношения литературного языка и народных говоров, который отличает уже ранние работы Бодуэна. Иными словами, у Бодуэна, так же как впоследствии и у пражцев, проблема соотношения языка и внеязыковой действительности не исключалась из рассмотрения языковеда, но, вместе с тем, внутренняя и внешняя история четко разграничивались. Как известно, иначе освещаются эти вопросы в «Курсе» Ф. де Соссюра (ср. широко известное положение: «Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя»)³². В этих

вить вопрос о влиянии Бодуэна на развитие идей социологического направления в целом.

²⁸ См. там же, стр. 6; ср. также: А. А. Леонтьев. Общелингвистические взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ. — ВЯ, 1959, № 6, стр. 117.

²⁹ Это и позволило В. Дорошевскому утверждать, что Бодуэн де Куртенэ отказывался признавать реальное существование языка какого бы то ни было коллектива, так как реально существующими являются, по его мнению, исключительно языки отдельных индивидов. См.: В. Дорошевский. Об И. А. Бодуэне де Куртенэ. — В кн.: И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, т. I, стр. 27; ср. также приведенные в этой статье высказывания Бодуэна о социальном мире (стр. 28).

³⁰ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Некоторые общие замечания о языковедении и языке, стр. 69.

³¹ Там же, стр. 69, прим. 34.

³² Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 207.

двух противоположных установках в свернутом виде отражено основное расхождение двух течений современной лингвистики. Одно из них связано с Пражской школой и деятельностью языковедов, до известной степени примыкающих и в настоящее время к традициям этой школы (Р. Якобсон, А. Мартине, многие чешские языковеды — Б. Трика, Й. Вахек и др.), другое в наиболее определенной форме представлено глоссематикой, в ином аспекте — американской дескриптивной лингвистикой. Конечно, расхождения между названными направлениями существуют не только в трактовке этой проблемы (см. ниже); но решение вопроса о так называемой внешней и внутренней лингвистике связано с методологией и онтологией нашей науки и является в известном отношении определяющим для теоретической позиции языковеда.

Уже в 1870 г. Бодуэн де Куртенэ дал и определение разграничения языка и речи, которое предвосхищало известные формулировки Ф. де Соссюра. Он указывал «на различие языка, как определенного комплекса известных составных частей и категорий, существующего только *in potentia*, и в собрании всех индивидуальных оттенков, от языка, как беспрерывно повторяющегося процесса, основывающегося на общительном характере человека и его потребности воплощать свои мысли в ощущаемые продукты собственного организма и сообщать их существам, ему подобным, то есть другим людям (язык — речь — слово человеческое)»³³. У Ф. де Соссюра это положение было значительно более развито, но вместе с тем язык был отождествлен с идеальной абстрактной системой, замкнутой в себе и не знающей развития («сама по себе система неизменяема») и резко противопоставленной речи. Можно думать, что в какой-то степени это соссюрское понимание языка было связано с известными соображениями Марти об идеальном языке, существующем независимо от единичных актов общения, но являющемся подлинным объектом науки³⁴.

Соссюр по существу отрицал социальную природу индивидуальных речевых актов, до известной степени оставаясь в этом вопросе на позициях младограмматической школы (см. выше), с той лишь разницей, что для него именно язык оказался объектом лингвистической науки³⁵.

В лингвистической литературе отмечалось совпадение соссю-

---

³³ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Некоторые общие замечания о языковедении и языке, стр. 77.

³⁴ См.: A. Marti. Über Begriff und Methode der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie. «Zeitschrift für Sprachpsychologie», Bd. 55, 1910.

³⁵ См. критику этих положений Соссюра в статье E. Buyssens. Origine de la linguistique synchronique de Saussure. «Cahiers F. de Saussure», 18, 1961, стр. 29. Ср. также: Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история. «Новое в лингвистике», вып. III, стр. 153.

ровской дихотомии с дихотомией, принятой в конце XIX в. в идеалистической социологии. Еще Г. Шухардт в рецензии на «Курс» Соссюра сопоставлял его дихотомию с введенным Огюстом Контом различием между «статической социологией» и «динамической социологией»³⁶, однако наиболее близки идеи Соссюра положениям Дюркгейма³⁷. Подобно тому как Дюркгейм метафизически обособил «социальный факт» от деятельности коллектива, состоящего из индивидов, и придал этому внешнему по отношению к индивиду «социальному факту» обязательную силу, так и Соссюр полагал, что язык независим от речевой деятельности и навязывается индивиду. У Бодуэна постановка проблемы значительно более гибкая, поскольку для него общественное функционирование языка является определяющим, а системность языка — условием его функционирования. Этим обусловлено и нетождественное решение вопроса о соотношении синхронии и диахронии, который является одним из основных вопросов при характеристике современных направлений.

Вопрос этот имеет два аспекта, два плана: аспект методический и аспект онтологический; нередко эти два плана смешиваются, в частности и у Соссюра. Несомненно, системное изучение языка, выделение лингвистических единиц и их отграничение, анализ структуры языка, его парадигматики и синтагматики и определение цепи взаимозависимостей, обеспечивающих функционирование языка в обществе, связаны прежде всего с условно выделенным синхронным срезом языка. С этой точки зрения большинство положений Соссюра, определивших «синхронный крен» современных лингвистических направлений, справедливо. Характерно, что и Бодуэн де Куртенэ именно в этом плане подчеркивал значение статического, или синхронного, описания, указывая на преимущество изучения живых современных языков³⁸. Этим объяснялось и его требование, чтобы изучение современных языков предшествовало их историческому изучению. Подобное понимание преимуществ синхронного метода отличает и Пражскую школу: «Лучший способ для познания сущности языка — это синхронный анализ современных фактов. Они являются единственными фактами, дающими исчерпывающий мате-

---

³⁶ Г. Шухардт. О книге Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики». — В кн.: Г. Шухардт. Избранные статьи по языкознанию. М., 1950, стр. 180.

³⁷ Ср.: W. Doroszewski. Quelques remarques sur les rapports de la sociologie et de la linguistique: Durkheim et F. de Saussure. «Journal de psychologie normale et pathologique», vol. XXX. Paris, 1933; Э. Косериу. Указ. соч., стр. 158—166.

³⁸ Ср.: И. А. Бодуэн де Куртенэ. О задачах языкознания; ср. также: Он же. Некоторые из общих положений, к которым довели Бодуэна его наблюдения и исследования явлений языка. — В кн.: И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, т. I, стр. 349.

риал и позволяющими составить о них непосредственное представление»³⁹.

Напротив, в «Курсе» синхрония, статика превращается и в онтологический признак языковой системы, поскольку сама по себе система неизменяема. Это положение Соссюра стало одним из широко распространенных тезисов структуральных направлений. Даже некоторые представители Пражской школы упрекали Бодуэна де Куртенэ за излишнюю историчность и предпочитали синхронию в соссюровском понимании, так как, по их мнению, только она способна расположить факты изучаемого языка в одной плоскости и показать существующие между ними системные отношения⁴⁰. Действительно, в отличие от Соссюра, Бодуэн де Куртенэ утверждал, что «в языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой — явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики или, скорее, кинематики»⁴¹. Само понятие синхронного среза было у Бодуэна иным, чем у Соссюра и неоссюрианцев; по его мнению, необходимо учитывать тот факт, что, с одной стороны, налицо пережиточные формы, унаследованные от прошлого и более не соответствующие данной структуре языка в целом, и что, с другой стороны, известные явления, так сказать, предсказывают будущее состояние данного языка, вследствие чего они еще не соответствуют его синхронному состоянию⁴².

Наконец, и понятие системы у Бодуэна де Куртенэ и в кодифицированном тексте «Курса» Ф. де Соссюра не было тождественно, хотя Бодуэн де Куртенэ, так же как и Ф. де Соссюр, считал, что язык представляет собой систему произвольных знаков (символов), причем именно системность, произвольность, наряду со структурностью и «формой», рассматривались в качестве важнейших характеристик человеческого языка⁴³. Отличие, с одной стороны, связано с функционализмом Бодуэна, с другой — что особенно важно — оно объясняется сочетанием субстанциональности и реляционности при выделении и характери-

---

³⁹ См.: «Тезисы Пражского лингвистического кружка». — В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, стр. 69.

⁴⁰ Ср.: В. Матезиус. Куда мы пришли в языкознании, стр. 91.

⁴¹ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Некоторые из общих положений..., стр. 349.

⁴² И. А. Бодуэн де Куртенэ. Заметки на полях сочинения В. В. Радлова. — В кн.: И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, т. II. М., 1963, стр. 186.

⁴³ Ср.: И. А. Бодуэн де Куртенэ. О задачах языкознания, стр. 209; ср. также: Он же. Человечество языка. — В кн.: И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, т. I, стр. 261, 263.

стике языковых единиц и описании соотношения единиц фонологического и морфологического уровней. Иными словами, система мыслилась не как чисто реляционная схема, но как система взаимозависимостей субстанционально выделяемых единиц, причем сами зависимости рассматриваются как производные от качественной характеристики этих единиц. Можно со всей определенностью сказать, что одностороннее и поэтому неверное положение Ф. де Соссюра: «в языке нет ничего, кроме различий», «в языке имеются только различия без положительных моментов»⁴⁴ не адекватно многомерной характеристике языковой системы у Бодуэна, хотя последний не только в работах по фонологии подчеркивал ведущую роль в описании языка «группировки по противопоставлениям и различиям».

И в трактовке этой проблемы линию Бодуэна продолжили пражцы, тогда как соссюрская интерпретация в наиболее последовательной форме была реализована Л. Ельмслевом.

4

Возникновение новых лингвистических направлений было связано со значительными сдвигами в развитии других отраслей научного познания, сказалась здесь и несомненная зависимость от современных философских течений. Поэтому характеристика исторических основ современных направлений включает в себя не только установление их связей с предшествующими лингвистическими системами, но и определение степени и форм зависимости их эпистемологии и методики от уровня развития научного познания в других областях, и их онтологии и гносеологии — от современных течений философской мысли.

Зависимость эмпирического позитивизма младограмматического направления от естественнонаучного позитивизма XIX в. — факт известный. Блестящий расцвет естественных наук во второй половине XIX в. во всех странах не только определил шлейхеровскую концепцию языка, но и оказал влияние на методологию лингвистического исследования: стремление к чисто индуктивным приемам лингвистического анализа, к описанию и регистрации непосредственно наблюдаемых фактов обусловлено формой позитивизма той эпохи, соотнесено с общим характером современного младограмматизму направления исследований в разных науках.

Если рассматривать возникновение структуральных направлений в широком контексте развития наук первой половины XX в. и в зависимости от философских течений этой эпохи, то также можно отметить связь языкознания с новыми направлениями в других областях знания, влияние определенных философских

---

⁴⁴ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики, стр. 119.

направлений как в разработке поставленных проблем, так и в критике традиционных концепций.

В критике младограмматизма весьма существенную роль играла переоценка во всех областях науки тех результатов, которые были достигнуты на основе применения строго индуктивных методов старого позитивизма. Сама эта переоценка явилась результатом развития наук. В первой четверти XX в. физика открыла мир мельчайших частиц, недоступных непосредственному наблюдению. Почти одновременно позиции старого позитивизма оказались подорванными в психологии в связи с открытиями И. П. Павлова в области физиологии центральной нервной системы⁴⁵. Блестящие результаты математических исследований имели последствия, сходные с тем, что произошло в XIX в. на базе развития естественных наук. Своеобразная «математизация» разных отраслей знания все более способствовала изменению взглядов на соотношение индуктивных и дедуктивных приемов анализа. Если в предшествующую эпоху принципы индуктивного метода пронизывали системы разных наук и определили даже построение логики Дж. Ст. Милля, то, согласно новым логическим принципам, выдвинутым в идеалистической философии Э. Гуссерлем⁴⁶, логическая истина рассматривалась как истина чисто формальная, а индуктивная логика была уподоблена деревянному железу.

В этой связи особенно существенно отметить, что новые достижения в различных областях научных знаний получили противоположное осмысление в материалистической философии и в разных идеалистических течениях.

С марксистской точки зрения, любая научная теория не может ограничиваться только регистрацией и описанием фактов, данных в непосредственном опыте. Это только первая ступень научного познания. Подлинная научная теория должна раскрывать за наблюдаемыми явлениями их сущность, выявлять внутренние закономерности, которые лежат в основе этих явлений, обнаруживать связь этих явлений, их взаимодействие и взаимовлияние, создавая условия для все более глубокого постижения окружающей действительности. Ограниченность возможностей индукции при решении этих задач очевидна. Однако методы описания изучаемых явлений и познания раскрываемых сущностей во многом определяются также спецификой объектов той или иной науки, а в пределах одной области знания — и конкретными задачами, стоящими перед исследователем. Поэтому соотношение индукции и дедукции не может быть одинаковым в тех науках, которые, подобно математике, сами строят свой объект,

---

⁴⁵ См. кн.: «Современная психология в капиталистических странах». М., 1963, стр. 47.

⁴⁶ См.: E. Husserl. Logische Untersuchungen. 3. Aufl. Halle, 1922.

и в тех науках, которые изучают объекты, непосредственно данные в опыте. Сложность этой проблемы в применении к языкознанию очевидна, поскольку проявления речевой деятельности непосредственно могут быть наблюдаемы в тексте и речевой цепи, тогда как языковая система конкретного языка, существуя всегда независимо от создаваемых описаний, выступает для лингвиста вместе с тем как результат обобщения непосредственно наблюдаемых фактов, а описание ее является также результатом применения определенных принципов моделирования парадигматических и синтагматических связей лингвистических единиц, т. е. моделирования языковой структуры.

Весьма существенно при этом, что критика позитивизма XIX в. часто велась с идеалистических же позиций, а достижения человеческого познания, не укладывающиеся в рамки традиционных представлений и схем, использовались для доказательства неправомочности постановки принципиальных онтологических проблем, которые рассматривались как метафизические, и для сведения гносеологии к описанию операциональных процедур, к методике научного анализа.

На оформление зарубежных лингвистических направлений XX в. несомненное влияние оказала методология и теория познания неопозитивизма. До известной степени связи лингвистических направлений, оформлявшихся в 20—30-е годы нашего столетия, с неопозитивизмом были обусловлены той ролью, которую проблемы языка начинают играть в логических исследованиях и прежде всего в работах Л. Витгенштейна, Б. Рассела, А. Н. Уайтхеда⁴⁷. Особенно значительным было влияние идей Венского кружка, в частности ранних работ Р. Карнапа. Эти идеи определили содержание так называемого физикализма Л. Блумфилда и философские основы глоссематики Л. Ельмслева.

Неопозитивизм, представлявший собой новую форму имманентного эмпиризма, обнаруживает непосредственные связи с махизмом, чего, между прочим, не отрицают и сами представители этого направления⁴⁸. Но, в отличие от Маха и эмпириокритицизма, неопозитивисты основывают свои построения на предположениях, согласно которым единственным реальным объектом философии является язык, а ее задачей — объяснение языка науки. Место элементов (представлений) Маха заняла доктрина о протокольных предложениях, а отождествление в ранних работах Р. Карнапа основных понятий с тем, «что дано» (*das Gegebene*), вело к отрицанию действительности, существующей независимо

⁴⁷ Подробнее о роли языковых проблем в названных трудах см.: А. Шаффа. Введение в семантику. М., 1963, стр. 46—56, 83—89.

⁴⁸ Ср., например: Ph. Frank. *Modern science and its philosophy*. Cambridge, 1950; R. von Mises. *Positivism. A study in human understanding*. Cambridge, 1951.

от процедуры познания. Сама постановка проблемы о соотношении наших понятий с действительностью объявляется псевдопроблемой, так как, согласно концепции неопозитивизма, все предметы познания фактически конструируются, т. е. создаются, в мышлении. Процесс же конструирования понятий определяется языком. В конечном итоге наука оказывается системой высказываний, которые сравниваются друг с другом. Доведенные до логического конца, эти построения вели фактически к солипсизму. Не случайно Л. Витгенштейн защищал научную реальность предположений, содержащихся в философии солипсизма, а Р. Карнап назвал концепцию своих ранних исследований «методологическим солипсизмом». Резкая критика позитивистских доктрин эмпириокритицизма, данная В. И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм», сохраняет полностью свою силу и в применении к философским основам современного неопозитивизма. Изложенная выше система постулатов неопозитивизма получила непосредственное отражение в физикализме Л. Блумфилда и глоссематике Л. Ельмслева.

Вместе с тем обращает на себя внимание и тот факт, что недифференцированный подход к естественным и искусственным языкам, который наблюдается, в частности, в глоссематике и ведет к шеврному описанию структурных особенностей естественных языков (см. подробнее ниже), имеет своим источником некоторые положения того же неопозитивизма.

Наконец, на методику лингвистического анализа структуральных направлений, особенно созданную в работах Л. Блумфилда и представителей дескриптивной лингвистики, с одной стороны, и в трудах Л. Ельмслева и его последователей, с другой, несомненное влияние оказали методы и приемы дедуктивных построений. Конкретная форма, которую принял имманентный эмпиризм 20—30-х годов, была обусловлена субъективным стремлением перестроить философию по образцу точных наук. Логический синтаксис Карнапа, как и более ранние работы Л. Витгенштейна, Рассела и Уайтхеда, отражал это стремление. Оно обусловило методику и приемы данных исследований. Влияние новых тенденций, и прежде всего эталона теории дедукции, на лингвистические направления до настоящего времени недостаточно учитывалось; между тем оно было в известной степени определяющим для структуральных школ и направлений, хотя и преломлялось через разные традиции.

Особо следует отметить, что влияние тех или иных философских концепций на развитие языкознания нередко осуществлялось не непосредственно, а через соответствующие направления в психологии. Факт этот тем более примечателен, что требование освободить лингвистическую науку от влияния психологии было одним из общих постулатов антимладограмматических деклараций. Между тем два психологических направления — бихевиоризм

и гештальтпсихология оказали влияние на языкознание 20—30-х годов; бихевиоризм в США — на Л. Блумфилда и через него на дескриптивную лингвистику, в Англии — на Лондонскую школу, гештальтпсихология — на ранние работы датских структуралистов и на Пражскую школу (подробнее см. ниже).

5

Для лингвистических направлений 20—30-х годов характерно почти синхронное появление разных систем, противопоставлявших себя так называемому традиционному языкознанию и стремившихся наметить новые пути решения основных лингвистических проблем. Вопросы методики анализа, проблема соотношения и сущности языка и речи, понятие структуры языка появляются не только в тех работах, которые определили во многом направление лингвистической мысли последующих десятилетий, но и в трудах, стоящих фактически вне господствующих направлений, — в монографиях А. Гардинера⁴⁹, К. Бюлера⁵⁰ и других. Этим объясняется тот широкий резонанс, который получило выступление Н. Трубецкого, Р. Якобсона и С. Карцевского на Первом Международном конгрессе лингвистов⁵¹.

Анализируя в настоящее время тот путь, который лингвистическая наука прошла за последующие 35 лет, можно сказать, что уже в этом докладе, а затем в тезисах Пражского кружка были в свернутом виде сформулированы стоящие перед языкознанием задачи и намечены пути их реализации. Конечно, впоследствии многие положения были не только уточнены, но и совершенно изменены или даже отброшены (ср., например, телеологический принцип), причем основные принципы получили разное толкование и разное воплощение у разных авторов. Именно в работах Н. С. Трубецкого, Р. Якобсона и С. Карцевского конца 20-х — начала 30-х годов была создана известная система постулатов новой теории, а также дан первый образец новой методики лингвистического анализа на фонологическом материале. Значение Пражской школы и особенно работ Н. С. Трубецкого в оформлении основных положений современного языкознания признается не только в Чехословакии, но и широко за ее пределами⁵². Э. Бенвенист в недавно опубликованной статье прямо указывает, что структуральная теория нашла первое свое выражение в упомянутом докладе трех русских языковедов, а затем в тезисах Праж-

⁴⁹ A. W. Gardiner. *The theory of speech and language*. 2nd ed. Oxford, 1951 (1st ed. — 1932).

⁵⁰ K. Bühler. *Sprachtheorie*. Jena, 1934.

⁵¹ См.: «Actes du Premier Congrès International de Linguistes, a la Haye, du 10—15 Avril 1928». Leiden, [1930].

⁵² Ср.: В. Брэндалль. Структурная лингвистика, стр. 43; E. Benveniste. «Structure» en linguistique, стр. 34.

ского кружка. Именно в этих работах впервые термин «структура» появился в определенном терминологическом значении как построение, организация системы⁵³.

Весьма показательным и то обстоятельство, что известная статья Н. С. Трубецкого «La phonologie actuelle» получила отклик не только в лингвистических кругах. Французский этнограф К. Леви-Строс⁵⁴ подчеркивает ведущую роль Н. С. Трубецкого в формировании понятия «структура» в применении к разным общественным дисциплинам. «Фонология, — пишет этот автор, — несомненно сыграла такую же обновляющую роль по отношению к социальным наукам, какую, например, ядерная физика сыграла по отношению к точным наукам». Эта преувеличенная оценка не учитывала, что, например, теория структуры общества как сложной системы взаимообусловленных связей была разработана в марксистском учении об общественных формациях; но мнение французского ученого отражало огромную популярность идей Трубецкого и Пражской школы (см. о понятии «структура» ниже). На определенный, хотя и краткий срок (фактически 1928—1942 гг.) Пражский кружок становится ведущим центром, объединяющим усилия языковедов разных стран, разрабатывавших теорию языкознания с новых, антимладограмматических позиций: не случайно в «Travaux du Cercle Linguistique de Prague» печатаются работы таких языковедов, как Л. Блумфилд, К. Бюлер, Л. Ельмслев, А. Мартине, А. В. де Гроот.

Почти одновременно с появлением первых работ «пражцев» в американском журнале «Language» публикуется статья Л. Блумфилда⁵⁵, сыгравшая в развитии дескриптивной лингвистики и — шире — американского структурализма такую же роль, как первые работы пражцев в развитии европейских структуральных направлений⁵⁶. В тридцатые годы, тоже почти параллельно, определяются еще два лингвистических европейских центра — Копенгаген и Лондон, где разрабатываются идеи и положения двух новых структуральных направлений — глоссематики и Лондонской школы.

Сопоставление развития рассматриваемых направлений обнаруживает существенные различия даже в их внешней истории.

⁵³ E. Benveniste. «Structure» en linguistique, стр. 34.

⁵⁴ См.: C. Levi-Strauss. L'analyse structurale en linguistique et en anthropologie. «Word», 1945, vol. 1, № 1 (автор опирается преимущественно на указанную статью Н. С. Трубецкого).

⁵⁵ L. Bloomfield. A set of postulates for the science of language. «Language», 1926, vol. 2, № 3.

⁵⁶ О значении работ Л. Блумфилда и особенно упомянутой выше его статьи в развитии американского языкознания см.: C. F. and F. M. Voegelin. On the history of structuralizing in 20th century America. «Anthropological Linguistics», 1963, vol. 5, № 1, стр. 19—20 (см. также подробнее главу III данной монографии).

Пражская школа, оформившаяся ранее других, в период своего расцвета характеризовалась единством лингвистических воззрений. После второй мировой войны Пражский кружок распался и перестал существовать, но в США Р. Якобсон, а во Франции А. Мартине до известной степени сохраняют преемственность с этим направлением. «Субстанционализм» пражцев, против которого в свое время возражал Л. Ельмслев, со всей определенностью вновь прозвучал в докладе А. Мартине на IX Международном съезде лингвистов в положении: «Структуралист не может быть индифферентным к природе субстанциональных признаков, которые позволяют различать единицы одного и того же класса»⁵⁷. Вместе с тем функционализм, близкий пражскому функционализму, является одной из главных характеристик лингвистической теории Мартине, отличающих ее от более формальных и априорных теорий, против которых Мартине обычно выступает. Принцип экономии как регулирующий фактор развития, в свою очередь, обнаруживает известные связи с телеологией пражцев. Преодоление сосюрковского имманентизма, столь характерное для пражцев, тоже находит отражение в работах А. Мартине.

В самой Чехословакии наиболее продуктивные положения этого направления получают дальнейшее развитие. Сочетание проблематики «внутренней и внешней лингвистики», структуральных принципов исследования языка как особого объекта с изучением связей языка и внеязыковой действительности получило особое развитие в связи с разработкой этих проблем в свете марксистской теории общественного развития и философии диалектического материализма. Показательной в этом отношении явилась дискуссия 1962 г. Эта линия развития структуральных исследований резко противопоставит априоризму глоссематики и формализму дескриптивной лингвистики.

Самым широким и вместе с тем наименее гомогенным и претерпевающим наибольшие изменения структуральным направлением оказалась дескриптивная лингвистика. Если проследить развитие этого направления от выхода в свет работ Л. Блумфилда до конца пятидесятых годов, то обнаруживается — параллельно с расширением дескриптивной лингвистики и укреплением ее связей с другими американскими школами — известная перестройка позиций языковедов, причисляющих себя к этому направлению. Наиболее отчетливо выступает деление на две группы: группу ближайших последователей Блумфилда — Йельскую школу (Харрис, Хоккет, Уэллз) и группу, смыкающуюся частично с антропологической лингвистикой (Пайк, Вёглин и дру-

---

⁵⁷ A. Martinet. Structural variation in language. «Preprints of Papers for the Ninth International Congress of Linguists». Cambridge (Mass.), 1962, стр. 505.

гие); для первой группы характерно ограничение лингвистической проблематики отысканием лучшей схемы, в терминах которой следует описывать лингвистические факты; для второй эта задача включается в широкий контекст моделирования разных сторон человеческого поведения. Уже это расхождение свидетельствует об отсутствии единства в эпистемологических воззрениях обеих групп. Но и в пределах каждой группы следует отметить отсутствие гомогенности, в значительной степени объясняемое тем, что дескриптивное направление вообще не создало своей теоретической системы. По сути дела, объединяющими здесь являются известные методические (операциональные), а не теоретические принципы. Это же определяет и связи этого направления с другими американскими направлениями и возможность влияния на европейские школы (см. главы III и IV). Принципы лингвистического моделирования, выработанные в значительной степени именно дескриптивной лингвистикой, принимаются и другими направлениями и сочетаются с разным решением онтологических и эпистемологических проблем.

Наиболее гомогенной и стабильной теоретической системой является, безусловно, глоссематика.

После второй мировой войны, в условиях значительного оживления интереса к лингвистической теории как в США, так и в европейских странах (ср. издание новых журналов «Word», «Lingua», «Archivum Linguisticum» и т. д.), несмотря на широкие интернациональные связи, расхождения в разных направлениях, причисляемых к структурализму, становятся все более явственными. Так, например, если в статье 1939 г. В. Брэндал еще мог писать о структурализме или структуральной лингвистике как о чем-то едином, не противопоставляя копенгагенский структурализм Пражской школе, то после выхода в 1943 г. известной книги Л. Ельмслева «Omkring sprogteoriens grundlæggelse» стало ясным возникновение нового направления, система взглядов которого оказалась весьма отличной от системы взглядов, характеризовавших деятельность Пражского кружка. Ознакомление американских дескриптивистов с деятельностью европейских структуралистов и vice versa обнаружило не только некоторую общность тенденций, но и значительно более существенные расхождения. Появление ряда полемических статей, авторами которых были представители разных структуральных направлений, а объектами полемики — другие «структуральные» системы, свидетельствовало о наступившем периоде размежевания⁵⁸. Наряду с критикой глоссематики Ельмслева,

---

⁵⁸ Ср., например: А. Мартине. О книге «Основы лингвистической теории» Луи Ельмслева. «Новое в лингвистике», вып. I. М., 1960; В. Скалика. Копенгагенский структурализм и «Пражская школа». Ср. также главу II настоящей монографии.

широко представленной в работах А. Мартине и бывших представителей Пражской школы, следует упомянуть и полемику Ельмслева с пражцами, равно как и возражения против американского дескриптивизма и глоссематики в работах Фёрса или намеки А. Мартине, направленные против тех же дескриптивистов. Естественно, что и у представителей американского дескриптивизма можно найти немало критических замечаний по поводу теоретических взглядов представителей других, тоже «структуральных» направлений.

Обращает на себя внимание тот факт, что по мере того, как множилось число «структуральных» школ и направлений, критика традиционного языкознания постепенно отходила на задний план и все более существенным становилось определение расхождений по основным лингвистическим вопросам. Немаловажную роль здесь сыграло вовлечение в орбиту исследования все новых лингвистических проблем. В. Скаличка в известной мере был прав, когда указывал, что переход от фонологии к другим лингвистическим вопросам обнаружил расхождения между представителями разных направлений⁵⁹. Действительно, анализ и описание единиц более высоких уровней требовали решения столь существенной лингвистической проблемы, как проблема значения, и вместе с тем определения, в какой мере методы выделения и описания единиц фонологического уровня приемлемы для исследования более высоких уровней. Уже в решении этих проблем обозначились расхождения. Расхождения эти становились еще более значительными при определении задач языкознания, при определении понятия структуры, соотношения языка и речи, наконец при установлении системы необходимых в языкознании приемов и методов анализа.

Расширение области структуральных исследований за счет перенесения новых приемов лингвистического анализа в область сравнительно-исторического языкознания (ср. работы Э. Бенвениста, Е. Куриловича, К. Боргстрёма, Г. Хёнигсвальда, В. Лемана, Ж. Фурке и др.), снимавшее, казалось бы, соссюрговскую антиномию диахронии и синхронии, чрезвычайно, в свою очередь, расширило объем понятий «структуральные методы», «структуральные исследования». Все это способствовало тому, что наряду с четко определенными принципами, отделяющими одно направление от другого, обозначились перекрещивающиеся линии, своеобразные «изоглоссы», то объединяющие, то разъединяющие одни и те же направления.

Наиболее показательным для определения соотношения разных направлений и решения вопроса о том, можно ли выделить

⁵⁹ В. Скаличка писал по этому поводу: «При переходе от фонологии к проблемам языка вообще нас начинает покидать то единомыслие, которое было нам свойственно. Пути отдельных исследователей расходятся» («Копенгагенский структурализм и „Пражская школа“», стр. 94).

общую и единую для структурализма систему теоретических положений, является решение двух проблем: 1) что означает определение «язык есть структура» и 2) как связывается это определение с лингвистическим методом, иными словами, каковы методы анализа и описания языка, рассматриваемого как структура? Как известно, эти два момента выдвигаются чаще всего как общие признаки структурализма⁶⁰. Следует, однако, оговорить, что значимость каждой из этих проблем в лингвистических системах рассматриваемых направлений была отнюдь не одинаковой: для Пражской школы ведущим являлось рассмотрение языка как целенаправленной структуры, вопросы же метода занимали весьма подчиненное положение; для дескриптивистов, наоборот, именно вторая проблема составляла основное содержание их исследований. Неодинаковым было также соотношение обеих проблем в теориях глоссематиков и Лондонской школы.

6

Терминологическое употребление слова «структура» возникает почти одновременно в разных науках. В статье 1933 г. Н. С. Трубецкой писал: «Эпоха, в которую мы живем, характеризуется тенденцией, наблюдаемой во всех научных дисциплинах — заменить атомизм структурализмом и индивидуализм универсализмом (в философском значении этих терминов). Эта тенденция наблюдается в физике, химии, в биологии, в психологии, в экономических науках и т. д.»⁶¹. Ту же мысль повторил несколько позднее В. Брэндалль: «В целом ряде наук появилась необходимость теснее сблизить рациональные связи внутри изучаемого объекта». И далее: «В теории физики, необычайные успехи которой в XX в. хорошо известны (необычайные по своей объединяющей силе внутри науки и по своему особому философскому интересу), изучается в настоящее время не только структура кристаллов и атомов, но даже света»⁶². На терминологическое употребление этого слова в языкознании известно влияние оказала гештальтпсихология, идеи которой обнаруживают зависимость от феноменологии Э. Гуссерля. Немецкий термин *Gestalt*, эквивалентный французскому *structure*, был использован здесь для обозначения некоторых целостных образований, или «форм»,

⁶⁰ Кроме приведенных выше характеристик, ср. еще высказывание Э. Бенвениста на IX Международном съезде лингвистов: «...признали, что язык должен быть описан как формальная структура, но что это описание требует предварительного установления адекватных процедур и критериев и что, в общем, реальность объекта неотделима от метода, необходимого для его определения» (E. Benveniste. *Les niveaux de l'analyse linguistique*, «Preprints of Papers for the Ninth International Congress of Linguists», стр. 491).

⁶¹ N. Trubetzkoy. *La phonologie actuelle*, стр. 245.

⁶² В. Брэндалль. *Структурная лингвистика*, стр. 43.

противопологаемых атомистической трактовке содержания сознания. Gestalt рассматривалось как первичное в содержании психики. Вычленение же отдельных элементов определялось как вторичный процесс. Философская основа этого направления четко выступает в одном из его основных тезисов о пространственных и временных формах как способе существования психических явлений⁶³. Понятие структуры как чистой формы в языкознании соотносится с аналогичными утверждениями в гештальтпсихологии.

Однако уже в те годы понятие структуры получает у разных авторов отнюдь не тождественную интерпретацию. В общих определениях, представленных в трудах по методологии наук, выделяются два варианта: 1) структура понимается широко — как система взаимообусловленных связей; 2) структура рассматривается специально — как схема, отвлеченная от субстанциональной реализации. Так, например, во французском философском словаре уже в 1932 г. структура определяется как «обозначение целого, состоящего, в противоположность простому сочетанию элементов, из взаимообусловленных явлений, из которых каждое зависит от других и может быть таковым только в связи с ними»⁶⁴. В том же словаре под словом *forme* дается краткое изложение структурализма как концепции, согласно которой «явления нужно рассматривать не как сумму элементов, которые прежде всего нужно изолировать, анализировать и расчленивать, но как целостности, состоящие из автономных единиц, проявляющие внутреннюю взаимообусловленность и имеющие свои собственные законы. Из этого следует, что форма существования каждого элемента зависит от структуры целого и от законов, им управляющих».

Иное определение предложено А. Эддингтоном в 1945 г. Согласно этому определению, структура является схемой связей (*relationships*), или, иначе, «она имеет значение (*significance*), которое может быть абстрагировано от подлинной природы того, что является субъектом этих связей. Структура есть объект наших исследований»⁶⁵. В первом случае термин «структура», будучи тождествен термину «система», допускает разное онтологическое толкование и в зависимости от широкого философского контекста может получить и разное философское осмысление; во втором случае содержание термина однозначно, причем выделяются те же признаки, что и в определении структуры в ранних рабо-

⁶³ Критический анализ данной концепции см. в кн.: «Современная психология в капиталистических странах», стр. 90—131.

⁶⁴ «Vocabulaire technique et critique de la philosophie», VIII. Paris, 1932 (цит. по статье: В. Брэндалль. Структурная лингвистика, стр. 43).

⁶⁵ A. Eddington. *New pathway in science*. N. Y., 1935. Цит. по статье: C. F. and F. M. Voegelin. *On the history of structuralizing in 20th century America*, стр. 13.

тах Р. Карнапа, где структура рассматривалась как явление чистой формы и чистых соотношений.

Широкое употребление термина «структура» в системах разных наук, при отсутствии однозначности его интерпретаций не только в терминологии разных наук, но и у разных представителей одной науки, явилось причиной организации в 1959 г. специального международного коллоквиума с участием представителей разных социальных наук⁶⁶. Как показывают материалы этого коллоквиума⁶⁷, в частности вступительная статья Р. Бастида, в настоящее время вычлняются два понимания этого термина: согласно первому пониманию, структура является определением объекта, согласно второму — она представляет собой построение, дающее информацию (*une construction informatrice*) об объекте⁶⁸. Иными словами, для одних исследователей структурность является онтологической характеристикой объекта, для других — элементом эпистемологии или даже эвристическим приемом описания, причем вопрос о степени адекватности этого построения объекту вообще не ставится. Нетрудно заметить, что эти два понимания отражают не терминологические, а гносеологические расхождения.

Признание структурности объекта его онтологической характеристикой отражает познание глубинных связей, присущих самому объекту. Можно было бы здесь сослаться на те примеры, которые часто приводятся как образцы структурного подхода к разным явлениям общественной жизни. Как показывает этнографический материал, структура систем терминов родства, исследованная еще Морганом, представляет собой не только онтологическую характеристику определенной языковой подсистемы, но и позволяет выявить реальные общественные связи и отношения, т. е. найти онтологические характеристики того общественного строя, который обусловил формирование данной языковой подсистемы. Весьма показательны, что во вступительном слове на упоминавшемся коллоквиуме Р. Бастид специально отметил определяющую роль К. Маркса и Ф. Энгельса в формировании структурного понимания явлений общественной жизни⁶⁹.

Здесь структурный подход к объекту означает, следовательно, изучение внутренних связей и зависимостей между элементами, конструирующими данный объект, и определяется самой приро-

---

⁶⁶ Коллоквиум был создан по инициативе «*Dictionnaire technologique des sciences sociales*», который патронировается ЮНЕСКО, и состоялся 10—12 января 1959 г.

⁶⁷ Ср. сб. «*Sens et usages du terme structure dans les sciences humaines et sociales*». 's-Gravenhage, 1962.

⁶⁸ R. Bastide. Introduction à l'étude du mot «structure». — В сб.: «*Sens et usages...*», стр. 15.

⁶⁹ Там же, стр. 11.

дой объекта, его онтологическими характеристиками. В освещении же разных идеалистических течений то, что понимается под структурой объекта, есть результат осуществления определенных операциональных процедур, а вопрос о степени адекватности этих процедур природе объекта объявляется псевдопроблемой, поскольку сами предметы нашего познания рассматриваются как результат тех же построений.

Что касается рассматриваемых лингвистических направлений, то понимание термина «структура» в них неоднозначно; частично структура, особенно в работах 20—30-х годов, отождествлялась с системой. Постепенно намечается тенденция к разграничению этих терминов, но это разграничение реализуется неодинаково в разных работах. Иногда под структурой понимается внутренняя организация системы (так определяется структура в некоторых работах пражцев, а также в упоминавшейся статье Э. Бенвениста), однако возможны и другие принципы разграничения (ср. ниже освещение этого вопроса в Лондонской школе); в последние годы разными учеными (А. А. Реформатский, В. Скаличка) было предложено дифференцировать системные связи между единицами одного уровня и системные связи между единицами разных уровней. Первые определялись как система, вторые — как структура.

Приведенные выше разные философские определения термина «структура» повлияли на понимание этого термина и в лингвистических теснях; однако разная философская интерпретация понятия структуры здесь часто недостаточно четко осознается и формулируется.

Частично различное содержание, вкладываемое в это понятие, связано с определением объекта лингвистической науки, в особенности с отношением к дихотомии *речь — язык*.

Рассматриваемые нами лингвистические направления в зависимости от решения вопроса о речи и языке делятся на две группы: американские дескриптивисты и Лондонская школа резко отрицательно относятся вообще к постановке данной проблемы; наоборот, пражцы, глоссематики, тем более французские и женеvские языковеды дают свое толкование сосюрровской дихотомии. Столь существенное расхождение весьма показательно. Критикуя противопоставление языка и речи, как и определение языка как знаковой системы, З. С. Харрис еще в 1940 г. писал, что «речь является просто физическими событиями, которые мы принимаем за язык, в то время как *langue* — это анализ и построение его исследователем»⁷⁰. Иными словами, объективной реальностью являются данный в опыте речевой отрезок и процедура анализа, основывающаяся на системе постулируемых лингвистических

---

⁷⁰ Z. S. Harris. [Рен.] L. Gray. *Foundation of language*. «Language», 1940, vol. 16, № 3, стр. 228.

понятий и наборе операциональных приемов⁷¹. В связи с этим под системой понимается система описания, а структура чаще всего понимается как построение, модель. Описывая процедуры структурального анализа как объединение в группы всех формальных признаков языка, которые в каком-либо отношении являются подобными, Харрис указывал в цитированной выше работе, что категории и отношения, получаемые в результате подобного анализа, могут быть названы структурой, так как все эти утверждения и классификации даются в терминах специальных единиц (фонемы, морфемы) и существующих между ними отношений.

Еще более определенно те же мысли формулируются в другой работе, где трактуется понятие языковой модели, которая, после того как она подверглась интерпретации или когда ее параметрам были приписаны определенные значения, становится структурой объекта⁷². Показательно также, что содержание дескриптивной лингвистики Э. С. Харрис определял как исследование не речевой деятельности в целом, но лишь некоторых регулярностей признаков речи (т. е. их дистрибуции и аранжировки)⁷³.

Следует, однако, указать, что у представителей дескриптивной лингвистики, в частности у того же Харриса, можно найти и противоположные высказывания, содержащие признание онтологического характера структуры, реально существующей в языке⁷⁴. Подобное противоречие является результатом отсутствия в этом направлении сложившейся лингвистической теории помимо принципов описания и анализа. Частично, возможно, сказалось и более позднее влияние других структуральных направлений, признавших структурность онтологической характеристикой языка, поскольку блумфилдовская концепция языка, являющаяся в значительной степени теоретической основой дескриптивной лингвистики (см. ниже, стр. 39, а также главу III), не оставляла места для таких категорий, как языковая система или структура; ср. известное определение языка, данное Блумфилдом: «Совокупность высказываний, которые могут быть произнесены в речевой общности, и есть язык этой общности»⁷⁵. Определение это не случайно почти тождественно определению языка в работе Г. Пауля «Принципы истории языка» (см. выше,

⁷¹ Z. S. Harris. [Рец.] L. Gray. Foundation of language. «Language», 1940, vol. 16, № 3, стр. 222.

⁷² Z. S. Harris. The transformational model of language structure. «Anthropological Linguistics», 1959, vol. 1, № 1, стр. 27—28.

⁷³ См.: Э. С. Харрис. Метод в структуральной лингвистике. — В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, стр. 154.

⁷⁴ Z. S. Harris. Distributional structure. «Word», 1954, vol. 10, № 2—3, стр. 149.

⁷⁵ Л. Блумфилд. Ряд постулатов для теории языка. — В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, стр. 145.

стр. 12). А. Мартине, примыкающий во многом к Пражской школе, прямо указывал, что это определение языка противоречит структуральному подходу к языковым фактам, ибо для структуралиста наиболее важной является интерпретация наблюдаемых фактов с тем, чтобы таким путем достигнуть языковой реальности⁷⁶. Но такая интерпретация противоречила основным установкам дескриптивной лингвистики с характерным для нее феноменализмом⁷⁷. Поэтому задача лингвиста определялась не как изучение структуры языка, а как структурализация текста. Не случайно в решении этой проблемы намечается известная общность между дескриптивистами и Лондонской школой. Это тем более показательно, что по другим весьма существенным лингвистическим вопросам между этими двумя направлениями существуют коренные расхождения (ср., например, отношение к проблемам социологии языка, определение задач языкознания, приемов анализа языка, отношение к проблеме значения и т. д.).

Фёрс и другие представители Лондонской школы дают крайне противоречивое освещение этой сложной проблемы. Он полагал, что фактическим объектом лингвистической науки должна быть речь индивида. Вместе с тем, стремясь согласовать это положение с той частью своей концепции, где язык рассматривается как проявление общественной природы человека, Фёрс вводит понятие типа или типажа как некоего обобщенного образа человека. С другой стороны, речевому отрезку противостоят у лондонцев понятия системы и структуры как категории, являющиеся результатом анализа речевого отрезка и последующего обобщения и абстрагирования, проделанного исследователем на парадигматическом и синтагматическом уровнях. Вопрос о том, являются ли эти лингвистические категории только схемой научного описания фактов, приемов моделирования или они отражают сущностные характеристики самого языка, не получает здесь удовлетворительного решения. Лондонская школа, как полагает И. Вахек, отрицает онтологическую природу системности языка⁷⁸; вместе с тем Фёрс считал, что язык, как и другие компоненты биологического поведения человека, не может не быть системным. Это предположение принимается, однако, как некая гипотеза, не соотношенная с остальными положениями Лондонской лингвистической школы.

Таким образом, в лингвистических направлениях, наиболее ощутимо связанных с позитивизмом бихевиористского толка, отрицание онтологического характера структурности языка

⁷⁶ A. Martinet. Structural linguistics, стр. 578.

⁷⁷ Ср.: R. Wells. Some neglected opportunities in descriptive linguistics. «Anthropological Linguistics», 1963, vol. 5, № 1.

⁷⁸ J. Vachek. The London group of linguistics. «Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university», 1959, r. VIII (Řady jazykovědné, A), č. 7.

является фактически производным по отношению к общему неверному пониманию объекта лингвистической науки и соотношения языка и речи.

Системность и структурность выступают как онтологическая характеристика языка у пражцев и примыкающих к ним языковедов, в глоссематике и неососсюррианстве (Женевская школа), т. е. в основном в тех направлениях, которые в той или иной форме сохраняют дихотомию: язык — речь. Вместе с тем содержание, вкладываемое в понятие структуры, и в этом случае оказывается неодинаковым. Наиболее резко отличается трактовка структуры у пражцев и в глоссематике, причем различие это обусловлено расхождением этих двух направлений по основным проблемам.

Для глоссематики определяющим являлось общее понимание структуры как явления чистой формы и чистых соотношений⁷⁹. Ключевым для теории языка Ельмслева было утверждение Р. Карнапа, что «каждое научное утверждение должно быть утверждением о соотношениях, не предполагающим знания или описания самих элементов, входящих в соотношения»⁸⁰. Этот эпистемологический принцип неопозитивизма определяет основу теории Ельмслева, выступая фактически как онтологическая характеристика языка. Содержание термина «структура» и рассмотрение языка как объекта лингвистического анализа оказываются, таким образом, тесно связанными. Но язык обозначает у Ельмслева скорее общую модель семиотической системы вообще, чем обобщенную модель естественных языков. Иными словами, хотя Ельмслев и рассматривает текст как исходный объект анализа (так же как это делают дескриптивисты и Лондонская школа), причем значительная часть операциональных процедур в его методе анализа связана с членением текста на все более и более мелкие единицы, — его теория, которую он сам называет абстрактной, имманентной теорией языка, «алгеброй языка», практически является не лингвистической, в обычном понимании этого слова, но общей семиотической теорией, стремящейся до известной степени (так же, впрочем, как и общая семантика Карнапа) занять позиции гносеологии. Не случайно содержание, вкладываемое в понятие языка глоссематикой, ближе к пониманию языка в работах представителей логического позитивизма, чем к лингвистическому осмыслению этого понятия, включая сюда осмысление его всеми прочими структуральными направлениями. Критическая оценка глоссематики должна, таким обра-

---

⁷⁹ Л. Е. Ельмслев. Метод структурного анализа в языке. — В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, стр. 52—53.

⁸⁰ Л. Ельмслев. Там же, стр. 54.

зом, осуществляться скорее с семиотических, чем с языковедческих позиций; но поскольку Ельмслев практически не только стремится дать в своей теории основные положения идеалистической гносеологии в формах, очень близких к неопозитивизму и некоторым идеям неокантианства⁸¹, но и декларирует несостоятельность любой другой лингвистической теории, критика его методики и его онтологии должна осуществляться и с языковедческой точки зрения. К этому обязывают и высказывания других представителей данного направления, рассматривающих глоссематику не только как общую семиотическую теорию, но и как теорию специально естественных языков⁸².

Еще А. Мартине в упоминавшейся выше рецензии на первое изложение глоссематики отмечал неприемлемость многих положений этой теории для других структуральных направлений. О том же писали представители Пражского кружка⁸³. Любопытно, что критиковались в основном те положения, которые по преимуществу были связаны с философией неопозитивизма. Так, А. Мартине возражал против понимания Ельмслевом соотношения формы и субстанции⁸⁴; специально отмечалось значение субстанции плана содержания и плана выражения для выделения единиц и решения вопроса об их тождестве⁸⁵. Мартине резко возражал и против определения объектов как метафизических гипотез.

В статьях представителей Пражского кружка критикуется априорно-дедуктивный характер глоссематики, построенной независимо от языковой действительности, т. е. от системы конкретного языка⁸⁶, ее имманентизм и т. д. Наконец, и глава Лондон-

---

⁸¹ Ср. отрицание реальности объекта, который определяется как точка пересечения пучков взаимозависимостей и отношений; рассмотрение языка как формы, расчленяющей аморфную массу мыслей; отрицание отношения знака к окружающей действительности. Ср. утверждение, что «теория в нашем смысле сама по себе независима от опыта. Сама по себе она ничего не говорит ни о возможности ее применения, ни об отношении к опытным данным. Она не включает постулата о существовании — она представляет собой то, что может быть названо чисто дедуктивной системой» и т. д. (Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка. «Новое в лингвистике», вып. I, стр. 274).

⁸² Ср.: Н. Spang-Hanssen. *Glossematics*. — В сб.: «Trends in European and American linguistics, 1930—1960». Antwerp, 1961, стр. 130—133.

⁸³ Особенно подробно см.: Б. Трнка и др. К дискуссии по вопросам структурализма, стр. 45—46.

⁸⁴ А. Мартине. О книге «Основы лингвистической теории» Луи Ельмслева, стр. 456: «Полное устранение субстанции, разумеется, придает лингвистике, выражаясь словами Ельмслева, гораздо более „научный“, „алгебраический“ вид. Но с полным правом мы можем спросить себя — подобает ли лингвистике такая абстрактность, учитывая, что она должна соответствовать объекту».

⁸⁵ Там же, стр. 456—457.

⁸⁶ Б. Трнка и др. К дискуссии по вопросам структурализма, стр. 45—46.

ской школы Дж. Фёрс возражал против математизации и алгебраизации глоссематики, отмечая ее практическую непригодность для описания языка (имеются в виду «естественные языки»), который сам по себе представляет сложный объект⁸⁷. Представители разных структуральных течений критиковали Ельмслева по преимуществу на основе лингвистических данных, раскрывающих сущность специфики естественных языков со всей их непоследовательностью и избыточностью, с обязательными промежуточными явлениями; глоссематика же, претендуя на роль единой универсальной теории языка, фактически свела на нет принципиальное качественное отличие естественного языка от любого кода⁸⁸, включая и разные типы искусственных языков. Ведь в сущности только код представляет собой ту имманентную, непротиворечивую структуру, познать которую, по утверждению Л. Ельмслева, должна стремиться истинная лингвистическая теория, и только код может быть представлен как схема чистых отношений. Небезынтересно в этой связи, что Р. Карнап, с исчислениями (Kalkül) которого часто сопоставляют «имманентную лингвистическую алгебру»⁸⁹, отмечал специфические особенности естественных языков, не позволяющие их трактовать в том же плане, что и язык формальной логики⁹⁰.

В противоположность глоссематикам с их абсолютизацией структуры как чистой реляционной формы, Пражская школа рассматривала структуру как форму организации языка и соотношения его частей. Особое внимание уделялось изучению структуры «малых систем» конкретных языков. В глоссематике замкнутая и целостная структура изолируется от каких бы то ни было реальных связей; для пражцев проблема соотношения языка и внеязыковой действительности всегда была одной из центральных. С этим связана разработка вопросов социологии языка. Понятие структуры у глоссематиков антисубстанционально и практически не соотносено с качественными особенностями отдельных языков, это абстрактная семиотическая система; для пражцев, так же как и для А. Мартине, качество элементов, входящих в структуру, не иррелевантно. Согласно теории Ельмслева, сам вопрос о соответствии лингвистических единиц, входящих в структуру, чему-либо реальному для теории иррелевантен; у пражцев фонема — это, несомненно, единица, полученная лингвистом в результате обобщения непосредственно

⁸⁷ J. R. Firth. Structural linguistics. — TPS, 1955, стр. 97—99.

⁸⁸ Ср. в этой связи блестящую критику А. Мартине работы Тогебу «Structure immanente de la langue française» («Word», 1953, vol. 9, № 1, стр. 84), где Мартине пишет о неизбежной деградации лингвистики, если будут приняты методы глоссематики.

⁸⁹ Помимо Л. Ельмслева, на это же, в частности, указывал в обзорной статье Х. Спанг-Ханссен. См.: H. Spang-Hanssen. Glossematics, стр. 136.

⁹⁰ Ср.: R. Carnap. Logische Syntax der Sprache. Wien, 1934.

наблюдаемых фактов, т. е. единица, обозначающая реально существующие элементы. С этим связаны и принципиальные различия в самом методе лингвистического анализа (см. ниже). Перед нами не только две принципиально отличные интерпретации термина «структура», но и две разные лингвистические концепции.

Таким образом, сами по себе термины «система» и «структура» настолько широки и общи, что могут получить разную интерпретацию; все определяет более широкий философско-теоретический контекст. Но именно этот контекст оказывается существенно разным в рассмотренных направлениях.

7

Как и в развитии других наук, в языкознании 20-х—начала 30-х годов особенно остро встала проблема метода. Важность данной проблемы определялась рядом причин: новыми требованиями к принципам научного анализа, что являлось (см. выше) характерным в этот период для всех наук, а в языкознании было связано с критическим отношением к индуктивной методике языкознания XIX в.; постановкой новых вопросов общей теории языка: структурность языка, характер его функционирования, соотношение языка и других знаковых систем; в некоторых направлениях (дескриптивная лингвистика, Лондонская школа) преимущественное внимание к методам анализа и описания языка было связано и с работой по изучению и описанию ранее не известных или не описанных разноструктурных языков Америки, Азии, Африки. Следует также отметить и влияние разносторонних связей языкознания с другими науками: акустикой, физиологией, психологией, математикой и т. д.

В разных лингвистических направлениях проблема метода получила разную реализацию; так, можно сопоставить, с одной стороны, стремление приблизить приемы описания и анализа лингвистических исследований к операциональным процедурам математики, отмечаемое уже у Л. Блумфилда, с другой — резко отрицательное отношение к использованию математических методов в Лондонской школе, особенно у ее главы, Фёрса. Неодинаковым было и соотношение эпистемологических и онтологических проблем при решении вопроса о методе. Но общими были некоторые методические принципы: преимущественное осуществление лингвистического описания аналитическим путем, исходя из целого, будь это текст, речевой отрезок, парадигма или такая микросистема, как оппозиция. С этим связано и то внимание, которое обращается в операциональных процедурах на установление тождества лингвистических единиц. Критерии выделения и отождествления единиц разные, но всегда выдвигается требование исходить из структурных, т. е. формальных, собственно языковых фактов, а не из категорий других наук, например

психологии. Различие же определяется разным пониманием принципа структурности, разным пониманием задач лингвистического исследования. «Лингвистика, — писал А. Мартине в рецензии на работу Л. Ельмслева, — начинается тогда, когда с самого начала определяется принцип абстрактности *sui generis* и устанавливается собственно лингвистическая точка зрения — тот единственный подход, который позволит обеспечить, с одной стороны, внутреннее единство науки о языке, а с другой — ее особую автономию среди других наук, изучающих человека»⁹¹. В этом высказывании в наиболее общей форме охарактеризован тот новый подход к объекту лингвистического исследования и те новые требования к лингвистической науке, которые объединяли методические принципы разных структуральных направлений.

В США идеи операционализма в своеобразной прагматической окраске проникли в языкознание через бихевиоризм⁹². Влияние бихевиоризма на лингвистическую концепцию Л. Блумфилда, а через него на широкие лингвистические круги Америки — факт общеизвестный. Л. Блумфилд неоднократно подчеркивал близость «лингвистического механицизма», как он называл свою концепцию в конце 20-х годов, к бихевиоризму А. П. Вейса⁹³. Все общие характеристики языка даются Л. Блумфилдом с позиций бихевиоризма: ср. сведение коммуникативной функции языка к цепи стимулов и реакций, рассмотрение речевой деятельности как одной из форм поведения человека, сведение социальной природы речевой деятельности к процессам одного порядка с биологическими процессами. Позитивизм, общий к бихевиоризму, пронизывает во многом справедливую критику Блумфилдом так называемого ментализма, под которым он понимал как психологизм XIX в., так и фосслеррианство⁹⁴. В значительной степени бихевиоризм определяет и понимание объекта лингвистической науки в работах Блумфилда.

В тридцатые годы Л. Блумфилд сближается с логическим позитивизмом, по преимуществу с критической частью этой теории. Отрицание истинности общих понятий, «идей», ведется в эти годы в терминах логического позитивизма⁹⁵. В терминах логиче-

⁹¹ А. Мартине. О книге «Основы лингвистической теории» Луи Ельмслева, стр. 438.

⁹² Об операционализме в психологии и специально в бихевиористской концепции см. кн.: «Современная психология капиталистических стран», стр. 46—56.

⁹³ См.: А. Р. Weiss. Behaviorism and behavior. «Psychological Review», 1924, vol. 31. Ср. также: Он же. A theoretical basis of human behavior. Ed. 2. Columbus, 1929.

⁹⁴ Ср. критику взглядов Л. Шпицера в работе: L. Bloomfield. Secondary and tertiary responses to language. «Language», 1944, vol. 20, № 2.

⁹⁵ Ср., например: L. Bloomfield. Language or ideas? «Language», 1936, vol. 12, № 2, где он утверждает: «Идеи, понятия — это только непра-

ского позитивизма осуществляется отождествление понятия со словом; в терминах логического позитивизма снимается и проблема соотношения понятий и объективной действительности⁹⁶.

В значительной степени указанными общетеоретическими концепциями определялся и круг вопросов, разработавшихся Л. Блумфилдом, а впоследствии его учениками. Л. Блумфилд был фактически первым языковедом, остро поставившим вопрос о необходимости создать научный метод анализа и описания языка, вернее первым, кто выдвинул эту проблему в качестве основной задачи общей теории языка. Именно стремлением решить эту задачу объясняется и резкая полемика против беспечного отношения к методике лингвистического анализа в большинстве языковедческих работ, особенно в работах так называемых менталистов. С этим связаны и требования, предъявляемые американскими языковедами к языку лингвистических исследований и к лингвистической терминологии.

Основным содержанием лингвистических исследований становится выработка операциональных приемов формализованного анализа и описания как речевых отрезков, данных в высказывании, так и элементов, их конструирующих⁹⁷. Исходными данными являются: а) речевой отрезок; б) система операциональных приемов членения этого отрезка и объединения конструирующих его элементов в классы. Результат — конструируемая языковедом модель. В большинстве исследований качество модели определялось не большим или меньшим приближением к структуре описываемого объекта, не наиболее полным изображением свойств подлежащих изучению явлений, но внутренней строгостью, непротиворечивостью, простотой, максимальной пригодностью для описания разных языков. Это неверное мнение об относительной независимости модели от описываемого объекта выразилось и

вильное истолкование языковых фактов (events)» (стр. 88); ср. также его рассуждения о том, что понятие прямой линии «только традиционный темный синоним для речевой формы» (стр. 95).

⁹⁶ В этой связи необходимо указать, что определение концепции Л. Блумфилда как материалистической [ср., например: L. G. Гау. *Mechanisme et mentalisme en langage*. «Acta Linguistica» (Copenhagen), 1949, vol. V, fasc. 2, стр. 67, где материализм отождествляется с позитивизмом; ср. также: Р. О. Шор. Краткий очерк истории лингвистических учений с эпохи Возрождения до конца XIX в. — В кн.: В. Томсен. История языковедения до конца XIX века. М., 1938, стр. 150] основано на очевидном недоразумении, вернее на недопустимом, хотя и довольно распространенном в некоторых работах, смешении позитивизма с материализмом.

⁹⁷ Ср., например: В. Bloch and G. Trager. *Outline of linguistic analysis*. Baltimore, 1942, где основная задача лингвистики определяется как анализ и классификация фактов речи (стр. 8); ср. также: Ch. Hockett. *A system of descriptive phonology*. «Language», 1942, vol. 18, № 1, где в первом же постулате языковедение определяется как чисто классификаторская наука. Ср. также: Z. S. Harris. *Methods in structural linguistics*. Chicago, 1951, стр. 9.

в популярности тезиса (впрочем, справедливого) о принципиальной возможности построить разные модели одного и того же объекта, например разные модели одной и той же звуковой системы⁹⁸. Принцип моделирования, названный Ф. Хаусхолдером *hocus-rocus approach*⁹⁹, касается не столько модели объекта, сколько модели его описания; иными словами, операциональная процедура выступает фактически как самоцель. Языковой же материал в лучшем случае является известной отправной точкой, в худшем — набором нужных для моделирования единиц.

Именно в этом направлении исследований значительной группы американских дескриптивистов наиболее ясно сказывается отрицательное влияние принципов операционализма (см. выше).

В отличие от Блумфилда, который дал свое, хотя в основном и неверное освещение проблем общей теории языка, представители более позднего этапа развития дескриптивной лингвистики, особенно та группа языковедов, которая относится к так называемой Йельской школе (см. главу III, стр. 187—188), общие вопросы языкознания почти не ставили¹⁰⁰. В этом сказывалось отрицательное отношение к лингвистической онтологии, сугубо операционалистский характер данного направления, в конечном итоге связанный с «антиметафизическими» веяниями неопозитивизма. Ограниченность проблематики выражается и в отказе от анализа всех связей языка с внеязыковой действительностью («непосредственной данностью, объектом является речевой отрезок»), и в исключительно синхронно-статическом аспекте лингвистического анализа. Именно поэтому критическая оценка того нового, что внесло данное направление, определяется рассмотрением техники, приемов лингвистического анализа и результатов, получаемых путем применения данной методики. Разработанные дескриптивистами дистрибутивный метод и метод непосредственно составляющих получили довольно широкое распространение. Однако ограниченность возможностей этих приемов и особенно той формы их применения, которая характерна для многих работ этого направления, вызывали многочисленные критические замечания со стороны языковедов разных направлений. Показательно, что в последние годы и сами дескриптивисты неоднократно вы-

---

⁹⁸ Ср. в этой связи: Z. Harris. *Structural linguistics*, стр. 2, а также: C. F. and F. M. Voegelin. *On the history of structuralising in 20th century America*, стр. 23.

⁹⁹ Ср. рецензию Ф. Хаусхолдера на книгу З. С. Харриса «*Methods in structural linguistics*» (JAL, 1952, vol. 18, № 4, стр. 260—268; см. подробнее главу III, стр. 203).

¹⁰⁰ Ср. в этой связи характеристику дескриптивной лингвистики, данную Р. Уэллом (R. Wells. *Some neglected opportunities in descriptive linguistics*): «...ряд рекомендаций об описании ... техника, метатеория лингвистики» (стр. 38); там же отмечается феноменализм данного направления (стр. 40); ср. также: E. Coseriu. *Forma y sustancia en los sonidos del lenguaje*. Montevideo, 1954, стр. 146.

ступали с критикой сложившейся в этом направлении системы приемов анализа и описания¹⁰¹ (см. гл. III, стр. 238).

Проблема метода занимает центральное положение и в концепции Л. Ельмслева, но здесь она является компонентом общей теории языка. Принципы лингвистического анализа соотнесены в глоссематике с решением основных онтологических и эпистемологических вопросов, связанных с рассмотрением языковой структуры как явления чистой формы и чистых соотношений (см. выше). Глоссематика более полно, чем любое другое лингвистическое направление, отразила стремление к сближению языкознания с математикой; это проявилось не только в чисто дедуктивном характере метода этой теории, но и в связях системы ее операциональных приемов с приемами математической логики.

Сопоставляя теорию описания у американцев и в глоссематике, а также направленность операциональных процедур, можно отметить, при наличии известного сходства, принципиальные и коренные различия. У американцев конечная цель — создать модели описания языка путем выработки определенной системы процедур анализа текста; определение основных лингвистических понятий фактически подменяется набором операциональных процедур. В глоссематике теория направлена на создание такой процедуры, посредством которой объекты, интересующие лингвистику (а таковыми являются тексты), могут быть описаны непротиворечиво и исчерпывающе; создание процедур основывается на системе базисных определений — понятий, получаемых чисто дедуктивным путем; подчеркивается строго дедуктивный характер всей теории, хотя ее объектом и является текст. Общим для обоих направлений является выделение операциональных процедур в качестве важнейшей задачи языкознания: общим является априоризм и связанная с этим математизация операциональных процедур; не случайно имеются тесные связи между математической лингвистикой и дескриптивизмом, с одной стороны, и математической логикой и глоссематикой, с другой. Но вместе с тем имеются и глубокие расхождения: в отличие от дескриптивной лингвистики, либо игнорирующей план содержания, либо не уделяющей ему существенного внимания, глоссематика последовательно опирается на понятие изоморфизма плана выражения и плана содержания; в отличие от дескриптивной лингвистики, глоссематика представляет собой общую теорию языка. Поэтому если для дескриптивной лингвистики система процедур, дистрибуция и аранжировка, т. е. структурализация текста, фактически является конечной целью лингвистического исследования, то для Л. Ельмслева, вопреки его стремлению к номинализму и отрицанию реальности общих понятий, конечная цель — понимание языка как структуры и установление в его пределах постоян-

---

¹⁰¹ Ср. цитировавшиеся выше статьи Вёглинов и Уэллза.

ного и устойчивого. Критерием истинности в обоих случаях является не адекватность теории тому объекту, который она описывает, а качество самих процедур; но большинство дескриптивистов поэтому и утверждает возможность существования разных моделей описания одного и того же объекта, тогда как для Ельмслева возможна только одна непротиворечивая и исчерпывающая теория описания, причем вопрос о соответствии тех единиц, которыми оперирует языковед, некоей реальности полностью снимается, как иррелевантный.

Проблема метода описания и анализа является одним из основных вопросов и в двух других рассматриваемых направлениях, особенно в работах Лондонской школы. Однако постановка этой проблемы даже в Лондонской школе, для которой она является фактически центральной, сильно отличается от эпистемологии глоссематиков и дескриптивистов. Отличие это заключается не только в меньшей формализации исследовательских приемов, но и в отсутствии операционализма, который столь характерен для первых двух направлений, и в наличии совершенно других приемов исследования, обусловленных принципом функционализма, отличающим концепции пражцев и лондонцев, хотя сам функционализм понимался в каждой из этих школ не одинаково. Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые общие моменты объединяют эти два направления вопреки различию их общетеоретических основ.

Как уже отмечалось выше, основой лингвистической концепции главы Лондонской школы Дж. Фёрса был бихевиоризм. Философские корни Пражской школы в прошлом довольно эклектичны, хотя, по-видимому, некоторые из представителей этого направления были несвободны от влияния феноменологии Э. Гуссерля. Влияние бихевиоризма на Лондонскую школу приняло иные формы, чем в американской лингвистике¹⁰². Дж. Фёрсу, главе школы, и его последователям чуждым оказался операционализм, столь характерный для некоторых бихевиористских школ и вслед за ними для американской дескриптивной лингвистики.

С этим связано у лондонцев и резко отрицательное отношение к формализации методики лингвистического описания, в отличие от дескриптивистов, и полный отказ от использования математических методов в языкознании. Влияние бихевиоризма в Лондонской школе отразилось по преимуществу на социологии языка, которая занимает значительное место в теории Фёрса, что и сближает частично его проблематику с проблематикой Пражской школы (см. подробнее главу IV). Фёрс, однако, выделяет на первый план биологическую мотивированность речевой

---

¹⁰² О бихевиоризме как основе лингвистической концепции Фёрса см.: J. Vachek. The London group of linguistics, стр. 107 и сл.; ср. также главу IV настоящей работы.

деятельности, которая рассматривается как особая форма поведения человека. Поскольку же поведение человека сводится к его индивидуальному поведению, то Фёрсу оказывается, по его собственным словам, гораздо ближе лингвистический индивидуализм младограмматиков, чем соссуровское понимание социального аспекта языка.

Что касается методики лингвистического анализа, то она является одной из центральных проблем и этой теории, хотя методические принципы здесь совершенно иные. Определяя задачи языкознания в свете своей концепции, Фёрс писал о создании общелингвистической теории, применимой к описанию конкретных языков, а не теории универсалий для общелингвистического описания¹⁰³. Методика здесь, как и в Пражской школе, направлена на наиболее полное выявление функционального аспекта языковых явлений, с чем связан и основной методический принцип Лондонской школы — контекстуализация (подробнее см. главу IV). При этом язык описывается не в терминах мельчайших единиц, полученных в результате обработки текста на основе определенных процедур, а в терминах лингвистических категорий — структур и систем, представляющих собой основные типы лингвистического моделирования. То, что понимают под структурой и системой лондонцы, ближе всего к принципам системного анализа пражцев, для которых на первый план выдвигается анализ малых систем на любом языковом уровне, причем функциональная валентность тех или иных единиц определяется их местом в данной малой системе. Между тем понятия системы и структуры в этом значении совершенно иррелевантны для дескриптивных моделей языка и для теории языка Л. Ельмслева. Вместе с тем для лондонцев, а отчасти и для пражцев функционализм не означает отказа от формальных критериев; напротив, формальные критерии служат основанием для выделения тех отношений, которые затем получают функциональное осмысление, что означает установление их функциональной релевантности. Этим обусловлено, в частности, и требование изучения языкового значения формальными методами, которые одни могут претендовать на объективность (см. главу IV).

8

Сопоставление, хотя и весьма краткое, методологии и методики лингвистического анализа в разных структуральных направлениях приводит к выводу о наличии общности лишь в некоторых тенденциях, но не в основных конкретных принципах и положениях.

---

¹⁰³ J. R. Firth. A synopsis of linguistic theory. 1930—1955. — SLA, стр. 21.

Две наиболее показательные для рассматриваемых направлений проблемы — проблема метода и понятие структуры, как показывает сопоставительный анализ, получают отнюдь не тождественное решение. Расхождения связаны с разным отношением к вопросам онтологии языка, включая проблему языка и речи (см. выше), и разным пониманием содержания и задач языкознания как науки. И в этом отношении намечаются серьезные различия. У дескриптивистов и глоссематиков языкознание сводится к теории описания и анализа языка; напротив, лондонцы, а особенно пражцы, помимо описания и интерпретации языковой структуры *suī generis*, стремятся дать анализ связей языка с языковой действительностью. Функционализм этих двух направлений тесно связан с изучением социальной природы языка как целенаправленной деятельности человека. Речь идет, таким образом, не о частностях, а о расхождениях в решении основных проблем лингвистической теории.

Общим для всех четырех направлений является: 1) антимладограмматическая направленность; 2) утверждение, что синхронное изучение языка является основной задачей языкознания; 3) стремление изучить и описать факты языка прежде всего как особого явления; 4) связанная с этим формализация лингвистического анализа и поиски объективных методов изучения и описания языка; 5) структурная стратификация языка и понятие уровня. Однако выделение этих общих пунктов требует следующих оговорок: разрыв с младограмматической традицией отнюдь не во всех направлениях проявляется в одинаковой степени: лондонцы сохраняют связь с индивидуализмом младограмматиков, а резко выраженный феноменализм дескриптивистов соотносен с позитивизмом тех же младограмматиков; понимание доминирующей роли синхронного изучения языка принципиально различно у дескриптивистов и пражцев; степень формализации лингвистического исследования отнюдь не одинакова, и вряд ли можно говорить о большой близости методов глоссематики и Лондонской школы или пражцев и дескриптивистов; стремление изучать факты языка *suī generis* реализовалось столь же различно, сколь различно было и само понимание объекта языкознания.

С другой стороны, антимладограмматическая направленность и утверждение, что синхронное изучение языка является основной задачей языкознания, отнюдь не могут рассматриваться как особенность структуральных направлений; они характеризуют и далекую от структурализма лингвистическую школу Л. Вейсгербера. Что же касается пунктов 3 и 4, то они содержат весьма общие характеристики, конкретизация которых зависит от онтологических и методологических предпосылок.

Как показывает сопоставительный анализ, направления, объединяемые термином «структурализм», не составляют единого целого. Слишком глубоки различия в трактовке основных вопросов

лингвистической науки. Вместе с тем то общее, что выделяется в результате сравнения, является в значительной степени знаменем современного этапа развития лингвистической науки. Стремление найти наиболее объективные методы анализа в описании, обращение к изучению структуры языка как специфической системы выражают, несомненно, прогрессивные тенденции в нашей науке. Но вопрос заключается в том, как реализуются эти тенденции и какие конкретные формы они получают. В этой связи существенно уточнение следующих положений.

Выделение лингвистических единиц и их отождествление, анализ цепи взаимозависимостей, обеспечивающих функционирование языка, действительно наиболее полно осуществляются прежде всего в условно выделенном синхронном срезе, однако превращение этого методического принципа в онтологическую характеристику языка (что наблюдалось, например, у Ельмслева) искажает его специфику, форму существования данного объекта.

Изучение языка *suī generis* для постижения сущностных его характеристик является необходимым условием построения лингвистической теории. На определенном этапе анализа в целях более полного описания внутриязыковых закономерностей возможна изоляция языковой структуры от внеязыковых связей. Однако этот эвристический прием не искажает социальной специфики языка лишь в том случае, если он не переносится в сам язык и не превращается в сущностную характеристику языка (ср. теоретическую платформу Ф. де Соссюра, глоссематиков, американских дескриптивистов). Лингвистическая теория должна исходить из всесторонней характеристики своего объекта; социальная природа языка, закономерности его функционирования, а следовательно, и его соотношение с мышлением, являются основными и важнейшими компонентами этой характеристики.

Поиски точных методов изучения и описания языка — условие развития лингвистической науки. Вопрос о том, каковы должны быть эти методы, все еще остается дискуссионным даже в пределах рассмотренных направлений. Степень и характер формализации лингвистического анализа и описания зависят от задач, стоящих перед исследователем, и от того, какой аспект языка подвергается анализу. Однако определяющим в решении эпистемологических и методологических вопросов является максимальное приближение создаваемых моделей к сущностным характеристикам изучаемого объекта — языка, существующего вне исследователя и независимо от него. Превращение методики лингвистического анализа в самоцель, сведение задач языкознания к выработке системы операциональных процедур не только неправомерно суживает проблематику лингвистической науки, но и является следствием ошибочных гносеологических и методологических предпосылок.

ПРАЖСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Т. В. Булыгина

Исторические предпосылки возникновения
и общетеоретические основы Пражской школы

Пражская школа обычно рассматривается как одно из трех основных направлений современного лингвистического структурализма (наряду с американским дескриптивизмом и глоссематикой Ельмслева)¹. Следует иметь в виду определенную условность этого подразделения. Творческий расцвет деятельности Пражской школы как особого направления с четко выраженной программой и ясно очерченной системой взглядов относится к десятилетию, предшествовавшему началу второй мировой войны. После войны среди чешских лингвистов наблюдается ревизия прежних взглядов и в целом ряде случаев отход от старых позиций. Многие видные представители Пражской школы вне пределов Чехословакии также в значительной степени отделились от ее первоначальных принципов. Вместе с тем влияние Пражской школы можно обнаружить во всех современных структуральных течениях² (в том числе и в таком относительно независимом от европейского структурализма направлении, как американский дескриптивизм)³.

¹ См., например: A. Martinet. *Structural linguistics*. — В сб.: «*Anthropology today*». Chicago, 1953; О. С. Ахманова. Основные направления структурализма. М., 1955; С. К. Шаумян. О сущности структурной лингвистики. — ВЯ, 1956, № 5, стр. 39; К. Хансен. Пути и цели структурализма. — ВЯ, 1959, № 4, стр. 94; В. А. Звегинцев. Глоссематика (датский структурализм). — В кн.: «История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях», ч. II. М., 1960, стр. 37—38; B. Kelemen. *Școala lingvistică descriptivă americană*. «*Cercetări de lingvistică*», Anul VII, 1, 1962, стр. 59 и др.

² См., например: A. Sommerfelt. *The French school of linguistics*. — В сб.: «*Trends in European and American Linguistics. 1930—1960*». Antwerp, 1961, стр. 283.

³ Ср.: Э. Хауген. Направления в современном языкознании. «Новое в лингвистике», вып. I. М., 1960, стр. 245; L. Hermodsson. *Gamla och nya vägar i språkforskningen*. «*Moderna språk*», 1961, vol. LV, № 2, стр. 125.

Считая, что под названием «Пражская школа» кроется понятие скорее хронологическое, чем географическое, правильнее всего было бы, видимо, рассматривать ее как особый этап в развитии структурализма. Именно так оценивают Пражскую школу в самой Чехословакии, ср.: «История Пражской лингвистической школы, быстро завоевавшей мировое признание, а ныне всеми признанной в качестве второго этапа развития современной лингвистики (после швейцарской школы де Соссюра и перед американским дескриптивизмом и копенгагенским структурализмом), до сих пор ждет подробного освещения...»⁴.

Впрочем, изучение теоретического наследия Пражской школы представляет интерес не только в плане истории языкознания, но и потому, что многие важные положения, выдвинутые пражскими структуралистами и иногда не получившие дальнейшего развития в конкретных исследованиях, не утратили своей актуальности и в настоящее время. Вместе с тем знакомство с лингвистической концепцией пражцев опровергает довольно распространенное, но слишком поверхностное представление о структурализме тех исследователей, которые, стремясь охарактеризовать это течение в его целостности, часто приписывают ему черты, свойственные лишь отдельным структуральным школам и не связанные непосредственно с самой природой структурализма⁵.

Как и другие направления европейского структурализма, пражская лингвистика с самого начала своей деятельности противопоставила свою концепцию принципам наиболее влиятельного в то время младограмматического течения, знаменем которого были эмпиризм, индуктивный метод, эволюционизм, историзм. В Чехословакии младограмматическое направление было представлено школой профессора Я. Гебауэра, которая считала своей главной задачей сбор и систематизацию материала для исторической грамматики и словаря чешского языка и совершенно сознательно избегала каких бы то ни было обобщений или смелых гипотез, которыми изобилует, например, курс истории русского языка, созданный акад. А. А. Шахматовым. Современники рассказывают,

⁴ K. Hausenblas. K sedmesátinám akad. B. Havránka. — SaS, 1963, г. XXIV, č. 1, стр. 3 (разрядка моя. — Т. Б.). Ср. также замечания Ч. Хоккета о «Пражской фазе» («the Trubetzkoy phase») в истории фонологической теории, без которой «более новая фонология» (развиваемая, в частности, в Америке) была бы так же невозможна, как современная геометрия без евклидовой: Ch. Hockett. [Рец.] A. Martinet. Phonology as functional phonetics. «Language», 1951, vol. 27, № 3, стр. 342.

⁵ Существование некоего «инварианта» структурализма может, впрочем, вызывать сомнения. Однако при всем различии между отдельными структуральными направлениями все же можно обнаружить некоторые общие для них черты — см., например, определение этих «инвариантных» признаков структурализма в недавней работе Э. Бенвениста: E. Benveniste. «Structure» en linguistique. — В сб.: «Sens et usages du terme structure dans les sciences humaines et sociales». 's-Gravenhage, 1962, стр. 38—39.

что Гебауэр решительно выступал против разработки вопросов общего языкознания, против каких бы то ни было дискуссий, которые, по его мнению, должны были завершать конструктивную работу. Любые возражения, даже по частностям, сурово осуждались⁶. «Естественно поэтому, — писал Р. О. Якобсон вскоре после организационного оформления Пражской школы, — что этот крайний позитивизм и этот фанатический культ изолированных фактов должен был вызвать радикальную реакцию. И вот Прага, которая в начале века была ареной ученой микрологии, стала центром проницательной теоретической мысли»⁷.

Таким образом, возникновение Пражской школы было связано не только с общими тенденциями мировой науки⁸, но и со специфическими условиями, существовавшими в самой Чехословакии.

Центром деятельности Пражской школы стал организованный в 1926 г. Пражский лингвистический кружок (Pražský lingvistický kroužek)⁹, в котором вокруг чешского лингвиста профессора Вилема Матезиуса (1882—1945) объединилась группа исследователей славянских и германских языков и литератур, борющихся за структурный и функциональный подход к языкознанию и литературоведению и вообще к семиологии. Кроме таких чешских филологов, как В. Матезиус, Б. Трнка, Б. Гавранек, Й. Вахек, Я. Мукаржовский, позднее — В. Скаличка, Й. Коржинек (1899—1945) и др., в состав кружка входили русские лингвисты: Н. С. Трубецкой, профессор в Вене (1890—1938), Р. О. Якобсон, в 20—30-е годы профессор в Праге, в настоящее время — в Гарвардском университете, и Сергей Карцевский (1884—1955), работавший главным образом в Женеве¹⁰.

---

⁶ См.: R. Jakobson. La scuola linguistica di Praga. «La Cultura» (Milano), 1933, A. XII, fasc. III, стр. 633 и сл.

⁷ Там же, стр. 635.

⁸ См. подробнее, например: N. Trubetzkoy. La phonologie actuelle. «Journal de psychologie normale et pathologique», vol. XXX. Paris, 1933, стр. 245—246; B. Trnka. Jazykozpyt a myšlenková struktura doby. — SaS, 1947, r. X, č. 2, стр. 73 и сл.; V. Mathesius. La place de la linguistique fonctionnelle et structurale dans le développement général des études linguistiques. — SMF, 1931, r. XVIII, č. 1, стр. 1 и сл. (несколько более краткий вариант под названием «Kam jsme dospěli v jazykozpytu» см. в кн.: V. Mathesius. Čeština a obecný jazykozpyt. Praha, 1947; русск. перевод в кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, стр. 86 и сл.). — Об отношении современной науки к науке прошлого века (в связи с анализом исторической обусловленности структурного языкознания) см., например: В. Н. Топоров. О некоторых аналогиях к проблемам и методам современного языкознания в трудах древнеиндийских грамматиков. «Краткие сообщения Ин-та народов Азии АН СССР», т. VII. М., 1961, стр. 123 (там же литература по этому вопросу).

⁹ Историю создания кружка живо излагает В. Матезиус в юбилейной статье «Deset let Pražského lingvistického kroužku» (SaS, 1936, r. II, č. 3).

¹⁰ С 1929 по 1939 г. Пражский лингвистический кружок издает собственные «Труды»: «Travaux du Cercle linguistique de Prague», а с

Характерной особенностью Пражской школы было — во всяком случае в начале ее деятельности — относительное единство взглядов. Возникший в 1926 г. как свободная ассоциация, Пражский лингвистический кружок в 1929 г., во время I Съезда славистов, представлял собой уже дисциплинированную организацию с точными программными тезисами и с собственным уставом, в котором, между прочим, кружок открыто провозгласил, что деятельность члена кружка, которая развивалась бы не в соответствии с программой функционального и структурного исследования, повлекла бы за собой исключение его из организации¹¹.

В борьбе с некоторыми положениями младограмматического направления пражцы могли опереться на целый ряд близких им мыслей, содержащихся в учении де Соссюра, «которое он молчаливо противопоставил принятым мнениям»¹². Так, несомненно, большую роль в деле «реабилитации» синхронного изучения языков в их современном состоянии сыграло обоснованное Соссюром требование различать диахронную и синхронную точки зрения, из которых, по его мнению, только последняя позволяет установить системность существующих в языке элементов. В этом отношении, как и во многих других отношениях, пражцы считали своим предшественником также Бодуэна де Куртене, уже в 80-х годах прошлого столетия настаивавшего на правомерности синхронного способа рассмотрения языка¹³. Следует, однако, отметить, что мнение относительно важности синхронного языкового исследования (как и некоторые другие положения, выдвинутые Пражской школой) было связано и с собственно чешской лингвистической традицией и высказывалось отдельными представителями Пражской школы задолго до ее организационного оформления и даже до опубликования «Курса» де Соссюра¹⁴. Так,

---

1935 г. — ежеквартальник «Slovo a slovesnost», также обозначенный в подtitule как «журнал Пражского лингвистического кружка». Издание журнала было прекращено в 1944 г. и возобновлено в 1947 г. До 1953 г. «Slovo a slovesnost» официально является еще органом ПЛК, а начиная с XIV тома, вышедшего в 1953 г., окончательно переходит, в связи с организационным распадом кружка, в ведение Чехословацкой Академии наук.

¹¹ См. подробнее об отличиях Пражского лингвистического кружка, отвергнувшего «практику парламента различных направлений», от традиционного типа научных обществ в цитированной статье Якобсона «La scuola linguistica di Praga» (стр. 636).

¹² Л. Ельмслев. Язык и речь. — В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, стр. 57, прим. 1.

¹³ Ср., например: V. Mathesius. Ziele und Aufgabe der vergleichenden Phonologie. «Xenia Pragensia». Praha, 1929, стр. 433.

¹⁴ Ср.: J. Vachek. Dictionnaire de linguistique de l'École de Prague. Utrecht—Anvers, 1960, стр. 5; V. Mathesius. Deset let Pražského lingvistického kroužku, стр. 137; R. Jakobson. Die Arbeit der sogenannten «Prager Schule». — BCLC, 1936—1937, III, стр. 6, и в особенности: Он же. La scuola linguistica di Praga, стр. 637.

В. Матезиус, еще во время своих университетских занятий интересовавшийся больше горизонтальным срезом языка, чем вертикальным, подробно обосновывает в докладе о потенциальности языковых явлений важность изучения современной речи и необходимость движения в языкознании от статики к динамике¹⁵. Этот тезис был имплицитно выражен в трудах немецкого профессора в Праге А. Марти о безличных предложениях¹⁶, а программное положение о необходимости систематической дифференциации «статической» (т. е. синхронической) лингвистики от «исторической» было впервые сформулировано с большой четкостью Т. Г. Масариком¹⁷.

В отличие от Женевской школы пражский структурализм с самого начала своей деятельности отверг учение де Соссюра относительно непреодолимости преград между синхронным и диахронным анализом. Одним из крупнейших достижений Пражской школы лингвистов явился тезис о том, что диахронии и синхронии в равной мере присущ системный характер¹⁸. В вопросе о взаимоотношении этих двух аспектов изучения языка концепция Пражского лингвистического кружка, несомненно, более близка взглядам Масарика, чем соссюрианской точке зрения, — ср. соответствующий раздел «Тезисов ПЛК», где говорится о том, что «нельзя воздвигать непреодолимые преграды между методом синхроническим и диахроническим... Если в синхронической лингвистике элементы системы языка рассматриваются с точки зрения их функций, то о претерпеваемых языком изменениях нельзя судить без учета системы, затронутой этими изменениями»¹⁹, и высказанные Масариком в 1885 г. мысли о том, что «лингвистика подчинена общему правилу, согласно которому изучение эволюции любого предмета должно быть связано с изучением самого предмета... Тот, кто не знает предмет сам по себе, не поймет его эволюции»²⁰.

Представители Пражской школы неоднократно подчеркивали, что отличие их теории от младограмматической концепции состоит не в том, что пражский структурализм недооценивает важность исторического исследования языка, а в том, что функцио-

---

¹⁵ См.: V. Mathesius. O potenciálnosti jevů jazykových. «Věstník Královské české společnosti nauk», 1911.

¹⁶ A. Marty. Über subjektlose Sätze und das Verhältnis der Grammatik zu Logik und Psychologie. «Gesammelte Schriften», Bd. II. Halle, 1918.

¹⁷ См. подробнее: Р. Якобсон. Масарик о языке. «Центральная Европа», I (III), № 5. Прага, 1930.

¹⁸ Э. А. Макаев. Синхрония и диахрония и вопросы реконструкции. — В сб.: «О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков». М., 1960, стр. 145.

¹⁹ «Тезисы Пражского лингвистического кружка». — В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, стр. 70.

²⁰ Цит. по статье Р. Якобсона «Масарик о языке» (стр. 275).

нальный структурный анализ признаётся необходимым и в области диахронии²¹. В то же время пражские структуралисты провозгласили невозможность исключить понятие эволюции из синхронного описания²², считая «серьезной ошибкой рассматривать статику и синхронию как синонимы»²³. В конкретных синхронических исследованиях пражские лингвисты всегда обращали внимание на такие диахронические явления, как стилистические элементы, воспринимаемые как архаизмы, или различие между продуктивными и непродуктивными формами²⁴.

Полемизируя с точкой зрения Соссюра, склонного исключить время из синхронического исследования, Б. Трнка очень четко определил пражское понимание различия между методами «аналитического сравнения» и сравнительно-исторической грамматики: «В чем же принципиальное отличие этих двух методов? Это не время, как думал де Соссюр, основатель Женевской школы, которое элиминируется в синхроническом исследовании в противоположность диахроническому; решающим моментом является цель исследования. Синхронный метод используют тогда, когда сравнивают лингвистические системы независимо от того, представляют ли они последовательные стадии одного и того же языка или стадии родственных либо неродственных языков. Делая это, поступают, как при сравнении двух или нескольких картин: об-

---

²¹ B. Trnka. Synchronie a diachronie v strukturálním jazykozpytu. — SMF, 1933, r. XX, č. 1, стр. 62. — Ср. также замечания В. Матезиуса в рецензии на работу В. Скалички «Zur ungarischen Grammatik»: «...структурная лингвистика Пражской школы считает, правда, наиболее важной задачей решение синхронических проблем, которые школа младограмматиков совершенно игнорировала, за исключением фонетики, но она также отдает себе отчет в том, что научное познание языка в его целостности возможно только при сочетании синхронного и диахронного методов» (V. Mathesius. Pokus o teorii strukturální mluvnice. — SaS, 1936, r. II, č. 2, стр. 48).

²² «Тезисы Пражского лингвистического кружка», стр. 70.

²³ R. Jakobson. Prinzipien der historischen Phonologie. — TCLP, 4, 1931, стр. 264. — На протяжении своей последующей деятельности Якобсон сохранял верность этому положению; ср., например, его замечания о том, что «любое состояние языка является синхронным, но не статическим» («Results of the Conference of Anthropologists and Linguists». Приложение к IJAL, vol. XIX, № 2. Baltimore, 1953, стр. 17—18). Ср. также замечания о постоянном движении в языке в заключительном слове Б. Гавранка на дискуссии, посвященной научному познанию современных языков: В. Наврәнек. Závěrečný projev. — VPSJ, стр. 284.

²⁴ Так, Трубецкой четко разграничивает «живые» и «мертвые» типы звуковых чередований (les types «vivants» et les types «morts») в морфологии, устанавливая, например, для «морфонема» *k/č* или *x/š* в современных славянских языках возможность быть только конечным элементом морфем (см. русск. *рука:ручной, ухо:ушной*), несмотря на наличие таких исторически связанных морфем, как *коса — чесать, ходить — шедший* (*kosa:česati, ходiti:šedšii*) и т. п., которые для современного языкового сознания представляют собой уже независимые формы (см.: N. S. Trubetzkoy. Sur la «morphologie». — TCLP, 1, 1929, стр. 85, 86).

рашают внимание на цвет, контуры, отношение частей к целому, выявляют сходства и различия и стремятся увидеть в представленных деталях проявление определенных тенденций. Когда же пользуются историческим методом, сравнение преследует совершенно иную цель: речь идет уже не о сравнении систем или особенностей внутри этих систем, но о реконструкции прообраза, из которого происходят исследуемые копии, или о том, чтобы сопоставить функционально эквивалентные черты оригинала и копии. . .»²⁵

Пражские структуралисты восприняли и творчески переработали и другую основную идею теории де Соссюра — концепцию языка и речи. В фонологических трудах Трубецкого эта дихотомия стала основой разделения науки о звуках на фонологию и фонетику²⁶. В работах других представителей Пражской школы концепция Соссюра получила своеобразное преломление.

Как известно, Соссюр полагал, что язык (*la langue*) — это непосредственно доступное данное, которое следует искать в мозгу говорящего, и поэтому, обособленный от речи (*la parole*), он составляет конкретный по своей природе предмет, доступный обособленному же изучению²⁷. В этом, по мнению многих лингвистов, заключается основной недостаток соссюровской концепции языка²⁸. Языкознание едва ли может, как требует Соссюр, «с самого начала встать на почву „языка“ (*la langue*) и его считать нормой для всех прочих проявлений речевой деятельности»²⁹. Лингвист может проникнуть в область языка лишь при помощи ряда умозаключений. Единственное положительное данное, на которое лингвист может направить свои разыскания, — это речь или письменный текст. Исходным пунктом для лингвиста может быть только то, «что системно», а не сама «система». Поэтому кажется, что З. С. Харрис прав, возражая в своей рецензии на «Основы фонологии» Трубецкого против выдвижения «двух объектов возможного исследования» — *Sprechakt* (речь) и *Sprachgebilde* (структура языка)³⁰. Однако едва ли справедливо относить этот

²⁵ В. Трнка. *Méthode de comparaison analytique et grammaire comparée historique*. — TCLP, 1, 1929, стр. 35—36.

²⁶ См. ниже, стр. 60—62.

²⁷ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 39, 42 и др.

²⁸ Ср., например: А. Reichling. *What is general linguistics*. «Lingua», 1948, 1, стр. 15; E. Buyssens. *Les langages et le discours*. Bruxelles, 1943, стр. 47; С. Н. Borgström. *The technique of linguistic descriptions*. «Acta Linguistica» (Copenhagen), 1945—1949, vol. V, fasc. 1, стр. 5, где автор упрекает Соссюра в смешении объектов «мета-исследования» и «основного» (непосредственного) исследования.

²⁹ Ф. де Соссюр. Указ. соч., стр. 34.

³⁰ Z. S. Harris. [Рец.] N. S. Trubetzkoy. *Grundzüge der Phonologie*. «Language», 1941, vol. 17, № 4, стр. 343. — В статье «Über eine neue Kritik des Phonembegriffes» (см. «Archiv für vergleichende Phonetik», Bd. I, 1937, стр. 133—134). Трубецкой говорит о языке и речи как о двух различных объектах исследования вполне эксплицитно.

упрек вообще к «терминологии Пражской школы», как это делает Харрис. Пражская концепция языка и речи не является простым воспроизведением концепции Соссюра.

Наиболее близкую Трубецкому (и Соссюру) позицию занимал В. Скаличка, для которого язык (языковая система) и составляет собственный объект структурной грамматики, отличающейся в этом отношении от грамматики «дескриптивной» (т. е. описательной), которая имеет дело с речью и является столь же необходимой базой для структурной грамматики, как фонетика — для фонологии³¹. В работах Е. Коржинка, А. Артимовича, В. Матезиуса нашло отражение, однако, иное понимание соотношения между соответствующими понятиями.

Так, Коржинек в ряде работ выступал против противопоставления языка и речи как коррелятивных понятий лингвистической теории. Согласно его пониманию, «соотношение между языком и речью представляет собой просто отношение между научным анализом, абстракцией и синтезом, классификацией и интеграцией, с одной стороны, и некоторыми явлениями действительности, выступающими как объект этого анализа, абстракции и т. д., — с другой»³².

Впрочем, в отличие от некоторых представителей йельского направления американского структурализма³³, Коржинек не отождествляет «язык» как лингвистическую теорию с объективно (независимо от лингвиста) существующей структурой, которая «просвечивает сквозь языковую действительность» (конкретные речевые акты) и к идентичности с которой, как к некоей идеальной, но полностью недостижимой цели, и стремится лингвистика. Речь в концепции Коржинка предстает как единственная непосредственная данность, лежащая между объективной, но недоступной для непосредственного восприятия языковой структурой (которая является необходимой основой всех индивидуальных высказываний) и языковой структурой как результатом основанного на этих высказываниях научного анализа. Сходные идеи развивает А. Артимович, подчеркивающий в то же время временной

³¹ См. хотя бы: V. Skalička. Zur ungarischen Grammatik. Praha, 1935. — Позднее Скаличка пришел к выводу о необходимости специальной «лингвистики речи» (a linguistics of la parole, parolová lingvistika); см. его интересную работу «The need for a linguistics of la parole» («Recueil linguistique de Bratislava», vol. I. Bratislava, 1948).

³² J. M. Kořínek. Einige Betrachtungen über Sprache und Sprechen. — TCLP, 6, 1936, стр. 23—24; см. также: Он же. Úvod do jazykospytu. Bratislava, 1948, стр. 9—32.

³³ Ср. замечания Вахка по поводу утверждения Харриса, что языковая структура (соссюровский langue) — это только научное упорядочение фактов, существующих в конкретных речевых актах, утверждения, из которого, по мнению Вахка, явствует, что «понятие языка как системы ценностей, où tout se tient, целиком чуждо Харрису... и всем значительным представителям Йельской группы» (J. Vachek. Yaleská škola a strukturalistická fonologie. — SaS, 1948, r. XI, č. 1, стр. 36).

приоритет языка по сравнению с речью, которая является лишь реализацией языка, в то время как язык — лишь возможность речи³⁴.

То же понимание лежит в основе грамматической концепции В. Матезиуса, считавшего естественным порядком лингвистического исследования «движение от речи как чего-то, что дано нам непосредственно, к языку как к чему-то, что хотя и имеет идеальное существование, но что мы можем познать лишь косвенным образом (*sekundárně*), либо при столкновении с отклонениями от нормы, либо при помощи системного и абстрагирующего научного анализа»³⁵.

Близкой точки зрения придерживаются и современные представители пражского структурализма, считающие, что «язык (*langue*) следует понимать как абстрактную систему норм, которая является необходимым условием взаимопонимания, однако не имеет самостоятельной формы существования и может быть познана только на основе конкретных языковых высказываний»³⁶.

С разграничением языка и речи, языковой «ценности» и речевого явления тесно связаны в лингвистической концепции пражцев «принцип абстрактной релевантности», теоретически обоснованный и выдвинутый на первый план К. Бюлером³⁷, и понятие функции, пронизывающее все области многосторонней деятельности пражцев³⁸ (см. ниже). Это понятие потребовало введения телеологической точки зрения, в которой пражцы видели основное отличие своей концепции от теории де Соссюра³⁹. В подчеркивании необходимости телеологического подхода больше всего сказалось влияние некоторых философских течений начала века, хотя, разумеется, связь пражского структурализма с каким-либо

---

³⁴ A. Artymovič. O potenciálnosti jazyka. — SaS, 1935, r. I, č. 3, стр. 148 и сл. — В этой связи уместно привести справедливые замечания Э. Косериу относительно ложности или, по крайней мере, неправильной постановки вопроса о «первичности» языка или речи, если решать его, приписывая одному из полюсов предшествование во времени: «в одном смысле язык как историческое условие языковой деятельности предшествует речи; в другом смысле речь как свободная творческая деятельность предшествует языку» (Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история. «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 169).

³⁵ V. Mathesius. Pokus o teorii strukturální mluvnice, стр. 49. Ср.: Он же. On the systematic analysis of grammar. — TCLP, 6, 1936.

³⁶ B. Havránek, K. Horálek, V. Skalička, P. Trost. Что нового внесла структурная лингвистика в историческое и сравнительно-историческое изучение славянских языков? «Сборник ответов на вопросы по языкознанию» (к IV Международному съезду славистов). М., 1958, стр. 52.

³⁷ См., например: K. Bühler. Phonetik und Phonologie. — TCLP, 4, 1931.

³⁸ См.: N. Trubetzkoy. Über eine neue Kritik des Phonembegriffes, стр. 135.

³⁹ Там же.

определенным направлением психологии или логики отнюдь не так непосредственна и очевидна, как в случае американского дескриптивизма⁴⁰.

Наименование «Пражская школа» было, кажется, впервые (по свидетельству Й. Вахка⁴¹) употреблено на Первом международном фонетическом конгрессе, состоявшемся в Амстердаме летом 1932 г.⁴², секретарем Международного комитета лингвистов Й. Схрейненом⁴³. Однако Пражский лингвистический кружок выступал с систематическим изложением своих взглядов уже и раньше. Многие положения, выдвинутые Пражским лингвистическим кружком, связаны, как уже отмечалось, с чешской лингвистической традицией и встречаются у отдельных представителей Пражской школы задолго до организации кружка. Все же, вероятно, наиболее целесообразно датировать возникновение Пражской лингвистической школы в собственном смысле этого понятия — как это предлагает Й. Вахек в цитированном предисловии к «Пражскому терминологическому словарю» — со времени появления первых работ Пражского лингвистического кружка, носивших коллективный характер. Таким первым коллективным выступлением членов Пражского лингвистического кружка на международной арене явилось участие в работе Первого международного конгресса лингвистов, состоявшегося по инициативе голландских лингвистов Неймегенского католического университета в 1928 г. в Гааге. Взгляды ПЛК относительно «наиболее целесообразных методов полного практического анализа языка» были выражены в девяти из предложенных съезду тринадцати тезисов по этому вопросу (кроме четырех членов ПЛК, на этот вопрос ответили только два представителя Женевской школы — Балли и Сешэ — и гамбургский профессор Хестерманн)⁴⁴. С еще большей полнотой и систематичностью программа ПЛК была изложена через год в тезисах, предложенных Первому международному съезду славистов, состоявшемуся в Праге в 1929 г.⁴⁵

⁴⁰ Ср.: A. Martinet. Structural linguistics, стр. 578.

⁴¹ См.: J. Vachek. Dictionnaire de linguistique de l'École de Prague, стр. 5.

⁴² См.: «Archives néerlandaises de phonétique expérimentale», 1933, VIII—IX = «Proceedings of the International Congress of Phonetic Sciences» (Amsterdam, 3—8 July, 1932), стр. 25.

⁴³ Ср. сообщение об этом факте в заметке В. Матезиуса «Funkční linguistika» (SaS, 1940, г. VI, č. 2, стр. 112).

⁴⁴ См. тезисы о фонологии, подписанные Р. О. Якобсоном, Н. С. Трубецким и С. Карцевским, и о «лингвистической характерологии», подписанные В. Матезиусом, в кн.: «Actes du Premier Congrès international de Linguistes, à la Haye du 10—15 avril 1928». Leiden, [1930], стр. 33—64.

⁴⁵ См.: «Thésés». — TCLP, 1. Prague, 1929; русск. перевод см. в кн.: В. А. Звегинцев. История языковедения XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, стр. 69—85. — Э. Бенвенист, исследуя историю поня-

Основной идеей этих тезисов являлось представление о языке как о функциональной системе, т. е. как о «системе средств выражения, служащей какой-то определенной цели». Из этого представления вытекала необходимость подходить к языковому анализу с функциональной и телеологической точки зрения, т. е. оценивать любое языковое явление с точки зрения той функции, которую оно выполняет, и той цели, к которой оно направлено⁴⁶. Это была, собственно, целая программа новой лингвистики, предложившая оригинальное решение вопроса о соотношении диахронии и синхронии, указавшая новые возможности применения сравнительного метода (не только в отношении родственных языков), выдвинувшая перед лингвистикой новые задачи исследования «функциональных стилей», связавшая телеологический подход с проблемой «культуры речи» и т. п.

Однако особенно большое значение для развития структурного языкознания имел обоснованный пражцами структурно-функциональный подход к анализу звуковой стороны языка, которая в течение «классического периода» деятельности Пражской школы (со времени первого конгресса лингвистов до начала второй мировой войны) оказалась в центре внимания Пражского лингвистического кружка. «Пожалуй, не является преувеличением сказать, — писал в другой связи Р. Якобсон, — что включение понятия фонемы в науку о языке стало поворотным пунктом в ее развитии и решающим образом повлияло не только на способ исследования фонетических проблем, но и на всю лингвистическую методологию»⁴⁷. И действительно, в связи с тем, что во время творческого расцвета Пражской школы интересы ее представителей были сосредоточены главным образом на фонологических исследованиях (подобно тому, как принципы младограмматиков были вначале также наиболее систематично и наиболее успешно применены при анализе звуковой области языка), именно фонологии, этой созданной пражцами науке, удалось — взамен декларативных утверждений о системности языка — наглядно продемонстрировать плодотворность применения в конкретном языко-

---

тия «структура» в языкознании, видит в предложениях Якобсона, Трубецкого и Карцевского Гаагскому съезду лингвистов «первое выражение» структуральной доктрины, а в «Тезисах» 1929 г. — «подлинный манифест, открывающий собой деятельность Пражского лингвистического кружка» (E. Benveniste. «Structure» en linguistique, стр. 34).

⁴⁶ Одно из самых ранних обоснований необходимости телеологического подхода в лингвистике было предложено в докладе Р. Якобсона, прочитанном в январе 1927 г. в Пражском кружке и в кратком виде опубликованном под названием «O hláskoslovném zákonu a teleologickém hláskoslovi» (CMF, 1928, r. XIV; англ. перевод см. в кн.: R. Jakobson. Selected writings, vol. I. 's-Gravenhage, 1962, стр. 1—2).

⁴⁷ R. Jakobson. Kazańska szkoła polskiej lingwistyki i jej miejsce w światowym rozwoju fonologii. — BPTJ, z. XIX. Wrocław—Kraków, 1960, стр. 3.

вом анализе идеи Ф. де Соссюра о том, что в языке действительно важными являются не звуки и значения сами по себе, а отношения между звуками и значениями. Систематические исследования фонологических структур разных языков, доказывавшие, что «материальное содержание... фонологических элементов менее существенно, чем их взаимосвязь внутри системы»⁴⁸, вскрыли не только то, что материально (фонетически) различные звуки могут в одном языке выступать в качестве различных фонем, а в другом — в качестве одной фонемы, но что и сама фонологическая характеристика двух фонетически тождественных звуков, которые в обоих сравниваемых языках могут быть самостоятельными фонемами, является неодинаковой и полностью зависит от системы противопоставлений, действующей в каждом языке⁴⁹.

Таким образом, существенным здесь оказывалось не утверждение того, что в языке некоторые явления каким-то образом связаны между собой, и даже не констатация того факта, что определенные явления образуют «систему» (это понятие не было чуждо и младограмматикам⁵⁰: ван Вейк, например, утверждал⁵¹, что понятие фонологической системы существовало уже у лингвистов XIX в., особенно у Бругмана, против чего резко возражал Трубецкой), а то, что при фонологическом анализе стали исходить из системы. Фундаментальное эпистемологическое различие между констатацией наличия звуковой системы и понятием фонологической системы в пражском понимании этого термина состоит в том, что в первом случае любое, пусть общее, утверждение обо всех звуках языка, о его «артикуляционной базе» или

⁴⁸ «Тезисы Пражского лингвистического кружка», стр. 72.

⁴⁹ Ср., например, сравнительный фонологический анализ фонетически тождественных звуков [k] в немецком и адыгейском языках: если для немецкой фонемы существенными признаками оказываются: 1) образование полной смычки (в отличие от *ch*), 2) выключение полости носа (в отличие от *ŋ*), 3) напряженность (в отличие от *g*) и 4) участие спинки языка (в отличие от *t*, *p*), то фонологическое содержание соответствующей адыгейской фонемы оказывается гораздо богаче, так как в него входят: 1) глухость (по противопоставлению с *g*), 2) слабость (по противопоставлению с сильным, или геминированным, *k*), 3) инфраглоттальная экспирация (по противопоставлению с гортанным *k*), 4) нелабиальность (по противопоставлению с лабиальным *k⁰*), 5) переднеязычность (по противопоставлению с заднеязычным *q*), 6) дорсальность (по противопоставлению с апикальным *t*). См.: N. S. Trubetzkoy. Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsystem. — TLCP, 1, 1929, стр. 40.

⁵⁰ Ср. об «эмпирическом понятии системы» в деструктурной лингвистике и о связанных с ним понятиях, имеющих параллели в структурализме, в статье: E. Vuysens. Origine de la linguistique synchronique de Saussure. «Cahiers F. de Saussure», 18, 1961 (2. La notion de système, стр. 18—26).

⁵¹ N. van Wijk. De moderne phonologie en de omlijning van taalkategorien. «De Nieuwe Taalgids», 1932, XXVI, стр. 65.

даже обо всех звуках определенного типа может быть только синтезом достаточного количества частных исследований, посвященных изолированным звукам, в то время как фонологи, как раз наоборот, к отдельным фонемам приходят от целой системы и рассматривают изолированные элементы как части этого целого. Вот именно в таком аналитическом⁵² направлении исследования и состоит основная особенность «универсалистского», или «структурального», метода, положенного в основу пражской фонологии.

В центр внимания пражских фонологов встала, таким образом, проблема различения функционально релевантных и нерелевантных фактов, т. е. вопрос о том, «каким образом звуковая материя используется для лингвистических целей, особенно для целей взаимной коммуникации»⁵³.

Фонология

Различение фонетических и фонологических явлений свойственно всем направлениям структурализма, и на практике все, кто делает различие между звуками и фонемами языка, обычно имеют в виду одно и то же (ср. замечание А. Мартина: «...несмотря на глубокие теоретические различия, в значительной мере существует практическое согласие между структуралистами, по крайней мере — в некоторых областях, так что, например, описание фонем, подготовленное любым сторонником определенной школы, может

---

⁵² В ранних работах пражцев определение «аналитическое» (исследование) употребляется как синоним «структурального» — см., например, одну из первых программных работ по фонологии, принадлежащую перу основателя Пражского лингвистического кружка: V. Mathesius. *Ziele und Aufgaben der vergleichenden Phonologie*, стр. 435 («...die Methode der strukturalen oder analytischen Vergleichung...»). Трубецкой в статье 1932 г., называя структурный метод также и «универсалистским», имеет в виду именно аналитическое направление исследования в отличие от прежних «синтетических» методов (см.: N. Trubetzkoy. *La phonologie actuelle*, стр. 233—234). Кстати, как видно из приведенных цитат, термин «структуральный» употребляется представителями Пражской школы с самого начала ее возникновения (о «структуральном принципе фонологической системы» речь идет уже в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» 1929 г., в которых, кажется, впервые — во всяком случае, на французском языке — и употребляются термины «структуральный» и «структура»; см.: E. Benveniste. «Structure» en linguistique, стр. 34, 35).

⁵³ J. Vachek. *Professor Daniel Jones and the phoneme*. «Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario a discipulis et circuli linguistici pragensis sodalibus oblata». Prague, 1932, стр. 28. — Заметим мимоходом, что точка зрения тех, кто склонен обвинять структурализм в «формализме», лишена оснований, потому что функционализм, т. е. постоянное внимание к дифференциации значимых и незначимых звуковых различий, скорее диаметрально противоположное, чем тождественное «формализму» понятие. А такой подход не только не противоречит структурализму, но прямо вытекает из структурного понимания языка, т. е. понимания языка как системы, в которой все взаимно связано.

часто быть вполне использовано учеными другой школы с минимальной реинтерпретацией, хотя принципы, лежащие в основе, покажутся столь различными, что может возникнуть впечатление невозможности какого бы то ни было сотрудничества»⁵⁴). Однако в теоретических предпосылках разных фонологических школ имеются существенные различия, которые в конечном счете могут отразиться и в практике анализа.

Наиболее полно и систематично взгляды Пражской школы в области фонологии изложены в капитальной работе Н. С. Трубецкого «Основы фонологии»⁵⁵, представляющей, правда, лишь первую часть широко задуманного труда, в который автор собирался включить, между прочим, и фонологические характеристики разных языков⁵⁶. Поэтому, несмотря на то, что сотрудники и последователи Трубецкого не всегда разделяли его мнение в отношении некоторых более или менее важных деталей его фонологической концепции, представляется целесообразным подробнее остановиться именно на этом фундаментальном труде, отмечая во всех необходимых случаях моменты несовпадения взглядов Трубецкого с точкой зрения других представителей Пражской фонологической школы.

В основе фонологической концепции Н. С. Трубецкого лежит мысль о методологической противоположности фонетики и фонологии, явившаяся результатом синтеза учения де Соссюра о языке и речи и идей Бодуэна де Куртене, который провозгласил принципиальное различие между звуками человеческого языка и звуковыми образами, из которых состоят слова, и вывел из этого утверждения (в отличие от де Соссюра и других предшественников фонологии, обращавших внимание на наличие в языке звуковых противопоставлений двух родов, но не сделавших из этого наблюдения никаких методологических выводов⁵⁷) необходимость разделения «физиофонетики», или «антропофоники», и «психофонетики»⁵⁸.

Обоснование требования строжайшего отделения фонетики от фонологии, провозглашенного вначале с лингвистических позиций,

---

⁵⁴ A. Martinet. *Structural linguistics*, стр. 575.

⁵⁵ N. S. Trubetzkoy. *Grundzüge der Phonologie*. — TCLP, 7, 1938. Русск. перевод: Н. С. Трубецкой. *Основы фонологии*. М., 1960.

⁵⁶ Из них одна («Das mordwinische phonologische System verglichen mit dem russischen») вышла уже раньше в «Charisteria» (стр. 21—24), а другая, неоконченная, в восьмом томе трудов ПЛК, посвященном памяти Трубецкого (N. S. Trubetzkoy. *Aus meiner phonologischen Kartothek. I. Das phonologische System der dunganischen Sprache*. — TCLP, 8, 1939, стр. 22—26).

⁵⁷ См.: N. S. Trubetzkoy. *La phonologie actuelle*, стр. 227 и сл.

⁵⁸ См. подробнее: R. Jakobson. *Kazaňska szkoła...*, стр. 8 и сл.; А. А. Леонтьев. *Творческий путь и основные черты лингвистической концепции И. А. Бодуэна де Куртене*. — В сб.: «И. А. Бодуэн де Куртене». М., 1960, стр. 12.

а затем получившего известное гносеологическое толкование⁵⁹, в «Основах фонологии» уже полностью освобождено от элементов психологизма, которые встречались в ранних работах Трубецкого⁶⁰, испытавших на себе влияние «психофонетической» школы Бодуэна де Куртене, и исходит теперь из сосюрковского различения «langue» и «parole»⁶¹. (У Трубецкого этим понятиям соответствуют бюлеровские «das Sprachgebilde» и «der Sprechakt»). Необходимость применения в фонетике и фонологии различных методов (первая дисциплина должна, по мнению пражских фонологов, использовать чисто физические методы естественных наук, в то время как вторая должна пользоваться собственно лингвистическими методами или — шире — методами общественных наук), постулировавшаяся и в более ранних работах Трубецкого и его соратников⁶², связывается теперь с различием самих

⁵⁹ См.: D. S u ž e v s k y j. Phonologie und Psychologie. — TCLP, 4, 1931, стр. 3—22; K. B ü h l e r. Phonetik und Phonologie. — Там же, стр. 22—53.

⁶⁰ Ср., например: «Противоположение между фонетическим и фонологическим рассмотрением языковых звуков является фундаментальным... В противоположность фонетике, которая является естественной наукой и занимается звуками человеческой речи, предметом фонологии является фонема или звуковое представление человеческого языка, и поэтому она — часть языкознания» (N. S. T r u b e t z k o u. Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme. — TCLP, 1, 1929, стр. 39). В наиболее резкой форме понимание, соответствующее бодуэновскому «фонема — психический эквивалент звука», выражено, пожалуй, в следующем определении фонемы, которое Трубецкой дает в 1931 г.: «Фонемы языка — это звуковые намерения, находящиеся в языковом сознании и реализуемые в звуках речи» («Actes du Deuxième Congrès international de Linguistes, Genève, 25—29 Août 1931». Paris, 1933, стр. 109). Постепенный отказ от психологической терминологии у Трубецкого происходил под влиянием других представителей Пражской школы (см., например: J. V a c h e k. What is phonology? («English studies», 1933, XV) и «внешних» критиков первоначального варианта его фонологической концепции (ср.: W. F. T w a d d e l l. On defining the phoneme. Baltimore, 1935).

⁶¹ Уже в «Проекте фонологической терминологии» («Projet de terminologie phonologique standardisée». — TCLP, 4, 1931, стр. 309) находим намеки на подобную ассоциацию этих двух дихотомий, хотя термин «parole» там не фигурирует (фонетика связывается с «langage», а фонология — с «langue»). Первым, кто сопоставил фонетику и фонологию соответственно с членами сосюрковской дихотомии, был, кажется, голландский последователь Пражской школы А. В. де Гроот — см.: A. W. d e G r o o t. Phonologie und Phonetik als Funktionswissenschaften. — TCLP, 4, 1931 (ср., впрочем, отнесение звука к речи, а «звукопредставления» — к языку в работе: N. S. T r u b e t z k o u. Polabische Studien. Wien, 1930, стр. 130). Впоследствии точность соответствия фонологии и фонетики сосюрковским «langue» и «parole» подвергалась сомнению — среди многих также и лингвистами, близкими к пражской фонологии (см., например, опубликованные недавно лекции Р. Якобсона, прочитанные в Копенгагенском университете в мае 1939 г.: «Zur Struktur des Phonems». — В кн.: R. J a k o b s o n. Selected writings, I, 1962, особенно стр. 284—286, а также замечания А. Мартине в его рецензии на «Grundzüge» Трубецкого — BSL, t. 42, fasc 2. Paris, 1946, стр. 24—25).

⁶² См., например: J. V a c h e k. What is phonology?; стр. 81; ср. также: «Projet de terminologie phonologique standardisée», стр. 309—310.

объектов этих двух «наук о звуках»: фонетика занимается конкретными речевыми актами, а фонология — системой языка, лежащего в основе всех бесчисленных речевых актов.

Следует отметить, что если все представители Пражской фонологической школы полностью разделяли мнение о необходимости четкого методического разграничения фонетики и фонологии, то проблему взаимоотношения этих двух дисциплин некоторые из них решали иначе, чем Трубецкой. Так, например, скептическое отношение к тому, что фонетика и фонология действительно являются двумя самостоятельными науками, характерно для одного из старейших членов Пражского лингвистического кружка, Богумила Трнки, который указывал, что невозможно решить эту проблему, не затрагивая проблемы критериев самостоятельности отраслей науки и не выяснив сложного вопроса о точном соотношении языка и речи. По мнению Б. Трнки, если допустить, что обе эти стороны речевой деятельности находятся в отношении конкретной (всегда индивидуальной) формы к абстрактным правилам, то из этого вытекает, что фонетика и фонология имеют не только общий исходный пункт (т. е. общий объект — Т. Б.), но и общую конечную цель. Поэтому Б. Трнка определяет соотношение фонетики и фонологии таким образом: «Если исследование идет от формы к абстрактным правилам, то оно находится в области фонологии; если, напротив, оно идет от абстрактных правил к конкретной форме, то оно ведется на почве фонетики», и другими словами: «Фонетик предполагает языковую систему и стремится к исследованию ее индивидуальной актуализации, фонолог же исследует, что в индивидуальной речи является функциональным, т. е. коллективно важным, и устанавливает элементы, определяемые по их отношению к целой языковой системе». Признание единственным отличием фонетики от фонологии лишь противоположного направления исследования устраняет вопрос о границах области фонетических и фонологических явлений⁶³.

Возвращаясь к решению данной проблемы в «Основах фонологии», заметим, что впечатление простоты и четкости предлагаемого определения объекта фонологии несколько нарушается тем, что в дальнейшем Трубецкой относит к сфере фонологии только то, что принадлежит к плоскости «сообщения», хотя и в плоскости «выражения» и «обращения»⁶⁴ можно выделить, наряду

⁶³ См.: B. Trnka. O současném stavu bádání ve fonologii, I. — SaS, 1940, г. VI, č. 3, стр. 165—166. — Ср. весьма похожие выводы об общем объекте и общей цели фонетики и фонологии, к которым приходит Ингерид Дал в статье «Phonologie und Sprachwissenschaft» («Studia Linguistica», Année IV, 1950, № 1—2), содержащей, между прочим, ошибочные замечания относительно того, что точка зрения Трубецкого по рассматриваемому вопросу «была некритически воспринята его коллегами и учениками» (стр. 1).

⁶⁴ В выделении этих трех аспектов каждого языкового выражения (т. е. «Ausdruck», «Appel» и «Darstellung») Трубецкой следует за Бюлеров-

с явлениями, относящимися к действительности речи, явления, относящиеся к действительности языка⁶⁵.

Собственно фонологией Трубецкой называет, таким образом, только «репрезентативную фонологию»⁶⁶. Последняя разделяется на три части, предметом которых являются соответственно кульминативная функция звука (указывающая, какое количество «единиц», т. е. слов или словосочетаний, содержится в предложении), дельмитативная функция (указывающая границу между двумя единицами: морфемами, словами, устойчивыми словосочетаниями) и дистинктивная, или смыслоразличительная, функция, обнаруживающиеся в экспликативном аспекте языка⁶⁷. В дальнейшем изложении Трубецкой, однако, отклоняется от этого подразделения: из двух первых функций звука в «Основах фонологии» особый раздел посвящен только дельмитативной функции⁶⁸, в то время как исследование различных типов ударения, имеющего, по Трубецкому, кульминативную функцию, включено — без каких бы то ни было ссылок на вводную классификацию⁶⁹ — в обширный раздел, названный «Учение о смыслоразличении», предметом которого является наиболее важная и необходимая для понимания дистинктивная функция⁷⁰.

ской «моделью органа языка»; см.: К. Бюлер. Теория языка. — В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, стр. 25; Он же. Структурная модель языка. — Там же, стр. 29—30.

⁶⁵ Впрочем, такое решение довольно подробно аргументируется, см.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 22—35.

⁶⁶ Этот перевод немецкого «darstellende Phonologie», любезно подсказанный А. А. Реформатским, несомненно, гораздо удачнее термина «экспликативная фонология», предложенного в русском издании «Основ фонологии».

⁶⁷ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 36—37 («Предварительные замечания»).

⁶⁸ См. там же, стр. 299—325.

⁶⁹ На это несоответствие между основным изложением и «Предварительными замечаниями» обратил внимание Б. Грнка: В. Грнка. O současném stavu bádání ve fonologii, I, стр. 168. — С некоторыми критическими замечаниями относительно кульминативной и разграничительной функций, содержащимися в этой статье, трудно, однако, согласиться. Так, как кажется, лишено основания недоумение автора статьи по поводу отделения функции первого рода от функции второго рода (стр. 67—68): о слиянии этих двух функций можно, по-видимому, говорить лишь в отношении языков определенного типа (ср., например, чешский язык, где функция ударения, постоянно находящегося на первом слоге, действительно является одновременно и «вершинообразующей» и «разграничительной») — подобно тому как в языках со свободным типом ударения оно несет не только кульминативную функцию, но может также принимать участие и в функции смыслоразличения (русск. *мука* — *жу́ка*; англ. *billow* — *below* и т. п. — см. подробнее, например, работу французского последователя Пражской фонологической школы: А. Martinet. Phonology as functional phonetics. London, 1950, стр. 12).

⁷⁰ См.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 38—299.

В выдвижении смыслоразличительной функции на первый план, вообще характерном для пражских фонологов, можно видеть влияние Бодуэна де Куртене и его школы, хотя в определении единиц смыслоразличения Трубецкой полностью отказывается от психологизирующей бодуэновской терминологии, подчеркивая теперь в первую очередь негативный, оппозиционный характер фонологических единиц (недаром соответствующий раздел фонологии называется в «Основах» *Unterscheidungslehre*).

Основным понятием «Учения о смыслоразличении» является понятие оппозиции. Определение фонологической (в отличие от нефонологической, или несмыслоразличительной) оппозиции⁷¹ соответствует определению этого понятия в «Проекте стандартизованной фонологической терминологии»⁷². Через фонологическую оппозицию определяется понятие фонологической единицы («член фонологической оппозиции»⁷³), являющееся, в свою очередь, основой определения фонемы («фонологическая единица, неразложимая во времени» или «фонологическая единица, которую с точки зрения данного языка невозможно разложить на более краткие следующие друг за другом единицы»⁷⁴). Эти определения также в общем совпадают с определениями, предложенными «Проектом»⁷⁵, — с той разницей, что с фонемой связывается теперь понятие неразложимости во времени (это уточнение явилось, вероятно, результатом критических замечаний и предложений по адресу содержащегося в проекте определения фонемы со стороны разных представителей Пражской школы⁷⁶). Весьма существенной представляется здесь оговорка «с точки зрения данного языка», показывающая, что Трубецкой отдавал себе отчет в возможном несовпадении понятий фонологической и «субфонологической» симультанности и линейности⁷⁷ — ср. имеющие прямое отношение к различению соответствующих понятий интересные соображения Трубецкого о [y:] в нем. *Bühne*: «Долгое [y:] нельзя представлять себе как ряд кратких [y]. Конечно, с фонетической точки зрения это [y:] представляет собой некоторый

⁷¹ См. там же, стр. 38.

⁷² См.: «Projet de terminologie phonologique standardisée», стр. 311.

⁷³ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 41. — И. Вахек считал, что аналогичное определение «Проекта» нуждается в уточнении. См. его предложения в статье: J. Vachek. Phonemes and phonological units. — TLCP, 6, 1936, стр. 239.

⁷⁴ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 42.

⁷⁵ См. «Projet de terminologie phonologique standardisée», стр. 311.

⁷⁶ См., например: V. Skalička. K otázkám fonologických protikladů. «Listy filologické», LXIII, 1936, стр. 133—139 и в особенности: J. Vachek. Phonemes and phonological units, а также: Он же. More thoughts on phonemes and phonological units. «Sborník Matice Slovenskej», XV, 1937.

⁷⁷ Термины, употребленные в другой связи (а именно в связи с анализом возможности синтагматической идентификации фонем на базе коммутации или субституции) С. К. Шаумяном (см.: С. К. Шаумян. Проблемы теоретической фонологии. М., 1962, стр. 110—111).

промежуток времени, заполненный артикуляцией [у]. Однако, если попытаться заполнить часть этого отрезка времени другой вокалической артикуляцией, то мы не получим другого немецкого слова (Väine, Vüane, Viüne, Vuüne и др. в немецком языке невозможны). Именно с точки зрения немецкой фонологической системы долгое [у:] неразложимо во времени»⁷⁸.

Однако и в последней предложенной Трубецким редакции приведенное определение фонемы не удовлетворяло некоторых пражских фонологов, выступавших против идеи о фонологической неразложимости фонемы. «Следует решительно возразить Трубецкому (относительно его определения фонемы. — Т. В.), — писал Б. Трнка, — так как основными фонологическими элементами являются релевантные (дистинктивные) признаки, на которые разлагаются фонемы и которые сами могут иногда различать слова⁷⁹, а не фонемы, представляющие собой совокупное целое, образованное комбинацией этих свойств...»⁸⁰; «...фонемы не представляют собой простейших элементов, неспособных к дальнейшему делению, но являются суммами определенных дистинктивных признаков, на которые они разлагаются и которыми они отличаются друг от друга»⁸¹.

С содержащимся в этих высказываниях представлением о релевантных признаках фонемы как о реальных (и в определенном смысле самостоятельных) фонологических элементах, как кажется, следует согласиться, учитывая, в частности, тот факт, что оно соответствует и данным исторической фонологии, которые говорят о том, что при эволюции звуков речь обычно идет об изменении в комбинации дистинктивных черт, а не о тотальном изме-

⁷⁸ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 42.

⁷⁹ На оппозиции типа англ. bad—pad, где в качестве минимального различия (или «диакритики интеллектуального значения», по терминологии К. Бюлера, — см.: «Proces-verbaux des séances». — TCLP, 4, 1931, стр. 295) выступает не пропорция b : p, а «звонкость: 0» (т. е. дифференциальный признак), некоторые пражские фонологи уже обращали внимание. См., например: V. Skalička. K otázkám fonologických protikladů, стр. 13.. и, в особенности, работы Й. Вахка, который в статье «Phonemes and phonological units» впервые указал (в частности, в связи с такими оппозициями) на неадекватность определения фонологической единицы, предложенного «Проектом стандартизованной фонологической терминологии».

⁸⁰ В. Трнка. O současnem stavu bádání ve fonologii, I, стр. 169.

⁸¹ В. Трнка. O fonologických cizostech v češtině. — SaS, 1942, г. VII, č. 1, стр. 23. — Эти определения, так же как и последнее определение фонемы, предложенное в статье: В. Трнка. Určování fonému. «Acta Universitatis Carolinae». Philologica et historica. Pragae, 1954, стр. 19, 21, 22, в которое вводится, правда, новое понятие «контрастности» (чеш. kontrastovost; термин был употреблен Трнкой впервые несколько раньше — см. его работу: «Rozbor nynější spisovné angličtiny». Praha, 1953, стр. 9) восходят к определению Р. Якобсона (см.: R. Jakobson. Fonéma. «Ottův slovník naučný nové doby», II, 1. Praha, 1932, стр. 608), которое нужно сказать, вполне сочувственно цитирует и Трубецкой («Основы фонологии», стр. 45).

нении, или, пользуясь терминологией Мартине, что всякая различительная артикуляция может изменяться независимо от других артикуляций, в сочетании с которыми она образует отдельные фонемы, причем таким образом, что в это изменение включаются все фонемы, имеющие в языковой системе данную дифференциальную черту⁸².

Об определенной «автономности» дифференциальных признаков свидетельствует также и само определение понятия оппозиции (не только фонем, а вообще лингвистических знаков). Ведь если под оппозицией понимать соотношение двух форм или функций, частично совпадающих и частично различающихся своими составными элементами⁸³, то придется признать, что хотя элемент формы или функции (признак, «*marque*» — в частности, дифференциальный признак фонемы) существует лишь постольку, поскольку он является различительным элементом оппозиции, сама оппозиция, с другой стороны, существует лишь в силу разложимости сопоставляемых знаков, т. е. в силу существования определенных элементов формы (или функции) знака. Действительно оппозитивными поэтому можно признать не фонемы, а именно дифференциальные элементы, так как только эти последние являются членами противопоставления в собственном смысле слова, которое, как впервые со всей четкостью указал голландский философ Х. Пос, отличается от всех прочих отношений тем, что нельзя мыслить одну единицу, не имея в виду другую⁸⁴. Поэтому, кстати сказать, следует объяснять недоразумением критику бинарной теории Якобсона, основанную на наблюдении часто встречающегося факта не двоичных, а, например, троичных отношений, связывающих определенные фонемы. Впрочем, в этом недоразумении повинны сами пражские фонологи, присоединившиеся к содержащемуся в «Курсе» де Соссюра определению фонем как «элементов относительных, оппозитивных и негативных»⁸⁵, в то время как это определение может относиться только к дифференциальным элементам: ведь (говоря в более общем плане) не сам объект в своей целостности предполагает свою противоположность, а лишь каждый из его признаков. В связи с этим «трихотомии», приводимые, например, А. А. Реформатским в опровержение бинарной теории (типа

⁸² Ср.: В. Трка. *O současném stavu bádání ve fonologii*, I, стр. 169, и особенно: А. Мартине. *Принципы экономики в фонетических изменениях*. М., 1960, стр. 106—107 (раздел «Различительный признак как единица изменения»).

⁸³ Ср. общее определение оппозиции любых двух знаков или двух групп знаков в статье: А. W. de Groot. *Neutralisation d'oppositions*. «*Neophilologus*», Jg. 25, 1940, стр. 131.

⁸⁴ Н. Пос. *Perspectives du structuralisme*. — TCLP, 8, 1939, стр. 76.

⁸⁵ В переводе А. М. Сухотина: «...взаимно противопоставленных, взаимно относительных и взаимно отрицательных» (см.: Ф. де Соссюр. *Указ. соч.*, стр. 118).

к — г в русском языке, π — β в греческом)⁸⁶, никак не относятся к тому, что «взрывность» *k* противостоит только «фрикативности», а «глухость» — только «звонкости», подобно тому, как *x* противопоставлено опять же дихотомически по признаку фрикативности/смычности фонемам *k* и *g* одновременно. Следующие замечания Якобсона, связанные с доказательством разложимости фонемы на дистинктивные признаки (в работе, уже не относящейся к пражскому периоду его деятельности⁸⁷), достаточно определенно разъясняют его позицию в вопросе о выдвинутом им ранее⁸⁸ принципе обязательной бинарности языковых отношений: «Только на уровне дистинктивных признаков лингвистический анализ позволяет нам доказать истинность кардинального сосюрковского утверждения о фонологических единицах как прежде всего *entités oppositives*. Фонема сама по себе не является членом оппозиции. Так, например, фонема *b* не вызывает неоднозначно, непременно и необходимо представления об определенной противоположности, в отличие от любого дистинктивного признака. Нельзя представить себе дистинктивную напряженность без ненапряженности, высокой тональности без низкой... или, как уже указал Сосюр, наличия назальности без ее отсутствия и *vice versa*. Дихотомический принцип приложим здесь в полной мере»⁸⁹.

При большом разнообразии определений фонемы, предложенных различными представителями Пражской школы, всех их объединяло признание семантической функции фонемы в качестве ее основной, внутренней функции. Это признание отражено в конкретной процедуре анализа, сформулированной Трубецким в виде ряда «правил выделения фонемы». Четыре правила, выдвинутые им для «различения фонем и вариантов»⁹⁰ (таким сокращенным способом Трубецкой обозначает решение вопроса о том, являются ли два объективно различных звука реализацией одной и той же или двух различных фонем), предусматривают две возможности, с которыми может встретиться исследователь: 1) два звука встречаются в одной и той же позиции и 2) два звука никогда не встречаются в одной и той же позиции.

⁸⁶ А. А. Реформатский. Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонематическая модель языка. — В сб.: «Вопросы теории языка в современном зарубежном языковедении». М., 1961, стр. 111.

⁸⁷ R. Jakobson. On the identification of phonemic entities. «Recherches structurales» (TCLC, V). Copenhagen, 1949.

⁸⁸ См.: R. Jakobson. Observations sur le classement phonologique des consonnes. «Proceedings of the Third International Congress of Phonetic Sciences, held at the University of Ghent 18—22 July 1938». Ghent, 1939.

⁸⁹ R. Jakobson. On the identification..., стр. 208.

⁹⁰ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 52.

В первом случае решающую роль играет способность звуков замещать друг друга, не меняя при этом значения слова: если звуки обладают такой способностью, то они, будучи лишенными наиболее существенной функции фонемы, являются факультативными вариантами одной фонемы (правило первое)⁹¹, а если взаимная замена влечет за собой изменение значения слова или его искажение до неузнаваемости, то звуки являются фонетическими реализациями двух разных фонем (правило второе)⁹². Следует отметить, что, таким образом, на этой стадии анализа в результате испытания, получившего впоследствии среди европейских фонологов название коммутации⁹³, исследователь имеет возможность установить инвентарь функционально значимых звуков для каждой данной позиции, взятой отдельно. Нетрудно заметить, что полученные звуковые единицы совпадают с тем, что В. Тводделл назвал «микрофонемами»⁹⁴. Как было видно, выделение «микрофонем» базируется лишь на функциональных критериях и не нуждается в обращении к фонетической характеристике звуков, так как последняя ограничивается констатацией взаимного различия («otherness», «alterité») сопоставляемых звуков и является поэтому чисто негативной и относительной.

Два следующих правила, касающихся случаев второго рода (два звука никогда не встречаются в одном положении), имеют отношение к проблеме идентификации фонем, т. е. к вопросу о возможности сведения ряда взаимоисключающих звуков в один инвариант. В этих правилах речь идет об «акустически или артикуляторно родственных звуках»⁹⁵ и, таким образом, решающим для отнесения разных звуков к обусловленным вариантам одной фонемы оказывается чисто фонетический критерий. Естественно, что подобное обращение к фонетической характеристике, необходимость которого, впрочем, признавалась некоторыми пражскими фонологами вполне эксплицитно⁹⁶, кажется несколько неожиданным для столь страстного приверженца независимости фонологического анализа от фонетики, каким был Трубецкой. Однако подобная методологическая непоследовательность, по-видимому, имела свои основания. Во всяком случае процедура, подобная той, которая предлагалась для случаев первого рода, как кажется, не могла бы всегда привести

⁹¹ См. там же, стр. 53—55.

⁹² См. там же, стр. 55—56.

⁹³ Термин, введенный для совпадающей по существу операции глоссематической теории Л. Ельмслевом. В ранних фонологических работах некоторых пражцев это испытание называлось «дифференциацией» (the test of differentiation), см., например, статью: J. V a c h e k. Professor Daniel Jones and the phoneme, стр. 26.

⁹⁴ См. цитированную выше работу В. Тводделла «On defining the phoneme».

⁹⁵ См.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 56—59.

⁹⁶ См., например: J. V a c h e k. What is phonology?, стр. 83.

к удовлетворительным результатам в тех случаях, когда звуки встречаются всегда в разных позициях. В самом деле, если бы мы попытались, например, заменить звонкой аффрикатой, которая выступает в русском сочетании *лечь бы* и т. п., глухую аффрикату в слове *час*, то такая замена едва ли не повлекла за собой «искажение до неузнаваемости» — скорее всего, это слово было бы воспринято как заимствованное слово *джаз*, и, таким образом, мы должны были бы считать звонкую палатализованную шипящую аффрикату реализацией фонемы, отличной от ч. Этот и другие подобные примеры убеждают нас в отсутствии преимуществ метода «субституции», при помощи которого глоссематики пытаются избежать «фонетизма» Пражской школы, оставаясь на строго функциональной почве⁹⁷.

Следует в то же время отметить, что несомненным недостатком соответствующих «правил» Трубецкого является отсутствие точных указаний относительно принципов фонетического анализа, составляющего основу идентификации вариантов. Лишь в отношении тех случаев, когда идентификация исключается, дается (выше, в связи с определением фонологически дистриктивных оппозиций) более определенная формулировка: «Взаимоисключающие звуки, не обладающие ни одним общим признаком, который отличал бы их от всех прочих звуков той же системы, все же образуют смыслоразличительные оппозиции»⁹⁸.

Проблема взаимоотношения фонемы и вариантов, а также соотношения этих двух коррелятивных понятий фонологической теории с членами сосюрровской дихотомии *langue — parole* (и, соответственно, с фонологией — фонетикой) не получила внутри Пражской школы вполне четкого и однозначного решения.

Определения вариантов фонемы в «Проекте стандартизованной фонологической терминологии» подчеркивали их «экстрафонологический» характер⁹⁹ и дали повод считать, что пражские фонологи относили варианты к речи, а не к языку, исключая их из сферы компетенции фонологии¹⁰⁰. Однако уже при обсуждении «Проекта» Р. О. Якобсон обратил внимание на то, что термин «фонология», определяемый там как «часть лингвистики, изучающая звуковые явления с точки зрения их функции в языке», имеет более широкое значение, чем термин «фонологический» в сочетаниях «фонологическая оппозиция», «фоноло-

⁹⁷ Ср. критические замечания А. Мартине против глоссематического метода субституции, доказывающие, что едва ли возможно «выделять единицы выражения, не прибегая до известной степени к звуковой субстанции»: А. Мартине. О книге «Основы лингвистической теории» Л. Ельслева. «Новое в лингвистике», вып. I, стр. 457.

⁹⁸ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 40.

⁹⁹ См.: «Projet de terminologie phonologique standardisée», стр. 319.

¹⁰⁰ Ср. J. v. Laziczius. Die Scheidung *langue—parole* in der Lautforschung. «Proceedings of the Third International Congress of Phonetic Sciences». Ghent, 1939.

гическая единица» и т. п., так как фонология занимается также и экстрафонологическими элементами, рассматриваемыми с точки зрения их функций¹⁰¹. О неполной терминологической соотносительности названия науки «фонология» и производных от него прилагательных говорил в докладе на Фонетическом съезде в Генте Н. Ван-Вейк¹⁰².

Н. С. Трубецкой в «Основах фонологии» отождествляет отношение между фонемой и вариантом с отношением между фонемой и звуком речи, являющимся ее конкретной реализацией¹⁰³, но в другом месте говорит об определенной функциональности комбинаторных вариантов и выделяет некоторые их функции как принадлежащие к «языку» либо к области, промежуточной между «языком» и «речью»¹⁰⁴.

В. Скаличка определенно относил комбинаторные варианты к «языку»¹⁰⁵. (Примечательно, что словацкий лингвист Л. Новак, бывший деятельным членом Пражского лингвистического кружка, называет позицию Скалички «отходом назад, к старой фонетической точке зрения или уступкой диахроническому учению о звуках»¹⁰⁶.)

Не вполне четкие формулировки относительно взаимоотношения фонем и вариантов встречаются в специально посвященных комбинаторным вариантам, а также нейтрализации работах Б. Трнка, в которых проводится тонкое разграничение позиционной вариации фонем от их позиционной модификации¹⁰⁷. Такие утверждения автора, как, например: «С фонологической точки зрения звуки делятся на две основные группы, на фонемы и варианты»¹⁰⁸, или сами по себе тонкие и интересные, но неудачно сформулированные наблюдения относительно того, что только фонемы (в отличие от вариантов) «могут быть перенесены по анало-

¹⁰¹ См.: TCLP, 4, 1931. Supplements, стр. 310 («Observations de MM. les Membres et Correspondants du Cercle»).

¹⁰² N. van Wijk. La délimitation des domaines de la phonologie et de la phonétique. «Proceedings of the Third International Congress of Phonetic Sciences». Ghent, 1939.

¹⁰³ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 44—46.

¹⁰⁴ Там же, стр. 316.

¹⁰⁵ См.: V. Skalička. Z otázek fonologických (Kronika). — SaS, 1936, r. II, č. 3, стр. 194.

¹⁰⁶ L'. Novák. K základným otázkám strukturálnéj jazykovědy. «Sborník Matice Slovenskej». Časť prvá. Jazykověda, 1937, XV, стр. 8.

¹⁰⁷ B. Trnka. Poznámky ke kombinátorickým variantám a k neutralizaci. — CMF, 1938, r. XXIV, č. 3; Он же. On the combinatory variants and neutralizations of phonemes. «Proceedings of the Third International Congress of Phonetic Sciences». Ghent, 1939.

¹⁰⁸ B. Trnka. Poznámky..., стр. 261 (разрядка моя. — Т. Б).

¹⁰⁹ Речь идет о таких случаях, как, например, чеш. svadební 'свадебный' рядом со svadba 'свадьба' вместо svatební при невозможности перенесения, например, *ŋ* (заднеязычный вариант фонемы *n*) или *dž* (звонкий вариант фонемы *č*) в формы oképek, léčeb из других падежей: okénko (произносится с *ŋ*), léčba (произносится с *dž*) — см.: B. Trnka. Poz-

гии из морфологически родственных образований»¹⁰⁹, заставляя предположить, что автор видит фонемы в некоторых реально произносимых и воспринимаемых в акте речи звуках. Между тем любой реально произносимый звук неизбежно содержит, кроме фонологически существенных признаков, также и признаки перелевантные¹¹⁰. Поэтому несомненно более правильной представляется точка зрения Трубецкого, предлагавшего рассматривать конкретные звуки как «реализации» или «материальные символы» фонем¹¹¹, ни один из которых с фонемой отождествить невозможно¹¹².

Для того, чтобы установить полный состав фонем данного языка, необходимо уметь отличать не только фонему от фонетических вариантов (парадигматическая идентификация фонемы), но и фонему — от сочетания фонем, т. е. решить вопрос о том, является ли определенный отрезок звукового потока реализацией одной или двух фонем (синтагматическая идентификация). Условия определения монофонематичности либо полифонематичности были сформулированы Трубецким также в виде ряда «правил»¹¹³. Из них первые три представляют собой фонетические предпосылки для однофонемной трактовки звукового

písmku...», стр. 261 и подробнее: Он же. O analogii v strukturálním jazykozpytu. — SaS, 1936, г. II, ч. 4, стр. 221—222; а также: Он же. Hláskoslovné zákony v strukturálním jazykozpytu. — ČMF, 1937, г. XXIII, ч. 4, стр. 385 и сл.

¹¹⁰ С этой точки зрения и некоторые формулировки одной из поздних статей того же автора — вроде таких, как «и в русском языке ... является фонемой, а ... ы является вариантом» (В. Trnk a. Určování fonem. «Acta Universitatis Carolinae», 1954, 7; Philologica et historica, ст. 21), «р и ъ [в чешском языке] нельзя опустить, не изменив значения слова (potok—otok; vinko—viko), однако из этих звуков р является фонемой, а ъ позиционным вариантом» (там же, стр. 18) и под. — также представляются не вполне точными. «Степень фонематичности» русск. и и ы или чеш. п и ъ является действительно неодинаковой, однако и и (даже когда это союз) и п в любом чешском слове (как и р в potok) содержат позиционно обусловленные качества и поэтому не могут быть «фонемами». В приведенных формулировках отношение между фонемой и вариантом смешивается с отношением между тем, что пражские фонологи называли «основным» и «побочными» вариантами фонемы (определение этих понятий см. в «Проекте...» — TČLP, 4, 1931, стр. 32, а также в цитированной выше статье В. Trnky «Rozpísmku...», стр. 262).

¹¹¹ См.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 45.

¹¹² Заметим в этой связи, что не вполне ясно, что, собственно, подразумевается под «реалистическим пониманием... фонемы», свойственным Трубецкому (см. интересное во многих отношениях послесловие А. А. Реформатского к русскому переводу «Grundzüge der Phonologie») и противоречащим, по мнению автора послесловия, готовности Трубецкого солидаризироваться с «прагматической формулой Тводделла: „фонема — это фикция“» (А. А. Реформатский и Н. С. Трубецкой и его «Основы фонологии»). — В кн.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 344).

¹¹³ См.: N. S. Trubetzkoy. Anleitung zur phonologischen Beschreibung. Brno, 1935, § 7—16. — Правила определения однофонемности и многофонемности в «Основах фонологии» (стр. 62—71) буквально совпадают с «правилами», предложенными в «Anleitung».

отрезка (кратко их можно суммировать следующим образом: звукосочетание является потенциально однофонемным, если: 1) его составные части не распределяются по двум слогам; 2) оно образуется посредством единого артикуляционного движения и 3) его длительность не превышает длительности других фонем данного языка). Последующие описывают фонологические условия однофонемной значимости звукосочетаний (правила 4—6, согласно которым потенциально однофонемные звуковые комплексы считаются фактически однофонемными, если они ведут себя как простые фонемы, т. е. встречаются в позициях, допускающих в иных случаях лишь единичные фонемы; если этого требует параллелизм системы; если ни один элемент звукосочетания не может рассматриваться как комбинаторный вариант какой-либо фонемы того же языка) и многофонемной значимости простого звука (правило 7).

Таким образом, в решении вопроса об однофонемной значимости первостепенное значение приобретают условия фонетического характера: фонологические соображения имеют силу только в качестве дополнительных критериев при обязательном наличии фонетических предпосылок однофонемности — в том же случае, если последние отсутствуют, фонологические условия к решению вопроса об однофонемности даже и не привлекаются¹¹⁴.

Такая позиция тем более удивительна, что она находится в противоречии не только с общей концепцией Трубецкого, но и с предлагаемым им же в другом месте решением вполне аналогичного вопроса о фонологической неразложимости долгого немецкого *ü*¹¹⁵. Ведь если считать, что «нормальную длительность»

¹¹⁴ Ср., например, чисто фонетическое обоснование многофонемности финского *t + s*, русского сочетания «гласный + *i*» (Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 63) или таких сочетаний, как *st*, *ks*, которые, по мнению Трубецкого, «ни при каких обстоятельствах не могут быть однофонемными» (там же, стр. 65), или чешского дифтонга *ou* (там же, стр. 66).

¹¹⁵ См. выше, стр. 63—64. Следует заметить, что последующие критики выдвинутых Трубецким условий однофонемной интерпретации не обратили внимания на непосредственную связь этого вопроса с вопросом о фонематической неразложимости, который — в связи с определением фонемы — Трубецкой решает на строго фонологической почве. Считая необходимым доказать фонологическую неразложимость, т. е. собственно «однофонемность» таких звуков, как, например, нем. [b] или [y:] (см.: «Основы фонологии», стр. 42), Трубецкой, несомненно, более «фонологичен», чем другие авторы, специально занимавшиеся проблемой монофонематичности, которые включали в круг своего внимания только фонетически сложные звуковые комплексы, ср.: A. Martinet. Un ou deux phonemes. «Acta Linguistica» (Copenhagen), 1939, vol. I, fasc. 2, стр. 94—103; F. Hintze. Zur Frage der monophonematischen Wertung. «Studia Linguistica», IV, 1950, стр. 14—24; K. L. Pike. Phonemics. A technique for reducing languages to writing. Ann Arbor, 1954, который на стр. 131 дает список звукосочетаний, прямо называемых им «segment sequence types which are suspicious because they might prove to be one or two phonemes» (на фонетический характер подобной классификации звуков на определенно однофонем-

фонем данного языка можно определить до установления полного фонемного инвентаря (как это предполагается при решении вопроса об аффрикатах и дифтонгах), то, исходя из предлагаемых «правил» однофонемной интерпретации, следовало бы приписать долгим немецким гласным многофонемную значимость на том основании, что их реализация превышает «нормальную длительность» немецких фонем (в этом случае «нормальной» считалась бы длительность кратких гласных немецкого языка). Из двух противоречивых решений, предлагаемых Трубецким, несомненно более удовлетворительным является решение вопроса о немецком *ï*, из чего следует, что определяющим критерием установления однофонемности должно быть обращение к фонологической системе данного языка. Только в тех случаях, когда однофонемная и многофонемная интерпретация в равной степени согласуются с фонологической системой данного языка, исследователь имеет право руководствоваться при выборе нефонологическими соображениями, среди которых, как справедливо считает А. Мартине¹¹⁶, могут фигурировать и фонетические (впрочем, предложенная им самим¹¹⁷ методика определения однофонемности на основе коммутации тоже не вполне безупречна в этом отношении¹¹⁸ и — независимо от этого — не является удовлетворительной для всех случаев)¹¹⁹.

Весьма существенное место в фонологической системе Трубецкого занимает его классификация оппозиций, что связано с первостепенной важностью этого последнего понятия для всех пражских фонологов, как бы они ни определяли фонему, поскольку все они признают, что фонема является в первую очередь членом фонологической оппозиции. Сама фонологическая система определяется пражцами, начиная с самых ранних фонологических трудов, как «репертуар фонологических оппозиций»; в противовес пониманию фонологической системы как «собрания звуковых представлений», концентрирующему внимание на самих «фонамах» и оставляющему в тени «типы их взаимных отношений»,

---

ные и потенциально двуфонемные обратил внимание К. Эбелинг, см.: С. L. Ebeling. *Linguistic units*. 's-Gravenhage, 1960, стр. 62).

¹¹⁶ См.: A. Martinet. [Рец.] N. S. Trubetzkoy. *Grundzüge der Phonetik*. — BSL, 1946, t. 42, fasc. 2, стр. 28.

¹¹⁷ В статье «Un ou deux phonèmes».

¹¹⁸ См.: С. L. Ebeling. Указ. соч., стр. 60 и сл.

¹¹⁹ Показательным является опыт приложения предложенных Мартине критериев к анализу нем. *b*, проведенный Эбелингом (указ. соч., стр. 64); в результате этого опыта исследователь должен прийти к выводу о двуфонемности этого звука. Аналогичные аргументы повторены Шаумяном для доказательства неудовлетворительности методов коммутации и субституции при синтагматической идентификации фонем (С. К. Шаумян. *Проблемы теоретической фонологии*, стр. 110—111). Преимуществ выдвинутых Мартине критериев по сравнению с «правилами» Трубецкого не признали и представители пражской фонологии, ср., например: В. Трнка. *O současném stavu bádání...*, I, стр. 169.

пражцы считали, что «именно в них заключена суть фонологической системы»¹²⁰.

Первый опыт создания классификации фонологических противопоставлений вообще¹²¹ содержится в работе Трубецкого 1936 г.¹²², которая в уточненной форме вошла в «Основы фонологии»¹²³. Критериями классификации фонологических оппозиций являются: 1) их отношения ко всей системе оппозиций, 2) отношение между членами оппозиции, 3) объем их различительной способности. По первому критерию фонологические оппозиции делятся в свою очередь двояким образом: по их «димерсиональности» (квалитативный критерий) и по их встречаемости (квантитативный критерий)¹²⁴.

По квалитативному отношению ко всей системе оппозиций, т. е. по «димерсиональности», фонологические противопоставления подразделяются на одномерные (eindimensional; по терминологии статьи 1936 г. — «билатеральные»), если совокупность признаков, общих для обоих членов оппозиции, не присуща больше никакому другому члену системы (например, $t - d$ в немецком языке, поскольку эти фонемы являются единственными дентальными смычными в немецкой фонологической системе) и многомерные (mehrdimensional; более ранний термин — «мультилатеральные»), если «основание для сравнения» двух членов оппозиции распространяется и на другие члены той же системы (например, нем. $b - d$, поскольку образование слабой смычки, присущее одновременно обоим членам, повторяется еще и в g). Не менее важным является квантитативное различие между изолированными (члены оппозиции находятся в отношении, которое не встречается больше ни в какой другой оппозиции, например, нем. $r - l$) и пропорциональными оппозициями (отношение между членами тождественно отноше-

---

¹²⁰ См.: R. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologiques du russe comparée à celle des autres langues slaves. — TCLP, 2, 1929, стр. 5—6.

¹²¹ Впрочем, хотя Трубецкой подчеркивал, что предложенная им «логическая» классификация имеет значение для любой другой системы оппозиций, так как в ней нет «ничего специфически фонологического» («Основы фонологии», стр. 100), она не воспроизводит концепцию какой-либо современной логической теории. Это показал недавно Ж. Кантино, который, не находя связи классификации Трубецкого ни с формальной, ни с символической логикой, склоняется к мысли, что она представляет собой оригинальную классификацию, принадлежащую лично Трубецкому (см.: J. Cantineau. Le classement logique des oppositions. «Words», 1955, vol. 11, № 1, стр. 1—9).

¹²² N. S. Trubetzkoy. Essai d'une théorie des oppositions phonologiques. «Journal de psychologie normale et pathologique», 1936, vol. XXXIII, стр. 5—18.

¹²³ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 73—99.

¹²⁴ Термины И. Коржинка, развивающего идеи Трубецкого в разделе «Фонологическая систематика» своего «Введения в языковедение» (см.: J. M. Koříněk. Úvod do jazykospytu, стр. 33 и сл.).

нию между членами другой или других оппозиций, например $t : d = p : b = k : g$).

По отношению между членами противопоставления различаются оппозиции: 1) привативные (один член отличается от другого наличием либо отсутствием различительной черты, которая называется «коррелятивным признаком», или «маркой корреляции», члены же оппозиции называются соответственно «признаковым» и «беспризнаковым», или «маркированным» и «немаркированным»: $p - b, t - d$ и т. д.); 2) градуальные (члены оппозиции отличаются друг от друга разной степенью одного и того же признака, например $a - o - u$, характеризующиеся разной степенью открытости) и 3) эквиполентные (члены логически равноправны, т. е. не являются ни двумя степенями определенного признака, как в градуальных оппозициях, ни утверждением или отрицанием признака, как в привативных, например $p - t, f - k$ и т. п.).

Наконец, по объему различительной силы оппозиции могут быть постоянными (если действие различительного признака не ограничено, например оппозиция по назализации: $p - m, t - n$) или нейтрализуемыми (если в определенных позициях он лишается фонологической значимости, например оппозиция звонкости в русском языке, так как на конце слова этот признак утрачивает свою релевантность).

Фонемы, которые образуют одновременно одномерные, пропорциональные и привативные оппозиции, связаны между собой наиболее тесно, и такая оппозиция имеет поэтому специальное название корреляции.

С понятием нейтрализуемых оппозиций связано в последней версии системы Трубецкого понятие архифонемы¹²⁵, которую он не вполне последовательно определяет, вслед за Якобсоном, как «совокупность смыслоразличительных признаков, общих для двух фонем»¹²⁶.

¹²⁵ Уточнение понятия «архифонемы», очевидно, связано с тонким анализом А. Мартине. См.: А. Martinet. Neutralisation et arhiphonème. — TCLP, 6, 1936, стр. 46—57.

¹²⁶ Ср.: R. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologique de russe, стр. 12. — Термин «архифонема», предложенный Якобсоном в этой работе, фигурирует и в «Проекте стандартизованной фонологической терминологии», определяющем его также независимо от нейтрализации (последний термин в «Проекте» отсутствует): «Элемент, общий для двух или нескольких коррелятивных фонем, абстрагированный от коррелятивного признака» (TCLP, 4, 1934, стр. 315). В связи с новой позицией Трубецкого в отношении «архифонемы» [из изложения следует, что архифонема имеет смысл только в качестве общего элемента членов одномерных нейтрализуемых оппозиций (см. «Основы фонологии», стр. 87—89), так как только такие архифонемы могут быть противопоставлены всем прочим фонологическим единицам данной системы, что является «основным условием фонологического бытия» (стр. 89)], прежнее определение представляется недостаточным.

Детально разработанная Трубецким систематизация оппозиций, пришедшая на смену более раннему варианту пражской классификации противопоставлений, различавшей среди них лишь коррелятивные и дизъюнктивные (не-коррелятивные)¹²⁷, позволяет представить фонемный состав языка в виде внутренней упорядоченной, или структурной, системы, установить «фонологическую конфигурацию» языка¹²⁸.

Однако классификация Трубецкого имеет не только чисто «эстетическую» ценность: определение характера оппозиции может иметь значение при решении некоторых практических задач фонематического анализа. Так, например, решение вопроса о фонематической самостоятельности нем. *h* и *ɣ* и фонематической идентичности таких звуков, как нем. *k(i)* и *k(u)*, путем обращения к характеристике соответствующих оппозиций и различия прямо- и косвенно-фонологических оппозиций (возможного лишь на основе выделения оппозиций одномерных и многомерных¹²⁹) представляется несомненно более надежным и «фонологичным», чем апелляция к шаткому и весьма неопределенному критерию «звукового родства»: *h* и *ɣ* являются разными фонемами не потому, что они «мало похожи» друг на друга в фонетическом отношении¹³⁰, а потому, что единственный общий их признак («консонантность») присущ и другим фонемам немецкого языка, образующим с каждым из этих взаимоисключающих звуков прямо-фонологические оппозиции (например, *haken* — *racken* — *Zacken* и *Ringe* — *Rippe* — *Ritze* и т. п.). Отсюда логически следует, что консонантность не может быть единственным дифференциальным признаком предполагаемой фонемы **h/ɣ*. Подобным образом фонологическим критерием отнесения *k(i)* и *k(u)* к одной фонеме может быть не «ощущение» большой «близости» между ними, а лишь то обстоятельство, что их общие черты (заднеязычность, аспирация, отсутствие голосовой вибрации) встречаются лишь у тех звуков той же системы (*k* перед *a*, перед *e*, в конце слова и т. д.), которые никогда не образуют с первыми двумя оттенками *k* прямо-фонологической оппозиции.

Очень важно подчеркнуть, что хотя предложенная Трубецким классификация оппозиций принимает во внимание фонетическую

¹²⁷ «Projet de terminologie phonologique standardisée», стр. 313—314; J. Vachek. What is phonology?, стр. 83.

¹²⁸ Ср.: V. Mathesius. Ziele und Aufgabe der vergleichenden Phonologie, где автор выдвигает в качестве одной из основных задач фонологии установление взаимных отношений между фонемами.

¹²⁹ См.: N. S. Trubetzkoy. Essai d'une théorie des oppositions phonologiques, стр. 10.

¹³⁰ Ср. отнесение взаимоисключающих звуков *g* и *ɣ* в японском языке, достаточно несходных между собой фонетически, к одной фонеме на том основании, что они являются единственными звонкими заднеязычными, т. е. обладают общими признаками, отличающими их от всех прочих звуков японского языка (Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 57).

характеристику фонем, она основана на функционировании всей фонологической системы конкретного языка. Поэтому едва ли справедливы как упреки в том, что основа приведенной классификации имеет чисто фонетический характер, так и, с другой стороны, упреки в полной произвольности или «условности» критериев классификации. Так, например, если рассматривать противоположение между «глухими» и «звонкими» согласными изолированно, т. е. в отрыве от функционирования фонологической системы, то невозможно определить эту оппозицию как «привативную», так как с чисто фонетической точки зрения отношение между членами допустимо толковать как «градуальное» (по данным инструментальной фонетики, мы имеем обычно дело не с абсолютно звонкими и абсолютно глухими согласными, а лишь с различными степенями участия голоса) и как «эквиполентное» (звонкость обычно сопряжена с расслаблением мускулатуры в полости рта, глухость, наоборот, связана с напряжением мускулатуры, и поэтому фонетически оба члена рассматриваемых противопоставлений являются равноправными, в одинаковой степени «маркированными», т. е. обладающими положительным признаком). Та или иная квалификация этой (или какой-либо другой потенциально градуальной или потенциально привативной) оппозиции (ср., например, отношение между *и* и *о*, которое можно считать градуальным либо привативным, если рассматривать эти два гласных как две самые крайние степени раствора или сужения и одну из этих степеней определять как «нулевую», и т. п.) в системе Трубецкого зависит от структуры и функционирования системы фонем. Так, противопоставление *t—d* определяется как градуальное в том случае, если в данной системе фонем имеется третий дентальный смычный, глухость которого (и сопровождающая ее напряженность мускулов языка) является большей и более явственной, чем у *t* (или меньшей, чем у *d*), подобно тому, как градуальный характер отношения между *и* и *о* определяется наличием в системе еще одного или нескольких гласных заднего ряда, степень подъема которых меньше, чем у *о* (например, *э* или *а*), благодаря чему *о* становится средним членом градуальной оппозиции. Если количество членов потенциально градуального противопоставления не превышает двух, отношение между ними определяется как привативное, но только если функционирование фонем указывает на беспризнаковый характер одного из членов, в противном случае (т. е. если по условиям функционирования фонем понятие немаркированности не применимо ни к одному из членов оппозиции) оппозиция считается эквиполентной. Определение оппозиции как привативной, конечно, «условно», так как исследователь обращает внимание лишь на один-единственный признак (например, на участие голоса), сознательно отвлекаясь от всех остальных (например,

от напряженности мускулов языка), и, кроме того, считает малые степени данного признака равными нулю. Однако эта «условность», так же как «условность» приписывания каждому из членов маркированного и, соответственно, немаркированного характера, которая и определяет «выбор» дифференциального признака, «марки» оппозиции, отнюдь не обозначает произвольности или субъективности исследователя. Реальное функционирование фонематической системы, т. е. «допустимая для данного языка сочетаемость фонем, а также условия фонологической действительности отдельных оппозиций» в большинстве случаев дают объективную основу для различения между маркированными и немаркированными членами оппозиции¹³¹ и для превращения «логически привативных» оппозиций в «фактически привативные», как это было убедительно показано Трубецким в связи с анализом нейтрализуемых оппозиций. Так, например, если один из членов оппозиции выступает в качестве представителя архифонемы в позиции нейтрализации, то определение его как «беспризнакового» основано на том, что его специфические черты оказываются несущественными, в то время как специфические черты его противочлена полностью сохраняют свою фонологическую релевантность. В этом случае определение первого члена как «архифонемы + 0», а второго как «архифонемы + + определенный признак» имеет вполне объективные основания. Такое решение находится, между прочим, в полном согласии с общелогическим законом, по которому объем содержания определенной категории обратно пропорционален объему ее употребления¹³². Объективность определения «маркированного» — «немаркированного» характера членов оппозиции доказывается, в частности, и тем, что соответствующие понятия оказались весьма плодотворными для объяснения некоторых исторических изменений фонематической системы конкретных языков — достаточно назвать блестящие работы Е. Куриловича, посвященные германскому передвижению согласных¹³³. В связи со всем сказанным замечания А. А. Реформатского по поводу пражской интерпретации корреляций типа «глухие — звонкие» или «твердые — мягкие» представляются справедливыми только с фонетической точки зрения. Тот факт, что «присоединение звонкости есть одновременно и „удаление“ глухости» или что

¹³¹ Определение характера членов оппозиции с точки зрения их «маркированности» вызывало в последующей критике больше всего упреков в произвольности.

¹³² Закон «чем уже содержание фонемы, тем шире сфера ее применения» был сформулирован Е. Куриловичем, чье понимание «беспризнаковости» фонемы весьма близко пониманию Пражской школы.

¹³³ См.: J. Kuryłowicz. Le sens des mutations consonantiques. «Lingua», 1948, I, 1; Он же. On the methods of internal reconstruction. «Preprints of Papers for the Ninth International Congress of Linguists», 1962, стр. 471, и др.

«для получения „мягкого“ согласного надо... не только „привавить мягкость“, т. е. палатализовать, приподняв среднюю часть языка к твердому небу, но и „убрать твердость“, т. е. лишить артикуляцию данной согласной веляризации, опустив заднюю часть языка», и что все это «подтверждается и рентгенографически»¹³⁴, очевидно, не опровергает «пражской формулы $a - (a + 1)$ », ибо пражцы, как было показано выше, вполне отдавали себе отчет в том, что при определении соответствующих оппозиций как привативных приходится отвлекаться от «глухости» не-звонкого члена или от «веляризации», или «твердости», не-мягкого члена¹³⁵. Вместе с тем пражской фонологической концепции не соответствует и позиция С. К. Шаумяна, который, соглашаясь с приведенными возражениями А. А. Реформатского по той причине, что, «действительно, нет никаких объективных оснований для того, чтобы считать звонкость и диззную тональность положительными дифференциальными элементами, а глухость и простую тональность — отрицательными дифференциальными элементами»¹³⁶, считает в то же время, что «вопрос об объективных критериях для различения положительных и отрицательных дифференциальных элементов оказывается лишенным смысла»¹³⁷, так как «определение положительных и отрицательных дифференциальных элементов... представляет собой дело соглашения, дело определенного условия»¹³⁸, которое, как и всякое определение, не может «не быть произвольным»¹³⁹. Убеждение С. К. Шаумяна в том, что «изменяя определение положительных и отрицательных дифференциальных элементов, мы можем получить эквивалентные системы описания фонем», которые «будут иметь одно и то же фонологическое содержание», так как «важно не то, какой дифференциальный элемент мы считаем положительным, а какой отрицательным, а то, чтобы при описании фонем последовательно применялась принятая система обозначений»¹⁴⁰, прямо противоположно стремлениям

---

¹³⁴ А. А. Реформатский. Дихотомическая классификация... стр. 112—113. Ср. также: Он же. О корреляции «твердых» и «мягких» согласных. «Cercetări de Lingvistică», III, 1958 (Supliment).

¹³⁵ Впрочем, тут следует иметь в виду, что для А. А. Реформатского как виднейшего представителя московской фонологической школы некоторые «объективные основания» приписывания одному из членов корреляции немаркированного характера, а именно отождествление звука, выступающего в позиции нейтрализации, с тем членом оппозиции, с которым он совпадает фонетически — ср., например, «третий случай» Трубецкого («Основы фонологии», стр. 90 и особенно стр. 92—93), по-видимому, не являются столь «объективными». Но это — уже совсем другой вопрос.

¹³⁶ С. К. Шаумян. Проблемы теоретической фонологии, стр. 138.

¹³⁷ Там же, стр. 142.

¹³⁸ Там же, стр. 138.

¹³⁹ Там же, стр. 139.

¹⁴⁰ Там же, стр. 140—141.

Трубецкого найти «совершенно однозначную и объективную основу квалификации любой оппозиции», «ясную и объективную основу» определения маркированности и соответственно немаркированности членов привативной оппозиции¹⁴¹, — ибо «объективными основаниями» являются для пражцев не физические свойства звуков, а структура и функционирование фонологической системы. Заметим кстати, что такая позиция соответствует общей особенности подхода к анализу фонологической системы (и шире — языка) со стороны пражцев, которых, таким образом, можно причислить к сторонникам так называемого *God's truth approach*¹⁴² в лингвистике¹⁴³.

Следует отметить, что весьма существенную роль в предложенной классификации оппозиций играют не только различия между их членами, а также между оппозициями разных типов, но и тождества и сходства; так, одномерными являются оппозиции, в которых общий обоим членам элемент не встречается больше нигде в звуковой системе языка; пропорциональные оппозиции таковы, что отношение, существующее между двумя членами, повторяется еще в одной или нескольких оппозициях той же системы; привативные оппозиции имеют элемент, общий для обоих их членов (один из них — этот элемент, а другой — также этот элемент, осложненный добавочным признаком); нейтрализующиеся оппозиции, будучи по определению одномерными, состоят из двух членов, опять же имеющих общий элемент. Таким образом, фонология Трубецкого на практике соответствовала рекомендациям Бейссанса¹⁴⁴ еще до того, как они были сформулированы, так что последние имеют только теоретическую ценность¹⁴⁵.

Нельзя, однако, не заметить, что разложение фонем, входящих в одномерную оппозицию, на общий для них элемент («основание для сравнения», «*tertium comparationis*», или «архифонему») и дифференциальный признак, которые могут мыслиться независимо друг от друга и являются фонологически самостоятельными¹⁴⁶, находится в очевидном противоречии с принимаемым Трубецким и

---

¹⁴¹ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 84, 92.

¹⁴² О противопоставлении подхода, характеризующегося поисками «окончательной истины», «фокусническому» подходу (*hocus-rocus approach*) см. подробнее гл. III настоящей монографии (стр. 203).

¹⁴³ Ср. интересные замечания А. В. Исаченко в его статье «Бинарность, привативные оппозиции и грамматические значения» (ВЯ, 1963, № 2, стр. 44—45).

¹⁴⁴ См. статью: E. Buyssens. *Mise au point de quelques notions fondamentales de la phonologie*. «Cahiers F. de Saussure», 8, 1949, в которой автор упрекает Трубецкого в недооценке понятия тождества.

¹⁴⁵ Ср.: J. Cantineau. *Les oppositions significatives*. «Cahiers F. de Saussure», 10, 1952, стр. 12.

¹⁴⁶ Ср.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 89 (о «фонологическом бытии» архифонемы).

«Проектом стандартизированной фонологической терминологии» определением фонемы как «фонологической единицы, которую невозможно разложить на меньшие и более простые фонологические единицы»¹⁴⁷. Это обстоятельство представляется лишним аргументом в пользу высказанного выше (см. стр. 64—65) мнения об обоснованности взглядов тех пражских фонологов, которые считали минимальными фонологическими элементами не фонемы, а дифференциальные признаки¹⁴⁸.

Собственно «фонологическая систематика смысловозначительных звуковых противопоставлений»¹⁴⁹ (в отличие от приведенной выше логической классификации), первый вариант которой (только в отношении гласных) был предложен Трубецким еще в 1929 г.¹⁵⁰, в настоящее время в значительной степени устарела. Основные недостатки этой «фонологической систематики» связаны с тем, что Трубецкой исходил из традиционной фонетики, полностью ориентирующейся на артикуляцию, и пытался создать классификацию звуковых признаков на этой основе, не проведя этого, однако, вполне последовательно.

В качестве особого раздела «фонологии слова» (*Wortphonologie*», *slovní fonologie*») — в отличие от «синтаксической фонологии») пражская фонологическая теория выделяла «морфологическую фонологию», или морфонологию, объектом исследования которой является фонологическая структура морфем¹⁵¹, а также комбинаторные звуковые модификации, которым подвергаются морфемы в морфемных сочетаниях, и звуковые чередования, которые выполняют морфологическую функцию¹⁵².

Все эти три задачи сами по себе представляются весьма важными — наиболее общий характер носит первая задача, так как исследование фонологической структуры морфем выявляет во

---

¹⁴⁷ «Projet de terminologie phonologique standardisée», стр. 311 — ср. «Основы фонологии», стр. 42 (см. также выше, стр. 63 и сл. настоящей работы).

¹⁴⁸ Именно с понятием корреляции и архифонемы связывает Р. Якобсон эволюцию своих фонологических воззрений, — эволюцию, которая естественно привела его от ревизии раннего пражского определения фонемы, предпринятой в 1932 г., к его современной фонологической концепции, которую уже нельзя считать собственно «пражской». См.: R. Jakobson. *Selected writings*, I, стр. 634 и сл. («Retrospect»).

¹⁴⁹ См.: Н. С. Трубецкой. *Основы фонологии*, стр. 99—256. — Достаточно подробное изложение принципов этой классификации читатель может найти в цитированном выше послесловии А. А. Реформатского к русскому изданию труда Трубецкого (стр. 347—353).

¹⁵⁰ N. S. Trubetzkoy. *Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme*, стр. 39 и сл.

¹⁵¹ «Projet de terminologie phonologique standardisée», стр. 321.

¹⁵² N. S. Trubetzkoy. *Gedanken über Morphonologie*. — TCLP, 4, 1931, стр. 161—162.

всех языках существенные различия в этом отношении между морфемами различных типов (корневыми, суффиксальными, префиксальными)¹⁵³. Однако отнесение всех этих задач к фонологии может вызвать сомнения: если считать, что основная функция фонемы состоит в том, чтобы дифференцировать означающие¹⁵⁴, то фонология, очевидно, должна ограничиться изучением того, каким образом язык использует звуки для различения означающих, не обращая внимания на грамматическую или лексическую роль этих означающих. Роль фонологии, таким образом, ограничивается установлением того, что определенные звуковые противопоставления дифференцируют означающие, но функции, которые выполняют эти различные означающие, относятся соответственно к ведению грамматики или лексики¹⁵⁵.

Во всяком случае, очевидным кажется не только принципиально различный характер «комбинаторных звуковых модификаций» и «чередований, выполняющих морфологическую функцию», разграничиваемых Трубецким, хотя и объединяемых в одной науке, но и функциональная разнородность фактов, относящихся к одной «задаче». Так, например, большая часть «морфонологических» явлений, рассматриваемых в разделе «Комбинаторные морфемные изменения» исследования Трубецкого о морфонологии русского языка¹⁵⁶, должна быть скорее всего отнесена к комбинаторной фонологии, так как различия в звуковом облике разных вариантов одной и той же морфемы всецело определяются позицией соответствующей фонемы. Ср., например, чередование (фонетически) глухих и звонких или мягких и твердых согласных

---

¹⁵³ См. там же, стр. 162. — Решение остальных двух задач сохраняет еще в работах Трубецкого специфический «славянский» характер, который придали «морфонологическим» проблемам Бодуэн де Куртэнэ и Крушевский, чья роль в развитии «морфонологии» не менее существенна, чем в развитии фонологии вообще (см.: R. Jakobson. *Kazańska szkoła...*, стр. 16, а также: Он же [Рец.] N. van Wijk. *Phonologie, een hoofdstuk uit de structurele taalwetenschap*. «Acta Linguistica» (Copenhagen), 1939, vol. I, fasc. 2, стр. 127). — Это, впрочем, объясняется, видимо, не столько славянским происхождением основателей «морфонологии», сколько тем, что соответствующие проблемы имеют для славянских языков весьма существенное значение.

¹⁵⁴ Ср.: Н. С. Трубецкой. *Основы фонологии*, стр. 36, где говорится о дигитивной функции, которую выполняют звуковые особенности, дифференцируя одну от другой различные единицы, наделенные значением. Это определение более точно, чем другие пражские формулировки относительно «смыслоразличительной» функции фонемы или ее способности «дифференцировать интеллектуальные значения» (ср.: E. Vuysens. *Mise au point de quelques notions fondamentales de la phonologie*; О. С. Ахманова. *Фонология*. М., 1954, стр. 13—14; Р. И. Аванесов. *Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы*. — В сб.: «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 114—115).

¹⁵⁵ J. Cantineau. *Oppositions significatives*, стр. 12.

¹⁵⁶ N. S. Trubetzkoy. *Das morphologische System der russischen Sprache*. — *TCLP*, 5₂, 1934, стр. 20—29.

в русск. *весь—все, рыба—рыбка* или *вода—воде, конь—конский* и т. п.

Иной смысл имеет фонемное чередование в случаях типа *калмык — калмыцкий, кабак — кабацкий, лях — ляхский* и т. п. (также включенных Трубецким в раздел «комбинаторных изменений»), не поддающееся объяснению на синхронно-фонологической почве. Ср. хотя бы такие морфологически тождественные образования, как *лак — лакский, каракалпак — каракалпакский, казах — казахский*, свидетельствующие о том, что чередование *к с ц* (или *х с ш*) перед *-ск* не является с точки зрения современной фонологической системы позиционно обусловленным.

Случаи типа *калмык — калмыцкий* обнаруживают большее сходство с такими историческими чередованиями, как *срок — срочно, рука — ручной, бегу — бежишь*, и многими другими, которые рассматриваются в разделе «Свободные морфемные изменения или альтернации»¹⁵⁷. И те и другие чередования, с одной стороны, не определяются фонологически (ср. *срочно*, но *окна*; *бегу — бежишь*, но *беги* или *лежу — лежишь*), но, с другой стороны, не оказывая никакого влияния на значение соответствующих морфем, очевидно, лишены собственно грамматической функции¹⁵⁸. Это обстоятельство позволяет усомниться в правомерности объединения случаев типа *бегу — бежишь* с примерами вроде *дик — дичь, нов — новь* и т. п.¹⁵⁹, в которых чередование различных фонем связано с образованием разных форм. Задачей фонологии в этом последнем случае является констатация соответствующих фонологических противопоставлений, а определение функции этого противопоставления входит уже в компетенцию грамматики.

Место таких чередований, как *г/ж, к/ч* в формах *бегу — бежишь, пеку — печешь* и т. п., менее ясно; как показано выше, они уже не относятся к фонологии и еще не относятся к грамматике. В связи с этим наиболее обоснованными (и конструктивными) из всех критических замечаний по адресу пражской «морфонологии» представляются соображения А. А. Реформатского, предложившего относить к специальной области, пограничной между фонологией и морфологией, именно явления подобного рода¹⁶⁰.

Поиски объективного инварианта чередующихся фонем привели Трубецкого к выдвижению понятия морфонема, которая определялась вначале как «сложный образ (image complex), со-

¹⁵⁷ См. N. S. Trubetzkoy. Das morphologische System..., стр. 29 и сл.

¹⁵⁸ Можно, впрочем, считать, что морфологическая функция чередований подобного рода состоит в том, что они дифференцируют разные типы основ (ср.: Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945, стр. 75—76), однако ясно, что соответствующие формы различаются прежде всего флексиями.

¹⁵⁹ N. S. Trubetzkoy. Das morphologische System..., стр. 86.

¹⁶⁰ А. А. Реформатский. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии). — В сб.: «Вопросы грамматического строя». М., 1955.

стоящий из двух или нескольких фонем, способных замещать друг друга, согласно условиям морфологической структуры, внутри одной и той же морфемы (например, в русском языке морфема *к/ч* в комплексе *рук: рука, ручной*)»¹⁶¹ или как «сложное представление (*idée complexe*), состоящее из всех членов ... морфологического чередования»¹⁶².

Многие критики понятия морфемы исходят именно из этих ранних определений, впоследствии оставленных Трубецким, который заменил их следующим, «не-психологическим» определением: «мыслимая как морфонологическое единство совокупность фонем, участвующих в данном чередовании»¹⁶³.

Однако и при таком определении плодотворность понятия морфемы вызывает сомнения. Выдвижение этого понятия, по-видимому, связано с убеждением пражцев в том, что морфемы состоят из фонем. Если разделять это убеждение, то естественно, признавая морфематическое тождество морфологических альтернантов («алломорфов» в терминологии дескриптивистов), считать их и фонематически тождественными¹⁶⁴, что с необходимостью приведет к установлению особой единицы, совпадающей с морфемой Трубецкого. Возражения против введения этого понятия, сводящиеся к тому, что морфема «не соответствует никакой языковой реальности» (если понимать их в том смысле, что морфеме нельзя реально произнести), разумеется, не являются основанием для того, чтобы отвергнуть существование такой единицы — ведь и фонема реально существует лишь в своих вариантах, которые содержат, наряду с фонологически существенными признаками, целый ряд признаков несущественных. Однако веским соображением против существования морфемы в понимании Трубецкого представляется невозможность ее определения в терминах дифференциальных признаков: совокупность признаков, общих для альтернантов морфемы *г/ж/з* (идентифицирующих морфему *друг-/друз-/друз-*) или *г/ж/ч* (идентифицирующих морфему *берег-/береж-/береч-*) и т. п., не является общей только для них. А ведь, как подчеркивал в другой связи сам Трубецкой¹⁶⁵, противопоставленность единицы другим единицам того же рода является основным условием ее фонологического бытия.

Поэтому критика пражской морфемы, хотя она и была направлена, как отмечалось выше, против психологизма ранних определений¹⁶⁶, не потеряла силы вообще по отношению к этому

¹⁶¹ «Тезисы Пражского лингвистического кружка», стр. 73.

¹⁶² «Projet de terminologie phonologique standardisée» стр. 322.

¹⁶³ N. S. Trubetzkoy. Das morphologische System..., стр. 30.

¹⁶⁴ Ср.: Ch. Hockett. Linguistic elements and their relations. «Language», 1961, vol. 37, № 1.

¹⁶⁵ См. выше, стр. 74, сн. 126.

¹⁶⁶ Ср.: W. Doroszewski. Autour du «phonème». — TCLP, 4, 1934, стр. 71—72; А. А. Реформатский и. О соотношении фонетики и грамматики, стр. 98—99 и др.

понятию: если в определении фонемы психологизирующая терминология была в общем неорганичным элементом, который легко можно было устранить без существенного изменения самого понятия, то приходится признать, что в отношении соответствующей морфологической единицы аналогичная операция едва ли возможна.

Наряду с синхронным описанием фонологических систем, пражцы считали второй основной задачей фонологии характеристику их развития. Исходя из того, что природа фонемы неразрывно связана с ее позицией в фонологической системе, пражские фонологи выдвинули тезис о том, что изменение фонемы является одновременно изменением конфигурации фонологической системы; изменение же в конфигурации системы является соответственно изменением в характере фонем. А в связи с тем, что фонема как средство семантической дифференциации включает (в пражском понимании) понятие тенденции, направленной к определенной цели, было выдвинуто требование включить в изучение истории звуков с фонологической точки зрения телеологический фактор. Таким образом, пражцы пришли к тому, что, в противоположность традиционной исторической фонетике, историческая фонология должна базироваться на следующих основных принципах: 1) ни одно звуковое изменение не может быть понято без обращения к системе и 2) каждое изменение в фонологической системе является целенаправленным¹⁶⁷.

Основы диахронической фонологии, существовавшей в качестве программы исследования с самого начала возникновения Пражского лингвистического кружка¹⁶⁸, были заложены Р. О. Якобсоном¹⁶⁹, а конкретные работы по истории фонологических систем разных языков¹⁷⁰ явились практическим опроверже-

---

¹⁶⁷ См., например: R. Jakobson. *Fonologie*. «Ottáv slovník naučný nové doby», II, 1 (1932) (воспроизведено на английском языке в кн.: R. Jakobson. *Selected writings*, I, стр. 232); N. S. Trubetzkoy. *La phonologie actuelle*, стр. 245; Он же. *Les systèmes phonologiques envisagés en eux-mêmes et dans leur rapports avec la structure générale de la langue*. «Actes du Deuxième Congrès international de Linguistes». Paris, 1933, стр. 110—111; J. Vachek. *Prof. Karl Luick and problems of historical phonology*. — *СМФ*, 1933, т. XIX, стр. 275.

¹⁶⁸ См. выше, стр. 49 и след. настоящего обзора.

¹⁶⁹ См.: R. Jakobson. *Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves*. — *TCLP*, 2, 1929; Он же. *Prinzipien der historischen Phonologie*. — *TCLP*, 4, 1931, стр. 247—267.

¹⁷⁰ Кроме названной работы Якобсона, исследующей фонологическую эволюцию русского языка в сравнении с другими славянскими, см. еще следующие работы «классического периода» Пражской школы, посвященные конкретным проблемам исторической фонологии: L'. Novák. *Zmena g > h v slovenčině*. «Sborník Matice Slovenskej», VIII, 1930; N. S. Trubetzkoy. *Die Entwicklung der Gutturale in den slavischen Sprachen*. «Сбор-

нием идущих от де Соссюра взглядов Женевской школы относительно непреодолимости преград между синхронией и диахронией.

Различие между подходом к языковому развитию лингвистов Пражской школы, в центре внимания которых лежат изменения отношения функциональных единиц внутри структурного целого, и младограмматическим историческим исследованием, целью которого является обнаружение фонетических изменений безотносительно к их функции в структуре, можно показать при помощи нескольких иллюстраций младограмматической и функциональной интерпретации одних и тех же явлений звукового развития языка. Так, например, если младограмматики устанавливали, что др.-англ. *a* осталось без изменений в среднеанглийском, то фонологи Пражской школы констатировали, что функция этой фонемы в среднеанглийском языке изменилась, так как в результате перехода др.-англ. *ae* > *a* изменилось и отношение гласного *a* к остальным гласным фонемам. Подобным образом, в противовес младограмматической точке зрения, считавшей, что герм. и др.-англ. *ng* осталось неизменным в новоанглийском, пражские фонологи устанавливали, что имеется существенная разница между древнеанглийским и среднеанглийским, с одной стороны, и новоанглийским — с другой, так как др.-англ. и ср.-англ. *ng* было вариантом фонемы *n* (как в современном чешском или литовском языках), в то время как в новоанглийском оно подверглось фонологизации (ср. *king-kin*). С другой стороны, представители Пражской школы не усматривали фонологического изменения в таких, например, случаях, как переход др.-англ. *k'* > ср.-англ. *tš* и др.-англ. *g'* > ср.-англ. *dž*, так как и в древнеанглийском, и в среднеанглийском оба эти звука представляли собой различные фонемы с различной фонетической реализацией¹⁷¹. Большинство пражских исследований по диахронической фонологии, устанавливая таким образом факты «фонологизации», «дефонологизации» и «трансфонологизации»¹⁷², предлагало, однако, не столько новые принципы объяснения звуковых

ник в чест на проф. Л. Милетич». София, 1933, стр. 267—279; В. Т р н к а. Fonologický vývoj ie. explosiv v starých jazycích germánských. — CMF, 1934, г. XXI, č. 1, стр. 44—52; Он же. Nové vysvětlení germánských posouvání. — Там же, стр. 101—103; Он же. Fonologický vývoj germánského vokalismu. — CMF, 1936, г. XXII, č. 2, стр. 155—159; Он же. On the phonological development of spirants in English. «Proceedings of the Second International Congress of Phonetic Sciences». Cambridge, 1936, стр. 60—64; Он же. The phonemic development of spirants in English. «English Studies», XIX, 1939, стр. 26—31; G. G o u g e n h e i m. Reflexions sur la phonologie historique du français. — TCLP, 8, 1939, стр. 262—269; P. T r o s t. Bemerkungen zum deutschen Vokalsystem. — Там же, стр. 319—326; В. Н а в р á н е к. Ein phonologischer Beitrag zur Entwicklung der slavischen Palatalreihen. — Там же, стр. 327—334.

¹⁷¹ См.: В. Т р н к а. Synchronie a diachronie..., стр. 63.

¹⁷² Эти термины (и соответствующие понятия) были выдвинуты Р. Якобсоном — см., например: R. J a k o b s o n. Prinzipien der historischen Phonologie, стр. 250, 252, 255.

изменений, сколько лишь принципы классификации и реинтерпретации звуковых изменений в структурных терминах¹⁷³. Поэтому плодотворность «телеологической» концепции, склонной а priori приписывать любому изменению терапевтический характер¹⁷⁴, но не получившей подтверждения в практических исследованиях фонологической истории конкретных языков, осталась далеко не доказанной¹⁷⁵.

Заслуживают внимания некоторые выводы, к которым приходили исследователи в процессе изучения фонологической истории отдельных языков, — выводы, уточняющие часть положений, выдвинутых в пионерских работах Якобсона. Так, Ж. Гугенэм в названной выше статье приводит факты старофранцузских звуковых эволюций, свидетельствующие о том, что нельзя во всех случаях объяснять звуковые изменения отсутствием равновесия в системе и стремлением его устранить¹⁷⁶, как считал Якобсон. Подобным образом Н. Ван-Вейк¹⁷⁷ приходит к выводу, что в развитии языка существенное значение имеют и его экстрафонологические элементы, и высказывает мысль, которая встречается уже в докладе В. Матезиуса в 1911 г.¹⁷⁸, что фонологизация вариантов должна быть заранее подготовлена определенной степенью фонетической дифференциации звуков. Б. Тринка, связывая эти вопросы с проблемой взаимоотношения языка и речи, как кажется, справедливо

---

¹⁷³ Ср.: А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях, стр. 69; Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история, стр. 288.

¹⁷⁴ О понятии «терапевтики» звуковых изменений см., например: J. Vachek. Prof. Karl Luick and problems of historical phonology. — Современные «пражцы» считают, что «по существу правильное положение о терапевтическом характере многих языковых изменений» некоторыми представителями Пражской школы «чрезмерно подчеркивалось» (Б. Тринка и др. К дискуссии по вопросам структурализма. — В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, стр. 108).

¹⁷⁵ Эта концепция была отвергнута рядом лингвистов и по теоретическим соображениям. Правда, некоторые из критических замечаний, направленных против «телеологической» концепции, — такие, например, как категорическое высказывание П. С. Кузнецова: «В основе фонетических изменений лежат определенные чисто фонетические причины... а не тенденция к восстановлению равновесия в фонологической системе или тенденция вообще преобразования этой системы в определенном направлении...» (П. С. Кузнецов. [Рец.] F. Liewehr. Slawische Sprachwissenschaft in Einzeldarstellungen. — ВЯ, 1957, № 2, стр. 109), — представляются по крайней мере столь же априорными. Более глубоко аргументированы теоретические возражения Э. Косериу, вскрывшего недостаточную определенность и непоследовательность в употреблении основных понятий, выдвинутых «телеологической» теорией пражцев, см.: Э. Косериу. Указ. соч., стр. 264—309, особенно стр. 299 и сл.

¹⁷⁶ G. Gougenheim. Указ. статья, стр. 268.

¹⁷⁷ N. van Wijk. L'étude diachronique des phénomènes phonologiques et extraphonologiques. — TCLP, 8, 1939, стр. 297—318. Ср. также его более раннюю работу «Klankhistorie en phonologie» (Amsterdam, 1938).

¹⁷⁸ См. сноску 15 на стр. 50.

считает, что граница между фонемами и вариантами не совпадает с границей между языком и речью¹⁷⁹.

В настоящее время наиболее значительных успехов в области историко-фонологического анализа достиг представитель французского ответвления Пражской школы Андрэ Мартине, который, с одной стороны, стремится создать теорию диахронической фонологии и, с другой стороны, применяет фонологические методы к решению конкретных проблем исторической фонетики¹⁸⁰.

Интересным развитием пражского принципа «динамической солидарности» между звуковыми элементами языка являются также попытки современных пражских структуралистов установить, основываясь на более широком понимании этого тезиса как внутренней солидарности (в диахронической перспективе) между фонетической, грамматической и лексической «частными системами»¹⁸¹, каким образом изменение в любой из названных областей отзывается на всей системе¹⁸².

Необходимо упомянуть также о попытках пражских фонологов распространить фонологические методы на область лингвистической географии. Работы пражцев, показавшие, что группы соседних языков обнаруживают сходные фонологические черты¹⁸³, даже если они принадлежат генетически к разным языковым семьям, явились основанием для выдвижения нового понятия

---

¹⁷⁹ B. Trnka. O současném stavu bádání v fonologii, II. — SaS, 1940, r. VI, č. 4, стр. 213—214.

¹⁸⁰ См. его работу «Economie des changements phonétiques. Traité de phonologie diachronique» (Berne, 1955) — русск. перевод теоретического раздела книги А. Мартине назван в сноске 82 на стр. 65 (среди предшествовавших работ, подготовивших теорию Мартине, следует упомянуть его статью «Rôle de la corrélation dans la phonologie diachronique» (TCLP, 8, 1939, стр. 273—288) и доклад на фонетическом съезде в Генте: A. Martinet. Equilibre et instabilité des systèmes phonologiques. «Proceedings of the Third International Congress of Phonetic Sciences». Ghent, 1939).

¹⁸¹ Одну из немногих попыток исследования взаимозависимости между фонологической и грамматической структурой языка в синхронном плане представляет работа Трубецкого «Das nordwinische phonologische System...». Теоретическое освещение вопроса о взаимосвязи фонематического и грамматического аспектов языка получил в докладе Якобсона на Международном съезде лингвистов в 1948 г. (см.: R. Jakobson. The phonemic and grammatical aspects of language in their interrelations. «Actes du Sixième Congrès International des Linguistes». Paris, 1949, стр. 5—18).

¹⁸² См.: J. Vachek. Notes on the development of language seen as a system of systems. «Sborník prací filosofické fakulty brněnské university», A6, 1958, стр. 94—107.

¹⁸³ См., например, одну из первых работ этого направления: L. Novák. De la phonologie historique romane. La quantité et l'accent. «Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario a discipulis et circuli linguistici Pragensis sodalibus oblata». Pragae, 1932, стр. 45 — об особой лингвистической группе, которую составляют языки Средиземноморского побережья.

языкового союза (Sprachbund, jazykový svaz), противопоставленного понятию языковой семьи (Sprachfamilie, jazyková rodina).

Различие между этими двумя понятиями было обосновано в первую очередь Трубецким и Якобсоном¹⁸⁴. Последний посвятил несколько конкретных исследований обнаруженному им «евразийскому языковому союзу»¹⁸⁵, с существованием которого согласился В. Скаличка, обративший внимание еще на некоторые общие черты, присущие «евразийским» языкам, в небольшой статье на ту же тему¹⁸⁶. Теория «языковых союзов» была поддержана также Б. Гавранком, указавшим в своем докладе на I Международном фонетическом конгрессе в Амстердаме на некоторые важные фонологические изоглоссы в языках Балканского полуострова¹⁸⁷.

С понятием «языкового союза» связана проблема языкового смешения и вопрос так называемого языкового субстрата. Этим вопросам было посвящено, например, исследование французского лингвиста Л. Теньера¹⁸⁸. Автор приходит к интересному выводу, что смешение языков возможно лишь между языковыми элементами разных типов, например между словарем одного языка и морфологией другого или между фонологической структурой одного и морфологией либо синтаксисом другого языка и т. д. Можно, однако, указать на то, что лексические заимствования часто связаны и с освоением новых фонологических черт¹⁸⁹ (ср., например, намечающееся противопоставление палатализованных и непалатализованных заднеязычных в русском языке: *кэб* при *кепка*, *гяур*, *кьянти* при *канте* и т. п.). Особый интерес представляют в этом

---

¹⁸⁴ Впервые эти понятия были разграничены Трубецким в статье «Вавилонская башня и смешение языков» («Евразийский временник», III. Берлин, 1923, стр. 107—123), а в 1928 г. Гаагский международный съезд лингвистов одобрил предложение Трубецкого относительно необходимости «строжайшего различения этих понятий» (см. «Actes du Premier Congrès international de Linguistes». Leiden, [1930]). Противопоставление языкового союза языковой семье, основанное на противоположности языков единоустремленных языкам единокордным, подробно обосновывается в брошюре Якобсона «К характеристике евразийского языкового союза» (Paris, 1931), включенной сейчас в кн.: R. Jakobson. Selected writings, I's-Gravenhage, 1962 (см. стр. 144 и сл.).

¹⁸⁵ R. Jakobson. Über die phonologischen Sprachbünde. — TCLP, 4, 1931, стр. 234—240; Он же. К характеристике евразийского языкового союза. Paris, 1931.

¹⁸⁶ V. Skalička. Zur Charakteristik des eurasischen Sprachbundes. «Archiv orientální», 6, 1933, стр. 272.

¹⁸⁷ B. Havránek. Zur phonologischen Geographie (Das Vokalsystem des balkanischen Sprachbundes). «Conférences des membres du Cercle Linguistique de Prague au Congrès des sciences phonétiques, tenu à Amsterdam (3—8.VII 1932)», стр. 6—12.

¹⁸⁸ L. Tesnière. Phonologie et mélange de langues. — TCLP, 8, 1939, стр. 83.

¹⁸⁹ Ср.: B. Trnka. O současnem stávu bádání ve fonologii, II, стр. 212.

отношении работы В. Матезиуса и Б. Трнка, исследующие с точки зрения синхронической фонологии языковые заимствования¹⁹⁰.

Понятие языкового союза оказалось плодотворным и в области диалектологических исследований в связи с тем, что, как показал Б. Трнка, при изучении исторического размежевания и сближения диалектов полезно различать «союзные» (svazové) функциональные черты от генетических, «семейных» («rodinných») ¹⁹¹.

Значение работ представителей Пражской школы по «фонологической географии», основанных на применении метода «аналитического сравнения»¹⁹² и направленных против тезиса младограмматиков относительно целесообразности сравнительного изучения лишь родственных языков¹⁹³, состоит в том, что они заложили фундамент современного типологического исследования¹⁹⁴.

«Классический период» деятельности Пражской фонологической школы, завершившийся систематическим изложением пражской фонологической теории в «Основах фонологии» Трубецкого, является важнейшей вехой в истории языкознания — как бы ни относиться к некоторым принципам и отдельным деталям пражской фонологической концепции.

Весьма существенное значение имело выдвинутое и убедительно аргументированное пражцами требование разграничения фонетики и фонологии, основанное на осознании того — теперь уже бесспорного¹⁹⁵ — факта, что познать и описать какой бы то

---

¹⁹⁰ См.: V. Mathesius. Cizí slova ze stanoviska synchronického. — ČMF, 1932, г. XVIII, стр. 231—239 (то же в кн.: «Čeština a obecný jazykozpyt». Praha, 1947); Он же. Zur synchronischen Analyse fremden Sprachguts. «Englische Studien», LXX, стр. 21 и сл.; Он же. K výslovnosti cizích slov v češtině. — SaS, 1935, г. I, стр. 96—105 (то же в кн.: «Čeština a obecný jazykozpyt»); B. Trnka. O fonologických cizostech v češtině. — SaS, 1942, г. VIII, č. 1, стр. 20—27.

¹⁹¹ См.: B. Trnka. Germánský přízvuk a anglická slova prejatá z latiny. «Sborník filologický», 10, стр. 135—172.

¹⁹² См.: B. Trnka. Méthode de comparaison analytique et grammaire comparée historique, стр. 33—38.

¹⁹³ Традиционному понятию родства языков было противопоставлено в работах пражцев понятие «сродства» (Affinität) языков, под которым разумелись объединения языков, создаваемые на основе их типологического схождения (см., например: N. Trubetzkoy. Gedanken über das Indogermanenproblem. «Acta Linguistica» (Copenhagen), 1939, vol. I, fasc. 2, стр. 81—89; русск. вариант статьи см.: ВЯ, 1958, № 1, стр. 65—73).

¹⁹⁴ О современном состоянии типологии см.: V. Skalička. O současném stavu typologie. — SaS, 1958, г. XIX, č. 3 (русск. перевод в сб. «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963, стр. 19—35); Он же. Z nové typologické literatury. — SaS, 1960, г. XXI, č. 1, стр. 41—43.

¹⁹⁵ Ср. весьма плодотворную мысль о необходимости разграничения «предмета» и «объекта» науки вообще и лингвистики в частности, все более настойчиво выдвигаемую в последнее время советскими логиками и языковедами; ср. также мнение о различии «объекта науки» и «реаль-

ни было объект во всей его глобальной реальности невозможно и что поэтому необходимо подходить к его изучению с какой-то определенной точки зрения, выделяющей лишь существенные для данной отрасли знания стороны и аспекты исследуемого объекта. Обоснование этого требования было особенно необходимо и актуально для того времени, когда оно было выдвинуто, так как достигшая определенных успехов экспериментальная фонетика в поисках все большей «объективности» исследования грозила вывести изучение звуковой стороны языка за пределы лингвистики. Однако несомненно, что заостренность некоторых формулировок, связанная именно с их полемической направленностью, могла подавать повод к недоразумениям и послужила впоследствии источником более или менее обоснованной критики со стороны приверженцев тесной связи между фонетикой и фонологией. Из многочисленных возражений против абсолютного противопоставления фонетики и фонологии¹⁹⁶ наименее убедительным представляется — в силу сказанного выше — аргумент относительно невозможности «разрывать» то, что «в действительности теснейшим образом связано»¹⁹⁷. После работ пражских, а также и

но существующей вещи» в работе: В. А. Смирнов. Дедуктивный метод и некоторые проблемы логического анализа языка. (Автореф. канд. дисс.). М., 1962, стр. 9—10 и сл.

¹⁹⁶ См., например: Ed. Zwirner. Phonologie und Phonetik. Eine erkenntnistheoretische Erörterung. «Acta Linguistica» (Copenhagen), 1939, vol. I, fasc. 1, стр. 33; B. Malmberg. Die Quantität als phonetisch-phonologischer Begriff. Lund, 1944 («Lunds Universitets Årsskrift», N. f. Avd. 1, Bd. 41, № 2), особенно предисловие; Он же. La phonétique. Paris, 1954, стр. 115; O. von Essen. Allgemeine und angewandte Phonetik. Berlin, 1953, стр. 6; W. K. Matthews. Phonetics and phonology in retrospect. «Lingua», VII, 1958, 3, стр. 254—268; E. Fischer-Jørgensen. Die Bedeutung der funktionellen Sprachbeschreibung für die Phonetik. «Phonetica». Internationale Zeitschrift für Phonetik. Suppl. ad vol. 4 (1959), стр. 7—28. — Некоторые представители пражской фонологии также выступали против полного разделения этих двух дисциплин. Кроме приводившихся выше соображений Б. Трнки (см. стр. 61), см., например, также: N. van Wijk. Phonologie, een hoofdstuk uit de structurele taalwetenschap. Den Haag, 1939, стр. 12 и сл.; A. Martinet. La phonologie synchronique et diachronique. «Revue des cours et conférences», 40, 1939, стр. 323 и сл.

¹⁹⁷ Ср., например, в указанной статье В. К. Метьюса: «В этом [речь идет о разделении фонетики и фонологии] — источник нашей лингвистической ереси, пытающейся провести четкую и прочную черту между тем, что по природе вещей оказывается неразделимым» (стр. 258). Уместно привести в этой связи замечания, высказанные (по другому поводу) в уже цитированной работе Э. Косериу, о том, что «„познавать“ — это прежде всего значит „различать“» и что «мысленное различение... не является и не может являться „калечением“ реальности...» («Новое в лингвистике», вып. III, стр. 171), а также напомнить важные соображения В. Н. Топорова относительно научной необходимости «отрыва языка от речи, истории языка от истории народа, синхронии от диахронии и т. д.» (см. его выступление, напечатанное в сб.: «О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков». М., 1960, стр. 85).

других фонологов не приходится сомневаться в фундаментальном различии «фонемы» и «звука языка», а вместе с тем в различии рабочих приемов фонологии и фонетики (к этому заключению пришли и некоторые противники «раздвоения» науки о звуках языка, считающие в то же время неправомерным смешивать понятие «рабочего приема» (*Arbeitstechnik*) с понятием метода¹⁹⁸). Однако едва ли обосновано мнение о необходимости исключения фонетики из сферы лингвистического исследования, высказывавшееся иногда Трубецким¹⁹⁹ и другими представителями Пражской школы²⁰⁰. Нельзя отрицать, что в принципе возможна «чистая фонетика», свободная от каких бы то ни было «лингвистических связей», исследовательские результаты которой имели бы для языкознания минимальное значение или не имели бы никакого значения²⁰¹. Но так же бесспорным представляется то, что и экспериментальная фонетика, пользующаяся чисто физическими и физиологическими методами, может преследовать чисто лингвистические цели. Так, например, вполне убедительными кажутся соображения,

---

¹⁹⁸ См.: Ed. Zwirner. *Phonologie und Phonetik*, стр. 33.

¹⁹⁹ Ср., однако: «Языкознание должно иметь дело не только с языком, но и с речью, причем со всей сферой речи. Существенной, однако, остается необходимость строгого разграничения двух объектов языкознания — языка и речи» (Н. С. Трубецкой. *Основы фонологии*, стр. 15), — высказывание, в котором А. В. Исаченко видит доказательство того, что ни о каком «разрыве» фонетики и фонологии в концепции Трубецкого не может быть речи (см.: А. В. Исаченко. *Hat sich die Phonologie überlebt?* «*Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft*», 1956, Bd. 9, Hf. 4, стр. 312).

²⁰⁰ См., например, аргументацию того, что «фонетика не относится к лингвистике», в статье: J. M. Kořinek. *Obecná jazykověda v publikacích Bruselského a Bělehradského sjesdu*. — SaS, 1940, r. VI, č. 4, стр. 220. — Автор выступает здесь, между прочим, против распространенной тенденции видеть отличие фонетики от фонологии в том, что первая будто бы является «нефункциональной» наукой (понятие «функции», «функциональности» несколько отличается у Коржинка от обычного пражского употребления, приближаясь к соответствующему понятию в теории Ельмслева).

²⁰¹ Можно сослаться, например, на чисто физический анализ гласных по методу Гемелли (см.: A. Gemelli. *Variations signalatrices et significatives et variations individuelles des unités élémentaires phonique de langage humain*. «*Archiv für vergleichende Phonetik*», III, 1939, стр. 65 и сл.; он же. *Nouvelle contribution à la connaissance de la structure des voyelles*. «*Archives néerlandaises de phonétique expérimentale*», XIV, 1938, стр. 126 и сл.), который, как справедливо считает Б. Мальмберг, не является лингвистической задачей. Подобного рода исследования должны относиться, по-видимому, к «общей фонетике», которая в отличие от «специальной фонетики» (разделение, предложенное Э. Фишер-Йоргенсен) может в определенных случаях не принимать во внимание языковые функции, например при установлении общей системы звуковых возможностей или при изучении причинных взаимоотношений между производством звуков и звуковыми волнами — см.: E. Fischer-Jørgensen. *Die Bedeutung der funktionellen Sprachbeschreibung für die Phonetik*, стр. 7—28.

высказанные Б. Мальмбергом²⁰² в связи с фонетической и фонологической оценкой двух типов интонации в шведском языке (в сравнении с *Stimmbänderverschluß* датского языка): несмотря на то, что фонолог, ограничивающийся установлением принципов использования языком данного средства выражения, намеренно отвлекается от характера того или другого типа ударения (поэтому музыкальное ударение шведского в фонологической интерпретации тождественно выполняющему ту же функцию в датском языке *Stimmbänderverschluß*), выяснение природы интонационного противопоставления в шведском не может быть безразличным для языкознания. Поэтому мы солидарны с шутливым замечанием Л. Теньера, выступившего еще при обсуждении «Проекта фонологической терминологии», против признания фонетики нелингвистической дисциплиной: *Linguista sum et nil linguistici a me alienum puto*²⁰³.

И тем не менее, хотя строжайшее отделение фонологии от фонетики, провозглашение их полной независимости друг от друга — как было показано выше — в действительности осталось только декларацией, предстает, что оно было исторически оправдано, явившись необходимым условием создания фонологии как научной дисциплины. Историческая заслуга пражцев как творцов этой новой науки состоит в том, что в их трудах: 1) было обосновано понятие фонологической системы как закономерного структурного целого; 2) психологическая интерпретация фонологических элементов была заменена социологическим подходом и 3) синхроническая фонология была дополнена исторической фонологией.

Грамматика

Говоря о Пражской лингвистической школе, большинство историков языкознания имеет в виду прежде всего (иногда — исключительно) исследования пражцев в области фонологии²⁰⁴. Действительно, в течение «классического периода» пражцам не удалось создать законченную методологическую систему исследования высших планов языка, хотя и в этой области ими был высказан целый ряд оригинальных идей, носящих принципиальный характер.

В начале своей деятельности Пражский лингвистический кружок выдвинул своеобразную концепцию деления науки о языке, противопоставленную традиционным представлениям, согласно ко-

²⁰² См.: B. Malmberg. [Рец.] N. S. Trubetzkoy. Grundzüge der Phonetik. «Indogermanische Forschungen», 1942, Bd. 58, Hf. 3, стр. 268—269.

²⁰³ См.: TCLP, 4, 1931. Suppléments, стр. 309 («Observations de MM. les Membres et Correspondants du Cercle»).

²⁰⁴ Ср., например: B. Malmberg. Nya vägar inom språkforskningen: En orientering i modern lingvistik. Stockholm, 1959.

торым, наряду с фонетикой, в качестве особых разделов языкознания существует лексикология, с одной стороны, и грамматика — с другой, подразделяющаяся, в свою очередь, на морфологию и синтаксис²⁰⁵.

Так, «Тезисы Пражского лингвистического кружка», предложенные I съезду славистов, предусматривают, наряду с исследованиями, относящимися к звуковому аспекту языка, «исследования слова и сочетания слов» (речь идет об устойчивых сочетаниях), входящие в «теорию лингвистической номинации», и исследования сочетаний слов, возникающих в результате синтагматической деятельности, составляющие компетенцию «теории синтагматических способов». Первый из этих разделов языкознания, учение о слове как «результате номинативной лингвистической деятельности», ставит своей задачей выявление специфической для каждого языка «системы номинации», т. е. исследование и классификацию различных «способов номинации», образующих различные «номинативные формы» (словообразование, словосложение, застывшие словосочетания), определение системы категорий слов, их объема и внутренней структуры (включая выявление частных классификационных различий внутри отдельных категорий — таких, как категория рода, одушевленности, числа, определенности и т. п. для существительных, категория залога, вида, времени и т. п. для глагола и т. д.), а также характеристику словаря рассматриваемого языка, включающую определение объема и точности значений в лингвистической номинации, выявление понятийных сфер, фиксированных в элементах данного словаря, и способов его пополнения, и т. п. Как видно из сказанного, в сферу «теории лингвистической номинации» включается анализ языковых явлений, которыми занимаются традиционная морфология (словообразование), синтаксис в узком смысле слова (значение частей речи и форм слов) и семантика (характеристика словаря в указанных направлениях).

Что касается второго выделяемого пражцами раздела языкознания — «теории синтагматических способов», то ее предметом является сочетание слов, возникающее в результате синтагматической деятельности. Синтагматика в том виде, как она сформулирована в «Тезисах», опять-таки не совпадает с традиционно

---

²⁰⁵ Этого традиционного деления в основном придерживается, между прочим, и большинство американских дескриптивистов (с той разницей, что, сознательно элиминируя семантический аспект, они, как правило, исключают из науки о языке «лексикологию»). Ср., например, блумфилдовское деление грамматики на: 1) фонетику и фонематику, 2) морфологию (занимающуюся структурой слова) и 3) синтаксис (занимающийся сочетанием слов в фразы и предложения). — Аналогичное деление предлагается Блоком и Трейгером в их «Outline of linguistic analysis» (Baltimore, 1942) и Трейгером и Смитом в более поздней работе «An outline of English structure» (Norman, 1951).

выделяемым синтаксисом прежде всего по объему, — во-первых, потому, что часть вопросов, относящихся к традиционному синтаксису, отходит, как было видно, к «теории лингвистической номинации», и, во-вторых, потому, что пражской синтагматике не противостоит в качестве параллельной дисциплины морфология. Последняя представляет собой, по мнению пражских лингвистов «классического» периода, теорию системы форм слов и их групп и, не существуя в виде самостоятельной дисциплины в одном ряду с «теорией номинации» и с «синтагматической теорией», перекрещивается как с той, так и с другой²⁰⁶. Обоснование этой концепции находим в ряде работ В. Матезиуса, с именем которого она, по-видимому, и связана в первую очередь²⁰⁷.

Основными предпосылками системного анализа языка Матезиус считал: 1) исследование, проводимое на строго синхронной основе, 2) метод аналитического сравнения языков независимо от их генетического родства, 3) функциональную точку зрения, т. е. подход к исследованию с точки зрения того, как различные языки удовлетворяют общим коммуникативным потребностям.

Такие единые потребности общения, являющиеся для всех языков единственным «общим знаменателем», Матезиус видел в выполнении говорящими двух родов коммуникативной деятельности: 1) отбор из данной действительности (конкретной или абстрактной) элементов, которые привлекли внимание говорящего и которые могут быть выражены средствами существующего в данном языке словаря, и 2) установление взаимной связи между знаками этих элементов, выполняемое специфическими для каждого языка способами построения предложения²⁰⁸.

Деление функционального лингвистического анализа (взятого с точки зрения говорящего) производится в соответствии с этими двумя видами коммуникативной деятельности: «отбору» соответствует «функциональная ономотология», связанная со способами и средствами наименования выбираемых элементов действительности, а «сочетанию» соответствует «функциональный синтаксис», занимающийся способами и средствами организации этих наименований — в применении к конкретной ситуации — в предложения. Морфология, имеющая дело с классификацией средств выражения на основе формального сходства, пересекает обе эти области, ибо различные части одной морфологической системы мо-

²⁰⁶ «Тезисы Пражского лингвистического кружка», стр. 73—74.

²⁰⁷ Ср.: K. Hořálek. Historickosrovnávací studium morfoloické stavby slovanských jazyků. Metodologické předpoklady historickosrovnávacího studia gramatických kategorií. — В сб.: «K historickosrovnávacímu studiu slovanských jazyků». Praha, 1958, стр. 20—21.

²⁰⁸ В современной концепции Р. О. Якобсона этим двум видам коммуникативной деятельности соответствуют селекция и комбинация (см., например: R. Jakobson and M. Halle. Fundamentals of language. 's-Gravenhage, 1956, стр. 58—62).

гут иметь различные функции, ономотологическую и синтаксическую²⁰⁹.

Предложенная здесь схема соотношения частей лингвистического анализа представляется привлекательной во многих отношениях. Нельзя не согласиться с тем, что морфология не соотносима с «ономатологией» и «синтаксисом»: первая (употребляя современную терминологию) имеет отношение к плану выражения, последние — к плану содержания²¹⁰. Противопоставление «синтаксиса» и «ономатологии» кажется гораздо более естественным, чем традиционное противопоставление «синтаксиса» и «морфологии», и с точки зрения логики: ведь «синтаксис» как наука об отношениях логически предполагает в качестве своего противоположного члена науку о единицах; с другой стороны, «морфология» как наука о формах, по-видимому, может противостоять только науке о значениях. С этой точки зрения вполне убедительными кажутся соображения, высказанные в связи с проблемой места семантики в структуре лингвистической науки С. Ульманом²¹¹, который пришел к следующей схеме деления лингвистики, очень похожей (по существу) на соответствующее деление прагматов:

I. Фонология.

II. Лексикология: 1) лексическая морфология; 2) лексическая семантика.

III. Синтаксис: 1) синтаксическая морфология; 2) синтаксическая семантика²¹².

²⁰⁹ См.: V. Mathesius. On some problems of the systematic analysis of grammar. — TCLP, 6, 1936; Он же. O soustavném rozboru gramatickém. — В кн.: V. Mathesius. «Čeština a obecný jazykozpyt». Praha, 1947; Он же. Pokus o teorii strukturalní mluvnice. — SaS, 1936, г. II, ч. 2; Он же. Obsahový rozbor současné angličtiny na základě obecné lingvistiky. Praha, 1961, и др.

²¹⁰ Ср. справедливые замечания И. А. Мельчука, высказанные, правда, в другой связи (раздел «О некоторых типах языковых значений» в кн.: О. С. Ахманова, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева, Р. М. Фрумкина. О точных методах исследования языка. М., 1961, стр. 37—38).

²¹¹ St. Ullmann. Principles of semantics. Glasgow—Oxford, 2nd ed., 1957, стр. 24—36.

²¹² Аналогичное деление предлагалось в свое время Й. Рисом:

Laut	Wort		Wortgefüge	
Lautlehre	Wortlehre		Syntax	
	Form	Bedeutung	Form	Bedeutung

аргументация которого весьма напоминает соответствующие положения прагматов: «Противоположный член синтаксиса (Wortgruppenlehre) — не морфология, а лексикология (Wortlehre). Морфология граничит с семантикой, а не с синтаксисом; как морфология, так и синтаксис имеют мор-

Очевидно, однако, что синтаксис в таком понимании представляет собой нечто принципиально отличное от тех разделов языкознания, которые выделяются на основании специфических для них единиц. Несомненно, что конкретное предложение (или конкретное словосочетание) не может считаться принадлежащим языку в сосюрсовском смысле. С этой точки зрения представляется обоснованной попытка английского лингвиста А. Гардинера представить слово единицей языка, а предложение — единицей речи²¹³. Однако более правильной является, по-видимому, позиция Матезиуса, который, полемизируя с Гардинером, предложил разграничивать предложение как конкретное высказывание и предложение как абстрактную модель. Первое, по его мнению, принадлежит к речи, второе — к языку²¹⁴. В то же время очевидно, что предложение как абстрактная модель не соотносительно с такими единицами языка, какими являются, например, фонема, морфема или слово (лексема), и, следовательно, не может быть признано единицей особого «синтаксического уровня».

Следует заметить в этой связи, что проблема языковых уровней, как она была поставлена американскими дескриптивистами, не разрабатывалась Пражской школой в классический период ее деятельности. Новейшую попытку выделить уровни языка и, соответственно, языкового анализа на основе выделения специфических для каждого уровня единиц представляют работы Б. Трнки²¹⁵. В этих работах наряду с фонологическим и морфологическим уровнем (основной единицей которого признается не морфема, а слово) автор выделяет синтаксический и

фонологическую и семантическую части. Синтаксис — третья часть грамматики, выделяемая в соответствии со своим предметом» (J. Ries. Was ist Syntax? Prag, 1894; изд. 2 — Prag, 1927, стр. 142). — В предложенной пражцами концепции можно обнаружить также сходства с де Соссюром — как в отношении понимания объема грамматики, соответствующего объему традиционной грамматики и лексикологии, взятых вместе (ср.: Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики, стр. 130), так и в отказе от традиционного деления грамматики на морфологию и синтаксис, замеченного в учении Соссюра делением на теорию синтагм и теорию ассоциаций (впрочем, пражская «теория синтагматических способов» не вполне совпадает с синтагматикой Соссюра). Непосредственное влияние на пражскую теорию деления науки о языке, вероятно, оказал К. Бюлер, деливший язык на две различные плоскости: «лексикон» и «синтаксис» (K. Bühler. Sprachtheorie. Jena, 1934, стр. 73 и сл.).

²¹³ A. Gardiner. The theory of speech and language. Oxford, 1932; 2nd ed., 1951.

²¹⁴ V. Mathesius. On some problems..., стр. 104—106; это разграничение параллельно разграничению слова «в его концептуальном значении» (сфера языка) и слова, относящегося к конкретной действительности (сфера речи), — там же, стр. 106.

²¹⁵ См., например: B. Trnka. Morfologické protiklady. — VPSJ, стр. 94; Он же. Principles of morphological analysis. «Philologica Pragensia», 1961, IV, 3.

«суперсинтаксический», или «стилистический», уровни. Единицей синтаксического уровня является «предложение со всем его значимым и относительным содержанием» (with its whole meaningful and relational content). В силу сказанного выше эта концепция представляется менее удовлетворительной, чем концепция, намеченная Матезиусом, последовательное принятие которой должно было бы привести к отказу от выделения синтаксического уровня как понятия, соотносимого с низшими языковыми уровнями. Что касается выдвинутой Б. Трнкой идеи о том, что характерной особенностью каждого уровня является свойство быть одновременно «реализующим» (по отношению к высшему уровню) и «реализуемым» (по отношению к низшему уровню), то употребление этих терминов представляется не вполне удачным потому, что они имеют здесь, очевидно, иной смысл, чем это принято в фонологии (где речь идет о взаимоотношении между фонемой и реализующими ее звуками). Впрочем, сам автор, в соответствии с традицией, говорит о том, что фонологический уровень реализуется фонетическим уровнем²¹⁶, что естественно предполагает большую абстрактность первого по сравнению со вторым. Однако предложение «with its whole meaningful and relational content» явно менее абстрактно, чем слово. Еще в большей степени это возражение касается «суперсинтаксического» уровня, основной единицей которого является конкретное высказывание, «конституированное всем своим семантическим и относительным содержанием», «непосредственно отражающее данную экстралингвистическую ситуацию», «создаваемое индивидуальным говорящим и адресованное индивидуальному слушателю»²¹⁷.

---

²¹⁶ Там же, стр. 130.

²¹⁷ B. Trnka. Principles of morphological analysis, стр. 129, 130. — Теория уровней, предложенная Б. Трнкой, была принята некоторыми чехословацкими лингвистами, см., например, статью: V. Hořejší. Postavení morfológie v mluvnici a její obsah. — SMF, 1957, г. XXXIX, 2—3, в которой автор исходит из тех же четырех «уровней» (rovín), или планов (plánů, plans), что и Трнка, в особенности: V. Hořejší. Les plans linguistiques et la structure de l'énoncé. — *Philologica Pragensia*, 1961, IV, 4 (последний уровень называется здесь «планом высказывания»: plan de l'énoncé, plan énonciatif); J. Долежел, К. Гаузенблас. Поэтика и стилистика. В сб.: «Poetika» (Warszawa, 1961, стр. 40, сн. 1), однако многие из них придерживаются иных взглядов; точка зрения Э. Паулини близка к копенгагенской концепции языка (ср.: E. Pauliny. Systém v jazyku. — VPSJ, стр. 18—28 и рец. К. Горалка в SaS, 1959, г. XX, с. 2), Б. Гавранек также различает звуковой и семантический планы, подразделяя в то же время последний на план семантико-грамматический и семантико-лексический (см. «Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists», Oslo, 1958, стр. 381), Й. Вахек «наиболее важными» планами, или уровнями, считает «звуковой, грамматический и лексический» (J. Vachek. Notes on the development of language seen as a system of systems, стр. 94), совпадая в этом с Й. Коржинком (см.: J. Kořinek. Uvod do jazykospytu, стр. 20).

Возвращаясь к концепции Матезиуса, отметим, что он следовал основному принципу функциональной лингвистики (определявшейся им самим как род лингвистического анализа, при котором сознательно принимается точка зрения говорящего) и в своих конкретных исследованиях. Это нашло отражение не только в композиции его трудов (так, например, его «Функциональный анализ современного английского языка»²¹⁸ начинается «функциональной ономотологией», соответствующей моменту, когда то, что должно быть выражено, подвергается расчленению на могущие быть названными элементы; затем следует «функциональный синтаксис», соответствующий процессу установления взаимных отношений между этими элементами; и только потом — исследование звуковой системы языка, которое должно, по мнению Матезиуса, завершать весь научный анализ исследуемого языка), но и в его стремлении идти при лингвистическом анализе от функции к форме, а не наоборот, т. е. в стремлении установить все потребности человеческого общения, а затем искать способы и формы, их выражающие. Как справедливо указывает Я. Махачек²¹⁹, выдвижение на первый план функции языковых единиц, явившееся важнейшим вкладом Матезиуса в языкознание, может, однако, привести к переоценке этого принципа, в результате чего исследователь будет склонен находить формы, выражающие предполагаемую функцию, даже в тех случаях, когда исследуемый язык таких форм в действительности не имеет²²⁰.

Большой интерес представляют работы пражцев, отразившие попытки использования в исследовании грамматики методов, разработанных в фонологии. Следует сразу же подчеркнуть, что здесь не может идти речь о «механическом перенесении» «собственно фонологических» методов в область, принципиально отличную. То обстоятельство, что структурные методы были сначала разработаны на фонологическом материале, представлялось пражцам в общем случайным и объяснялось соображениями чисто технического (методического) характера²²¹. В основе пражского понимания фонологии лежало именно признание принципиального изоморфизма фонологического и грамматического исследования, при-

---

²¹⁸ V. Mathesius, *Obsahový rozbor současné angličtiny na základě obecně lingvistického* (фонетическая часть не была включена в это издание редактором и издателем Й. Вахком из-за того, что она в значительной степени устарела).

²¹⁹ См. его рецензию на указ. соч. Матезиуса в журнале «*Philologica Pragensia*», 1962, V, 1).

²²⁰ Случаи недостаточного внимания к формам выражения (например, функциональное отождествление Матезиусом ряда чисто лексических сочетаний с пассивными конструкциями в английском языке) отмечаются в упомянутой выше рецензии (стр. 56).

²²¹ J. Vachek, *Úloha účinnosti v jazykovém vyvoji* (Рец. на кн. О. Есперсена «*Efficiency in linguistic change*»). — *SaS*, 1943, r. VII, č. 3, стр. 154.

чем речь шла о применении в фонологии тех методов, которые используются при исследовании грамматической системы языка, а не наоборот²²². Поэтому было бы неточным квалифицировать грамматические работы пражцев как попытки приложения «фонологических» приемов к исследованию грамматики, основанные на смутном предположении, что методы, позволившие создать столь блестящую главу языкознания, какой является фонология, могли бы оказаться плодотворными и в других его разделах²²³. Следует в то же время подчеркнуть, что признание принципиальной однородности фонологического и грамматического анализа²²⁴

²²² Ср., например: «Так как мир стоящих за эмпирическими звуками человеческой речи знаковых ценностей оказался упорядоченной системой, которую по ее в основном регулярной структуре можно сравнить с системой грамматических ценностей, то между наукой о звуках, рассматриваемой с этой точки зрения, и грамматикой отныне нет пропасти... Понимаемая таким образом наука о звуках становится отныне... частью языкознания, в которой должны использоваться те же методы, что и в других его разделах» (N. Trubetzkoy. *Anleitung zu phonologischen Beschreibungen*, стр. 3); «Фонология как теория звуковых противопоставлений и морфология как теория формальных противопоставлений представляют собой две отрасли одной и той же науки, которая должна исследовать противопоставления лингвистических значимостей, причем все отрасли этой науки должны применять одинаковые методы исследования. Направление, в котором разрабатывает теорию звуков школа, называемая «фонологической», предполагает аналогичный подход к остальным частям теории языка, предполагает новую структурную теорию языка» (N. Trubetzkoy. *Über eine neue Kritik des Phonembegriffes*, стр. 151; ср. также: Он же. *Основы фонологии*, стр. 18). — Впрочем, нужно сказать, что для Трубецкого вопрос о возможности однородного исследования фонологических и грамматических явлений вообще не мог стоять хотя бы потому, что он считал фонологию частью грамматики — ср. возражения Р. О. Якобсона, указавшего при обсуждении доклада Н. С. Трубецкого о морфонологии на Международном фонологическом объединении в Праге в 1930 г., что фонология является не частью грамматики, а специальным разделом лингвистики, который занимается, в отличие от грамматики, не символами, а элементами, составляющими эти символы. См.: «*Procès-verbaux des séances*». — TCLP, 4, 1931, стр. 297.

²²³ Ср., например, вводные замечания в статье: J. Cantineau. *Les oppositions significatives*, стр. 11.

²²⁴ Впрочем, позднее представители Пражской лингвистической школы стали относиться более сдержанно к возможности исследования фонологий и грамматики при помощи одинаковой методологии, не считая более грамматическую структуру вполне аналогичной звуковой системе. Скептическое отношение к изоморфизму названных двух планов отчетливо выражено, например, в докладе К. Горалка на конференции, посвященной сравнительно-историческому изучению славянских языков: «Только то обстоятельство, что методологическая база исследования грамматической структуры является не вполне ясной, может объяснить тот факт, что некоторые структуралисты упорно защищают мнение, что грамматическая структура в принципе аналогична системе звуков и что ее можно научно познать, основываясь на той же методологии. Если принять точку зрения, согласно которой основу морфологии образуют грамматические категории, нельзя сомневаться, что аналогия между фонологией и морфологией... является лишь отдаленной» (K. Horálek. *Metodologické předpoklady historickosrovnávacího studia gramatických kategorií*. — В сб.: «*K histori-*

никогда не было связано у пражцев — в отличие от некоторых представителей других направлений структурализма — с предположением о возможности элиминации значения из грамматического исследования, а, напротив, связано с убеждением, что подобно тому, как в грамматике центральное место принадлежит значению, центральным понятием фонологии является смыслообразительная функция фонемы²²⁵.

Одна из попыток построить структурную грамматику, используя достижения фонологии, представлена грамматической концепцией В. Скалички²²⁶, созданной в тесной связи с его типологическими исследованиями и всецело подчиненной задачам научно-типологической характеристики языков. В центре грамматической теории Скалички лежат поиски минимальной грамматической единицы, единого грамматического элемента, составляющего основу грамматической системы, необходимость определения которого вытекает, по мнению Скалички, из признания системного характера грамматики²²⁷. Постановка этой проблемы была естественно связана с принятым пражской программой широким пониманием грамматики и отрицанием традиционного деления ее на морфологию и синтаксис.

«Тезисы» Пражского лингвистического кружка оставляли не вполне выясненным вопрос о морфологии, о ее содержании и границах, об ее основных единицах, подобных слову и предложению, формирующих соответственно оноματοлогию и синтаксис. Матезиуса, который занимался больше других теоретическим обоснованием деления науки о языке, эти вопросы интересовали мало, так как он был склонен вообще исключить морфологию из грамматики²²⁸. Другие представители Пражской школы, напротив, выдвигали морфему не только в качестве базисной единицы морфо-

---

skosrovnávacímú studiu slovanských jazyků». Praha, 1958, стр. 20). — Ср. также изменившуюся позицию по этому вопросу Р. О. Якобсона, выразившего в докладе на IV съезде славистов в Москве отрицательное мнение в отношении «фонологической контрабанды» в грамматических исследованиях (Р. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением. 's-Gravenhage, 1958, стр. 7).

²²⁵ Так, например, Р. О. Якобсон постоянно и настойчиво напоминает о том, что «языковые знаки, и в особенности грамматические формы, являются чисто дифференциальными ценностями (rein Gegensatz-Werte), что эти ценности определяются структурой всей системы и что наука о формах еще менее, чем наука о звуках, может обойти вопрос значения» (R. Jakobson. Die Arbeit der sogenannten «Prager Schule», стр. 7).

²²⁶ См.: V. Skalička. Zur ungarischen Grammatik. Praha, 1935, а также: Он же. Asymetrický dualismus jazykových jednotek. «Naše řeč», 1935, г. XIX, ч. 1, где обнаруживается тесная связь концепции Скалички с теорией Карцевского (ср.: S. Karcevskij. Du dualisme asymétrique du signe linguistique. — TCLP, 1, 1929, стр. 88 и след.)

²²⁷ См.: V. Skalička. Zur ungarischen Grammatik, стр. 12.

²²⁸ Ср.: V. Mathesius. Pokus o teorii strukturální mluvnické, стр. 50.

логии, но и в качестве основного элемента грамматики вообще²²⁹, причем под грамматикой подразумевалась «вся наука о языке за вычетом фонологии»²³⁰.

В понимании Скалички, грамматика также охватывает все языковые явления, кроме фонологических²³¹, и в общем соответствует тому, что в Программе Пражского лингвистического кружка называется «наукой о слове и сочетаниях слов». Как и Матезиус, Скаличка строит свою грамматическую систему на синхронической основе, широко используя метод «аналитического сравнения» привлекаемых к исследованию языков. Функциональная точка зрения, как ее понимал Матезиус, находит свое отражение в том, что Скаличка рассматривает все языки как различные решения одних и тех же проблем²³² (впрочем, существенное различие между этим тезисом и соответствующим положением Матезиуса заключается в различном отношении к проблеме «языка» и «речи»)²³³.

Анализ грамматической структуры языков различных морфологических типов заставляет Скаличку отказаться от рассмотрения морфемы как далее не делимого грамматического элемента²³⁴, ибо морфема, понимаемая наиболее часто как непрерывный ряд фонем, является неделимой только с точки зрения формы, заключая в себе в ряде случаев две или несколько «сем» (так, например, в латинском слове *barbatus* морфема *-us* представляет собой сочетание трех сем: м. р., ед. ч. и им. п.)²³⁵. По мнению Скалички, сема и представляет собой элементарную единицу грамматики, являющейся, в отличие от фонологии, наукой о знаках (т. е. о символах, имеющих значение), в связи с чем ее базисный элемент также должен необходимо обладать двусторонней значимостью (т. е. быть одновременно и формальной и функциональной единицей)²³⁶.

²²⁹ Так, наименьшим элементом в грамматике считал морфему Р. Якобсон. — см. «Procès-verbaux des séances». — TCLP, 4, 1931, стр. 297.

²³⁰ Там же. — Ср. также: L'. Novák. *Zakladná jednotka gramatického systému a jazyková typologia*. «Sborník Matice Slovenskej». Čast prvá. Jazykověda, 1936, г. XIV, стр. 3.

²³¹ V. Skalička. *Zur ungarischen Grammatik*, стр. 7.

²³² Там же, стр. 10, 57.

²³³ Ср.: V. Mathesius. *Pokus o teorii strukturální mluvnice*, стр. 49 (см. также выше, стр. 53—54 настоящей главы).

²³⁴ Ср. восходящее к Бодуэну де Куртене определение морфемы в «Проекте фонологической терминологии» («*Projet de terminologie phonologique standardisée*»), стр. 321.

²³⁵ Кроме работы Скалички «*Zur ungarischen Grammatik*», см.: Он же. *La fonction de l'ordre des éléments linguistiques*. — TCLP, 6, 1936, стр. 131.

²³⁶ См.: V. Skalička. *Zur ungarischen Grammatik*, стр. 15. — Отрицание основной роли морфемы в грамматике ведет, в сущности, к отрицанию ведущей роли морфологии в языковом анализе, в чем вновь наблюдается сближение позиции Скалички со взглядами Матезиуса (ср.: V. Mathesius. *Pokus o teorii strukturální mluvnice*, стр. 50).

Особый интерес в связи с рассуждениями о соответствии морфемы одной или нескольким семам представляет попытка Скалички заменить неопределенный критерий семантической близости, или «семиологического родства» (*semiologische Verhältnis*) между предполагаемыми самостоятельными семами, более точными правилами определения полисематичности морфемы, в соответствии с которыми две предполагаемые семы считаются самостоятельными только в том случае, если они могут существовать отдельно друг от друга, т. е. если каждая из них встречается по крайней мере в двух парах форм²³⁷ (ср. правила определения полифонемной значимости звуковых комплексов в фонологии, особенно в версии Мартине)²³⁸.

Несмотря на целый ряд стимулирующих идей в грамматических работах Скалички 30-х годов, с его концепцией в целом едва ли можно согласиться. Представляются справедливыми замечания его критиков относительно неубедительности настойчиво подчеркиваемого автором тезиса о двусторонней значимости «семы»²³⁹, в связи с чем, видимо, действительно целесообразно «сохранить термин *морфема* для плана формы, а термин *сема* — резервировать для плана функции»²⁴⁰. Более плодотворным кажется также считать «сему» не базисным элементом грамматического уровня, а компонентом содержания морфемы, т. е. сближать ее не с фонемой, а с дифференциальным признаком²⁴¹.

Наиболее важным вкладом Пражской школы в теорию изучения грамматического строя языка явились работы, посвященные исследованию семантического содержания значимых категорий, основанные на последовательном приложении одного из основных обнаруженных в фонологии принципов противопоставления единиц к анализу морфологического значения. Первой попыткой такого рода была работа Р. О. Якобсона о структуре русской гла-

²³⁷ См.: V. Skalička. Zur ungarischen Grammatik, стр. 17—18.

²³⁸ В докладе Якобсона на VI Международном съезде лингвистов предлагается сходная операция для определения семантической разложимости формальной единицы, причем аналогия с соответствующей фонологической процедурой представляется еще более явной (так, например, лат. аффикс *-tis*, «коммутатбельный» с рядом других аффиксов, представляет собой «пучок семантических минимумов»: значение 1-го лица — по противопоставлению с *-tis*, множественного числа — по противопоставлению с *-o*, актива — по противопоставлению с *-tur* и т. д.). См.: R. Jakobson. The phonemic and grammatical aspects of language in their interrelations, стр. 7; в этом докладе «семантические минимумы» (по существу соответствующие «семам» Скалички) наталкивают, впрочем, на аналогию с дифференциальными признаками, а не с фонемами (как, очевидно, предполагает концепция Скалички).

²³⁹ См.: V. Mathesius. Pokus o teorii strukturální mluvnické, стр. 50; О. Лешка. К вопросу о структурализме. — ВЯ, 1953, № 5, стр. 99.

²⁴⁰ L'. Novák. Základná jednotka gramatického systému..., стр. 9.

²⁴¹ Ср.: А. В. Исаченко. Бинарность, привативные оппозиции и грамматические значения, стр. 53.

гольной системы²⁴², проложившая новые пути структурного грамматического исследования.

Встречавшиеся в русской грамматической литературе (начиная от Востокова, кончая Пешковским и Карцевским)²⁴³ спорадические наблюдения над тем фактом, что из двух соотносительных грамматических категорий одна является «неопределенной», «неквалифицированной»²⁴⁴, «нулевой» в отношении определенного признака, в то время как другая представляет собой категорию, «обословленную» этим дополнительным семантическим представлением²⁴⁵, получили теперь четкую формулировку и приобрели характер общего закона функционирования любой грамматической системы.

В основу анализа грамматической системы должно быть положено, по Jakobsonу, понятие морфологической корреляции, подчиняющейся открытому Н. С. Трубецким в области звуковых противопоставлений принципу неравноправности членов фонологической коррелятивной оппозиции²⁴⁶. Несколько видоизменяя определение понятия «неравноправности», данное Трубецким для фонологических корреляций, Jakobson утверждает, что общезначения коррелятивных грамматических категорий всегда соотносятся между собой таким образом, что в то время как первая выражает определенный позитивный признак, другая оставляет его невыраженным, т. е. включает в свое значение как обладание этим признаком, так и его отрицание (эти частные значения беспризнаковой категории всецело определяются контекстом). «Рассматривая две противопоставленные друг другу морфологические категории, — пишет Jakobson, — исследователь часто исходит из той предпосылки, что будто бы обе категории являются равноправ-

---

²⁴² R. Jakobson. Zur Struktur des russischen Verbuns. «Charisteria Guilelmo Mathesio...», стр. 74—84.

²⁴³ Интересные замечания в связи с характеристикой противопоставления некоторых грамматических форм в работах Аксакова содержатся в помещенной в тех же «Charisteria» небольшой статье Д. Чижевского, обратившего внимание одновременно с Jakobsonом на сходство содержания некоторых определений русской грамматической традиции с «признаковыми» и «беспризнаковыми» формами, в терминах современной им фонологии — см.: D. Tschizewskij. Zur Geschichte der russischen Sprachphilosophie. Konstantin Aksakov. «Charisteria Guilelmo Mathesio...», стр. 20.

²⁴⁴ Ср., например, определение несовершенного вида в кн.: А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 472, или замечания Пешковского об индикативе (А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7, М., 1956, стр. 258) и т. п.

²⁴⁵ Ср., например: А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 461.

²⁴⁶ Ср.: «Два члена коррелятивного противопоставления не являются равноправными: один член обладает определенным признаком (или обладает им в его положительной форме), другой им не обладает (или обладает им в его отрицательной форме). Мы обозначаем первый член как маркированный, второй — как немаркированный» (N. S. Trubetzkoy. Die phonologischen Systeme. — TCLP, 4, 1931, стр. 97. — Ср. также: Он же. Основы фонологии, стр. 90).

ными, так что каждая обладает своим собственным положительным значением: категория I обозначает, будто бы, А, категория II — В. Или по крайней мере: I обозначает А, II обозначает отсутствие, отрицание А. В действительности общие значения коррелятивных категорий распределяются иначе: если категория I возвещает о присутствии А, то категория II не сообщает о присутствии А, т. е. не говорит ничего о том, присутствует ли А или нет. Общее значение категории II в сравнении с категорией I ограничивается отсутствием „сигнализации А“. В том случае, если в определенном контексте категория II сообщает об отсутствии А, это является лишь одним из употреблений данной категории: это значение обусловлено ситуацией, и если это даже наиболее частая функция этой категории, исследователь не должен отождествлять статистически преобладающее значение категории с ее общим значением». Осознание этой основной особенности морфологической корреляции должно, по мнению Jakobson, положить конец разногласиям и колебаниям при установлении значений морфологических категорий.

В полном согласии с соответствующими наблюдениями Трубеткого в области фонологических корреляций²⁴⁷ находится утверждение Jakobson относительно функционирования беспризнаковой формы в языковом мышлении в качестве представителя коррелятивной пары (так, несовершенный вид в русском языке ощущается в известной мере как первичный по сравнению с совершенным, невозвратные глаголы как первичные по сравнению с возвратными, единственное число — по сравнению с множественным, настоящее время — по сравнению с прошедшим)²⁴⁸.

Данное Jakobsonом определение общего значения беспризнаковой категории подтверждается возможностью ее употребления в значении соответствующей признаковой формы (ср., например, в сфере русского глагола употребление немаркированной по отношению к форме 1-го лица формы 2-го лица: *выпьешь, бывало*, выражающей действие, относимое к говорящему²⁴⁹ и т. п.) без ощущения «транспозиции» формы, в то время как обратная субституция встречается лишь в редких исключениях и воспринимается как образное выражение. Например, форма мужского рода *теленки*, являющаяся беспризнаковой в корреляции пола в русском языке, может нормально обозначать как самца, так и самку, не представляя собой в этом последнем случае расширения значения. Напротив, в случае семантического противопоставления

---

²⁴⁷ Ср. его замечания о том, что символом архифонемы (т. е. общего звукового представления, отвлеченного от соответствующего коррелятивного признака, которое лежит в основе корреляции) служит для нормального языкового сознания всегда немаркированный член корреляции: N. S. Trubetzkoy. *Die phonologischen Systeme*, стр. 98.

²⁴⁸ R. Jakobson. *Zur Struktur des russischen Verbums*, стр. 83.

²⁴⁹ Там же, стр. 79.

соответствующей признаковой форме, которое может возникнуть в условиях специального контекста (например: *Это телка? — Нет, теленок*), речь идет о сужении общего значения беспризнаковой формы. В то же время употребление признаковой формы корреляции пола *дура* по отношению к мужчине ощущается как метафора с отчетливой аффективной окраской²⁵⁰.

Другое свидетельство в пользу предложенного понимания морфологических корреляций представляет более ранняя утрата признаковой категории, чем беспризнаковой, при афазии, соответствующие явления детской речи и психологии овладения иностранным языком, а также такие случаи, как, например, замена признаковых форм корреляции лица беспризнаковой формой, происшедшая в русском языке в результате исчезновения форм спряжения глагола *быть* (ср. *ты есть, таковы мы есть*)²⁵¹.

Выдвинутый Р. О. Якобсоном принцип неравноправности морфологических категорий представлен в его работе как частное проявление открытого С. Карцевским общего свойства асимметричности структуры языкового знака, являющегося основной предпосылкой языковых изменений²⁵².

Структурный анализ функционирования русских глагольных форм привел Якобсона к заключению, что асимметрия коррелятивных грамматических категорий проявляется, с одной стороны, как антиномия сигнализации А и не-сигнализации А (противопоставление общих значений коррелятивных форм, заключающееся в том, что два знака могут относиться к одной и той же предметной данности, но так, что один знак фиксирует определенный признак этой данности, а другой оставляет его невыраженным), и, с другой стороны, как антиномия общего и частного значения беспризнаковой формы, являющаяся следствием первой антиномии (антиномия: не-сигнализация А и сигнализация не-А) и заключающаяся в том, что один и тот же знак может обладать двумя различными значениями²⁵³.

В статье «*Zur Struktur des russischen Verbums*», кажется, впервые выдвигается понятие общего значения грамматической категории, которое, однако, не получает еще здесь четкого определения. Из изложения следует только, что общее значение не тождественно статистически преобладающему значению или частной (пусть наиболее частой) функции, выступающей в определенном употреблении и обусловленной конкретной ситуацией²⁵⁴. Более подробно вопрос об «общем значении» грамматической категории рассматривается Якобсоном в работе 1936 г., посвященной анализу

²⁵⁰ Там же, стр. 74—75, 79, 83.

²⁵¹ Там же, стр. 83.

²⁵² Ср.: S. Karcevskij. Du dualisme asymétrique de signe linguistique, стр. 88.

²⁵³ Там же, стр. 83—84.

²⁵⁴ R. Jakobson. Zur Struktur des russischen Verbums, стр. 74.

русской падежной системы²⁵⁵. Система русских падежей представлена здесь как серия бинарных противопоставлений, из которых выводятся дифференциальные признаки каждого падежа, образующие в своей совокупности общее значение падежа, входящего в соответствующие корреляции. Терминология этой работы в еще большей степени, чем статья из «Charisteria», наталкивает на аналогию с фонологическим анализом (так, частные падежные значения, или «Sonderbedeutungen», называются также комбинационными вариантами общего значения), хотя эта аналогия не всегда представляется достаточно строгой (см. ниже).

Якобсоновская теория морфологических корреляций, несомненно, является важнейшим научным открытием и, по общему признанию, «открывает новую эру» в исследовании значений грамматических категорий.

Необходимость отказаться от бессмысленной (и по необходимости субъективной) регистрации «частных значений» той или иной грамматической формы была доказана Якобсоном вполне убедительно²⁵⁶, и до сих пор никакая другая концепция не объяснила лучше, чем его теория, сосуществование внутри одной категории таких взаимоисключающих «значений», как, например, значение «избегаемого» и «желаемого объекта» в русском родительном падеже²⁵⁷ и т. п. Однако сложность функционирования единиц, наделенных значением, почти полная неразработанность семантического анализа объясняют определенную уязвимость некоторых выдвинутых Якобсоном положений. Собственно, идеи, лежащие в основе предложенной им концепции, а именно: предположение об общем значении грамматической категории, на фоне которого выявляются все ее частные значения, принцип обязательной бинарности грамматических противопоставлений и специфический характер этих противопоставлений, заключающийся в «беспризнаковости» одного из членов, строго говоря, не составляют вполне законченной теории, скорее их следует признать некоторой гипотезой, правильность которой должна быть проверена на материале различных языков. Такая проверка, впрочем, наталкивается на затруднения, связанные с известной неопределенностью некоторых понятий, фундаментальных для теории морфологических корреляций. В наибольшей степени это относится, пожалуй, к понятию «общего значения», неясность которого, очевидно, объясняется отсутствием определенной методики его выделения (с чем связано и отсутствие четко сформулированного определения²⁵⁸) и, с другой стороны, некоторой неудачностью

²⁵⁵ R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. — TCLP, 6, 1936.

²⁵⁶ Там же, стр. 240 и след.

²⁵⁷ См. там же, стр. 254—255.

²⁵⁸ Подобного, например, определению фонемы, прямо вытекающему из подробно разработанной пражскими конкретными методики выделения «микрофонем» и затем сведения вариантов в одну фонему. Не случайно в словаре Вахка отсутствует статья, посвященная «общему значению».

самого термина «Gesamtbedeutung». В самом деле, этот термин (так же как и некоторые высказывания Якобсона, комментирующие его содержание), как будто бы предполагает, что «общее значение» включает в себя все частные значения данной категории, выступающие в конкретном ее употреблении, и что, следовательно, принципиально возможно определить общее значение путем регистрации частных значений и дальнейшей интеграции их в одно, т. е. путем извлечения из всех частных значений некоего общего семантического элемента. Большинство работ, критически рассматривающих выдвинутые Якобсоном положения, приписывает автору именно такое понимание «общего значения». Но, как кажется, критиками не было замечено, что эта интерпретация противоречит эксплицитно выдвинутой Якобсоном аналогии между «общим значением» и фонемой. Эта аналогия, очевидно, предполагает невозможность «назвать» общее значение, включающее в себя все частные значения данной грамматической категории (подобно тому, как это имеет место при лексической абстракции типа: *Жучка* > *дворняжка* > *собака* > *хищник* > *четвероногое* > *млекопитающее* > *животное* > *организм* > *явление природы* > *организованная материя* > *отдельное* > *ничто*)²⁵⁹ — точно так же, как невозможно реально произнести фонему, то есть звук, характеристика которого ограничивалась бы только признаками, имеющимися у всех комбинаторных вариантов данной фонемы.

Более существенным возражением против приведенного выше понимания «общего значения» (ведь ничто не мешает нам отвергнуть фонологические аналогии — как сделал позднее сам Якобсон, отвечая критикам, обратившим внимание на соответствующие противоречия его теории морфологических корреляций²⁶⁰) является, очевидно, то обстоятельство, что с тезисом об общем семантическом элементе, присутствующем во всех конкретных употреблениях данной грамматической категории, не всегда согласуются реальные языковые факты.

Так, например, едва ли можно обнаружить значение орудия действия, выделяющееся в рамках общего значения творительного падежа (таким общим значением является сигнализация периферийного положения соответствующего наименования в содержании высказывания) в таких сочетаниях, как *управлять машиной*, *владеть рабами*, *заведовать сектором* и т. п. Если можно согласиться с тонким анализом различия между сочетаниями *швырять камнями*

²⁵⁹ Пример заимствован из недавней работы И. Польдауфа, являвшегося членом Пражского лингвистического кружка: J. Poldauf, Podíl mluvnické a nauky o slovníku na problematice slovesného vidu. «Studie a práce lingvistické». I. K 60 narozeninám ak. B. Havránka. Praha, 1954, стр. 200 (сокращенный русск. перевод см. в кн.: «Вопросы глагольного вида». М., 1962, стр. 77).

²⁶⁰ См.: Р. О. Якобсон. Некоторые наблюдения над славянским склонением. 's-Gravenhage, 1958, стр. 7.

и *швырять камни*²⁶¹, то, очевидно, в приведенных выше сочетаниях значение творительного падежа полностью совпадает со значением винительного (это доказывается, в частности, возможностью трансформации некоторых из них в пассивные конструкции типа: *завод, руководимый директором; машина, управляемая опытным шофером*) и, следовательно, «периферийность» не является общим семантическим знаменателем для всех конкретных употреблений данного — по признаку периферийности маркированного — падежа.

Сомнительным представляется также и включение таких разнородных значений, как «винительный объекта» и «винительный времени», в одно общее значение, состоящее в том, что «А всегда сообщает, что на обозначенный им предмет так или иначе направлено действие»²⁶², в качестве его равноправных вариантов. Не говоря уже о невозможности найти в некоторых сочетаниях с винительным падежом²⁶³ «столь тесную и непосредственную связь значения винительного с действием, что он может управляться исключительно глаголом, так что и при самостоятельном употреблении (вроде: *карегу! награду храбрым!*) всегда обнаруживается пропущенный или подразумеваемый глагол»²⁶⁴, квалификация двух винительных в предложениях типа *всю дорогу меня мучила жажда* как комбинаторных вариантов²⁶⁵ неудовлетворительна потому, что она противоречит принципу дополнительного распределения.

Примеры несоответствия реальных языковых фактов представлению об общем значении как об общем семантическом элементе, наличествующем во всех конкретных употреблениях данной категории (число таких примеров можно было бы значительно увеличить), свидетельствуют не о случайной неудаче в определении общего значения соответствующей категории, а о принципиальной невозможности интеграции разнородных по существу значений, которыми обладает, например, падеж²⁶⁶.

²⁶¹ В противовес Пешковскому, считавшему эти конструкции «стилистическими синонимами», Якобсон убедительно показал, что в действительности творительный падеж «указывает на вспомогательную или побочную роль предмета, в то время как винительный выражает направленность действия на предмет» (см. R. Jakobson. Beitrag..., стр. 264).

²⁶² R. Jakobson. Beitrag..., стр. 247.

²⁶³ Например: «Завтра он свободен весь день» (Пришвин); «Всего неделю в пути, а он уже отпустил бороду и усы» (С. Воронин); «... Через несколько минут мы ... разговаривали, как будто тысячу лет знакомы» (В. Каверин); «Первый день, что ли, в армии?» (В. Некрасов); «... К старой тетке, четвертый год больной в чахотке, Они приехали теперь» (Пушкин). «От искр всю ночь, всю ночь светло» (А. Блок) и т. п. (примеры заимствованы из статьи Д. Н. Шмелева «Синтаксическая сочетаемость слов в русском языке». — «Русский язык в национальной школе», 1961, № 4, стр. 14).

²⁶⁴ R. Jakobson. Beitrag..., стр. 248.

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Принципиальная разнородность различных значений падежа состоит в том, что, как показал Курилович, падежная форма объеди-

Однако это обстоятельство не является, как кажется, основанием для отказа от понятия семантического инварианта в области морфологии; оно только заставляет предпочесть второе, также присутствующее в работах Якобсона, понимание «общего значения», в соответствии с которым «было бы неправомерным упрощением проблемы ограничивать исследование падежных значений установлением ряда отдельных значений падежа и определением его общего значения как их общего наименования»²⁶⁷. Положение о том, что «вопрос об общих падежных значениях принадлежит учению о слове, а вопрос о частных значениях падежа — учению о словосочетании, так как общее значение падежа независимо от его окружения, в то время как его отдельные значения определяются разного рода словосочетаниями, т. е. различными формальными и вещественными значениями окружающих слов»²⁶⁸, вплотную подводит к пониманию семантического инварианта как значения, минимально зависящего от контекста и определяемого, следовательно, только системными противопоставлениями. В случае такого толкования исследователя не должно смущать то обстоятельство, что «общее значение» категории не всегда вмещает в себя все частные ее значения: единство категории не нарушается и в этом случае, как не нарушается формальное единство морфемы, существующей, положим, в вариантах *друг-/друг-/друг-*, хотя и невозможно произнести звуковой инвариант этой морфемы²⁶⁹. Кажется, такое содержание вкладывает в термин «общее значение» (*význam celkový, řádicí*)²⁷⁰, употреб-

---

няет в себе синтаксическую (первичную для «грамматических» падежей и вторичную для падежей «конкретных») и семантическую (отношение к первичности/вторичности — противоположное) функции, что связано с различием в позиции, занимаемой падежной формой (центральной и маргинальной). Последнее обстоятельство делает теоретически несостоятельными попытки «вертикального» противопоставления «грамматических» и «конкретных» падежей как форм, не-изофункциональных с синтаксической точки зрения, и, с другой стороны, попытки семантической интеграции первичной и вторичных функций в пределах одной падежной формы, ибо семантические различия могут устанавливаться только в пределах одного синтаксического класса. См.: Е. Курилович. Проблема классификации падежей. — В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 175—203, особенно стр. 182—191.

²⁶⁷ R. Jakobson. Beitrag..., стр. 252.

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ Ср. соображения К. Эбелинга по поводу греч. морфемы *pater/pater-/patr-* в статье: С. Ebeling. On the meaning of the Russian cases. «Analecta Slavica». Amsterdam, 1955, стр. 211.

²⁷⁰ В 1932 г. в одном из первых пражских опытов структурной морфологии Б. Трнка еще не употребляет термина «общее значение», считая, что «морфология должна заниматься установлением главных (principal) значений форм и конструкций... отвлекаясь от их дополнительных (additional) значений», являющихся «объектом семасиологического анализа языка». При этом Трнка сочувственно ссылается на упомянутую выше работу Якобсона о русском глаголе. См.: В. Trnka. Some thoughts on structural morphology. «Charisteria Guilelmo Mathesio...», стр. 57.

ляемый наряду с термином «морфологическое» или «основное противопоставительное значение» (*základný protikladový význam*), Б. Трка, не считающий его совокупностью частных значений, а обнаруживающий его в «минимально зависимом положении»²⁷¹.

Приведенная интерпретация значительно приближается к заслуживающим внимания идеям Куриловича относительно первичной и вторичных функций языковых единиц, выдвинутым им впервые в 1936 г.²⁷² и развиваемым в ряде последующих работ на конкретном материале. Уместно в этой связи упомянуть и о соображениях ученика Матезиуса, И. Польдауфа, касающихся различия между лексической и грамматической абстракцией²⁷³, которые, как кажется, имеют отношение к вопросу об «общем значении» грамматических категорий. На основе различения этих двух типов абстракции можно, по-видимому, дифференцировать план «грамматической семантики» и план «грамматического представления», в смешении которых, кажется, справедливо упрекает Якобсона Е. В. Чешко²⁷⁴.

Чисто семантическая интерпретация теории Р. Якобсона делает уязвимыми и понятия «маркированности/немаркированности» грамматических категорий. В самом деле, если считать, что немаркированный член морфологической корреляции отличается от маркированного лишь большим объемом значения, т. е. включает в себя значение маркированного члена, то логично предположить, что немаркированная категория как представитель всего морфологического противопоставления принципиально может замещать маркированную в любом случае (причем сообщение останется тем же, только менее детализированным²⁷⁵) или, по крайней мере, в том случае, если значение маркированной категории (которое заключается, но остается невыраженным, в немаркированной категории) дано контекстом либо языковой ситуацией. Если сам Якобсон говорит о возможности подобной субституции довольно сдержанно, то чешский лингвист М. Докулил в своей

²⁷¹ В. Trnka. *Morfologické protiklady*, стр. 96. См. по этому поводу также: М. Dokulil. *K otázce morfologických protikladů*. — SaS, 1958, г. XIX, č. 2, стр. 88.

²⁷² Е. Курилович. Дери́вация лексическая и дери́вация синтаксическая. В кн.: Е. Курилович. *Очерки по лингвистике*, стр. 59 и сл.

²⁷³ Если «в лексической абстракции более высокая ступень включает в себя низшую» (см. пример на стр. 107), то «в грамматической абстракции более высокие ступени лишь базируются на низших» (см. подробнее указ. работу Польдауфа).

²⁷⁴ Е. В. Чешко. К вопросу о надежных корреляциях. — ВЯ, 1960, № 2, стр. 52.

²⁷⁵ На это необходимое следствие «буквального понимания» якобсоновского определения значения беспризнаковой категории обратил внимание К. Эбелинг, сравнивший соотношение беспризнаковой и признаковой категорий с отношением между «table» и «ground table» (первое слово может всегда относиться к предмету, обозначаемому вторым словосочетанием — при различной степени детализации). См.: С. Ebeling. *On the meaning of the Russian cases*, стр. 216.

интересной статье²⁷⁶, посвященной проверке универсальной значимости якобсоновской концепции морфологических корреляций, приходит к выводу, что возможность такого замещения «не является лишь факультативным симптомом беспризнакового члена.. но необходимым условием того, чтобы мы вообще имели право оценивать такую категорию как беспризнаковую»²⁷⁷.

Следует, однако, заметить, что при таком понимании семантической «беспризнаковости» значение одного из членов морфологической корреляции следовало бы сопоставлять не с беспризнаковым членом фонологической корреляции, а с архифонемой. Между тем фонологическая «беспризнаковость» в пражском понимании — термин в известной мере условный: как было показано выше, беспризнаковый член фонологической корреляции не совпадает с архифонемой, а только может в определенных условиях (а именно, в позиции нейтрализации) выступать в качестве представителя архифонемы. Есть все основания предполагать, что для адекватного понимания характера морфологических противопоставлений понятие нейтрализации²⁷⁸ оказалось бы столь же плодотворным, как в фонологии.

Так или иначе, в настоящее время можно считать доказанным, что, приняв предложенное Докулилом толкование «немаркированности» (которое в общем не противоречит некоторым формулировкам Якобсона), следует считать действие закона неравноправности коррелятивных морфологических категорий весьма ограниченным²⁷⁹. Как кажется, меньше недоразумений могут вызвать понятия «интенсивности» и «экстенсивности», соответствующие в терминологии копенгагенской школы пражским понятиям маркированности/немаркированности, но отличающиеся от этих последних не семантической, а «функциональной» ориентацией²⁸⁰.

Функциональный подход к исследованию синтаксических проблем представлен прежде всего работами проф. В. Матезиуса.

²⁷⁶ M. Dokulil. K otázce morfologických protikladů.

²⁷⁷ Там же, стр. 90.

²⁷⁸ Следует упомянуть о весьма интересных попытках Б. Трки работать это понятие в применении к морфологии и синтаксису (правда, вне связи с понятиями маркированности/немаркированности) — см.: B. T r k n ě k a. Morfologické protiklady, стр. 100 и сл.; Он же. Some remarks concerning neutralization. «Travaux de l'Institut de linguistique», vol. II. Paris, 1957, стр. 152—154; Он же. On some problems of neutralization. «Omăgiu lui Jorgu Jordan». București, 1958, стр. 861—866.

²⁷⁹ Кроме указанной работы Докулила, см. также: P. Novák. K otázce obecného významu gramatických jednotek. — SaS, 1959, г. XX, č. 2, стр. 81.

²⁸⁰ Критерием различения интенсивной и экстенсивной форм служит в копенгагенской концепции не семантическая маркированность, а объем употребления (l'extension) соответствующих форм: область употребления интенсивного элемента внутри определенной категории ограничена в противоположность экстенсивному элементу, который выступает в значительно большем количестве конструкций (см., например: K. T o g e b y. Les temps du français. «Lingua», 1955, IV, 4, стр. 391).

Для его синтаксических исследований характерно преимущественное внимание к предложению, которое в концепции Пражской школы и составляет центральный объект функционального синтаксиса в связи с тем, что предикация является основным видом синтагматической деятельности²⁸¹. В определениях предложения, данных Матезиусом и другими представителями Пражской школы²⁸², неизменно подчеркивается связь с выражаемой действительностью, хотя, обосновывая принадлежность предложения к языку (см. выше, стр. 96), Матезиус доказывал в своих работах, что не все в предложении относится к «преходящему моменту» и не все полностью определяется индивидуальной ситуацией высказывания²⁸³. Одной из центральных проблем, проходящей, по выражению Гавранка²⁸⁴, красной нитью через всю исследовательскую деятельность Матезиуса, оказалась, однако, проблема отношения предложения к конкретной ситуации высказывания. Именно с этой проблемой связана теория Матезиуса об «актуальном членении предложения»²⁸⁵, явившаяся важнейшим вкладом Пражской школы в исследование синтаксиса.

²⁸¹ Ср. «Тезисы Пражского лингвистического кружка», стр. 74.

²⁸² См., например: V. Mathesius, *Několik slov o podstatě věty*. В кн.: V. Mathesius. *Čeština a obecný jazykozpyt*. Praha, 1947, стр. 131; Он же. *On some problems of the systematic analysis of grammar*. — TCLP, 6, 1936, стр. 105—106; V. Skalička. *The need for a linguistics of 'la parole'*. «Recueil Linguistique de Bratislava», I, 1948, стр. 35.

²⁸³ См., например: V. Mathesius. *On some problems...*, стр. 105, где автор полемизирует с ранним определением Скалички (предложение есть «элементарная семиологическая реакция»: см.: V. Skalička. *La fonction de l'ordre des éléments linguistiques*, — TCLP, 6, 1936, стр. 131), которое имеет в виду, так же как и теория Гардинера, лишь предложение как конкретное высказывание. Предложенное Матезиусом разграничение предложения как единицы языка и предложения как единицы речи обнаруживает сходство с идеями, высказанными Карцевским в статье «Sur la phonologie de la phrase» (TCLP, 4, 1931), в основе которой лежит противопоставление языкового знака, как знака потенциального, нереализованного (*virtuel*), и знака «актуализованного» в речи, хотя различаемые в этой работе понятия «предложения» (*proposition*) — «структуры, наилучшим образом приспособленной для того, чтобы служить единицей коммуникации» — и «фразы» (*phrase*), «не имеющей ничего общего с грамматикой», не соотносятся прямо с «языком» и «речью» (о взглядах Карцевского см. подробнее в кн.: О. С. Ахманова и Г. Б. Микаэлян. *Современные синтаксические теории*. М., 1963, стр. 60 и сл.).

²⁸⁴ B. Havránek. *Vilém Mathesius—bohemista*. — SaS, 1942, г. VIII, č. 3, стр. 122.

²⁸⁵ Некоторые идеи, положенные в основу этой теории, были выдвинуты Матезиусом еще в 1907 г. (V. Mathesius. *Studie k dějinám anglického slovosledu*. «Věstník České Akademie», XVI, 1907, стр. 261 и сл.) и развиты в его докладе «Funkční linguistika» («Sjezd professorů filosofie, filologie a historie». Praha, 1929, стр. 126 и сл.) и, в особенности, в работах: «O tak zvaném aktuálním členění větném». — В кн.: V. Mathesius. *Čeština a obecný jazykozpyt*, стр. 234—242; «Základní funkce pořádku slov v češtině». — Там же, стр. 327—352; «Rozpor mezi aktuálním členěním souvětí a jeho organickou stavbu». — Там же, стр. 360—366.

В основе этой теории, учитывающей старые психологизирующие взгляды на структуру предложения, лежит мысль о принципиальном различии между двумя возможными способами анализа предложения: формальным членением, выделяющим подлежащее и сказуемое и раскрывающим грамматическую структуру предложения, и «актуальным» членением, выявляющим его семантическое строение (*vyznamová vystavba*), или его «функциональную перспективу». Последнее членение различает два основных элемента содержания предложения: элемент, являющийся предметом сообщения, т. е. исходным пунктом соответствующей единицы коммуникации, названный Матезиусом «основой сообщения» (*základ úřovědi*), в ранних работах — «*thema*»), и элемент, осуществляющий сообщение, то есть то, что несет новую информацию слушателю, другими словами — «ядро сообщения» (*jádro úřovědi*), вначале называвшееся «собственно сообщением», *úřovědi vlastní*).

Особенно ценным с собственно лингвистической точки зрения представляется исследование регулярных средств выражения этих двух элементов, т. е. способов выявления функциональной перспективы предложения. Интересны наблюдения Матезиуса над часто встречающимся конфликтом между потребностями функциональной перспективы предложения и требованиями его грамматической структуры и путях разрешения этого конфликта в чешском и английском языках. В чешском языке — как и в других языках со свободным порядком слов — основным является порядок следования элементов предложения, в то время как в английском языке фиксированный порядок слов объясняет тенденцию к совпадению грамматического субъекта с основной высказывания, и возможные противоречия между этой тенденцией и потребностями коммуникации обычно разрешаются путём замены активной конструкции предложения пассивной конструкцией или путём употребления оборота *there is* и т. п.

Достоинством теории «актуального членения», оказавшейся весьма плодотворной в исследовании целого ряда конкретных синтаксических явлений²⁸⁶, в особенности в изучении порядка

²⁸⁶ См. например, проведенное в аспекте «актуального членения» исследование употребления местоименного подлежащего в разговорном чешском языке, употребления пассива в чешском, классификацию безглагольных английских предложений, не поддающихся обычному грамматическому анализу, и др. (V. Mathesius. *Pronominální podmět v hovorové češtině*. — В кн.: V. Mathesius. «*Čeština a obecný jazykozpyt*», стр. 286—293; Он же: *Několik poznámek o funkci podmětu v moderní angličtině*. — СМФ, 1924, г. X, стр. 244—248. Он же. *Obsahový rozbor současné angličtiny...*, стр. 97 и сл.). О плодотворности теории «актуального членения» свидетельствует, в частности, активное ее развитие в трудах современных чехословацких лингвистов, характеристика которых содержится в обстоятельном обзоре О. А. Лаптевой «Чехословацкие работы последних лет по вопросам актуального членения предложения» (ВЯ, 1963, № 4, стр. 120—127).

слов в разных языках²⁸⁷, а также в освещении некоторых стилистических проблем²⁸⁸, является отказ от логико-психологической интерпретации, характерной для предшественников Матезиуса, и введение в рассмотрение данной проблемы собственно языкового аспекта, исходящего непосредственно из коммуникативной функции предложения как единицы сообщения. Не вполне ясным остается вопрос о соотношении противопоставления «формального» и «актуального членения» с противопоставлением «языка» и «речи». Конкретные исследования Матезиуса, вскрывающие регулярные и строго определенные с точки зрения каждого языка (хотя и многообразные) способы выявления актуального членения предложения, как будто бы дают основание считать «коммуникативную нагрузку» членов предложения особой синтаксической категорией²⁸⁹ и относить средства выражения коммуникативной нагрузки (т. е. способы выявления актуального членения предложения) к области «языка». При этом представляется необходимым отличать исследование этих регулярных способов от выявления многообразных и очень различных связей одного и того же по своему формальному строению предложения с конкретной ситуацией высказывания и контекстом²⁹⁰, которые, как кажется, не могут быть предметом лингвистического исследования²⁹¹.

²⁸⁷ Кроме работ, указанных на стр. 112—113, см. статью: V. Mathesius. Ze srovnávacích studií slovosledných.— SMF, 1942, г. XXVIII, стр. 181—190 и 302—307, подводящую итог его многолетним исследованиям английского и чешского языка в плане данной проблематики. Важные уточнения некоторых наблюдений Матезиуса о соотношении английского порядка слов с «функциональной перспективой предложения» содержатся в работах продолжателя идей Матезиуса Я. Фирбаса (см. одноименную с последней статьей Матезиуса статью Фирбаса в SaS, 1962—1963, г. XXIII; там же указаны другие работы этого автора).

²⁸⁸ См., например: V. Mathesius. Češty k jasnému výkladovému slohu v češtině.— В кн.: V. Mathesius. Čeština a obecný jazykozpyt; Он же. Řeč a sloh.— В сб.: «Čtení o jazyce a poesii». Praha, 1942.

²⁸⁹ Ср. К. Г. Крушельницкая. К вопросу о смысловом членении предложения.— ВЯ, 1956, № 5.

²⁹⁰ Ср.: В. В. Виноградов. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения.— ВЯ, 1954, № 1, стр. 24.— Вывод автора: «Следовательно, в зависимости от различия возможных ситуаций и контекста актуальное членение предложения может быть очень разнообразным» кажется справедливым только в том случае, если в «формальное строение» предложения не включается порядок членов предложения, интонация и другие способы формального выражения актуального членения.

²⁹¹ Не вполне ясными в этой связи представляются контуры выдвигаемого в работах Б. Трки (несомненно, под влиянием соответствующих идей Матезиуса) «суперсинтаксического, или стилистического, уровня» (см. выше, стр. 96—97), основной единицей которого является высказывание, а основной задачей — определение «темы» и «ядра» высказывания. Этот уровень, как кажется, получает лингвистический статус лишь при условии, если отношение «тема» — «ядро» получает языковое выражение, т. е. является формально определенным. Представляется поэто-

Исследования функциональных языков и стилей. Проблема «культуры языка»

Отличительной особенностью пражского структурализма является выдвигание в качестве одной из основных проблем вопросов, связанных с отношением между языком и действительностью и между языком и окружающими его структурами. Здесь воззрения пражцев характеризуются значительной однородностью и образуют законченную концепцию, тесно связанную с их общетеоретическими установками и получившую отражение в конкретной языковой практике, что дает основание говорить с полным правом о существовании в этой области (как и в фонологии) особой Пражской школы.

Из воззрения на язык как на систему лингвистических знаков, имеющих социальный и функциональный характер, то есть непосредственно связанных с действительностью²⁹² и обществом, возникла теория функциональной дифференциации и стратификации («функциональной диалектологии», как была названа эта теория на I Международном съезде славистов)²⁹³. Язык является, согласно этой теории, комплексным образованием, сложной системой, состоящей из автономных частных функциональных систем (функцию пражские лингвисты понимали как социальное употребление, определяя язык как образование, конвенционально выполняющее определенные задачи, или функции²⁹⁴). Вопросы стратификации языка интерпретировались на основе соскоровского различия между «langue» и «parole». Так, были выдвинуты тонко разграниченные понятия «функционального (или специального) языка» и «функционального стиля»: функциональный стиль определяется конкретной целью данной языковой манифестации, в то время как функциональный язык (funkční jazyk, или zvláštní jazyk) определяется общей целью нормализованной совокупности лингвистических средств — в первом случае речь идет о функции лингвистической манифестации,

---

му, что «лингвистический комплекс *my father is ill*, который в качестве предложения может быть использован для выражения многих реальностей», и «высказывание *my father is ill*, относящееся к конкретной экстралингвистической ситуации» (В. Т r n k a. Principles of morphological analysis, стр. 130), с точки зрения актуального членения предложения должны рассматриваться как тождественные.

²⁹² Ср. определение языка, данное Б. Гавранком в «Ottův slovník naučný nové doby» (1940, VI, 1, стр. 455), где говорится о непосредственном характере этой связи. В настоящее время чешские лингвисты считают прежнюю формулировку о прямом отношении языка к действительности упрощенной и ошибочной. См.: В. Н a v r á n e k. Aktuální metodologické problémy marxistické jazykovědy. — В сб.: «Problémy marxistické jazykovědy». Praha, 1962, стр. 16.

²⁹³ См. «Тезисы Пражского лингвистического кружка», стр. 76.

²⁹⁴ В. Н a v r á n e k. Strukturální linguistika. «Ottův slovník naučný nové doby», 1940, VI, 1, стр. 455.

то есть о «речи» (parole), во втором — о функции «языка» (langue)²⁹⁵.

Всестороннему исследованию с точки зрения функционального расслоения подвергся в работах пражских структуралистов, в первую очередь в глубоких исследованиях Б. Гавранка, литературный язык (spisovní jazyk, standard language), как образование более развитое и более четко функционально дифференцированное, чем бытовой («народный») язык. В концепции Гавранка, разделяемой и другими пражцами, литературный язык делится на несколько функциональных стилей²⁹⁶. Из функциональных языков наибольшее внимание пражских структуралистов привлекал «экономический язык»²⁹⁷ и, в особенности, «поэтический язык» (то есть язык художественной литературы), как «наиболее явно преднамеренный, целенаправленный и целостный род языка»²⁹⁸, выделяющийся благодаря специфической для него поэтической функции среди других «специальных языков», также обладающих своими собственными лингвистическими средствами и способами их использования, зависящими от различных частных функций, но имеющих в качестве основной функции коммуникативную. Пражская теория языковых функций была своеобразной модификацией теории К. Бюлера, основанной на выделении трех основных элементов языковой коммуникации: говорящий (или вообще «адресант»), адресат и предмет сообщения. В зависимости от того, какой из этих трех элементов стоит на первом плане, Бюлер различал функции человеческого языка: выражение (Ausdruck), обращение (Appel) и сообщение (Darstellung)²⁹⁹. К этим трем функциям (чеш. термины: funkce výrazová — на переднем плане адресант, výzvoová — на переднем плане адресат и předmětná, или zobrazovací, — на переднем плане сам предмет сообщения) в пражской концепции, разрабо-

²⁹⁵ См.: В. Наврáneк. Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura. — В сб.: «Spisovní čeština a jazyková kultura». Praha, 1932, стр. 69.

²⁹⁶ Схему функциональной дифференциации литературного языка см. в указанной в предыдущей сноске работе Гавранка. См. также: Он же. K funkčnímu rozvrstvení spisovného jazyka. — СМФ, 1942, г. XXVIII.

²⁹⁷ Была даже создана особая область языкознания: «Wirtschaftslinguistik» (чеш. hospodářská lingvistika), см., например: Z. Vančura. Hospodářská lingvistika, pokus o její teorii a doklady z anglického účetního názvosloví. Praha, 1934; Н. Siebenstein. Abhandlungen zur Wirtschaftsgermanistik. Prag, 1936; К. Корецкий. O lexikálním planu hospodářského jazyka. — SaS, 1935, г. I, стр. 120—122. Ср. также о потенциальных и константных элементах «экономического языка»: Т. Крејčić. K syntaktickému plánu německého hospodářského jazyka. — SaS, 1936, г. II, стр. 243—246 Z. Vančura. The study of the language of commerce. — TCLP, 6, 1936, стр. 159—164.

²⁹⁸ R. Jakobson. Selected writings, I, стр. 633 («Retrospect»).

²⁹⁹ К. Bühler. Sprachtheorie. (См. русский перевод частей из этой книги в сб.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, стр. 25).

танной прежде всего Я. Мукаржовским, была прибавлена эстетическая (в терминологии других пражцев — поэтическая) функция, которая противостоит трем остальным функциям, так как «делает центром внимания саму структуру языкового знака», в то время как названные выше функции «направлены к внеязыковым моментам и к целям, выходящим за пределы языкового знака»³⁰⁰. Коренное различие между «коммуникативными специальными языками» литературного языка, которые всегда используются для того, чтобы нечто сообщить³⁰¹, и «поэтическим языком», который не является «преимущественно коммуникативным»³⁰², пражские структуралисты видели в различной иерархии «функции сообщения» (*darstellende Funktion*) и «поэтической» (эстетической) функции, которые они в то же время считали неразрывно друг с другом связанными³⁰³.

На пражскую концепцию поэтического языка оказали сильное влияние русские формалисты, признававшие, как и пражцы, существование особой «поэтической речи» или «поэтического языка», противопоставленного практическому языку, в котором «языковые представления (звуки, морфологические части и проч.) самостоятельной ценности не имеют и являются лишь средством общения», тем, что в поэтическом языке «практическая цель отступает на задний план и языковые сочетания приобретают самоценность»³⁰⁴. Связь со взглядами русских формалистов на поэтическую речь как антитезу практического языка, направленную на «воскрешение слова», обнаруживается в теории пражцев об «актуализации» языковых средств, максимальная степень которой характеризует поэтический язык — в отличие от «коммуникативных языков», для которых характерна в первую очередь

---

³⁰⁰ J. Mukařovský. *Básnické poimenování a estetická funkce jazyka*. — В кн.: J. Mukařovský. *Kapitoly z české poetiky*, I, 1948, стр. 159 (цит. статья представляет собой доклад на Международном съезде лингвистов в 1936 г., ср. J. Mukařovský. *La dénomination poétique et la fonction esthétique de la langue*. «Actes du Quatrième Congrès international de Linguistes». Copenhague, 1938, стр. 100). Интересной разновидностью и развитием выработанной Бюлером и модифицированной Мукаржовским теории языковых функций является концепция Р. Якобсона, положенная в основу его недавней работы «Лингвистика и поэтика» (В сб.: «Style in language», N. Y.—London, 1960).

³⁰¹ В. Наврáнек. *Úkoly spisovného jazyka*, стр. 68.

³⁰² Там же.

³⁰³ R. Jakobson. *Die Arbeit der sogenannten «Prager Schule»*, стр. 8. Ср. также: R. Wellek. *The theory of literary history*. — TCLP, 6, 1936, стр. 176.

³⁰⁴ Л. П. Якубинский. О звуках стихотворного языка. — В сб. «Поэтика». Пг., 1919, стр. 37. Ср.: Р. Якобсон. *Новейшая русская поэзия*. Прага, 1921, стр. 10—11, где автор говорит об индифферентности поэзии к предмету высказывания, о минимуме коммуникативной функции поэтического языка.

«автоматизация» языковых средств³⁰⁵. Актуализация является обычной и в литературном языке (например, в журналистском стиле), но в этом случае она всегда подчинена задачам коммуникации (цель ее — привлечь внимание к самой теме, выраженной актуализованными средствами), в поэтическом же языке актуализация имеет самодовлеющее значение, выдвигая на первый план сам акт выражения³⁰⁶.

Так же как русские «формалисты», пражцы считали, что поэтический язык обладает своими собственными, притом изменяющимися нормами, которые не могут быть объектом критики в качестве отклонения от общего языкового стандарта. Напротив, поэтический язык должен скорее рассматриваться как организованное, систематическое нарушение языковых норм — вполне закономерное, так как поэтический язык нуждается в специальных способах достижения своих специальных целей³⁰⁷.

Функциональный подход к исследованию поэтического языка, т. е. подход с точки зрения его специфической функции, сочетался в исследованиях пражцев со структурным подходом, который состоял в том, что каждый элемент художественного произведения оценивался «исключительно в терминах его отношения к целому»³⁰⁸. Так, например, было доказано, что актуализация одних принадлежащих к одной системе компонентов художественного произведения может проявляться лишь на фоне автоматизации других (также системно связанных между собой), ибо одновременная актуализация всех компонентов поэтического произведения немыслима³⁰⁹.

---

³⁰⁵ Под «автоматизацией» понималось «такое употребление языковых средств ... которое является обычным для данной цели выражения, т. е. такое употребление, при котором само выражение не привлекает внимания», а под «актуализацией» — «такое употребление языковых средств, которое само по себе привлекает внимание и воспринимается как нечто необычное, лишенное автоматизации, дезавтоматизованное, например живая поэтическая метафора» (В. Наврѓánek. *Úkoly spisovného jazyka...*, стр. 53). В качестве примера превращения автоматизированного выражения в актуализованное автор приводит буквальный перевод фр. *s'il vous plaît* (с автоматизованным значением 'пожалуйста') как чеш. *líbí-li se vám* или русск. *здравствуйте* как чеш. *buďte zdrav* (там же).

³⁰⁶ Ср., например: J. Mukařovský. *Jazyk spisovný a jazyk básnický. «Spisovná čeština a jazyková kultura»*, стр. 129.

³⁰⁷ Там же. Ср.: R. Wellek. *Prague school reader on esthetics, literary structure and style. «Language»*, 1955, vol. 31, № 4, стр. 585; В. Наврѓánek. *Vývoj spisovného jazyka českého. «Československá vlastivěda»*, řada II. Praha, 1936.

³⁰⁸ J. Mukařovský. *Jazyk spisovný a jazyk básnický*, стр. 130.

³⁰⁹ См.: J. Mukařovský. *Estetika jazyka*. В кн.: J. Mukařovský. *Kapitoly z české poetiky*, I, стр. 73. — Примеры взаимодействия «актуализованных» и «автоматизованных» компонентов художественного произведения см. в его же работах «*Jazyk spisovný a jazyk básnický*» (стр. 129 и сл.); «*Próza K. Čapka jako lyrická melodie a dialog*» (SaS, 1939, r. V, č. 1) и др.

Общее всем пражцам, занимавшимся соответствующими проблемами, положение об автономности поэтического языка получило наиболее крайнюю интерпретацию в концепции Мукаржовского, доказывавшего, что поэтический язык нельзя считать специальной разновидностью литературного языка³¹⁰, несмотря на тесную связь между ними, заключающуюся в том, что последний является для первого фоном, на котором и проявляется эстетически преднамеренное нарушение норм литературного языка³¹¹. Разумеется, нет оснований понимать тезис о самостоятельности поэтического языка слишком буквально, как это иногда делали некоторые критики пражской концепции поэтического языка³¹². Тот же Мукаржовский прекрасно понимал, что соотношение языка художественной литературы и литературного языка может исследоваться в двух аспектах: с точки зрения поэтического языка, т. е. в свете вопроса о различиях между поэтическим и литературным языком (исследователь ставит перед собой вопрос, «связан ли поэт нормами литературного языка и в какой мере эта норма проявляется в поэзии»³¹³) и с точки зрения литературного языка, то есть в свете вопроса о сходствах между поэтическим и литературным языком (исследователь стремится прежде всего «узнать, в какой степени художественное произведение может служить материалом для установления нормы литературного языка»³¹⁴). Выдвижение на первый план отличий поэтического языка от литературного признавалось необходимым только для исследования, имеющего своим предметом именно поэтический язык³¹⁵, так же как исследование литературного произведения в его эстетической функции не означало отрицания у него других функций (в том числе, конечно, коммуникативной)³¹⁶. Так, Б. Трнка подчеркивал, что в любом высказывании (не исключая и поэтического произведения) имманентно присутствуют оба элемента: коммуника-

³¹⁰ J. Mukařovský. Jazyk spisovný a jazyk básnický, стр. 123; ср. упоминавшуюся выше схему Б. Гавранка, для которого поэтический язык относится к литературному языку, как вид к роду.

³¹¹ J. Mukařovský. Jazyk spisovný a jazyk básnický, стр. 124.

³¹² Ср., например: О. Лешка. К вопросу о структурализме, стр. 93; К. Хансен. Пути и цели структурализма, стр. 103.

³¹³ J. Mukařovský. Jazyk spisovný a jazyk básnický, стр. 123.

³¹⁴ Там же.

³¹⁵ Ср. точку зрения Куриловича: «... описание поэтического языка представляет собой описание черт, отличающих его от разговорного языка, а не описание языка произведений или произведения как единого целого» (Е. Курилович. Поэтический язык с лингвистической точки зрения. — В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике, стр. 424).

³¹⁶ См., например: R. Wellek. The theory of literary history, стр. 176 и сл., где в то же время обосновывается необходимость считать эстетическую функцию предметом исследования поэтического произведения, рассматриваемого как произведение искусства, так как именно эстетическая функция делает его таковым.

тивный (*sdělné*) и эстетический, так что лирическое произведение можно исследовать в аспекте «сообщения», подобно тому, как высказывание «коммуникативного содержания» можно подвергнуть (хотя бы негативному) анализу с точки зрения эстетической оправданности (*samoučelnosti*) его элементов. Различие между «высказываниями» этих двух типов Трика — в согласии с пражской концепцией языковых функций — видел в их общей «доминантной направленности к функции эстетической либо коммуникативной»³¹⁷.

Противопоставление языка художественной литературы языку «обычному», общелитературному (которое, правда, иногда принимало полемически утрированные формы) основано на совершенно правильной, как кажется, мысли о специфической роли, которую играет язык в художественном произведении. Постулирование особого «поэтического языка» в работах пражских структуралистов имеет, несомненно, метафорический смысл и значит лишь то, что в художественной литературе язык выступает в особой, поэтической, функции.

Метафоричность (и лингвистическую неточность) употребления термина «язык» по отношению ко всякого рода сознательным отклонениям от языкового стандарта подчеркивал еще в 30-е годы Й. Коржинек, настаивая на том, что все подобные случаи лингвистически предопределены соответствующей языковой структурой³¹⁸.

Современные чешские продолжатели пражских традиций, в целом положительно оценивая концепцию языка как дифференцированного с точки зрения функций образования, считают, что автономность частных функциональных систем (в особенности поэтического языка) в работах Пражской школы была преувеличена³¹⁹, и предпочитают теперь — на том основании, что эстетическая функция не отрицает коммуникативной (хотя эстетическая функция и не параллельна другим) — говорить не о специальном поэтическом языке, но о художественном стиле, который не противопоставлен другим функциональным стилям, хотя его и не следует ставить в один ряд с ними³²⁰.

Функциональный подход к языку нашел отражение и в активной практической деятельности Пражского лингвистического кружка.

³¹⁷ B. Trnka. K otázce stylu. — SaS, 1941, r. VII, č. 2, стр. 67.

³¹⁸ J. Kořinek. Einige Betrachtungen über Sprache und Sprechen, стр. 27—28.

³¹⁹ См.: В. Навřанек, К. Ногáлек, В. Скалиčka, Р. Трост. Что нового внесла ... «Сборник ответов на вопросы по языкознанию (к IV Международному съезду славистов)». М., 1958, стр. 51.

³²⁰ Ср.: Л. Долежел, К. Гаузенблас. О соотношении поэтики и стилистики, стр. 41—42. Ср. также: Р. Трост. K obecným otázkám stylu. — SaS, 1955, r. XVI, č. 1, стр. 17.

В работах пражцев получила теоретическое обоснование проблема языковой «культуры», то есть сознательное «превращение языка как простого средства, простого представителя объективного мира, в самостоятельный объект нашего внимания, наших размышлений, наших эмоций»³²¹. В основу пражского понимания «культуры языка» было положено стремление «развивать в литературном языке, как в разговорном, так и письменном, те качества, которые требует его специальная функция»³²². Поэтому критерием «правильности» служит в пражской концепции вопрос о соответствии данного языкового средства данной цели, а не вопрос генетической обоснованности или «чистоты» вызывающей сомнения формы³²³.

Существенное значение в разработке теории «языковой культуры», а также и в практической деятельности Пражского лингвистического кружка имело выдвижение и терминологическое разграничение понятий «норма» и «кодификация», разработанных Б. Гавранком в связи с теорией литературного языка³²⁴. В его концепции норма представляет собой совокупность устойчивых (т. е. регулярно употребляемых) средств, объективно существующих в самом языке, и закономерности их использования; кодификация же — это постижение и установление (обнаружение) нормы, обусловленное исторически ограниченным познанием объективно существующих закономерностей литературного языка. Первый термин обозначает, таким образом, объективный предмет научной деятельности, обозначаемой вторым термином.

При этом норма предстает в пражской теории как явление динамическое, исторически обусловленное — в противоположность языковому узусу, трактованному более или менее статически. Дифференциация «нормы» и «кодификации», признание того, что норма существует в самом языке, а не в нормативных справочниках или грамматиках, и притом представляет собой развивающееся явление, дало теоретическое обоснование антипуристической деятельности Пражского лингвистического кружка, направленной против архаизации и нивелирования литературного языка, которые осуществлялись в начале 30-х годов пуристами из редакции журнала «*Naše řeč*»³²⁵. Большое значение в этой деятельно-

---

³²¹ «Úvodem» (Программные тезисы, выработанные редакторами журнала «*Slovo a slovesnost*» — Б. Гавранком и В. Матезиусом). — SaS, 1935, г. I, č. 1, стр. 2.

³²² «Тезисы Пражского лингвистического кружка», стр. 84.

³²³ Ср.: R. Jakobson. Die Arbeit. . ., стр. 7—8.

³²⁴ B. Havránek. Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura, стр. 32 и сл.; Он же. Zum Problem der Norm in der heutigen Sprachwissenschaft und Sprachkultur. «Actes du Quatrième Congrès international de Linguistes». Copenhagen, 1938, стр. 152 и сл.

³²⁵ См. подробнее об этой стороне деятельности Пражского лингвистического кружка в статье: V. Mathesius. Deset let Pražského lin-

сти имела также замена неопределенного критерия «языковой правильности» функционально-телеологическим критерием, т. е. оценкой любого словесного проявления «в терминах его адекватности цели, с точки зрения того, удовлетворительно ли оно выполняет данную цель»³²⁶.

Работы пражцев 30-х годов в области «языковой культуры» впервые заложили теоретический фундамент нормативно-лингвистической деятельности. Плодотворность выдвинутых в этой связи понятий доказывается, в частности, тем, что они не потеряли актуальности и в настоящее время, хотя и подверглись некоторому уточнению и развитию³²⁷.

Отношение Пражской школы к другим направлениям структурализма

Несмотря на то, что представители Пражского лингвистического кружка неоднократно протестовали против ограниченной оценки его деятельности лишь как «Пражской фонологической школы»³²⁸, следует все же признать, что в течение «классического периода» только в области фонологии пражцам удалось создать стройную и последовательную методологическую систему.

После войны наблюдается определенное перемещение интересов чехословацких лингвистов от преимущественного исследования звукового плана языка к проблемам, связанным с высшими языковыми планами — в первую очередь с синтаксисом и лексикологией.

В течение последнего десятилетия (1950—1960) от позитивной работы чешских языковедов в значительной мере отвлекала

---

guistického kroužku, стр. 142—143; критика пуризма «Нашей речи», основанная на широком привлечении данных славянских языков, дана в статье Р. О. Якобсона «O dnešním brusičství českém» (в сб. «Spisovná čeština a jazyková kultura», стр. 85—122).

³²⁶ V. Procházka. Poznámky k překladatelské technice. — SaS, 1942, r. VIII, č. 1, стр. 3.

³²⁷ См.: B. Havránek. Zásady Pražského lingvistického kroužku a nová kodifikace spisovné češtiny. — SaS, 1947, r. X, č. 1; M. Dokulil. K otázce normy spisovného jazyka a její kodifikace; A. Jedlička. Zjišťování mluvnické normy souboré češtiny. «Naše řeč», 34, 1950; Он же. K problematice normy a kodifikace spisovné češtiny. — SaS, 1963, r. XXIV, č. 1; E. Beneš. Terminologická poznámka k pojmu «norma» a «kodifikace». — SaS, 1961, r. XXII, č. 4 (с прим. Б. Гавранка, там же, стр. 277), а также материалы Братиславской конференции 1955 г., посвященной языковой норме, в журнале «Slovenská reč», 20, 1955, стр. 199 и сл. и реферат А. Едлички и Ф. Вагалы об этой конференции в журнале «Naše řeč», 39, 1956, стр. 26—35.

³²⁸ Ср., например: J. Vachek. Úloha účinnosti v jazykovém vývoji, стр. 154.

не всегда справедливая критика структурализма, часто выражавшаяся в высказываниях декларативного характера³²⁹.

В последнее время возрождается интерес к таким проблемам языкознания, как отношение языка и его функционирования к действительности вообще и к действительности конкретно выражаемой, как проблема знаковости языка, отношение языка и мышления и т. п. На недавней конференции, посвященной методологии марксистского языкознания, организованной Институтом чешского языка Чехословацкой Академии наук, вновь была подтверждена правильность основных позиций современной лингвистики — таких, как разграничение синхронии и диахронии, языка и речи, звукового и содержательного планов, парадигматических и синтагматических системных отношений³³⁰.

В настоящее время ясно, что сомнения в принадлежности Пражской школы к структурализму, высказывавшиеся одно время как в самой Чехословакии, так и за ее пределами, лишены оснований, хотя, конечно, пражский структурализм характеризуется специфическими чертами, делающими его особым направлением структурной лингвистики.

По мнению многих лингвистов, Пражская лингвистика отличается от других структуральных течений тем, что это — «единственная структуралистическая школа, которая не замыкается в башне из слоновой кости и не вырождается в бесплодный формализм»³³¹. По этому признаку пражский структурализм можно, видимо, противопоставлять в первую очередь глоссематике Ельмслева³³², которая отличается от него и целым рядом более конкретных признаков³³³. Мнение, согласно которому Пражская и Копенгагенская школы представляют собой полярные течения структурализма, между которыми располагается американский дескриптивизм³³⁴, кажется в общем справедливым —

---

³²⁹ Ср. об этом: M. Dokulil. K otázce morfologických protikladů; B. Navránek. Aktuální metodologické problémy marxistické jazykovědy.

³³⁰ См. сб. «Problémy marxistické jazykovědy», в особенности: K. Hořálek. K aplikaci nových metod v marxistické jazykovědě; L. Doležel. Význam teorie informace pro marxistickou jazykovědu.

³³¹ H. Lüdtke. Das prosodische System des Urslavischen und seine Weiterentwicklung im Serbokroatischen. «Phonetika». Supplementum ad vol. 4 (1959), стр. 126.

³³² Г. Людке, скорее всего, имел в виду сравнение теории Ельмслева с башней из слоновой кости у А. Мартине (см.: А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях, стр. 54).

³³³ См.: В. Скаличка. Копенгагенский структурализм и «Пражская школа». В кн.: В. А. Звегинцев. «История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях», ч. II; V. Korál. L'état actuel des études linguistiques en Tchécoslovaquie. «Lingua», 1950, II, 2, стр. 231—233; О. С. Ахманова. Основные направления лингвистического структурализма, стр. 27—28.

³³⁴ Ср.: I. Poldauf. Strukturalismus a americký deskriptivismus. — В сб.: «Problémy marxistické jazykovědy», стр. 83.

в том смысле, что некоторые черты сближают пражцев с американцами, отличая их в то же время от глоссематиков. Однако важными являются и те особенности, которые объединяют пражский и копенгагенский структурализм, противопоставляя их вместе американскому дескриптивизму (что дает основание говорить о «европейском структурализме») ³³⁵. В связи с тем, что во всех направлениях структурализма с наибольшей полнотой разработана фонологическая теория, «дифференциальные признаки» Пражской школы удобнее всего проследить именно в этой области.

Общей особенностью Пражской и Копенгагенской школ является признание семиологической функции основной и внутренней функцией языка, являющейся необходимым критерием при установлении инвентаря инвариантов, в то время как для американских лингвистов это — внешняя функция, в связи с чем они стремятся ограничить ее роль в описании языковых фактов и иногда стремятся ее вообще элиминировать, во всяком случае — из фонематического анализа ³³⁶. Подобным образом не считается с семиологической функцией при определении фонемы и Д. Джоунз, подвергавшийся в этой связи критике как со стороны пражских фонологов, так и со стороны глоссематиков ³³⁷.

Однако связанное с функцией смыслоразличения коммутационное испытание (по существу одинаковое у пражцев и копенгагенцев) дает возможность установить определенное число инвариантов только для каждой отдельной позиции. При сведении полученных таким образом «микрофоном» в один инвариант пражские фонологи, как отмечалось выше, не обходятся без обращения к звуковой субстанции. В этом отношении пражцы противопоставят глоссематикам, сближаясь в то же время с американскими последователями Блумфилда. Существенным отличием от американцев является, однако, теоретическое непризнание ведущей роли дистрибутивного анализа при определении фонемного состава языка ³³⁸. Следует, впрочем, отметить, что, с одной

---

³³⁵ Замечания И. Польдауфа о том, что «дескриптивизм занимает в некоторых отношениях промежуточное положение между Пражской и Копенгагенской школами» (loc. cit.), верно, таким образом, лишь отчасти (или верно именно с указанным ограничением).

³³⁶ Датские лингвисты именно на этом основании противопоставляют глоссематику вместе с Пражской школой американскому структурализму. Ср., например: E. Fischer-Jørgensen. Remarques sur les principes de l'analyse phonémique. «Recherches structurales» (TCLC, V). Copenhagen, 1949.

³³⁷ См.: J. Vachek. Professor Daniel Jones and the phoneme, стр. 29 и сл.; Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка. «Новое в лингвистике», вып. I. М., 1960, стр. 321—323.

³³⁸ Важными для понимания этого различия являются цитированная рецензия Харриса на книгу Трубецкого «Grundzüge der Phonologie» в журнале «Language», 1941, vol. 17, № 4 и ответ Вахка (см.: J. Vachek. Yaleská škola a strukturalistická fonologie. — SaS, 1948, r. XI, č. 1).

стороны, пражцы очень часто сопровождали классификацию фонем по дифференциальным признакам классификацией, основанной на различных возможностях сочетания фонем, считая последнюю желательным дополнением первой³³⁹, и что, с другой стороны, сами американцы в своих реальных исследованиях часто дают лишь детальное описание силлабических структур языка, но не всегда исходят из возможностей сочетания при установлении фонемных категорий. Это отличает оба направления, с одной стороны, от Лондонской школы фонетиков, которой свойственно почти полное невнимание к силлабическим структурам, и с другой — от Блумфильда (которого американцы всегда сочувственно цитируют), а также от скандинавских ученых³⁴⁰.

Внимание к звуковой субстанции, отличающее Пражскую школу от Копенгагенской, отражает более общее различие между этими направлениями, которые хотя и имеют один и тот же источник — концепцию де Соссюра, находятся не в одинаковых отношениях к сосюрианскому наследию. Усвоив один основной принцип, введенный де Соссюром в современную лингвистику, — принцип структурализма (различие между индивидуальной речью и структурой языка, системность языка, разграничение диахронической эволюции и синхронической системы), пражцы, в отличие от глоссематиков, не приняли второго сосюрианского принципа — принципа имманентности (утверждение, что язык является не «субстанцией», а «формой» и что лингвистика имеет в качестве своего единственного и подлинного объекта язык, рассматриваемый в самом себе и для себя)³⁴¹.

С неприятием принципа имманентности связаны и другие особенности Пражской школы, касающиеся уже не конкретных принципов анализа, а различий в выборе объектов, включающихся

---

³³⁹ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 272 и сл. — Признавая «в высшей степени желательными возможно более формальные описания изучаемых структур» (А. Мартине. О книге «Основы лингвистической теории» Луи Ельмслева, стр. 456), пражцы в то же время считали невозможным охарактеризовать все выделенные фонологические единицы исходя единственно из их взаимных отношений (там же; ср. также: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 274, где в качестве убедительного примера невозможности исчерпывающей классификации фонем на основании правил сочетаемости приводится, в частности, бирманский язык, в котором «функциональная классификация» такого рода приводит к выделению лишь двух классов фонем: согласных и гласных, так как все согласные и все гласные получают на основе своих дистрибутивных возможностей одно и то же определение).

³⁴⁰ См.: E. Fischer-Jørgensen. On the definition of phoneme categories on a distributional basis. «Acta Linguistica» (Copenhagen), VII, 1958.

³⁴¹ Ср. K. Togeby. Structure immanente de la langue française. (TCLC, VI). Copenhagen, 1951, стр. 7 и сл., а также: Л. Ельмслев. Метод структурного анализа в лингвистике. В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, стр. 52.

в поле зрения исследователя. Это относится в первую очередь ко всем проблемам, связанным с отношениями языка и действительности, которые принципиально не интересуют копенгагенцев и мало занимают американских дескриптивистов. В этой области возможно лишь сравнение исходных предпосылок разных направлений структурализма.

В понимании некоторых терминов между пражцами и копенгагенцами наблюдается такое различие, которое делает в общем бесплодным какое-либо сравнение их употребления (ср., например, омонимичное употребление обеими школами термина «функция») ³⁴².

Впрочем, иногда неоднородное употребление одного и того же термина по отношению к разным понятиям становится гораздо более опасным, чем употребление разных терминов по отношению к одному и тому же понятию. И то и другое является характерной чертой различных направлений современного структурализма ³⁴³.

Пражская школа всегда уделяла терминологической стороне большое внимание ³⁴⁴. Исследование терминологии пражцев и связанной с нею системы понятий и сравнение с соответствующей терминологией и системой понятий других школ структурализма должно явиться условием языковедческой «девавилонизации», на необходимость которой обращают внимание в последнее время многие лингвисты ³⁴⁵.

---

³⁴² См.: В. Скаличка. Копенгагенский структурализм и «Пражская школа». В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, стр. 97; V. Korál. L'état actuel des études linguistiques en Tchécoslovaquie. «Lingua», 1950, II, 2, стр. 232—233.

³⁴³ A. Martinet. Structural linguistics, стр. 577.

³⁴⁴ См.: J. Vachek. A propos de la terminologie et du système de concepts de l'École de Prague. «Philologica Pragensia», 1961, IV, 2.

³⁴⁵ Ср.: Э. Хауген. Направления в современном языкознании. «Новое в лингвистике», вып. I, стр. 262—263.

ГЛОССЕМАТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

В. П. Мурат

Глоссематика как особое направление современного структурального языкознания возникла в кружке датских лингвистов, в основном Копенгагенского университета, занимавшихся фонологией и изучением структуры языка и объединившихся в 1931 году в Копенгагенский лингвистический кружок. Основателем Копенгагенского лингвистического кружка (совместно с В. Брэндалем, 1887—1942) и создателем глоссематической теории (в сотрудничестве с Х. Ульдаллем, 1907—1957, и другими учеными) является директор Института лингвистики и фонетики при философском факультете Копенгагенского университета профессор Луи Ельмслев (род. 1899 г.)¹.

Термин «глоссематика» (от греч. γλῶσσα 'язык') как название новой лингвистической теории появляется в лингвистической литературе начиная с 1936 г.² Он был введен создателями теории для того, чтобы «провести грань между традиционным языкознанием и новым структурным методом исследования»³. В конце 30-х годов, а также в 40-х и 50-х годах в различных периодических изданиях появился ряд статей Л. Ельмслева, Х. Ульдалля и др., в которых излагались основные положения

¹ С 1934 г. выходит «Bulletin du Cercle Linguistique de Copenhague» (здесь сокращенно: BCLC); в 1939 г. В. Брэндал и Л. Ельмслев начали публикацию журнала «Acta Linguistica» (сейчас журналом руководит Л. Ельмслев); существует также и неперIODическое издание «Travaux du Cercle Linguistique de Copenhague», первый том которого появился в 1944 г. (здесь сокращенно: TCLC).

² Ср., например, совместную работу Л. Ельмслева и Х. Ульдалля «Synopsis of an outline of glossematics» (1936 г.), доложенную на VI Международном конгрессе лингвистов (см. TCLC, 1959, vol. 11, стр. 267).

³ См.: Л. Ельмслев. Метод структурного анализа в лингвистике. «Acta Linguistica», 1950—1951, vol. 7, стр. 62.

глоссематики или по-новому, в свете глоссематической теории, рассматривались некоторые более частные проблемы⁴.

В 1943 г. в Копенгагене на датском языке вышла небольшая книга Ельмслева «Omkring sprogteoriens grundlæggelse»⁵, представляющая собой краткое общее введение в глоссематику, а в 1957 г. была опубликована «Outline of glossematics» Х. Ульдалля⁶ (Copenhagen, 1957 — TCLC, vol. X) — первая часть книги, задуманной Ельмсловом и Ульдаллем еще до войны.

Заявка, сделанная работами Ельмслева и Ульдалля, привлекла внимание лингвистов разных стран, а обсуждение основных проблем глоссематики не раз приводило к оживленным дискуссиям и породило обширную критическую литературу в зарубежном⁷ и

---

⁴ См., например: L. Hjelmslev. On the principles of phonematics. «Proceedings of the Second International Congress of Phonetic Sciences». London, 1936; Он же. Essai d'une théorie des morphèmes. «Actes du Quatrième Congrès international de Linguistes». Copenhagen, 1938; Он же. Forme et substance linguistique. — BCLC, 1939, vol. IV, и др. Наиболее важные из работ Л. Ельмслева собраны в специальном томе TCLC, опубликованном по случаю шестидесятилетия Л. Ельмслева (см. TCLC, 1959, vol. 11). Избранную библиографию трудов Л. Ельмслева см. в сб.: «Recherches structurales». Copenhagen, 1949, стр. 305—307 (TCLC, vol. V), а также в TCLC, 1959, vol. 11, стр. 251—271. См. также: H. Uldall. The phonematics of Danish. «Proceedings of the Second International Congress of Phonetic Sciences»; Он же. Speech and writing. «Acta Linguistica», 1944, vol. IV, fasc. 1; Он же. On equivalent relations. «Recherches structurales» и др.

⁵ В 1953 г. книга была переведена на английский язык под названием «Prolegomena to a theory of language» (Приложение к IJAL, vol. 19. Indiana Univ. Publ. in Anthropology and Linguistics. Memoir 7. Baltimore, 1953). Русский перевод книги «Пролегомены к теории языка» см. в сб.: «Новое в лингвистике», вып. I. М., 1960.

⁶ Русский перевод первой части этой книги под названием «Основы глоссематики» см. в сб.: «Новое в лингвистике», вып. I.

⁷ См., например: С. Е. Bazell. [Рец.] L. Hjelmslev. Omkring sprogteoriens grundlæggelse. «Archivum Linguisticum», 1949, vol. 1, fasc. 1; E. Fischer-Jørgensen. Remarques sur les principes d'analyse phonémique. «Recherches structurales». Она же. The commutation test and its application to phonemic analysis. — В сб.: «For Roman Jakobson». The Hague, 1956; M. Fowler. [Рец.] K. Togeby. Structure immanente de la langue française. «Language», 1953, vol. 29, № 1; P. Garvin. [Рец.] L. Hjelmslev. Prolegomena to a theory of language. «Language», 1954, vol. 30, № 1; L. Hammerich. Les glossématisés danois et leurs méthodes. «Acta Philologica Scandinavica», 1952, Bd. 21, № 1; E. Haugen. Directions in modern linguistics. «Language», 1951, vol. 27, № 3 (русск. перевод см. в сб.: «Новое в лингвистике», вып. 1); Он же. [Рец.] L. Hjelmslev. Prolegomena to a theory of language. — IJAL, 1954, vol. 20, № 3; Sv. Johansen. Glossematics and logistics. «Acta Linguistica», 1950, vol. VI, № 1; A. Martinet. Au sujet des Fondements de la théorie linguistique de L. Hjelmslev. — BSL, 1946, vol. 42, fasc. 1—2 (русск. перевод см. в сб.: «Новое в лингвистике», вып. 1); Он же. [Рец.] K. Togeby. Structure immanente de la langue française. «Word», 1953, vol. 9, № 1; Он же. Structural linguistics. — В сб.: «Anthropology today». Chicago, 1953; A. Nehring. [Рец.] «Recherches structurales». — «Word», 1953,

в советском языкознании⁸. Вместе с тем в настоящее время еще нельзя, по-видимому, говорить о глоссематике как о вполне сложившейся теории, окончательно оформившейся и в общих своих положениях и в частностях. Об этом свидетельствуют известные теоретические расхождения между создателями глоссематики, а также то обстоятельство, что на большое число теоретических и практических вопросов, возникающих при знакомстве с глоссематической теорией, существующие работы по глоссематике ответа пока не дают (подробнее см. ниже). Впрочем, сами авторы глоссематической теории неоднократно указывали на предварительный, рабочий характер своих гипотез и выводов⁹.

Число «подлинных» глоссематиков, по-видимому, невелико. Даже Копенгагенский лингвистический кружок нельзя назвать единой школой, программой которой была бы глоссематика¹⁰.

---

vol. 9, № 2; B. Siertsema. A study of glossematics. The Hague, 1955; H. Spang-Hanssen. Recent theories on the nature of the language sign. Copenhagen, 1954 (TCLC, vol. 9); Он же. Glossematics. «Trends...»; H. Vogt. [Рец.] L. Hjelmslev. Omkring sprogteoriens grundlæggelse. «Acta Linguistica», 1944, vol. IV, № 1; R. Wells. [Рец.] «Recherches structurales». — «Language», 1951, vol. 27, № 4; Fr. Whitfield. [Рец.] B. Siertsema. A study of glossematics. «Language», 1955, vol. 31, № 4; Он же. Linguistic usage and glossematic analysis. «For Roman Jakobson» и др.

⁸ См., например: О. С. Ахманова. Глоссематика Луи Ельмслева как проявление упадка современного буржуазного языкознания. — ВЯ, 1953, № 3; Она же. О понятии «изоморфизма» лингвистических категорий. — ВЯ, 1955, № 3; Она же. Основные направления лингвистического структурализма. М., 1955; О. С. Ахманова и Г. Б. Микаэлян. Современные синтаксические теории. М., 1963, стр. 37—50; В. А. Звегинцев. Глоссематика и лингвистика. «Новое в лингвистике», вып. 1, стр. 215—243; Он же. Неопозитивизм и новейшие лингвистические направления. «Вопросы философии», 1961, № 12; Ю. К. Лекомцев. Основные положения глоссематики. — ВЯ, 1962, № 4; Б. А. Успенский. Лингвистическая жизнь Копенгагена. — ВЯ, 1962, № 3; С. К. Шаумян. О сущности структурной лингвистики. — ВЯ, 1956, № 5; Он же. Структурная лингвистика как имманентная теория языка. М., 1958; Он же. Структурные методы изучения значений. «Лексикографический сборник», № 5. М., 1962; Он же. Преобразование информации в процессе познания и двухступенчатая теория структурной лингвистики. В сб.: «Проблемы структурной лингвистики». М., 1962, и др.

⁹ См., например: L. Hjelmslev. Editorial. «Acta Linguistica», 1944, vol. IV, № 3, стр. V—VI, а также: Он же. La stratification du langage. «Word», 1954, vol. 10, № 2—3, стр. 164, 173, или H. Uldall. Outline of glossematics, стр. 33 и др.

¹⁰ Интерес к этой новой теории очень велик, но число подлинных глоссематиков гораздо меньше, чем думают некоторые критики, — пишет Б. Сьертсема по этому поводу (см. «A study of glossematics», стр. 28). Л. Хаммерх в названной выше статье также особо подчеркивает: «Мы, датские лингвисты-неглоссематики...» (стр. 21). И даже в предисловии к «Recherches structurales» составители специально оговаривают, что данный сборник является не «программой единой школы», но лишь свидетельством «общности настроений и интересов у группы лингвистов, стремящихся глубже осмыслить основные проблемы лингвистики» (стр. V).

Большинство же крупных зарубежных лингвистов занимает выжидательную позицию, высказываясь о глоссематике с большой осторожностью¹¹. И нет, разумеется, недостатка в резких критических выступлениях¹². Однако интерес к глоссематической теории продолжает оставаться значительным, и это, без сомнения, связано с тем интересом, который неизменно вызывают все попытки применить к гуманитарным наукам методы точных наук, сделать гуманитарные науки точными. Стремление авторов глоссематической теории создать имманентную алгебру языка, позволяющую осуществить более последовательное и в то же время более исчерпывающее и простое описание естественных языков, чем те, которые существовали до сих пор, заслуживает поэтому внимания.

Рассмотрим, какими путями идут к «имманентной алгебре» языка Л. Ельмслев и Х. Ульдалль и каковы основные положения глоссематики.

Констатируя в работе «Outline of glossematics» общее отставание гуманитарных наук от точных, Ульдалль задается вопросом о причинах такого отставания, которые могут корениться: 1) в материале, с которым приходится иметь дело гуманитарными наукам, и 2) в методах, применяемых гуманитарными науками к своему материалу. В материале, в его количестве и качестве между гуманитарными и точными науками, по мнению Ульдалля, принципиального различия нет. Все различие заключается в применяемом методе, в подходе к своему объекту. И в этом отношении в адрес гуманитарных наук, в том числе и лингвистики, можно сделать ряд серьезных упреков. Во многом справедливо критикуя традиционное языкознание XIX в., В. Брёндаль отмечает, что в то время как самым важным для всякой науки является постоянное, неизменное, идентичное в ее объекте, лингвисты прошлого занимались почти исключительно эмпирически наблюдаемыми отдельными фактами, в основном звуками речи и их изменениями. Язык был для них просто суммой индивидуальных речевых актов, а сам их подход к языку — атомистическим и субъективистским¹³. О преобладании в лингвистике прошлого индуктивных методов, об изучении учеными XIX в. лишь внешней стороны знаков и только диахронического аспекта языка, да и то «под углом зрения физиологии и психологии», говорит и Ельмслев¹⁴.

¹¹ См., например, упомянутые рецензии П. Гарвина, Э. Хаугена, Х. Фогта и др.

¹² См., например, указанные рецензии А. Мартине, Л. Хаммериха, А. Неринга и др.

¹³ См.: В. Брёндаль. Структуральная лингвистика. В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. 2. М., 1960, стр. 40 и сл.

¹⁴ См.: Л. Ельмслев. Язык и речь. Там же, стр. 56.

В XX в. точные науки ушли далеко вперед по сравнению с гуманитарными. Если гуманитарные науки, в том числе и лингвистика, в своем анализе до сих пор не идут дальше «вещей» (things), точные науки, подчеркивают Ельмслев и Ульдалль, давно отказались от «примитивно-реалистического» взгляда на мир как на совокупность вещей и имеют дело только с одним аспектом действительности — с отношениями между вещами, с функциями. Сами же вещи — это лишь точки пересечения функций. Ульдалль говорит о больших перспективах, которые открываются при таком подходе и перед лингвистикой — о возможности обобщения явлений, связь между которыми иным путем не могла бы быть обнаружена, о возможности отказаться от нелингвистических сведений — физиологических, социологических, психологических — и стать, наконец, подлинно автономной и объективной наукой именно за счет строгого отбора для изучения функций, необходимых и достаточных для непротиворечивого, исчерпывающего и простого описания языка¹⁵. Возражая тем, кто считает, что в языке в отличие от явлений, изучаемых естественными науками, факты не регулярны (non-recurrent) и потому их нельзя исследовать точными обобщающими методами, но можно лишь описывать один за другим, Ельмслев выдвигает положение о научной правомерности описания языка как «автономной сущности (entité) внутренних зависимостей, иными словами — как структуры»¹⁶. Внутренние зависимости, образующие структуру языка, и есть то «постоянное, неизменное, идентичное», что должно составить подлинный предмет лингвистики. У языка действительно существуют различного рода связи — биологические, физиологические, психологические, социологические, но они, по Ельмслеву, не составляют внутренней сущности языка, и структурная лингвистика, которая подходит к языку изнутри (то есть является имманентной), вправе от них абстрагироваться¹⁷.

Аналогичные мысли высказывает Л. Ельмслев и в других своих работах¹⁸. Языком слишком долго пользовались для того,

¹⁵ См.: Х. Ульдалль. Основы глоссематики, стр. 403 и сл., а также: L. Hjelmslev. La notion de rection. «Acta Linguistica», 1939, vol. 1, стр. 20. — Аналогичное стремление отказаться от нелингвистических критериев и оперировать только фактами структуры языка, понимаемой, правда, иначе, чем в глоссематической теории, наблюдается и в американской дескриптивной лингвистике (см., например: L. Bloomfield. Language. N. Y., 1933, стр. VII; Z. S. Harris. Methods in structural linguistics. Chicago, 1954, стр. 3 и 7, и др.)

¹⁶ См. L. Hjelmslev. Editorial, стр. V—XI.

¹⁷ См. Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка, стр. 267, 269.

¹⁸ Проблема применимости точных методов математики к материалу языкознания и других социальных наук интересует ученых самых различных специальностей. Так, известный этнограф К. Леви-Строс в статье «Language and the analysis of social laws» («American Anthropologist», 1951, vol. 53, стр. 155 и др.) высказывает ряд соображений, перекликаю-

чтобы узнать что-то лежащее за ним. При этом изучались периферийные стороны языка, но упускался из виду подлинный объект лингвистики, основное, что есть в языке, — его структура. Настала пора изучить сам язык и не как конгломерат нелингвистических явлений, а как самодовлеющую структуру *sui generis*. А это возможно сделать лишь описав зависимости, существующие между элементами языка и образующие структуру данного языка. Как исследуемый объект, так и его части существуют лишь в силу того, что образуют отношения. То, что для «наивного реализма» является «объектами», на самом деле не что иное как точки пересечения, пучки таких отношений. Реальными языковыми единицами являются отнюдь не звуки, буквы или значения, но представленные этими звуками, буквами или значениями элементы соотношений. . . Именно эти соотношения и составляют систему языка, и именно эта внутренняя система является характерной для данного языка в отличие от других языков¹⁹.

Язык может быть реализован единицами устной или письменной речи, может быть передан по телеграфу, азбукой Морзе или морскими флажками. Единицы, составляющие язык, в этих случаях различны, но остов отношений остается тем же, и именно это позволяет опознать язык. Для науки, по Ельмслеву, не существенна та субстанция, в которой манифестируется данная языковая форма. Следовательно, единственно научным будет такое описание языка, при котором регистрируются отношения между единицами, независимо от тех особенностей, которые присущи этим единицам, но безразличны для указанных отношений или невыводимы из них. Каждое научное утверждение должно быть утверждением о соотношениях, не предполагающим знания или описания самих элементов, входящих в соотношение. С точки зрения имманентной теории языка не имеет значения, оперирует ли лингвист реальными языковыми единицами или какими-либо алгебраическими знаками²⁰.

Таким образом, подобное определение языка с неизбежностью приводит к тому, что стираются принципиальные грани между языками и другими знаковыми структурами, и к языкам начинают относить и такие структуры, которые раньше языками не признавались. Для этого они лишь должны подходить под

щихся с идеями глоссематиков. Такова, например, мысль о возможности путем исчисления создать фонологическую типологическую таблицу, которая напоминала бы таблицу элементов Менделеева и в которой нашлось бы место для фонем всех языков, как реально существующих, так и просто возможных (стр. 157).

¹⁹ См. Л. Ельмслев. Метод структурного анализа в лингвистике, стр. 58.

²⁰ По мысли Ульдалля, идеальное научное утверждение имеет форму «а больше, чем *b*, хотя об *a* и *b* как о „вещах в себе“ наука может ничего не знать. В глоссематической алгебре этому соответствует утверждение: *a* предполагает *b*». См.: Х. Ульдалль. Основы глоссематики, стр. 414.

определение «семиотики»: «Семиотика — это иерархия (то есть класс классов), любой из сегментов которой допускает дальнейшее членение на классы, определяемые взаимной реляцией, таким образом, что каждый из этих классов допускает членение на дериваты, определяемые взаимной мутацией»²¹. Глоссематическое изучение световых сигналов, регулирующих уличное движение, боя башенных часов, отбивающих часы и части часа, азбуки Морзе, стуковой азбуки заключенных и т. п. может, по мнению Ельмслева, дать много интересного для языкознания, поскольку указанные структуры обнаруживают как бы элементарные модели без всех тех осложнений, которые характерны для высокоразвитых структур естественных человеческих языков.

Иными словами, то, что обычно называют языками, — естественные звуковые языки — это лишь одна из разновидностей языков вообще²². Лингвистика, изучающая естественные звуковые языки, должна поэтому войти в состав более широкой науки о знаковых структурах вообще, истинной теории языка в структурном смысле — семиологии²³. Позднее, в работе «Пролегомены к теории языка», Ельмслев обращает внимание на особое место, которое язык занимает среди других знаковых структур («Язык — это такая семиотика, в которую могут быть переведены любые другие семиотические структуры»), и объясняет это тем, что естественные языки и только они способны из ограниченного числа элементов-знаков создавать бесконечное число знаков и по свободным правилам строить более крупные единицы, формируя любой материал, но это осталось только декларацией²⁴.

²¹ См. Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка, стр. 361.

²² В редакционной статье (см. «Acta linguistica», vol. IV, 1944, стр. X) Ельмслев говорит о языках «лингвистических» (*langues linguistiques*) и не лингвистических (*non-linguistiques*).

²³ Как известно, впервые возможность объединения лингвистики с некоторыми другими науками в пределах «весьма общей науки, называемой семиологией», была предсказана Соссюром (см. R. Godel. *Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale* de F. de Saussure, Genève—Paris, 1957, стр. 181), отметившим, что предмет такой науки составляют «законы создания и трансформации знаков и их смысла», «жизнь знаков в обществе» (там же, стр. 82) и что «наиболее развитой семиологической наукой является лингвистика» (там же, стр. 181). Однако первые реальные шаги в этом направлении были предприняты только недавно, в связи с успехами математической логики и кибернетики (см. С. К. Шаумян. Лингвистические проблемы кибернетики и структурная лингвистика. «Вопросы философии», 1960, № 9, стр. 128).

²⁴ См.: Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка, стр. 364. — Однако в целом в глоссематических работах, возможно, в силу их полемической заостренности против традиционного языкознания, акцентируются черты, сближающие язык с другими семиотическими системами, и недостаточно, на наш взгляд, подчеркиваются существующие между ними различия. Естественный человеческий язык и его систему нельзя полностью отождествлять с другими знаковыми системами, хотя между ними и есть несомненное сходство в определенных отношениях. Язык не является столь прозрачной, стройной и рациональной структурой, как дру-

При структурном подходе к языку снимается, далее, как утверждают глоссематики, различие между всеми единицами языка — предложениями, словами, морфемами, слогами, фонемами — все они характеризуются однотипными функциями и могут быть рассмотрены в едином процессе анализа. Снимается тем самым и различие между традиционными разделами языкознания — лексикологией и грамматикой, грамматикой и фонетикой и т. д. Структурный подход якобы позволяет избежать «старого несовершенного деления лингвистики на фонетику, морфологию, синтаксис, лексикографию и семантику — деления, неудовлетворительного во многих отношениях и, в частности, перекрывающего одни понятия другими»²⁵.

Вместо этого в глоссематике вводится членение языка на четыре пласта или слоя (*strata*), исходя из двух дихотомий: содержание ÷ выражение и субстанция ÷ форма. Введение второго противопоставления — противопоставления субстанции ÷ формы — в добавление к противопоставлению содержания ÷ выражения, которое известно в лингвистической литературе довольно широко (например, у дескриптивистов), — характерная черта именно глоссематической теории²⁶. Признать наличие

гие семиотические системы. В нем можно вскрыть напластования различных эпох, многочисленные явления, совершенно не мотивированные с точки зрения современного состояния языка или логики, множество избыточных явлений, не укладывающихся в рамки строго логической схемы, и т. п. Языкознание, если оно хочет остаться самостоятельной наукой, должно учитывать в первую очередь не то, что сближает язык с объектами изучения других наук, но то, что составляет специфику естественных звуковых человеческих языков, неотделимых от истории и культуры народов, не существующих вне своей материи и формы, сложившихся в процессе длительного исторического развития.

²⁵ См. Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка, стр. 318.

²⁶ На большое теоретическое значение этого двойного противопоставления указывал, в частности, Р. Уэллз (см.: R. Wells. Указ. рец., стр. 555 и сл.), отмечая, что многие лингвисты, и даже Л. Блумфилд, часто смешивали эти дихотомии. Сравнивая систему Ельмслева с лингвистической системой Блумфилда, Р. Уэллз устанавливает, что ближайшим соответствием планам выражения и содержания в глоссематике будет форма и значение у Блумфилда. Однако различие систем этих лингвистов в целом делает данное соответствие весьма приблизительным. Разграничение формы и субстанции в плане выражения у Блумфилда, по сравнению с Ельмсловом, отличается нечеткостью, а в плане содержания грань между формой и субстанцией не проведена совсем. Наконец, по мнению Блумфилда, выражение ($\approx$ форму) можно и нужно изучать безотносительно к содержанию ($\approx$ значению), против чего решительно возражает Ельмслев. Р. Уэллз считает решение проблемы значения у Ельмслева более удачным (*ingenious*), чем у Блумфилда, отождествившего значения с вещами, явлениями реальных ситуаций и т. п. и тем самым выведшего изучение значений за пределы языкознания (там же, стр. 560). Сопоставление содержания основных понятий глоссематики с соответствующими понятиями у представителей других лингвистических направлений дается также в статье Э. Фишер-Йоргенсен (см.: E. Fischer-Jørgensen. *Remarques sur les principes d'analyse pho-*

в языке четырех пластов, то есть субстанции содержания, формы содержания, субстанции выражения и формы выражения, — вынуждает то обстоятельство, что «компоненты одного плана не могут быть найдены посредством анализа компонентов какого-либо другого плана. . .»²⁷. В этой связи развиваются идеи, близкие философскому идеализму разных направлений. Так, по утверждениям глоссематиков, вне упорядочивающей структуры языка существуют аморфные массы, непрерывности (*rupture*) двоякого рода: нерасчлененная масса человеческого опыта, предметов, мыслей (*thought-mass*) и нерасчлененная физическая цепь звуков (*sound-mass*). Язык упорядочивает, формирует эти аморфные массы в субстанцию содержания и субстанцию выражения. В отличие от распространенного употребления терминов «содержание» и «выражение» — первого для обозначения содержания высказываний, области значений, а второго — для обозначения материальных средств передачи сообщения²⁸, — в глоссематической теории эти термины выступают как чисто условные и соотносительные, и их без ущерба для анализа можно менять местами²⁹. Субстанция содержания — это факты действительности, понятия и т. д., так или иначе отраженные в языке, это мир «оформленных мыслей». Субстанция выражения — это цепь звуков, оформленных, систематизированных языком, это мир «оформленных звуков». Аморфная масса предметов и мыслей превращается в субстанцию содержания и становится доступной научному анализу, когда на нее, подобно сетке, накладывается форма содержания языка. Аморфная масса звуков превращается в субстанцию выражения тогда, когда на нее наложена форма выражения того или иного языка. В различных языках этот процесс дает разные результаты в силу того, что форма содержания и форма выражения данных языков неодинаковы³⁰.

---

pétiqne, стр. 216, 217). То, что в американской лингвистике обычно рассматривается как «значение», частично совпадает в теории Ельмслева с «субстанцией содержания»; то, что Блумфилд называет «формой», включает, с точки зрения глоссематиков, частично «субстанцию выражения», «форму выражения» и «форму содержания», а так называемая «селекция» у Блумфилда совпадает в значительной степени с глоссематической «формой содержания».

²⁷ См.: Х. Ульдалль. Основы глоссематики, стр. 426.

²⁸ См., например: Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, стр. 32—33.

²⁹ Как подчеркивает сам Ельмслев, содержание в глоссематическом смысле не следует отождествлять с традиционно понимаемым значением. Содержание какого-либо выражения может, например, с точки зрения формальной логики быть охарактеризовано как бессмыслица, но тем не менее оставаться содержанием в силу того, что связано с данным выражением знаковой функцией.

³⁰ Во многом сходные мысли о языке, «формирующем мир» для говорящего, о языке как мировоззрении нашли отражение в американской лингвистике в так называемой гипотезе Сепира — Уорфа, а в Евро-

Сказанное можно пояснить на примерах. Цепь /blts/, в основном сходная, как материал (purport), в русском и английском языках, приобретает в этих языках разную форму, потому что в русском языке здесь различаются три единицы /бац/, а в английском — четыре /blts/. Ср. также приведенный Ельмслевом пример разного оформления одного и того же материала выражения — названия города Берлина — в различных языках: англ. [bæ:'lin], нем. [bɛr'li:n], дат. [bæv'li'n], яп. [bɛgulinu] (можно добавить также и русск. [б'и°рл'ин])³¹.

Аналогичным образом обстоит дело и в плане содержания. Так, материал (purport) содержания {93} имеет в русском, английском, немецком и французском языках разную форму — ср. *девятью три*, *ninety three*, *drei und neunzig* и *quatre-vingt treize* и т. п. Общий материал содержания «не знаю» расчленен и оформлен в различных языках по-разному: *naluvaga* (эским.), *nescio* (лат.), *en tiedä* (финск.), *je ne sais pas* (франц.), *I do not know* (англ.), *jeg véd det ikke* (датск.), то есть, например, в эскимосском языке он выступает как «не-знающий -есмь-я-это» (от *palo* 'невежество' с суффиксами для первого лица субъекта и третьего лица объекта), в датском же сначала идет *jeg 'я'*, затем *véd 'знаю'* (наст. время, изъявит. накл.), затем объект *det 'это'* и, наконец, отрицание *ikke* и т. п.³²

Общеизвестны и многие другие подобные примеры — терминология цвета, родства и т. д. в разных языках, членение грамматического поля числа, времени, наклонения и т. п.³³ Каждый язык проводит свои границы в аморфной «массе мысли», по-разному располагает их и выделяет различные факторы; помещает центры тяжести в различных местах и дает им различную эмфазу³⁴. Субстанция содержания, как жидкость, принимает в различных языках различную форму.

пе — в теориях неогумбольдтианской этнолингвистики (см., например: E. Sapir. *Conceptual categories in primitive languages*. «Science», 1931, vol. 74; B. L. Whorf. *Language, thought and reality*. London, 1956; H. Basilius. *Neo-Humboldtian ethnolinguistics*. «Word», 1952, vol. VIII, № 2 и др.). Однако американские лингвисты, исходя из этого, стремятся вскрыть сложные связи, а если возможно, — соответствия между языком, мышлением и культурой того или иного народа и, как правило, оперируют фактами исключительно плана содержания — лексическими и грамматическими значениями, тогда как для Ельмслева форма имманентна для языка и является важнейшей категорией лингвистики не только в плане содержания, но и в плане выражения.

³¹ См.: Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка, стр. 314.

³² См.: Там же, стр. 309.

³³ См. там же, стр. 311, а также: Л. Ельмслев. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру. «Новое в лингвистике», вып. 2. М., 1962, стр. 127. См., кроме того: А. А. Реформатский. О сопоставительном методе. «Русский язык в национальной школе», 1962, № 5, стр. 29 и др.

³⁴ См.: Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка, стр. 310.

Таким образом, в языке выделяются план содержания и план выражения, каждый из которых имеет и свою субстанцию и свою форму. Содержание и выражение — планы равноценные и взаимозависимые, ни один из них не существует без другого (функция — интердепенденция). Отношения в каждом плане между субстанцией и формой — отношения подчинительные, форма является определяющей и постоянной, субстанция — зависимой и переменной (функция между ними — детерминация):

где С — субстанция, Ф — форма, $\overleftarrow{}$ — детерминация, а $\longleftrightarrow$ — интердепенденция.

Именно потому, что форма является определяющей и постоянной в отношении с субстанцией, она и должна, по Ельмслеу, стать основным объектом анализа как в плане содержания, так и в плане выражения. Субстанции выражения и содержания, напротив, к лингвистическому анализу прямого отношения не имеют, и лингвист вправе от них абстрагироваться. Поэтому фонетику и семантику, изучающие данные субстанции, следует вывести из языкознания как вспомогательные дисциплины, а изучение выражения и содержания языка построить на чисто формальной функциональной основе³⁵.

Однако то, что для лингвиста является субстанцией, может стать для другой науки формой, то есть основным объектом исследования (как, например, звуки для физики или мысли для психологии).

Введение формы содержания в сферу лингвистического анализа — также характерная черта именно глоссематической теории, отличающая ее, скажем, от дескриптивного языкознания, многие представители которого считают, что как только лингвист вступает в область содержания, он покидает пределы лингвистики»³⁶.

³⁵ Мысль о возможности выведения фонетики (phonology), как вспомогательной дисциплины, за пределы языкознания была высказана еще Соссюром (см.: R. Godel. Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de F. de Saussure, стр. 54). За пределами собственно лингвистики (microlinguistics) оказываются, хотя и из других соображений и в иных сечениях, фонетика и семантика и в системе Дж. Л. Трейгера, где они образуют соответственно долингвистику (prelinguistics) и металингвистику (metalinguistics) (см.: G. L. Trager. The field of linguistics. «Studies in Linguistics», Occasional papers, № 1. Norman, Oklahoma, 1949, стр. 3, 7).

³⁶ См. об этом: Ч. Фриз. Значение и лингвистический анализ. «Новое в лингвистике», вып. 2, стр. 98—100, а также: J. Carroll. The study of language. A survey of linguistics and related disciplines in America. Cambridge, Mass., 1955, стр. 31—32.

На основе противопоставления содержания и формы — субстанции строится глоссематическое определение языка и знака. Язык — это своеобразная организованная и упорядоченная форма между двумя субстанциями, субстанцией содержания и субстанцией выражения, или, иначе, — своеобразная форма содержания и выражения. Знак — это единица, состоящая из формы содержания и формы выражения, связанных между собой знаковой функцией (солидарность) ³⁷.

Изучение формы содержания называется плерематикой, а соответствующие единицы — плеремами (от греч. πλήρης 'полный', то есть 'включающий кусок содержания'), изучение же формы выражения, которое должно осуществляться аналогичными методами, при помощи аналогичных операций, носит название кенематики, а соответствующие единицы — кенемами (от греч. κενός 'пустой'). Элементы выражения называются кенемами, а не фонемами (звуковыми единицами) потому, что для глоссематики язык — прежде всего форма, и не имеет большого значения, какая субстанция используется для реализации этой формы, чтобы сделать эту форму материально воспринимаемой ³⁸.

Каждый из планов существует в виде иерархий — системы и последовательности (текста). Текст — относительная иерархия, различные классы элементов в нем сосуществуют (функция «и—и», конъюнкция), система — соотносительная иерархия, из двух классов элементов каждый раз может существовать только один (функция «или—или», дизъюнкция). Так, например, в последовательностях *сок* или *там* элементы *с-о-к*, с одной стороны, и элементы *т-а-м*, с другой, сосуществуют, они совместимы, в то время как элементы *с-т*, *о-а*, *к-м* не совместимы, мы выбираем из них каждый раз какой-либо один.

За всяким текстом всегда стоит система. Текст путем анализа возможно разложить на ограниченное число элементов, постоянно повторяющихся в различных комбинациях. На основе такого анализа по признаку сходства функций элементы объединяются в классы и тем самым сводятся в систему. Существование системы — необходимая предпосылка существования текста, но не наоборот — система может существовать и не выявляясь в тексте. Таким образом, функция между системой и текстом подчинительная («детерминация»), постоянной величиной здесь является система, а текст — величина переменная, необязательная для существования системы ³⁹. Исходя из системы можно сделать неко-

³⁷ См.: L. Hjelmslev. La stratification du langage, стр. 163.

³⁸ Для большинства американских лингвистов основной единицей формы выражения явилась бы фонема, а формы содержания — морфема. См.: E. Naugem. Указ. рец., стр. 249.

³⁹ Положение о первичности системы по сравнению с текстом (хотя она, в отличие от текста, и не дана нам в непосредственном опыте) вы-

торые выводы относительно тех элементов, которые еще не существуют, не установлены, и даже предсказать возможные изменения элементов.

Для семиотических структур помимо языка (естественного человеческого языка) Ельмслев вводит более широкие термины: синтагматика (семиотический текст) и парадигматика (семиотическая система). Система — это и есть то постоянное, идентичное, неизменное, что представляет первостепенную важность для науки, как об этом писали еще в 1939 году В. Брендаль и Л. Ельмслев⁴⁰, и что лежит в основе всех языковых изменений.

Рассмотрим теперь принципы лингвистического анализа, предлагаемые глоссематикой.

Целью глоссематической теории является создание метода описания языка — описания непротиворечивого, исчерпывающего и возможно более простого⁴¹. Описание будет исчерпывающим, если оно проводится до тех пор, пока (в пределах применяемого метода) не окажется никакого остатка, т. е. пока весь объект не сведен к структуре рассматриваемого типа⁴². Описание будет полным, если оно, оставаясь непротиворечивым и исчерпывающим, раскрывает объект как состоящий из возможно меньшего числа единиц. Процедуру, при помощи которой такое описание может быть достигнуто, Ельмслев называет дедукцией, используя данный термин в не вполне обычном смысле⁴³. В противоположность обычной лингвистической процедуре — индукции, которая идет от элемента к классу и по этой причине не может, по мнению Ельмслева, обеспечить свободное от противоречий, исчерпывающее и простое описание, так как классы, которые при этом получаются, имеют в различных языках совершенно различное содержание, дедукция идет от класса к отдельному элементу.

В самом начале анализа как класс рассматривается нерасчлененный цельный текст, с которым приходится иметь дело линг-

---

звало бы возражения со стороны многих американских лингвистов (см.: P. Gärvin. Указ. рец., стр. 70). Ведь с этой точки зрения (к ней в Америке приближается Э. Харрис) структура языка и ее элементы не существуют в языке объективно, но лишь конструируются исследователем, описывающим язык. Иного мнения придерживается К. Л. Пайк, который, полемизируя с Э. Харрисом, утверждает, что лингвист лишь открывает систему языка, существующую независимо от исследователя (см.: K. L. Pike. *Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior*, pt. I. Glendale, 1954, стр. 21).

⁴⁰ См., например: L. Hjelmslev. *La notion de rection*, стр. 3 и др. — Следует напомнить, что под системой Ельмслев понимает «сеть (или переплетение) зависимостей или функций», а не совокупность взаимосвязанных элементов, объединенных функциями (см. там же, стр. 11).

⁴¹ См.: Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка, стр. 272, а также Х. Ульдалль. Основы глоссематики, стр. 417—419.

⁴² См.: Х. Ульдалль. Основы глоссематики, стр. 419.

⁴³ В логике, например, дедукция — один из способов доказательства, когда из определенных посылок выводится заключение.

Реляционная иерархия = текст, процесс, синтагматика		Корреляционная иерархия = система, парадигматика	
Анализ = членение = партиция		Анализ = членение = артикуляция	
Класс = цепь		Класс = парадигма	
А			А
В	Сегмент (часть) А (derivat А первой степени)	Сегмент (часть) А (derivat А первой степени)	Сегмент (член) А (derivat А первой степени)
С	Сегмент (часть) В (derivat А второй степени)	Сегмент (часть) В (derivat А второй степени)	Сегмент (член) В (derivat А второй степени)
Сегменты (части) С . . . (derivaty А третьей степени . . .)		Сегменты (члены) С (derivaty А третьей степени . . .)	

висту. Он делится на элементы, которые в свою очередь рассматриваются как классы и подвергаются дальнейшему членению на элементы, которые также являются классами и делаются дальше. Так продолжают до тех пор, пока анализ не будет исчерпан.

Последовательные этапы анализа в тексте и системе и соответствующие основные понятия можно представить в виде таблицы ⁴⁴.

Таким образом, под анализом понимается описание объекта через единообразные зависимости от других объектов и через единообразные зависимости последних друг от друга. Объект, подвергшийся анализу, — это класс, а те объекты, которые устанавливаются последующим делением как единообразно зависимые от класса и друг от друга, — сегменты ⁴⁵. В случае продолженного анализа говорят о дериватах. Дериваты — это сегменты и сегменты сегментов в пределах одного сложного процесса анализа — дедукции. Степень дериватов — это число классов, через посредство которых прослеживается их зависимость от своего первичного общего класса ⁴⁶.

Так, периоды являются дериватами текстов первой степени, предложения — дериватами текстов второй степени и дериватами периодов первой степени, слова — дериватами пред-

⁴⁴ См.: В. Siertsema. Указ. соч., стр. 75.

⁴⁵ См.: Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка, стр. 289.

⁴⁶ Там же, стр. 292.

ложений первой степени, дериватами периодов второй степени и дериватами текстов третьей степени и т. д.

С другой стороны, слова являются сегментами (частями) предложений, но не периодов или текстов, предложения — сегментами периодов, но не текстов и т. п.

Для каждого плана языка процедура анализа должна осуществляться раздельно, то есть по существу нужно вести четыре дедукции — для субстанции содержания, для формы содержания, для субстанции выражения и для формы выражения, так как между ними нет одно-однозначного соответствия. Более обширные единицы текста могут совпадать во всех четырех планах (например, параграфы, периоды, предложения), но это не обязательно. И рано или поздно наступает момент, начиная с которого приходится переходить к отдельным параллельным операциям дедукции в каждом плане. Так, в примере Ульдалля англ. *I saw him when he came in* 'я увидел его, когда он вошел' раздельный анализ плана содержания и плана выражения следует начинать уже с уровня сложного предложения, поскольку уже на этом уровне проявляется расхождение между ними — два сегмента в плане содержания и один сегмент в плане выражения⁴⁷.

Анализ текста ведется последовательно по этапам, и на каждом этапе в тексте выделяются все менее и менее общие единицы — так, нерасчлененный текст делится на периоды, периоды на предложения, те — на слова, слова на слоги, слоги — на фонемы⁴⁸. Продолжается анализ до тех пор, пока не получатся неразложи-

⁴⁷ См.: Х. Ульдалль. Основы глоссематики, стр. 426—427.

⁴⁸ Правило переноса (трансференции) не позволяет анализировать ту или иную единицу на слишком ранней стадии исследования и предусматривает ее перенос с одной ступени на другую до тех пор, пока анализ не дойдет до сущностей той же степени, что и данная (см.: Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка, стр. 300). Классическим примером подобного рода является латинское *i*, выступающее в разных случаях как фонема, морфема, слово и предложение (см., например: А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1960, стр. 23). Однако положение о различных ступенях анализа, соответствующих различным уровням структуры языка, в глоссематике отсутствует, в отличие, скажем, от дескриптивной лингвистики, где оно разработано относительно четко. На это обстоятельство не раз обращали внимание американские рецензенты Ельмслева (см.: Р. Garvin. Указ. рец., стр. 76; R. Wells. Указ. рец., стр. 555 и др.). Кроме того, для большинства дескриптивистов предельной (максимальной) единицей лингвистического анализа является предложение, которое они, в соответствии с учением Блумфилда, считают «минимальным свободным высказыванием» (см. Р. Garvin. Указ. рец., стр. 84). И даже если исходить из функционального анализа, в обычном, не литературно-художественном, тексте между отдельными предложениями существуют только свободные связи, ни одно из них не предполагает с необходимостью другие. Те или иные более тесные зависимости обнаруживаются, пожалуй, только со ступени сложных предложений. Составление перечня элементов крупнее слов (например, предложений) также представляется вряд ли осуществимым (см. Н. Vogt. Указ. рец., стр. 98).

мые единицы. Но анализ заключается не в простом членении языка на все меньшие части, а в выявлении и регистрации взаимозависимостей (функций), существующих между частями объекта, а также в объединении в классы компонентов, которые могут выступать членами одинаковых функций. Все те компоненты, которые являются членами одного и того же функционального класса, считаются структурно эквивалентными.

С каждым новым этапом анализа число элементов значительно уменьшается. Так, число периодов и предложений в живых языках бесконечно, слов гораздо меньше, а число фонем как правило не превышает двузначной цифры. На каком-то этапе анализа происходит другое изменение элементов — от знаков совершается переход к знакам. Граница между знаками и незнаками совпадает, по мнению Ельмслева, с границей между неисчислимыми и исчислимыми элементами языка. Незнаки, которые входят в знаковую систему как части знаков, Ельмслев называет фигурами и указывает, что способность из ограниченного количества знаков-фигур построить неограниченное число необходимых знаков — это одна из основных особенностей именно лингвистической структуры. Исходя из этого, языки определяются как системы фигур, которые могут быть использованы для построения знаков.

Операция, которая позволяет на каждом этапе анализа устанавливать элементы, называется коммутацией. Она применима ко всем пластам языка, и сущность ее состоит в том, что если замена какого-нибудь элемента одного плана другим элементом того же плана вызывает изменение в противоположном плане языка, указанные два элемента рассматриваются как коммутабельные, то есть как самостоятельные элементы системы — инварианты. Если же при подмене одного элемента какого-нибудь плана другим элементом того же плана изменения в противоположном плане не наблюдается (это явление называется субституцией), два взаимозаменяемые элемента рассматриваются как варианты одного инварианта. Таким образом, «инварианты — это корреляты, характеризующиеся взаимной коммутацией, а варианты — корреляты, характеризующиеся взаимной субституцией»⁴⁹. Скажем, если мы заменим /т/ в *том* через /д/, это вызовет изменение в плане содержания — {дом}, следовательно, /Т/ и /Д/ — это разные элементы — инварианты в русском языке. Если же мы заменим /т^w/, которое здесь реально звучит, через /т[̄]/, как в *там*, изменения в плане содержания не последует. Значит, /т^w/ и /т[̄]/ — это варианты одного инварианта /Т/. Соотношение вариантов и инвариантов в различных языках различно. /S/ и /Z/ являются инвариантами во французском и английском языках (*poisson — poison, hiss — his*), но вариантами одного инварианта в датском.

⁴⁹ См. Л. Ельмслев. Прологомёны к теории языка, стр. 331.

Подобные методы, правда под другими названиями, издавна применяются в фонологии для определения фонемного статуса того или иного фонетического явления. Различие, однако, заключается в том, что в глоссематической теории коммутация сугубо формальна и имеет гораздо более широкое применение. Она применяется ко всем единицам языка, как к самым большим, так и к самым маленьким, как к плану выражения, так и к плану содержания. Если, например, в *I saw him when he came in* мы заменим содержание {when he came in 'когда он вошел'} через {when she ran away 'когда она убежала'}, меняется и план выражения этого предложения. Следовательно, when he came in и when she ran away — инварианты придаточных предложений и т. п. С другой стороны, в русском языке «я буду говорить с ним», «я с ним буду говорить», «я буду с ним говорить» и т. д. можно, по-видимому, рассматривать как варианты одного предложения-инварианта.

Единицы содержания {дерево} и {лес (материал)} будут вариантами одного инварианта в датском языке (ср. датск. træ), но инвариантами в русском языке (*дерево* — *лес*), французском (*arbre* — *bois*) и немецком (*Baum* — *Holz*). {Лес (материал)} и {лес (роща)} — варианты в русском и английском языках (англ. wood), но инварианты в датском (træ — skov):

Единицы содержания {он} и {она} представляют собой инварианты в русском языке (*он*, *она*), в английском (*he*, *she*), немецком (*er*, *sie*) и французском (*il*, *elle*), но варианты в финском языке (*hän*) или венгерском (*ő*).

Варианты, как в плане выражения, так и в плане содержания, распределяются по двум типам — свободные (или вариации) и несвободные, «связанные» (или варианты). Варианты предполагают существование определенных вариантов других инвариантов и предполагаются ими (функция солидарность). Так, вариант /t^w/ предопределяется вариантом /y/ в русск. *тут* в плане выражения и сам предопределяет его, а вариант {лес (роща)} обусловлен вариантом {молодой} и сам обуславливает его в плане содержания.

Понятие инвариантов — вариантов позволяет на каждом этапе анализа отождествлять элементы языка, сводить их к некоторому ограниченному перечню простейших элементов. Само по себе это положение не является новым в лингвистике, однако для глоссематической теории характерно распространение этого положения и на план содержания. Подобно тому как элементы выражения языков сводятся к ограниченному числу знаков, так же и элементы содержания глоссематики пытаются разложить на ограниченное число составляющих их знаков (фигур). Обычный анализ в плане содержания заканчивается на ступени знаков, и сколько-нибудь серьезные попытки разложения содержания знаков на компоненты-знаки при помощи объективных методов предпринимаются крайне редко. Ельмслев пытается

применить для плана содержания методы, отработанные для анализа выражения⁵⁰.

Например, латинское именное окончание *-ibus* можно разложить, согласно Ельмслеву, на четыре элемента выражения — *i*, *b*, *u* и *s* и на два элемента содержания — {дательный/аблатив} и {множественное число} (очевидно при помощи коммутации, скажем, *-ibus* в *generibus* 'родами' и *-e* в *genere* 'родом' или *-a* в *genera* 'роды'). Английское *am* расчленяется таким же образом на две единицы выражения и четыре единицы содержания: *am/look* — {бытие}, *am/is* — {1-е лицо}, *am/are* — {единственное число}, *am/was* — {настоящее время}, и *am/be* — {изъявительное наклонение}.

Содержание {мальчик} можно представить как {человеческое существо} + {молодой} + {мужской пол}⁵¹. Если нам при составлении минимального списка единиц содержания встретятся {лошадь}, {кобыла}, {жеребец}, {он}, {она}, {свинья}, {боров} и т. п., мы должны исключить часть из них из списка, поскольку они не являются элементарными. Так, например, содержание {кобыла} раскладывается на {лошадь} + {она}, {жеребец} = {лошадь} + {он}, {боров} = {свинья} + {он} и т. д.⁵²

⁵⁰ Фигуры в плане содержания стали объектом весьма резкой и суровой критики (см.: А. Мартине. О книге «Основы лингвистической теории» Луи Ельмслева. «Новое в лингвистике», вып. 1, стр. 458—459; C. Bazell. Указ. рец., стр. 92; H. St. Sørensen. Word-classes in modern English. Copenhagen, 1958, стр. 12, 44—45 и др.). Основные возражения против фигур содержания сводятся к следующему: а) фигуры содержания не существуют объективно как нечто дискретное и не могут быть выявлены объективными методами; б) они сосуществуют одновременно, в отличие от фигур выражения, которые следуют друг за другом, линейны; в) не существует единиц содержания, которым не соответствовало бы выражение и которые не являлись бы тем самым знаками; следовательно, минимальных единиц-незнаков (фигур) в плане содержания принципиально не может быть.

⁵¹ См.: H. Uldall. Outline of glossematics, стр. 45.

⁵² См.: Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка, стр. 371. — Попытки разложения значений слов определенных семантических групп на элементы, не находящие «открытого» выражения посредством тех или иных звуковых последовательностей, — на семантические компоненты или семантические составляющие (семантические множители) — предпринимались в 40—50-х годах и американскими лингвистами. См., например: Z. S. Harris. Componential analysis of a Hebrew paradigm. «Language», 1948, vol. 24, № 3; J. H. Greenberg. The logical analysis of kinship. «Philosophy of Science», 1949, vol. 16, № 1; F. Lounsbury. A semantic analysis of the Pawnee kinship usage. «Language», 1956, vol. 32, № 1; W. Goodenough. Componential analysis and the study of meaning. — Там же; Ch. Osgood, J. Suci, P. Tannenbaum. The measurement of meaning. Urbana, 1957, и др. — В статье Дж. Гринберга терминология родства рассматривается как особая аксиоматическая система, и для анализа ее используются символы современной математической логики, например: $x M y \supset (x \in \mu, y \in \phi)$, что значит: если x — муж y , следовательно, x — мужчина, а y — женщина. В статьях Лаунсбери и Гуденафа путем анализа сложной системы терминов родства в языках поуни и трак устанавли-

Иногда, по утверждению Ельмслева, при анализе текста могут встретиться дополнительные трудности. Это, во-первых, такие случаи, когда совпадают, либо в плане выражения, либо в плане содержания, варианты разных инвариантов. Ельмслев называет это явление совпадением (ср. традиционные термины «нейтрализация» и «синкретизм»). Например, в русск. *пруд* «д» в конечном положении звучит как /т/, так же как в *пруг*, то есть здесь совпали варианты /т/ двух инвариантов — /Т/ и /Д/. Или у слова *окно* в русском языке совпадают формы именительного и винительного падежей единственного числа — им. п. *окно* и вин. п. *окно*. Это варианты инварианта *ОКНО*. В приведенном выше примере /д/ и /т/ включаются, по терминологии Ельмслева, в совпадение и образуют синкретизм. Оба они являются вариантами инварианта /Т/—/Д/. Следует различать два типа синкретизма: 1) когда синкретизм совпадает с обоими вариантами или отличается от обоих из них, и 2) когда синкретизм совпадает с одним из совпадающих вариантов. Так, синкретизм *ОКНО* совпадает с обоими своими вариантами (им. п. и вин. п. ед. ч.), а синкретизм /Б/ в предупредительных слогах русских слов отличается и от своего варианта /а/, и от /о/. Синкретизм /Т/—/Д/ в слове *пруд* совпадает, в отличие от них, лишь с одним своим вариантом — с /т/, но не с /д/.

Синкретизм бывает разрешимым и неразрешимым. Разрешимым синкретизм считается в том случае, если вместо одного из вариантов в него можно ввести другой вариант, не включающийся в совпадение. Так, синкретизм *ОКНО* в русском языке разрешим, поскольку мы можем заменить один из его вариантов — *окно* (вин. п.) — другим, несовпадающим вариантом, например, *человека* или *книгу* и т. п. Напротив, синкретизм /Р/—/В/, ср. с датск. /top/, является с этой точки зрения неразрешимым.

Второе осложнение при глоссематическом анализе может быть связано с необходимостью катализа. В силу тех или иных

ваются некоторые семантические составляющие, соответствующие важнейшим понятиям родственных отношений в культуре данных народов. Осгуду и его коллегам удалось при помощи метода «семантического дифференциала» выделить у некоторых групп слов и словосочетаний особые эмоционально-экспрессивные компоненты значения. Однако до настоящего времени компонентному анализу, сколько-нибудь объективному, удалось подвергнуть лишь немногие специальные группы слов — термины родства, глаголы движения в некоторых языках и т. п. Задача эта весьма актуальна сейчас в связи с проблемами машинного перевода. Основным различием, которое бросается в глаза при сравнении «выделения фигур содержания» у Ельмслева и «компонентного анализа» у американских лингвистов, является то обстоятельство, что американские лингвисты стремятся в ходе анализа обнаружить связь языка и его компонентов с культурой данного народа, т. е. исследуют «этнолингвистические» явления, в то время как для Ельмслева фигуры содержания — внутриязыковые, «имманентные» явления, выделяемые посредством чисто формальной процедуры.

причин (как, например, повреждение текста, незавершенность и т. п.) в тексте может оказаться отсутствующим один из его необходимых элементов. Операция восполнения необходимых элементов текста и называется катализом. Например, если в русском тексте нам встречается предлог *над*, но отсутствует по каким-либо причинам творительный падеж, мы можем с почти полной уверенностью этот творительный падеж восстановить. Катализ часто является необходимым условием исчерпывающего анализа, позволяющим перейти ко второй, наиболее важной ступени анализа — установлению зависимостей (функций) между элементами и классами элементов. Без катализа лингвист вынужден был бы во многих случаях ограничиться простой регистрацией (притом неполной) элементов, содержащихся в тексте. Однако вводить следует только такие элементы, которых действительно недостает в тексте. Объективность операции катализа гарантируется тем, что за всяким текстом стоит система, корректирующая выводы лингвиста относительно текста. Так, встретив личную глагольную форму без личного местоимения во французском или английском языках (например, *joue, play*), лингвист должен будет, по-видимому, интерполировать эти местоимения (*je joue, I play*) в отличие от, скажем, текстов латинских, где *ludō* 'играю' нельзя катализировать в *ego ludō*, так как это ввело бы новый момент — *эмфазу*.

В одной из ранних статей Ельмслева «Опыт теории морфем» упоминаются два условия, необходимые для осуществления катализа и принципиально отличающие эту операцию от классической теории «подразумеваемого», открывающей путь произволу: 1) полученная в результате катализа цепь должна быть лингвистически возможна и 2) катализ не должен влечь за собой никакого изменения смысла. Поэтому фр. *Pierre chante mieux que Paul* можно, по мнению Ельмслева, катализировать, например, в *Pierre chante mieux que Paul (ne) chante*⁵³.

Как уже говорилось, целью глоссематической теории является создание метода непротиворечивого, исчерпывающего и по возможности более простого описания структуры языков, понимаемой как система зависимости между ее частями и частями ее частей, а также зависимостей между целым и частями различных уровней. Все элементы языка всех планов определяются прежде всего и исключительно своими взаимными отношениями — функциями. «Признание того факта, что целое состоит не из вещей, но из отношений, и что не субстанция, но только ее внутренние и внешние отношения имеют научное существование, не является, конечно, новым в науке, но может оказаться новым в лингвистике», — пишет Ельмслев⁵⁴. Вполне закономерно поэтому

⁵³ См.: L. Hjelmslev. Essai d'une théorie des morphèmes, стр. 141, 146.

⁵⁴ См.: Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка, стр. 283.

то важное место, которое отводится в глоссематической теории понятию зависимости, или функции.

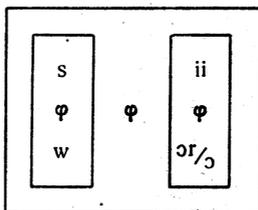
Функция определяется Ельмслевом как зависимость, отвечающая условиям анализа⁵⁵. Члены функции называются функцивами и понимаются как объекты, имеющие функцию к другим объектам. В качестве функцивов могут выступать и сами функции, то есть возможны функции и между функцивами. Как указывает Ельмслев, термин «функция» употребляется в глоссематической теории в значении, «лежащем между логико-математическим и этимологическим»⁵⁶.

Ельмслев одним из первых сделал попытку систематизировать основные функции, существующие в языке.

В качестве функцивов могут выступать постоянные величины, константы, не зависящие от других величин, и переменные величины, обусловленные другими величинами. Иначе говоря, константа — это функцив, наличие которого является обязательным условием для наличия другого функцива, переменная же — это функцив, наличие которого не является обязательным для наличия другого функцива. На основе понятия о константе и переменной устанавливаются некоторые важнейшие типы функций, встречающиеся и в тексте, и в системе различных планов языка

⁵⁵ См. там же, стр. 292.

⁵⁶ Там же, стр. 293. — Считается, что термин «функция» был впервые использован Лейбницем в конце XVII в. «Функция» в математике — это понятие, выражающее зависимость одних переменных величин от других по формуле $y = F(x)$; y есть функция аргумента x . Во второй части «Основ глоссематики» Х. Ульдалля под «функцией» понимается любая зависимость. Термин «функция» принимается как первичный, не нуждающийся в определении (знак φ). Явление, которое вступает в функцию, — функцив (знак F). Функцивы, связанные функцией, называются членами этой функции — F_1 и F_2 . Функция вместе со своими членами образует функциональное поле, которое в свою очередь может выступать в качестве члена функции. Так, зависимость между слогами *see*, *saw*, *we*, *war* в английском языке можно изобразить в виде функции между двумя функциональными полями

См.: Н. Uldall. Outline of glossematics, pt. II. Glossematic algebra, стр. 37—39. — Идея функционального поля Ульдалля была воспринята и использована Х. Ст. Сёренсеном (см.: Н. St. Sørensen. Word-classes in modern English, стр. 60, 61).

и могущие характеризовать отношения между различными планами ⁵⁷.

Как можно видеть из приведенной схемы, Ельмслев дает три параллельных ряда терминов для однотипных функций — общее название функции, функция в тексте и функция в системе. Кроме того, функции характеризуются по составу фнктивных: интердепенденция — это функция между двумя константами, детерминация — между константой и переменной, а констелляция — между двумя переменными. Функции, в состав которых входят константы, объединяются как когезии (интердепенденция и детерминация); функции, в состав которых входят однородные фнктивы — только переменные или только константы — объединяются как реципроции (интердепенденция и констелляция). Так, интердепенденция существует, например, между планом содержания и планом выражения языка, зависимость между ними

Функция	Текст Синтагматика Реляция	Система Парадигматика Корреляция	
Когезия {	Детерминация	Селекция	Спецификация
	Интердепенденция	Солидарность	Комплементарность
Реципроция {	Констелляция	Комбинация	Автономия

двусторонняя, ни один план не существует без другого. Интердепенденцией является функция между морфемами падежа и числа латинских существительных, ни одна из них не встречается без другой в пределах грамматической формы существительного.

Детерминация, зависимость односторонняя, характеризует отношение между предлогом и падежной формой при управлении, причем предлог детерминирует падежную форму, которая может встречаться и вне функции с предлогом (например, в русском языке *над* детерминирует форму творительного падежа, но сама форма творительного падежа может встречаться и без предлога *над*). Прилагательное в качестве определения детерминирует существительное, вызывает необходимость его появления, в то время как существительное употребляется и без прилагательного. Детерминация существует также между главным предложением и придаточным предложением, между основой и деривационным элементом, между гласными и согласными в пределах слога и т. п.

Констелляцией можно назвать функцию между аккузативом и множественным числом в латыни, которые сочетаются различным образом и отнюдь не предопределяют друг друга. Иначе го-

⁵⁷ См.: Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка, стр. 299.

вора, констелляция — это зависимость свободная, двусторонне факультативная. Наречие и глагол в русском языке, по-видимому, констеллируют друг друга, поскольку могут вступать в функцию друг с другом, но не обуславливают обязательного появления друг друга. Между гласными в дифтонге, так же как между согласными в скоплении согласных, может наблюдаться и интерденденция, и детерминация, и констелляция.

Три основных типа функций рассматриваются как включающие только два функтива, то есть как двучленные (бинарные). Случаи многочленных (тернарных и т. п.) функций расцениваются как функции между двучленными функциями⁵⁸.

После того как при помощи метода коммутации будут установлены минимальные элементы плана содержания и плана выражения языка, их надо условно обозначить, стараясь не закреплять за какой бы то ни было определенной субстанцией. Их можно, например, обозначить алгебраически a, b, c, d и т. д. или цифрами 1, 2, 3 и т. д. В статье «La stratification du langage» Ельмслев вводит обозначение единиц содержания буквами греческого алфавита, а единиц выражения — латинскими буквами, а также ряд других символов⁵⁹. Сущности языковой формы имеют «алгебраическую» природу, и у них нет естественного обозначения; поэтому они могут быть обозначены произвольно самими различными способами. Сама языковая форма при этом никак не затрагивается. Настоящая лингвистика и является в этом смысле лингвистической алгеброй⁶⁰.

Затем путем математической операции нужно исчислить все возможные связи и зависимости каждой кенемы или плеремы и определить формы этих единиц (в глоссематическом употреблении форму какой-либо сущности образует вся совокупность ее

---

⁵⁸ Критики Ельмслева не раз указывали, что система глоссематических функций, с одной стороны, характеризуется при помощи очень общих понятий, а с другой стороны, не охватывает всех логически возможных ситуаций. Так, Э. Хауген в указанной рецензии на книгу Ельмслева «Prolegomena to a theory of language» (стр. 248) отмечает, что, по существу, подлинные зависимости устанавливают только интерденденция и детерминация, а констелляция, свободная связь, используется в глоссематическом анализе мало. Далее, даже если исходить из сугубо логических предпосылок, следовало бы выделить четвертую функцию, отрицательную детерминацию ($a \rightarrow \bar{b}$), когда один из функтивов препятствует появлению другого функтива и предопределяет его отсутствие (см.: V. Sierstema. Указ. соч., стр. 77; P. Garvin. Указ. рец., стр. 73 и др.). И, наконец, некоторые типы отношений, очень существенные для единиц языка, вообще не нашли отражения в системе глоссематических функций — это порядок следования элементов, частотность элементов и т. п. (см.: V. Sierstema. Указ. соч., стр. 77; R. Wehls. Указ. рец., стр. 557 и др.).

⁵⁹ См.: L. Hjelmslev. La stratification du langage, стр. 166 и сл.

⁶⁰ См.: Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка, стр. 352.

возможных сочетаний с другими сущностями того же порядка, а также высшего и низшего). Совокупность всех таких форм и дает в результате структуру языка. Структура языка включает, таким образом, все лингвистически возможные связи и отношения, все лингвистические формы, которые установлены теоретически, независимо от того, реализованы они в каком-либо из существующих языков или нет.

Подобное общее исчисление, подобная лингвистическая алгебра позволит понять и описать любой текст и любой язык, на котором текст может быть составлен.

Определив, какие из возможностей, допускаемых общим исчислением, реализуются в том или ином конкретном языке, можно создать типологическую классификацию языков — скажем, язык *A* реализует отношения I, V, VII, X, а язык *B* — отношения II, IX, XX и т. д.

Рассмотрим некоторые примеры глоссематического анализа лингвистических явлений, заимствованные из работ Х. Ульдалля, разъяснив предварительно используемые способы символизации⁶¹.

$a \cdot b$ — между элементами существует связь

+ a — элемент встречается

— a — элемент не встречается

$\bar{a}b$ — в определенной группе данный элемент отсутствует, но не везде

$a \cdot / + b + c /$ — встречается и сочетание ab , и сочетание ac .

Ульдалль берет для анализа английское предложение *George went to the cinema while Mary had her hair curled* 'Джордж пошел в кино, пока Мери завивали волосы'. Этот текст он обозначает как функтив *A*, находящийся в определенной функции с остальным текстом, из которого он был взят — *B*.

Первое членение дает $A = a \cdot b$, где a — *George went to the cinema* (то есть наиболее крупная часть *A*, встречающаяся самостоятельно в других текстах), а b — *while Mary had her hair curled*. Тот факт, что ' a может встречаться в более широком тексте без b , и в той же функции к *B*, но не b без a , изображается следующим образом: $\{+ab + \bar{a}b - \bar{a}b + \bar{a}\bar{b}\} = a \begin{matrix} \leftarrow \\ \rightleftarrows \\ \rightarrow \end{matrix} b$.

На второй ступени анализа $b = c \cdot d$, где $c = \text{while}$, а $d = \text{Mary had her hair curled}$ — опять наиболее крупные части, самостоятельно встречающиеся в других местах текста. Если ввести $c \cdot d$ как эквивалент b в предыдущую формулу, мы получим $\{+acd + \bar{a}\bar{c}\bar{d} - \bar{a}cd + \bar{a}\bar{c}\bar{d}\}$. Проверив отношения $c\bar{d}$ и $\bar{c}d$ с a и $\bar{a}$ и возможность последовательностей acd , $\bar{a}\bar{c}\bar{d}$, $\bar{a}cd$ и $\bar{a}\bar{c}d$ в качестве функтивов по отношению к *B*, устанавливаем: $-acd + \bar{a}\bar{c}\bar{d} - \bar{a}cd + \bar{a}\bar{c}d$.

⁶¹ См.: H. Uldall. Outline of glossematics, pt. II, стр. 74.

И в целом результаты анализа на этом этапе можно изобразить так:

$$\{ +ab \quad +a\bar{b} \quad -\bar{a}b \quad +\bar{a}\bar{b} \} = a \begin{matrix} \leftarrow \\ \leftarrow \\ \leftarrow \end{matrix} \begin{matrix} \rightarrow \\ \rightarrow \\ \rightarrow \end{matrix} b$$

$$\{ +acd \quad -acd + a\bar{c}\bar{d} + a\bar{c}d - \bar{a}cd + \bar{a}c\bar{d} + \bar{a}c\bar{d} + \bar{a}c\bar{d} \} = a \begin{matrix} \leftarrow \\ \leftarrow \\ \leftarrow \end{matrix} c \begin{matrix} \rightarrow \\ \rightarrow \\ \rightarrow \end{matrix} d.$$

Подобные приемы можно использовать и для выяснения различия в структуре синтаксических единиц, что часто представляло большие трудности в традиционном языкознании⁶². Если взять две английские синтаксические единицы — *furiously barking dog* 'яростно лающая собака' и *The dog barks furiously* 'Собака яростно лает', то различия в их структуре можно изобразить следующим образом ($\rightarrow$ знак селекции, $\leftrightarrow$ знак солидарности): (*furiously* $\rightarrow$ *barking*) $\rightarrow$ *dog* (*The dog* $\leftrightarrow$ *barks*) $\leftarrow$ *furiously*.

Продолжив анализ, структуры данных синтаксических единиц можно свести соответственно к $(a \rightarrow \rightarrow b) \rightarrow \rightarrow c$ и $(c \leftrightarrow b) \leftarrow \leftarrow a$.

Другая иллюстрация проливает свет на операцию общего исчисления⁶³. Условия таковы: в некотором языке имеются шесть согласных — *p, t, k, s, r, l*; структура слога в нем C_nVC (C_n — скопление согласных); допускаются следующие скопления — *spr, skl, sp, st, sk, pr, tr, kr, pl, kl*; в начале и в конце слога могут встречаться отдельно все согласные. Какие существуют возможности для начального и конечного положения?

Начальное положение (типа <i>stra-</i>)	Конечное положение (типа <i>-astr</i>)
$+spr +skl +spl -str -skr$	$-spr -skl -spl -str -skr$
$+spr +sk\bar{l} +spl +str +skr$	$-spr -sk\bar{l} -spl -str -skr$
$-s\bar{p}r -s\bar{k}l -s\bar{p}l -s\bar{t}r -s\bar{k}r$	$-s\bar{p}r -s\bar{k}l -s\bar{p}l -s\bar{t}r -s\bar{k}r$
$+s\bar{p}r +s\bar{k}l +s\bar{p}l +s\bar{t}r +s\bar{k}r$	$+s\bar{p}r +s\bar{k}l +s\bar{p}l +s\bar{t}r +s\bar{k}r$
$+spr +skl +spl +str +skr$	$-spr -skl -spl -str -skr$
$+spr +sk\bar{l} +spl +str +skr$	$+spr +sk\bar{l} +spl +str +skr$
$+s\bar{p}r +s\bar{k}l +s\bar{p}l +s\bar{t}r +s\bar{k}r$	$+s\bar{p}r +s\bar{k}l +s\bar{p}l +s\bar{t}r +s\bar{k}r$
$-s\bar{p}r -s\bar{k}l -s\bar{p}l -s\bar{t}r -s\bar{k}r$	$-s\bar{p}r -s\bar{k}l -s\bar{p}l -s\bar{t}r -s\bar{k}r$

Таким образом, для языка с шестью согласными применительно только к начальному и конечному положениям в слоге, при условии, что число согласных в сочетаниях не превышает трех, но безотносительно к гласной и без многих других ограничений, исчисляются восемьдесят возможностей. Проверив, какие из этих возможностей действительно реализованы в интересующем нас языке по сравнению с другими языками, мы установим нечто

⁶² См.: Н. Uldall. On equivalent relations, стр. 71.

⁶³ Приводится по указанной книге Спертсеми, стр. 97.

вроде фонематической типологии данного языка на этом небольшом участке его системы.

Таким образом, согласно глоссематической теории:

1) Язык — лишь один из частных случаев семиотической системы, то есть системы, включающей разные, не изоморфные планы — план содержания и план выражения. Оба плана выделяются совершенно условно и не связаны с какой бы то ни было субстанцией.

2) В каждом из планов различаются форма и субстанция. Субстанция в языке представляет собой континуум человеческого опыта и континуум звуков, систематизированные данным языком.

3) Основным интересом для лингвистики является форма, как в плане выражения, так и в плане содержания. Лингвистика должна изучать язык имманентно, как чистую форму, как чистую структуру отношений. Только абстрагирование от языковой субстанции позволит лингвистике стать точной обобщающей наукой.

4) Язык состоит из последовательного ряда (текста) и системы, причем основным, первичным здесь является система, которая может существовать и не выявляясь в тексте. Функция между элементами текста — реляция (и — и), функция между элементами системы — корреляция (или — или).

5) Помимо указанных функций, в тексте и системе плана выражения и содержания, а также между элементами разных планов могут существовать три других типа функций, которые определяются исходя из соотношения между константой и переменной. Это интердепенденция, детерминация, констелляция.

6) Как в плане выражения, так и в плане содержания язык состоит из определенного количества элементов-незнаков (фигур), из которых складывается все многообразие более крупных знаковых единиц языка.

7) Элементы выражения и содержания, от самых крупных до самых мелких, устанавливаются посредством метода коммутации с последующим сведением в один класс элементов, тождественных функционально.

8) Единственно приемлемый метод анализа — дедукция, путь от класса к отдельным элементам, позволяющий выделить некоторые универсальные языковые явления и, проследив их в достаточно большом числе языков, потом исчислить все логически мыслимые возможности, независимо от того, реализованы они в каком-либо языке или нет.

Для того чтобы объективно оценить глоссематическую теорию, необходимо рассмотреть ее философские и конкретно-научные истоки, ее назначение, а также возможности и результаты ее применения.

В своей статье «Метод структурного анализа в лингвистике» Ельмслев указывает на два основных теоретических источника

глоссематики — учение де Соссюра и логистическая теория языка, разработанная Уайтхедом и Расселом, а также венской логистической школой и особенно Карнапом в его работах по синтаксису и семантике⁶⁴.

Теория де Соссюра оказала на глоссематику, как и вообще на современное языкознание, огромное влияние, и многие положения глоссематики прямо или косвенно восходят к «Cours de linguistique générale» де Соссюра.

Называя Ф. де Соссюра основоположником современного языкознания, Ельмслев отмечает, что Соссюр был первым, кто потребовал структурного подхода к языку, то есть «научного описания языка путем регистрации отношений между единицами языка», независимо от особенностей, присущих самим единицам как таковым. Эти взгляды Соссюра произвели, по мнению Ельмслева, настоящую революцию в традиционном языкознании, но особенно плодотворным и оригинальным было у Соссюра понимание языка как чистой структуры соотношений, как формы, свободной от той случайной материальной реализации (фонетической, семантической и т. п.), в которой эта форма выступает⁶⁵. Как видно, Ельмслев принял из теории Соссюра наиболее уязвимые ее положения, связанные с пониманием языка как системы, независимой от каких бы то ни было внешних (т. е. прежде всего социальных) факторов.

Развитием основных идей Соссюра является положение о лингвистике как части семиотики и о языке как одной из знаковых систем, о планах содержания и выражения, о различении в каждом плане формы и субстанции, об имманентной лингвистике, о возможности построения «алгебры языка» и др., а также многие более частные положения глоссематики⁶⁶.

Однако отождествлять глоссематику с теорией Ф. де Соссюра было бы неверно. Как указывает сам Ельмслев, его собственный метод начал оформляться еще до знакомства с учением де Соссюра, и чтение «Курса общей лингвистики» лишь подтвердило некоторые его взгляды⁶⁷. Учение де Соссюра было, по мнению Ельмслева, недостаточно последовательным и отражало внутреннюю борьбу с пережитками традиционных взглядов⁶⁸. Иными словами, Ельмслев взял из теории Соссюра (действительно, достаточно противоречивой) только то, что соответствовало его соб-

⁶⁴ См.: Л. Ельмслев. Метод структурного анализа в лингвистике, стр. 62—63.

⁶⁵ Там же, стр. 61.

⁶⁶ Небезынтересно отметить, что даже термин «глоссема», правда, в ином значении («изоглосса») также встречается в рукописных материалах Соссюра (см.: R. Godel. Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de F. de Saussure, стр. 262).

⁶⁷ См.: Л. Ельмслев. Метод структурного анализа в лингвистике, стр. 63.

⁶⁸ Там же, стр. 61.

ственной теории. К такому выводу можно прийти, сравнивая «Курс общей лингвистики» Соссюра и «Пролегомены к теории языка» Ельмслева⁶⁹.

Проблеме соотношения языка и речи посвящена специальная статья Ельмслева «Langue et parole». Отметив заслугу Соссюра, впервые «открывшего» язык и показавшего, что до того лингвисты игнорировали «свой единственный и подлинный объект» и занимались только речью, Ельмслев говорит о необходимости пересмотреть основное деление Соссюра: язык/речь, явившееся «первым приближением к данной проблеме», «важным с исторической точки зрения, но несовершенным с точки зрения теории»⁷⁰. Понимание языка у Соссюра отличается «непоследовательностью» — это не только «чистая форма», но и «система знаков», и «социальный продукт» и т. п. В этой непоследовательности взглядов Соссюра Ельмслев видит влияние известной исторической ситуации начала XX в., когда были неизбежны компромиссы «для установления контактов настоящего с прошлым»⁷¹.

Вместо деления язык/речь Ельмслев предлагает четырехчленное деление языка — схема/норма/употребление/акт. Под схемой понимается язык как чистая форма, определяемая независимо от

---

⁶⁹ В упомянутой выше работе Годеля, собравшего и исследовавшего рукописи Соссюра разных лет, также приведены многочисленные данные, иллюстрирующие общетеоретические взгляды Соссюра, их эволюцию и их противоречивость.

⁷⁰ См.: Л. Ельмслев. Язык и речь, стр. 66.

⁷¹ Нам представляется интересным иное объяснение причин противоречивости взглядов де Соссюра, предложенное Э. Косериу (см. «Синхрония, диахрония и история». — «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963; см. также: В. А. Звегинцев. Неопозитивизм и новейшие лингвистические направления. «Вопросы философии», 1961, № 12, стр. 96). Рассматривая антиномию синхрония — диахрония у Соссюра, Косериу приходит к выводу, что она относилась у Соссюра не к «плоскости объекта», но к «плоскости исследования», не к «речевой деятельности», но к «лингвистике» (стр. 145). К «плоскости исследования», а не к языку относятся, по нашему мнению, и другие проблемы, поставленные Соссюром, — разграничение языка и речи, внутренней и внешней лингвистики и т. п. Все эти исследовательские операции необходимы были для того, чтобы выделить в сложной массе фактов языка новые связи, новый аспект, дотоле ускользавший от внимания лингвистов — аспект семиотический. С этой новой, семиотической точки зрения язык предстал как знаковая система, подчиняющаяся некоторым законам, сходным с законами построения и функционирования других знаковых систем. Недостаточно четкое и последовательное разграничение условных исследовательских операций и особенностей самого объекта исследования и явилось причиной многих противоречий теории де Соссюра, еще более усугубившихся у некоторых последователей этого ученого. Как можно видеть, Ельмслев также переносит дихотомию Соссюра в «плоскость объекта», в силу чего семиотический аспект языка, новый и важный, но отнюдь не единственный, абсолютизируется в глоссематике, а семиотические особенности языка превращаются в единственные «собственно лингвистические особенности», в отличие от физических, социальных и т. д.

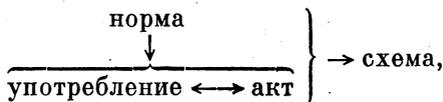
ее социальной реализации и материальной манифестации. С этой точки зрения франц. *r*, например, определялось бы тем, что оно: 1) относится к категории согласных, противостоящих гласным; 2) входит в подгруппу согласных, способных стоять в начальном и конечном положении; 3) принадлежит к подгруппе согласных, занимающих в сочетании с другими согласными второе место, но не первое — *tr*, но не **rt*; 4) находится в отношении коммутации к другим элементам той же категории (например, *l*). Таким образом, *r* определяется как сущность оппозитивная, релятивная и негативная, и способ ее манифестации несуществен.

Второй член — норма — определяется как «материальная форма, связанная с данной социальной реализацией, но независимая от своей манифестации». С точки зрения нормы, франц. *r* — вибрант, допускающий ряд вариантов. Таким образом, *r* — сущность оппозитивная и релятивная, но не негативная, как в первом случае, а обладающая одним позитивным качеством — это вибрант, противостоящий невибрантам. Определение предполагает звуковую реализацию *r*.

Третий член — употребление — подразумевает язык как совокупность навыков, принятых в данном обществе и обусловленных определенными манифестациями. С точки зрения употребления, франц. *r* — это сонорный альвеолярный вибрант или сонорный увулярный фрикативный (*constrictive posteriore*), т. е. *r* определяется не оппозитивно, не релятивно и не негативно.

Акт — понимается как индивидуальный речевой поступок, как говорение.

Функции между данными явлениями следующие (→ детерминация, ↔ интердепенденция):

Норма предполагает употребление и речевой акт, но не наоборот. Употребление и акт взаимно предполагают друг друга. И, наконец, норма, употребление и акт определяют и обуславливают схему, но не наоборот⁷².

Норма, употребление и акт во многих отношениях тесно связаны между собой, и их можно свести к одному явлению — употреблению, по отношению к которому норма будет результатом абстрагирования, а акт — конкретизацией. В работе «Пролегомены к теории языка» Ельмслев оперирует уже только двумя терминами — «схема» и «употребление» (*linguistic usage, узус*) и понимает «схему» как парадигматическую и синтагма-

⁷² См.: Л. Ельмслев. Язык и речь, стр. 64.

тическую иерархию, а «употребление» — как материальную манифестацию «схемы».

Критики справедливо подчеркивают, что если разграничение языка/речи шло у Ф. де Соссюра по двум направлениям: 1) социальное/индивидуальное и 2) различительные противопоставления (инварианты)/неразличительные противопоставления (варианты), то Ельмслев отбрасывает первое различие и оставляет только второе, лишая язык его социальной сущности⁷³.

Как известно, одно из определений языка, наиболее часто повторяющееся в «Курсе общей лингвистики» Соссюра, — это определение языка как системы знаков. Сам знак для Соссюра — двустороннее психологическое единство, единство понятия и акустического образа или, как сформулировал сам Соссюр, «языковой знак представляет собой ассоциацию акустического образа и понятия, причем оба они — психические явления»⁷⁴. Вместе с тем некоторые другие высказывания Соссюра шли в ином направлении и давали повод для иного понимания знака. Так, например, в конспектах курса общей лингвистики, прочитанного в 1908—1909 годах, Соссюр, перечисляя основные признаки знаковой системы, подчеркивает, что знак условен, чисто негативен и дифференциален, что значимости выступают как величины, противопоставленные в определенной системе, что число их ограничено и что способ образования знака (*moyen de production*) безразличен⁷⁵.

⁷³ См.: В. Siertsema. Указ. соч., стр. 8; P. Garvin. Указ. рец., стр. 90; см. также: H. Frei. *Langue, parole et différenciation*. «Journal de psychologie», 1952, стр. 137, а кроме того: K. Møller. *Contribution to the discussion concerning Langue and Parole* («Recherches structurales»). — Автор последней работы пытается доказать, что различие языка и речи основывалось у Соссюра, как и в теории Ельмслева, на чисто лингвистических критериях. Известную связь с взглядами Ельмслева обнаруживает теория Э. Косериу, изложенная им в книге «Sistema, norma y habla» (Montevideo, 1952). Выделяя в языковых явлениях систему, норму и речь, Косериу определяет систему как совокупность языковых фактов, выполняющих в языке определенную функцию и могущих быть представленными в виде сети противопоставлений (структуры), норму — как совокупность языковых явлений, которые не выполняют в языке непосредственной функции, но выступают в виде общепринятых (традиционных) реализаций; речь же трактуется как индивидуальное говорение. Интересна попытка Косериу последовательно провести разграничение системы, нормы и речи в области изучения звуков и выделить вместо обычных двух разделов — фонетики и фонологии — три: аллофонетику (изучающую индивидуальное говорение), нормофонетику и фонологию (учение о функциональной системе). См.: А. А. Леонтьев [Рец.] E. Coseriu. *Sistema, norma y habla*. — В сб.: «Структурно-типологические исследования». М., 1962, стр. 206—207. — Насколько можно судить, Косериу довел до конца аналогичную попытку Ельмслева, который еще в 1935 г. наметил возможность дифференцировать изучение выражения с точки зрения «системы», «нормы» и «употребления» — phonetics, phonology и phonemics. См.: L. Hjelmslev. *On the principles of phonematics*, стр. 51.

⁷⁴ См.: R. Godel. Указ. соч., стр. 82.

⁷⁵ См. там же, стр. 66.

Именно в этом последнем направлении развивает и уточняет соссюрское понимание знака Л. Ельмслев. Нельзя не заметить связи между положением о двусторонности знака у Соссюра и дуплановостью языка (содержание и выражение) у Ельмслева, между положением о немотивированности, условности знака у Соссюра и определением знака при помощи формальных критериев (функция солидарность) у Ельмслева, между положением об иррелевантности способа образования знака у Соссюра и второстепенной ролью субстанции по отношению к форме в глоссематике.

Вместе с тем, понятие знака в законченной глоссематической формулировке существенно отличается от соссюрского. Знак в глоссематике — это единица, состоящая из формы содержания и формы выражения, связанных семиологической или знаковой функцией (солидарность) и манифестированных в субстанции содержания и субстанции выражения ⁷⁶.

В отличие от других предшествовавших и современных лингвистических теорий, в которых как правило материальная сторона знака (субстанции выражения) трактовалась как знак чего-то лежащего вне языка (= материала содержания) или значения (= субстанции содержания), в глоссематике знак, состоящий из формы выражения и формы содержания (совершенно условных), является знаком и субстанции содержания и субстанции выражения ⁷⁷.

Изнутри знак условен, то есть функции его — форма содержания и форма выражения — существуют только в силу наличия между ними знаковой функции. Извне знак мотивирован, то есть составляющие его единицы формы содержания и формы выражения связаны определенными функциями со всеми другими единицами соответствующих планов.

Языковые единицы, по мнению Ельмслева, — знаки, а не символы, поскольку в символе между аспектами существует естественная связь, вследствие чего они полностью конформальны (то есть тождественны по своей структуре), и их возможно свести к одному плану (например, оноματοлогические слова). Символические системы в отличие от семиотических систем — это одноплановые системы (ср. игры). В естественных же языках единицы формы содержания и формы выражения лишь соотносительны, но не тождественны. Так, например, в русском языке единице формы выражения *-а* (книг-а) соответствуют по крайней мере три единицы формы содержания — {ед. ч., ж. р., им. п.}, напротив, в *не-* (не-белый) двум единицам формы выражения соответствует только одна единица формы содержания — {отрицание}

⁷⁶ См.: Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка, стр. 316.

⁷⁷ См. там же.

Следует заметить, что языковые знаки как таковые, то есть как некие отдельные сущности (совокупности определенных единиц содержания и определенных единиц выражения) в глоссематическом анализе самостоятельно не выступают, поскольку глоссематический анализ начинается с выделения в тексте планов выражения и содержания, и дальнейший анализ ведется уже отдельно и обособленно в каждом плане.

И в каждом плане на определенной ступени анализ приводит к выделению таких элементов, которые не участвуют уже непосредственно в знаковой функции, но входят в нее лишь в качестве частей знаков. Это фигуры, наименьшие структурные элементы языка в обоих планах. Поэтому если с точки зрения своего назначения язык представляет собой систему знаков, то по своей внутренней структуре — он прежде всего система фигур, из которых строятся знаки⁷⁸.

Однако хотя роль знаков как таковых в глоссематическом анализе и ограничена, знаковая функция играет в глоссематике очень важную роль. Она признается главной внутренней функцией языка и служит основой для применения метода коммутации и для установления инвариантов как в плане выражения, так и в плане содержания. В этом глоссематике сближаются, скажем, с прагматиками и отличаются от дескриптивистов, считающих знаковую функцию внешней для языка и стремящихся поэтому, например, в фонологическом анализе обходиться без нее. Указывая на непоследовательность теорий дескриптивистов в данном вопросе (только значения, но не звуки выводятся за пределы языка), Эли Фишер-Йоргенсен подчеркивает, что позиция глоссематиков в этом случае более обоснована и что дескриптивистам так и не удалось разработать метод фонематического анализа, абстрагированного от семиотической функции и исходящего только из дистрибуционной фонетики⁷⁹.

Таким образом, если многие важные положения глоссематической теории и являются результатом развития соответствующих идей Соссюра, эти последние получили в глоссематике особое преломление и вошли в новую общую систему взглядов, более последовательную, но одновременно и более абстрактную и формальную, чем у Соссюра⁸⁰.

Что касается вопроса о связи с логицизмом, о которой говорит Ельмслев, то здесь следует тщательно разграничить логицизм как

⁷⁸ См.: Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка, стр. 305.

⁷⁹ См.: E. Fischer-Jørgensen. Remarques sur les principes d'analyse phonémique, стр. 218—219.

⁸⁰ Приведем лишь одно сравнение: «Весь механизм языка вращается вокруг тождеств и различий», — пишет Соссюр (см.: R. Godel. Указ. соч., стр. 83). «Механизм языка устанавливается посредством сети взаимобусловливающих синтагматических и парадигматических отношений», — говорит Ельмслев (см.: L. Hjelmslev. Essai d'une théorie des morphèmes, стр. 140).

идеалистическое философское направление — логический позитивизм и логицизм как символическую (или математическую) логику, математическую науку, возникшую в конце XIX в.⁸¹

Философия позитивизма оказала влияние на глоссематику⁸². Оно сказывается, например, в настойчивом стремлении глоссематиков отмежеваться от философских вопросов, от «метафизики», как называют их Ельмслев и Ульдалль⁸³. Этот агностицизм перекликается с положением позитивистов о невозможности решения основных философских проблем и потому об их бессмысленности. «В нашем венском кружке... — пишет Р. Карнап, — сложилось убеждение, что метафизика (т. е. философия. — В. М.) не может претендовать на научность... Единственная часть работы философов, которая может считаться научной, заключается в логическом анализе ... понятий и предложений той или иной науки»⁸⁴.

Таким образом, позитивисты упраздняют философию как мировоззрение и заменяют ее логикой науки, иначе говоря, логическим синтаксисом — логическим анализом формулировок данной науки. Позитивисты утверждают, что поскольку материал познания, с которым имеет дело наука, нейтрален, то эмпирические науки свободны от философии, независимы от нее. Ошибочность подобных воззрений была уже давно вскрыта в марксистской науке⁸⁵.

С позитивизмом связана, на наш взгляд, еще одна черта глоссематики — последовательное отрицание реального существования объектов («вещей»), признание объектов лишь пучками пересечения их взаимных зависимостей — функций. Материалистическая точка зрения, согласно которой вещи существуют объективно, то есть независимо от нашего сознания, так же как

---

⁸¹ Провести такое разграничение зачастую весьма затруднительно, поскольку многие логики являются одновременно по своим философским убеждениям представителями позитивизма, а также из-за известной терминологической путаницы, возникающей потому, что одни и те же термины нередко используются в символической логике и философском позитивизме в различных значениях.

⁸² См. об этом: В. А. Звегинцев. Неопозитивизм и новейшие лингвистические направления, и др. работы.

⁸³ См., например: L. Hjelmslev. Editorial, стр. VI; Он же. Прологомены к теории языка, стр. 283; а также: X. Ульдалль. Основы глоссематики, стр. 417 и др.

⁸⁴ См.: R. Carnap. The logical syntax of language. Paterson, New Jersey, 1959, стр. XIII (1-е изд. — 1934 г.). Он же: The methodological character of theoretical concepts. — В кн.: «Minnesota studies in philosophy of science», vol. I. Minneapolis, 1956, стр. 45; R. von Mises. Positivism. A study of human understanding. Cambridge, 1951, стр. 4—5 и др.

⁸⁵ См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 276, 283 и др. См. также сб. «Диалектический материализм и современный позитивизм». М., 1961; И. С. Нарский. Современный позитивизм. М., 1961 и др.

и их отношения, объявляется метафизикой, наивным реализмом⁸⁶. Однако, как известно, никакой научный прогресс не может ниспровергнуть материю как философскую категорию, он может лишь заменить одно научное понимание материи другим. Абстрагирование от одного из аспектов явлений реального мира (например, от «вещей»), вполне допустимое в той или иной науке, не должно приводить к отрицанию объективного существования данного аспекта действительности.

Влияние философии позитивизма проявляется, наконец, в провозглашении глоссематиками полной свободы теории от проверки практикой, безразличия критерия практики для теории. «Лингвистическая теория не может быть проверена (подтверждена или опровергнута) этими существующими текстами и языками. Ее можно подвергнуть проверке только в одном отношении — с точки зрения непротиворечивости и исчерпывающего характера исчисления», — пишет Ельмслев⁸⁷. Действительно, формально-логическое исчисление (а именно так, по-видимому, задумана глоссематика) подчиняется только своей внутренней логике, дедуцируется по заранее установленным правилам логического вывода из заранее установленных предпосылок (аксиом)⁸⁸. Действительно, содержательная интерпретация первоначальных аксиом и выводов не входит непосредственно в задачи той или иной дедуктивной теории. Но внутренние вопросы теории принципиально нельзя оторвать от внешних — то есть от связи теории в целом с реальной действительностью. Содержательная интерпретация дедуктивной аксиоматической теории имеет первостепенное значение для науки, и в конечном итоге именно критерий практики является решающим при определении научной ценности той или иной теории. И только если первоначальные аксиомы были правильно подобраны, а соответствующие правила вывода строго соблюдены, полученная дедуктивная теория будет точно отображать какую-либо часть структуры объекта⁸⁹.

Что касается символической (или математической) логики, то ее привлекательной чертой для авторов глоссематики был, по-видимому, точный метод анализа, опирающийся на математику⁹⁰. Знакомство с научным аппаратом символической логики

---

⁸⁶ См.: L. Hjelmslev. Editorial, стр. VII; Он же. Метод структурного анализа в лингвистике, стр. 57; Он же. Прологомены к теории языка, стр. 282, 283; X. Ульдалль. Основы глоссематики, стр. 403 и др.

⁸⁷ См.: Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка, стр. 278.

⁸⁸ Об этом подробнее см. ниже.

⁸⁹ См.: И. С. Нарский. Критика учения неопозитивизма о критерии истины. (Проблема верификации). «Вопросы философии», 1960, № 9; А. Шафф. Некоторые проблемы марксистско-ленинской теории истины. М., 1953, гл. VIII.

⁹⁰ Предположение о возможности выразить величины языка и их отношения «в их основной сущности» посредством математических формул высказал еще Соссюр (см.: R. Godel. Указ. соч., стр. 44).

позволило Ельмслеву уточнить и более четко сформулировать многие свои идеи. О том, что глоссематическая алгебра многим обязана символической логике, говорят также Ульдалль, Фогт и Спанг-Ханссён⁹¹. Последний, сравнивая, в частности, исчисление (calculus) в логике и глоссематике, разъясняет, что глоссематическая алгебра также представляет себе язык как систему зависимостей (функций) между членами, характеризующимися только самими функциями между ними, а исчисление — как аксиоматическую систему правил о сочетаемости элементов, характеризующихся только своей принадлежностью к определенным классам⁹². Различие между формально-логическим исчислением и глоссематической алгеброй связано с различием целей и исходных предпосылок данных наук. Некоторые лингвисты подчеркивают, что логицисты отталкиваются от уже готовых единиц и не интересуются, каким путем они были получены, в то время как в глоссематике анализ начинается с установления своих единиц при помощи определенных операций, т. е. символическая логика синтетична по своему характеру, тогда как глоссематика — аналитична. Кроме того, символическая логика изучает высказывания, которые могут быть истинными или ложными, в отличие от этого глоссематика не имеет дела с истинностью или ложностью высказываний⁹³. Однако для глоссематики характерна связь именно с ранней символической логикой, поскольку позднее, как утверждает Ельмслев, сотрудничество между ними оборвалось, так как логицисты, «высказываясь о языке, непростительным образом игнорировали достижения лингвистического изучения языка, что привело к плачевным результатам»⁹⁴. Большинство логиков, изучавших язык, подходило к языку извне, используя факты языка для своих целей, так же как это раньше делали психологи, социологи и т. п., игнорируя специфику языка.

Со сказанным выше связано, на наш взгляд, само понимание теории в глоссематике. Ельмслев и Ульдалль постоянно подчеркивают, что теория в их понимании принципиально отли-

⁹¹ См.: Х. Ульдалль. Основы глоссематики, стр. 414, а также: Н. Vogt. Указ. рец., стр. 95; Н. Spang-Hanssen. Glossematics, стр. 136.

⁹² Ср. определение исчисления у Р. Карнапа («The logical syntax of language», стр. 4), где под исчислением понимается система правил отнесения выражений к определенным категориям выражений, а также правил трансформации одного выражения в другое или другие, причем о самих выражениях не предполагается ничего, кроме того, что они распределены по некоторым классам. Но особое сходство с глоссематикой обнаруживает «чистый синтаксис» Карнапа, имеющий дело «с возможными аранжировками, безотносительно к природе различных элементов или к вопросу о том, какие из этих возможных аранжировок действительно реализованы» (стр. 6).

⁹³ См.: Х. Ульдалль. Основы глоссематики, стр. 415; Н. Spang-Hanssen. Glossematics, стр. 136.

⁹⁴ См.: Л. Ельмслев. Метод структурного анализа в лингвистике, стр. 65.

чается от философии языка — то есть системы гипотез о природе объекта, его месте среди других явлений и т. п. Теория не должна заниматься гносеологическими (или, как их называют авторы глоссематики, онтологическими) проблемами, но только выработкой метода, при помощи которого языковые явления определенного рода можно было бы описывать без противоречий, исчерпывающе и по возможности более просто. Теория не должна даже высказываться относительно объективности существования своего объекта, то есть в ней отсутствует *existence postulate*⁹⁵. Единственное методологическое требование, которое ей предъявляется — это требование (так же как и к самому методу)⁹⁶ непротиворечивости, исчерпывающего характера и простоты, составляющие вместе так называемый эмпирический принцип⁹⁷.

Теория строится на определенных реальных, по возможности более широких предпосылках (и в этом и только в этом заключается ее связь с фактами действительности), но сама система, получаемая в результате исчисления, уже не зависит от фактов. Будучи установленной, теория приобретает имманентность и замкнутость и при помощи дедукции позволяет определить все возможности, вытекающие из заранее заданных предпосылок.

Ценность теории определяется, таким образом, — как это утверждают и неопозитивисты, — ее внутренними свойствами, но не степенью ее соответствия фактам языка. Опыт не может ни подкрепить теорию, ни опровергнуть, поскольку теория по определению применима только к тем фактам, которые учтены в предпосылках. «Экспериментальные данные ... могут усилить или ослабить только пригодность теории», — говорит Ельмслев⁹⁸. Под пригодностью теории (*applicability*) понимается ее способность «удовлетворять условиям применения к большому числу экспериментальных данных».

Для того чтобы теория была возможно менее метафизичной, она должна включать как можно меньше общих исходных предпосылок, причем ни одна из этих предпосылок не должна обладать аксиоматической природой. Нужно также избегать реальных определений, ставящих своей целью исчерпать внутреннюю сущность объектов или охарактеризовать их со всех сторон, и стре-

---

⁹⁵ Ср.: «Если логика хочет быть независимой от эмпирического знания, она не должна делать никаких допущений относительно существования объектов» (R. Carnap. Указ. соч., стр. 140).

⁹⁶ Сама теория в глоссематике часто выступает как метод. «Теория — это система, но вместе с тем она и метод», — писал Ельмслев в статье «*Essai d'une théorie des morphèmes*» (стр. 165).

⁹⁷ Если «непротиворечивость» и «полнота» теории могут быть определены на основе объективных критериев, принцип «большой простоты» оказывается принципом очень сложным и вызывает много расхождений. См. об этом: H. Spang-Hanssen. *On the simplicity of description*. «*Recherches structurales*». Copenhagen, 1949.

⁹⁸ См.: Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка, стр. 275.

миться придать определениям строго формальный и эксплицитный вид. Такие определения должны лишь определять объекты относительно других объектов, аналогичным образом охарактеризованных или предпосланных. Примеры подобных формальных определений широко представлены в работах Ельмслева и Ульдалля: «Дедукция — это комплекс анализов с детерминацией между анализами, входящими в него»⁹⁹, анализ же — это «описание объекта через единообразные зависимости от других объектов или через единообразные зависимости последних друг от друга»¹⁰⁰. «Объект, подвергающийся делению, — класс, другие объекты, которые устанавливаются частным делением как единообразно зависимые от класса и друг от друга, называются сегментами класса»¹⁰¹. Как неопределяемые принимаются «описание», «объект», «зависимость», «единообразие», т. е. термины настолько общие, что, как отмечает Х. Фогт, «их анализ относится скорее к логике или теории познания, чем к лингвистике»¹⁰².

Таким образом, под теорией в глоссематике понимается система формальных предпосылок и выводимых из них теорем, позволяющая установить общее исчисление всех возможных в языке сочетаний. Подобное определение «теории» в целом совпадает с определением аксиоматических формальных дедуктивных теорий в символической логике¹⁰³. Аксиоматической дедуктивной теорией называется теория, в которой принимаются за исходные некоторые положения (аксиомы или постулаты) и из них по правилам вывода логически выводится (дедуцируется) все содержание этой теории (цепь теорем). Дедуктивный метод — характерная черта всех математических наук. Как указывает А. Тарский, «не только всякая математическая дисциплина является дедуктивной теорией, но и обратное, всякая дедуктивная теория есть математическая дисциплина»¹⁰⁴. С этой точки зрения, глоссематическую алгебру также можно рассматривать как математическую дисциплину. Дедуктивные теории носят чисто формальный характер, то есть при их построении пренебрегают смыслом аксиом и принимают во внимание только их форму¹⁰⁵. Для записи аксиом и теорем используется особая символика.

Система исходных предпосылок (аксиом) совместно с правилами вывода и есть исчисление (или, как его иногда назы-

---

⁹⁹ См.: Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка, стр. 290.

¹⁰⁰ Там же, стр. 289.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Н. Vogt. Указ. рец., стр. 96.

¹⁰³ См.: А. Тарский. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М., 1948, стр. 164—182, а также: П. С. Новиков. Элементы математической логики. М., 1959, стр. 13—30; А. А. Марков. Логика математическая. — БСЭ, изд. 2, т. 25, стр. 341.

¹⁰⁴ А. Тарский. Указ. соч., стр. 167.

¹⁰⁵ См. там же, стр. 182, а также: Р. Сагнар. Указ. соч., стр. XVI.

вают — формализм) ¹⁰⁶. Всякая дедуктивная теория, таким образом, представляет собой исчисление. Исчисление считается непротиворечивым, если в нем не выводима никакая формула A одновременно с ее отрицанием $\bar{A}$, или иначе, если никакое высказывание не может быть в нем и доказано, и вместе с тем опровергнуто ¹⁰⁷. Исчисление считают полным, если в нем выводима всякая формула, выражающая верное утверждение из данной области, или иначе, если исчисление неполно, то существуют два относящихся к делу противоречивых высказывания, из которых ни одно не может быть доказано в данной теории, а по закону исключения третьего, одно из них должно быть истинным ¹⁰⁸.

В символической логике строго различаются содержательные выводы, которые делаются при доказательстве различных утверждений, связанных с исчислением, и формальные выводы самого исчисления, рассматриваемые просто как результат дедукции из предшествующих утверждений или аксиом посредством применения правил вывода. Соответствие между аксиомами и предметами реальности имеет приближенный характер, а содержательная интерпретация формализованных дедукционных теорий (исчислений) составляет особую и очень сложную проблему ¹⁰⁹.

Из символической логики в теорию Ельмслева перешли и некоторые понятия, общие для математических наук, — понятие функции как зависимости одной величины от другой ¹¹⁰, понятие константы и переменной ¹¹¹, понятие языка-объекта и мета-языка и др. ¹¹²

---

¹⁰⁶ См.: П. С. Новиков. Указ. соч., стр. 29. — В этом смысле и язык иногда называют исчислением, т. е. системой, включающей некоторые исходные предпосылки — элементы, а также некоторые правила построения из них сообщений. Исчислением, вместе с тем, является и сама глоссематическая теория.

¹⁰⁷ См.: А. Тарский. Указ. соч., стр. 185; П. С. Новиков. Указ. соч., стр. 30.

¹⁰⁸ См.: А. Тарский. Указ. соч., стр. 186; А. А. Марков. Указ. соч., стр. 341.

¹⁰⁹ См.: С. Яновская. Предисловие. — В кн.: Р. Карнап. Значение и необходимость. М., 1959, стр. 19, а также: П. С. Новиков. Указ. соч., стр. 13 и 30.

¹¹⁰ Это понятие является одним из краеугольных понятий в глоссематике. Как язык в целом, так и любую его часть Ельмслев и Ульдадль определяют, абстрагируясь от субстанции и исключительно с позиций функциональных. См.: L. Hjelmslev. *Forme et substance linguistique*, стр. 3; Он же. *On the principles of phonematics*, стр. 49; Он же. *Editorial*, стр. VIII; Он же. *Метод структурного анализа в лингвистике*, стр. 58; Он же. *Пролегомены к теории языка*, стр. 282; X. Ульдадль. *Основы глоссематики*, стр. 408 и др.

¹¹¹ Вся система функций в глоссематике строится на основе этого разграничения. См. выше, стр. 147.

¹¹² См.: М. В. Мачавариани. *О взаимоотношении математики и лингвистики*. — ВЯ, 1963, № 3, стр. 87.

Наконец, к символической логике восходит в значительной степени и символизация, используемая Ельмслевом и Ульдаллем. В символической логике разработана четкая система символов для краткого и точного обозначения отношений между явлениями при помощи некоторых математических знаков и знаков логических связей ($a, b, c \dots$; , «конъюнкция»; $\vee$ «дизъюнкция»; $\sim$ «отрицание»; $\rightarrow$ «импликация»). Ельмслев и Ульдалль создали свои, оригинальные (и не вполне совпадающие) системы обозначений и с успехом применили их в ряде своих конкретных работ¹¹³. Так, в статье «La stratification du langage» Ельмслев предлагает ввести для обозначения единиц содержания греческие буквы, для единиц выражения — латинские, а таксемы обозначать соответствующими заглавными буквами и т. д. Вводится специальный знак манифестации. Например, $p \vee [p]$ или $[p] \vee p$ значит « p манифестирует звук $[p]$ » или «звук $[p]$ манифестируется посредством p ». Язык как система изображается формулой $L\gamma^o g^o (\vee)$; и т. п.

Глоссематическая концепция языка и языкового анализа неоднократно подвергалась суровой критике с различных позиций за рубежом и в советском языкознании. Основные возражения в зарубежной лингвистике вызывал ее формальный аксиоматический и дедуктивный характер и ее непригодность в качестве метода конкретно-лингвистического исследования языков¹¹⁴.

Как нам кажется, некоторые недоразумения были бы сняты и некоторые критические стрелы отведены, если бы авторы глоссематической теории более точно определили отношение между глоссематикой и лингвистикой в целом, а также область применения и задачи глоссематики.

Сама по себе исчислительная и формальная глоссематическая алгебра безусловно имеет право на существование и представляет собой одну из первых попыток применения идей и методов математической логики к лингвистическому материалу¹¹⁵. Анало-

¹¹³ См., например: L. Hjelmslev, *La stratification du langage*; Он же. *Sur l'indépendance de l'épithète*. «Historisk-Filologiske Meddelelser. Danske Videnskabs Selskab», 1956, vol. 36, № 5; а также: H. Uldall. *On equivalent relations*; Он же. *Outline of glossematics*, pt. 2. *Glossematic algebra*.

¹¹⁴ Ср.: A. Martinet. *Au sujet des Fondements de la theorie linguistique de L. Hjelmslev*; A. Nehring. [Рец.] «Recherches structurales»; L. Hammerich. *Les glossématisistes danois et leurs méthodes* и др.

¹¹⁵ Попытки создания формального метода описания явлений языка, опирающегося на методы символической логики, наблюдаются и в других странах, например в США, см.: J. Bar-Hillel. *A quasi-arithmetical notation for syntactic description*. «*Language*», 1953, vol. 29, № 1, стр. 47.— В данной статье говорится о новом методе синтаксического описания, соединяющем методы, разработанные польским логиком К. Айдукевичем, с одной стороны, и американскими структуралистами, с другой. Автор четко оговаривает, что предлагаемый им метод не есть метод исследования языковых фактов, но только новый способ изложения результатов ис-

гичные примеры использования аппарата математической логики для аксиоматических построений имеют место и в других «неточных» науках, например в биологии, в частности в некоторых теориях эволюционной морфологии¹¹⁶.

И то, что глоссематика поставила на очередь дня создание строгой и стройной формально-лингвистической теории, несмотря на распространение среди многих лингвистов мнения о такой теории как о «пустом философствовании и дилетантизме, соединенном с априоризмом»¹¹⁷, является большой заслугой Ельмслева и Ульдалля. Формальная теория вовсе не удаляет нас от живой реальности, но, напротив, позволяет глубже понять те стороны объективной действительности, которые поддаются формальному анализу. Внимание к теории выгодно отличает глоссематику от американского дескриптивизма, для которого эмпирические факты в целом важнее теории¹¹⁸.

Если рассматривать глоссематику как один из возможных методов исследования языка для определенных специальных целей, как особую лингвистическую дисциплину, объектом которой является семиотический аспект языка, правомерность ее существования не вызывает особых сомнений. Это, по-видимому, вопрос методики, а не методологии науки — в разных областях языкознания и для разных целей применимы различные методы. Эту мысль подчеркнул и Ульдалль: «Эмпирическому принципу можно следовать, оставаясь приверженцем любой из этих двух вер; и этим объясняется, почему ученые весьма различных убеждений могут продолжать работать сообща»¹¹⁹.

Вырисовываются также и области изучения языка, в которых применение глоссематической алгебры может оказаться наиболее плодотворным. Это прежде всего область типологической классификации языков. Глоссематическая алгебра, стремящаяся к исчерпывающему описанию языков, исходящему из чисто формальных критериев — анализа функций — может послужить основой для создания однотипных описаний различных языков. А до тех пор, пока не будет создано описаний языков, построенных на одинаковых принципах, всякое сравнение языков останется бес-

---

следования, позволяющий по простому правилу «исчислить» синтаксическую характеристику любой цепи (т. е. «последовательности, включающей один или более элементов») в контексте. А это оказывается весьма ценным в тех случаях, когда необходимо полностью механизировать процедуру определения синтаксических структур, как, например, при решении проблем машинного перевода.

¹¹⁶ См.: А. Л. Субботин. Математическая логика — ступень в развитии формальной логики. «Вопросы философии», 1960, № 9, стр. 93.

¹¹⁷ См.: Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка, стр. 268.

¹¹⁸ В предисловии к «Readings in Linguistics» (Washington, 1957, стр. VII) М. Джос говорит о теории как о необязательной ступени в научном исследовании, так как создание теории может якобы повлиять на непредубежденность исследователя.

¹¹⁹ См.: Х. Ульдалль. Основы глоссематики, стр. 418.

плодным. На это обстоятельство указывали даже критики глоссематической теории¹²⁰.

Другая обширная область — создание метаязыков и языков-посредников. Глоссематическое исчисление всех допустимых сочетаний языковых элементов может помочь созданию абстрактных формальных универсальных языков в кибернетике и математической логике, без чего нельзя осуществить моделирование процессов человеческого мышления. Такой язык был бы использован для построения формальных теорий и формальных доказательств, имитирующих один из наиболее важных мыслительных процессов — так называемое логическое мышление¹²¹. Эти искусственные языки выступают как определенные системы соответствий, их единицы не связаны с реальной материей реальных языков, в силу чего возникает необходимость в общей теории построения языковых систем — дедуктивной формализованной аксиоматической лингвистической теории.

В настоящее время можно уже, по-видимому, говорить о существовании особого раздела прикладной лингвистики — интерлингвистики — науки о вспомогательных языках (языках-посредниках и т. д.), ставящей своей целью разработку современных вспомогательных кодов для машинного перевода, информационных машин и т. п., построенной на логико-математической основе и имеющей своим предметом реляционный каркас языка¹²².

Интересную попытку разработки проблемы вероятности появления определенных элементов языка исходя из системы глоссематических функций представляет собой книга Х. Спанг-Хансена¹²³. Автор показывает, что уже сами типы отношений или функций, выдвинутые в глоссематике в качестве основы для структурного анализа и описания языков, внутренне связаны с идеей обусловленности появления одного элемента другим (разграничение функций постоянных и переменных) и потому могут быть полезны для дальнейших исследований в этой области.

В целом ряде других областей продуктивность принципов глоссематики еще не проявилась достаточно ясно, возможно вследствие неразработанности соответствующих проблем — при

---

¹²⁰ См.: А. Мартине. О книге «Основы лингвистической теории» Луи Ельмслева, стр. 455.

¹²¹ См.: В. М. Глушков. Мышление и кибернетика. «Вопросы философии», 1963, № 1, стр. 39.

¹²² См.: О. С. Ахманова и Г. Б. Микаэлян. Современные синтаксические теории, стр. 42—43; В. В. Иванов. Лингвистические вопросы создания машинного языка для информационной машины. — В сб.: «Материалы по машинному переводу», вып. 1. Л., 1958; С. К. Шаумян. Лингвистические проблемы кибернетики и структурная лингвистика, стр. 130 и др.

¹²³ H. Spang-Hanssen. Probability and structural classification in language description. Copenhagen, 1959.

изучении и составлении систем письменных языков, при создании и дешифровке секретных кодов, при диахроническом изучении языковых изменений и т. п.¹²⁴

Для того чтобы объективно оценить глоссематическую теорию как формальную дедуктивную аксиоматическую лингвистическую теорию, к ней необходимо подойти не только с позиций лингвистики, но и с точки зрения металогики, которая возникла в связи с задачами исследования формально-логических систем и представляет собой «совокупность суждений и доказательств, предметом которых является уже не сама объектная область, а ее теоретическое выражение»¹²⁵.

С этой точки зрения можно указать, что в глоссематической теории в ее современном виде не раскрыты и не доведены до конца многие заложенные в ней идеи, не использованы все возможности, предоставляемые аппаратом символической логики. Так, в глоссематике формализованы, по существу, только исходные понятия, но не формализованы исходные предложения (аксиомы). Вследствие этого связь многих понятий в теории Ельмслева остается неясной (как, например, функций реляции и корреляции, с одной стороны, и интердепенденции, детерминации и констелляции, с другой¹²⁶, или понятий таксемы, глоссемы и фигуры).

Кроме того, в глоссематической теории, как нам кажется, в ряде случаев переплетаются понятия и операции, относящиеся к различным ступеням исследования — к различным уровням абстракции — уровню обобщения наблюдений и уровню конструкторов, различаемым общей эпистемологией¹²⁷.

Теория создается на ступени конструкторов для объяснения систематизированных наблюдений, для преобразования первичных сведений о предмете (метаязыка первой степени) в теорию предмета (метаязыка второй степени). Эти два метаязыка не разграничены в глоссематической теории с необходимой четкостью,

---

¹²⁴ С. К. Шаумян в книге «Структурная лингвистика как имманентная теория языка» (стр. 6, 34) говорит о возможности имманентного подхода и к диахронии, что позволит открыть «в языковых изменениях определенную смену отношений и установить связь этих отношений в диахроническом аспекте», «раскрыть реляционную сущность языковых изменений», «предсказать возможные изменения» в той или иной языковой структуре и т. д.

¹²⁵ См.: А. Л. Субботин. Указ. соч., стр. 97.

¹²⁶ Нам встретился только один случай, когда Ельмслев устанавливает связь между этими двумя типами функций. В одной из своих ранних статей — «La notion de reaction» («Acta Linguistica», 1939, vol. 1, № 1, стр. 22, сноска) он указывает, что семиологическая (знаковая) функция — интердепенденция или солидарность — является одновременно и реляцией, так как оба плана языка сосуществуют, а не являются альтернативными.

¹²⁷ См.: С. К. Шаумян. Преобразование информации в процессе познания и двухступенчатая теория структурной лингвистики, стр. 5, 6.

что привело к тому, что некоторые лингвисты пытались рассматривать глоссематику как описание процесса первичной обработки лингвистического материала и критически оценивали ее с этой точки зрения. «Неясно, является ли глоссематическое описание хода анализа от нерасчлененного текста описанием практического метода анализа или чисто теоретическим утверждением», — пишет Э. Хауген¹²⁸. Следует также согласиться и с теми критическими замечаниями, которые высказал Ю. К. Лекомцев¹²⁹. Он отмечает, в частности, что в глоссематической теории не нашел развития взгляд на язык как на генератор текста, не учтены результаты, полученные в новых областях лингвистики (лингвостатистике и др.) и т. д.¹³⁰

Однако у последователей Л. Ельмслева, да и у самих создателей глоссематической теории есть тенденция рассматривать глоссематику как единственно научную лингвистическую теорию¹³¹. В таком случае замена анализа реальных фактов языка логическим анализом функций между абстрактными сущностями, само ограниченное понимание теории и ее задач и т. п. приобретает уже характер определенного научного мировоззрения и вызывает гораздо более серьезные и принципиальные возражения (см. стр. 34—36 наст. работы).

Как известно, эффективное применение логических исчислений наблюдается в тех областях, где «понятия носят стабильный характер и где существенной задачей исследования выступает задача выяснения взаимоотношений между понятиями. В тех же науках, где наибольший удельный вес имеют содержательные исследования, наблюдение и эксперимент, а чисто дедуктивные рассуждения играют подчиненную роль, применение логических формализмов может иметь значение для решения лишь отдельных задач науки»¹³².

---

¹²⁸ Э. Хауген. Указ. соч., стр. 250. — Ср. также мнение Б. Сиертсеми о том, что в теории Ельмслева не дифференцированы три различных акта «нахождения»: а) нахождение действительных форм в действительно существующих языках; б) нахождение на их основе путем алгебраической операции собственно глоссематических форм — иерархий функций и в) нахождение, путем сравнения каждого языка с установленной системой возможностей сочетания, того, какие формы из данной системы реализованы в данном языке. Собственно глоссематическими здесь являются операции б) и в). См.: B. Siertsema. A study of glossematics, стр. 24, 25.

¹²⁹ См.: Ю. К. Лекомцев. Основные положения глоссематики. — ВЯ, 1962, № 4.

¹³⁰ Там же, стр. 96—97.

¹³¹ См. А. Мартине. О книге «Основы лингвистической теории» Луи Ельмслева, стр. 440: «Название книги Ельмслева, весьма претенциозное, уже само представляет собой целую программу: речь идет об основах не одной из лингвистических теорий, а об основах лингвистической теории вообще».

¹³² См.: А. Л. Субботин. Указ. соч., стр. 96.

Именно так, по-видимому, обстоит дело в лингвистике, объект которой — язык — не во всех своих аспектах доступен изучению формально-логическими методами. Р. Карнап, определяя язык с точки зрения логического синтаксиса как исчисление, указывал вместе с тем, что язык — это не только исчисление. Просто логический синтаксис имеет дело с той стороной языка, которая характеризуется признаками исчисления, то есть он ограничен формальной стороной языка. Но каждый конкретный язык имеет, кроме того, и другие аспекты, которые можно исследовать другими методами¹³³. И содружество с символической логикой не должно привести к механическому перенесению в языкознание математических методов и вытеснению методов, выработанных лингвистами и доказавших свою научную состоятельность, но к обогащению и уточнению собственно лингвистических методов.

Поскольку до настоящего времени полной ясности в эти вопросы создателями глоссематики внесено не было, глоссематическая теория была воспринята большинством лингвистов как предлагаемая универсальная и единственная теория языка и вызвала в лингвистической литературе многочисленные критические отклики. Критика глоссематической теории идет в двух направлениях — критика общих положений и критика конкретных исследований (весьма немногочисленных), построенных на основе глоссематики. При этом был поставлен ряд общетеоретических проблем.

Первая проблема, которая чаще всего ставится рецензентами, заключается в следующем: можно ли в лингвистическом анализе, начинающемся с нерасчлененного текста, полностью абстрагироваться от материальной субстанции? В какой мере осуществим формальный анализ при структурном описании языка?¹³⁴

Любое структурное описание языка начинается с редукции бесконечного множества вариантов к конечному числу инвариан-

---

¹³³ См.: R. Carnap. *The logical syntax of language*, стр. 5. — Естественный язык, по-видимому, как раз и отличается от искусственных кодов прежде всего своими многообразными связями с другими явлениями. Если у кодов семиотический аспект является основным, а возможно и единственным, и формально-логическое дедуктивное описание можно считать их исчерпывающей характеристикой, то, в отличие от них, такое описание естественных языков было бы односторонним и, в конечном счете, неадекватным, подобно описанию языка только с точки зрения физиологии, или акустики, или психологии и т. п. Всесторонняя характеристика языка должна включать описание всех его аспектов, в том числе и семиотического.

¹³⁴ См.: А. Мартине. О книге «Основы лингвистической теории» Л. Ельмслева, стр. 456; В. Сиертсема. Указ. соч., стр. 101—108; E. Fischer-Jørgensen. *Remarques sur les principes d'analyse phonémique*, стр. 220—223; Она же. *The commutation test and its application to phonemic analysis*, стр. 141—159; H. Spang-Hanssen. *Glossematics*, стр. 158 и др.

тов в обоих планах, и прежде всего в плане выражения. Для этого необходимо сначала 1) установить различительные (комму-табельные) элементы в каждой позиции (парадигме) и 2) отождествить некоторые элементы в различных позициях, определив их как обусловленные варианты известных инвариантов. Для осуществления первой задачи представители всех структуралистических направлений используют сходные методы — коммутация в глоссематике, дистинктивное противопоставление у пражцев, оппозиция (минимальные пары) у дескриптивистов. Однако при помощи коммутации и т. п. можно установить лишь инварианты для каждой позиции отдельно, т. е. то, что Твюдделл назвал «микрофонемами»¹³⁵, а сам Ельмслев — дофонемами (prephonemes)¹³⁶.

Для сведения микрофоном в макрофономы критерий коммутации оказывается неприменимым и недостаточным. Представители пражской фонологической школы, как и дескриптивисты, прибегают в этом случае к критерию фонетического сходства и учитывают также критерий «системного параллелизма»¹³⁷. Однако глоссематики стоят в этом вопросе особняком, принципиально отвергая критерий субстанции (фонетическое сходство) при анализе формы.

Определенного ответа на вопрос о путях отождествления вариантов в глоссематике не дается. Ельмслев лишь мимоходом упоминает проблему тождества в языке, но уклоняется от того или иного ее решения, указывая лишь, что фонемы могут различаться уже самим фактом своей принадлежности к различным категориям¹³⁸. В ряде случаев глоссематики привлекают на помощь эмпирический принцип, и в частности критерий простоты и в фонематическом анализе. Если возможны разные пути редукции вариантов в инварианты, принимается путь более простой. Так, Ельмслев рассматривает [p, t, k] в датском языке как сочетания [b, d, g] с [h] и рекомендует сводить простые единицы к сочетаниям единиц, уже зафиксированных, с тем чтобы получилось больше элементов в цепи, но меньше элементов в системе. Долгие гласные рекомендуется сводить к повторению кратких в пределах одного слога, носовые гласные — к сочетанию гласных с [n] и т. д. Анализируя методы глоссематиков в фонематическом анализе, Э. Фишер-Йоргенсен обращает внимание на опасность подобных приемов и показывает, что в конечном итоге и глоссематики оказываются вынужденными прибегнуть к субстанции

¹³⁵ См.: W. F. Twaddell. On defining the phoneme. Baltimore, 1935 («Language monograph», № 16), стр. 38.

¹³⁶ См.: L. Hjelmslev. On the principles of phonematics, стр. 51.

¹³⁷ См., например: Ch. F. Hockett. A system of descriptive phonology. «Language», 1942, vol. 18, № 1, стр. 9.

¹³⁸ См.: Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка, стр. 319 (сноска); а также: Н. Vogt. Указ. рец., стр. 97.

как крайнему критерию¹³⁹. Признает это и Х. Спанг-Ханссен, оговаривая, правда, что хотя все школы используют, открыто или скрыто, акустический критерий, роль его и оценка у представителей различных структуральных направлений неодинакова. В глоссематике отождествление осуществляется при помощи (by means of) фонетического или графического сходства, но не по причине этого сходства (not because of)¹⁴⁰.

Таким образом, хотя теоретически глоссематики признают возможность формального фонематического анализа, без учета субстанции, на практике субстанция вступает в действие на всех этапах анализа.

Практика показывает, что при установлении тождества языковых единиц без материи обойтись нельзя. Этот вопрос естественно не возникает, если глоссематический анализ понимается как дополнительный, «контрольный» анализ, который оперирует уже готовыми единицами, выделенными при помощи других методов, и преследует некоторые особые цели. В таком случае, по-видимому, элементы языка можно определить с позиций сугубо формальных — посредством тех функций, которые характеризуют языковые элементы в общей системе языка.

Много возражений вызвало также положение Ельмслева о независимости языковой формы от субстанции и о равноценности всех материальных манифестаций языковой формы (звуковых, графических и пр.)¹⁴¹.

Базелль в своей рецензии на книгу Ельмслева «Omkring sprogteoriens grundlæggelse» указывает по этому поводу, что две субстанции (например, звуки и буквы) не могут равноценно манифестировать одну и ту же форму, так как звуковая и графическая системы асимметричны друг другу, и обе асимметричны системе содержания¹⁴². Подчеркивается также, что письмо вторично уже хронологически, что функции звукового и письменного языков различны — звуковой язык представляет собой непосредственную реакцию на определенный стимул и характеризуется эмоциональностью, наряду с интеллектуальной стороной, в то время как письмо — реакция статическая и долговечная, под-

¹³⁹ См.: E. Fischer-Jørgensen. Remarques sur les principes d'analyse phonémique, стр. 228.

¹⁴⁰ См.: H. Spang-Hanssen. Glossematics, стр. 158. — Проблему тождества как функциональной эквивалентности пытается поставить и Х. Ульдалль (см. его работу «Outline of glossematics», стр. 54). Он указывает, что тождественными могут быть признаны два функционала, эквивалентные во всех своих релевантных функциях, даже если они не абсолютно одинаковы, например два ключа, открывающих одну дверь. Лингвистических примеров Ульдалль, к сожалению, не приводит.

¹⁴¹ См.: А. Мартине. О книге «Основы лингвистической теории» Луи Ельмслева, стр. 460; B. Sierstema. Указ. соч., стр. 109—120; P. Garvin. Указ. рец., стр. 92 и др.

¹⁴² См.: С. Е. Базелль. Указ. рец., стр. 91.

черкивающая интеллектуальную сторону фактов. Кроме того, если звуковой язык имеет одно измерение, то письмо — два или даже три¹⁴³. Все эти (и другие подобные им) аргументы бесспорны, когда речь идет о конкретном изучении конкретных языков. Однако при функциональном рассмотрении языка они теряют силу. При таком подходе звуковая субстанция выражения не будет ни первичной, ни более «естественной», чем графическая. Хотя в целом в истории человечества речь предшествует письму (в чем, правда, высказывает сомнение Б. Рассел), ни о какой данной звуковой системе нельзя сказать, что она предшествует данной графической системе. Они просто сосуществуют¹⁴⁴.

Убедительно доказывая самостоятельность письма как особой субстанции выражения, отсутствие полного параллелизма между письмом и звучанием, Ульдалль утверждает, что субстанциями выражения одного и того же языка их делает соотношенность с одними и теми же единицами содержания (или, точнее, функция к одним и тем же единицам содержания) — поскольку только соотношенность плана выражения с планом содержания образует язык. Так, и кот и [кот] являются в русском языке функциями единицы содержания {felis domestica} и составляют все вместе сению (senia).

Однако возможность множества различных материальных реализаций одного и того же плана содержания языка логически ставит вопрос, сформулированный Б. Сиертсемой, но не получивший пока ответа в глоссематике — могут ли одной и той же субстанции выражения соответствовать различные субстанции содержания?¹⁴⁵ Решение этого вопроса имеет существенное значение для выяснения соотношения между планами языка.

Наконец, много споров породило положение Ельмслева о параллелизме анализа в плане выражения и плане содержания языка¹⁴⁶. Этот операциональный параллелизм Ельмслев назвал «изоморфизмом». Термин «изоморфизм» в применении к соотношению планов языка был понят некоторыми лингвистами, вследствие нечеткости ряда формулировок Ельмслева, как изоморфизм «содержательный», т. е. как свидетельство стремления Ельмслева отождествить структуру обоих планов языка, установить между

¹⁴³ См.: J. Vachek. Written language and printed language. «Récueil linguistique de Bratislava», vol. I. Bratislava, 1948, стр. 67.

¹⁴⁴ Интересные мысли в защиту данного положения содержатся в статье Х. Ульдалля «Speech and writing» и в статье В. Мотша «К вопросу об отношении между устным и письменным языком» (ВЯ, 1963, № 1).

¹⁴⁵ См.: B. Siertsema. Указ. соч., стр. 117—121.

¹⁴⁶ См.: H. Sprang-Hanssen. Glossematics, стр. 138; А. Мартине. О книге «Основы лингвистической теории» Луи Ельмслева, стр. 458; С. Bazell. Указ. рец., стр. 92; Н. St. Sørensen. Указ. соч., стр. 12, 44—45 и др.

планами в целом и между их единицами одно-однозначное соотношение. Такое «содержательное» толкование понятия изоморфизма в глоссематической теории является неправильным и противоречит одному из важнейших положений глоссематики о том, что как раз отсутствие полного совпадения в структуре двух языковых планов служит основанием для их выделения и отличает двухплановые знаковые системы от одноплановых незнаковых структур, например игр¹⁴⁷.

Таким образом, «изоморфизм», в понимании глоссематиков, означает параллелизм методов анализа обоих планов языка, что характерно именно для данной лингвистической теории, а не параллелизм самих планов. Если между двумя планами в целом существует интердепенденция, то между отдельными единицами планов — функция констелляция¹⁴⁸. Описание сети отношений плана выражения отнюдь не есть описание и плана содержания. Каждый из планов в ходе всей процедуры анализа нужно рассматривать отдельно и лишь после завершения анализа следует попытаться обнаружить сходные черты обоих планов, если они существуют. В одной из своих частных работ¹⁴⁹ Ельмслев особо указывает на различия, обнаруживаемые между планами языка в подавлении дистинктивных различий — в синкретизме. Если в плане плерематическом синкретизм состоит в полном слиянии двух единиц, то в кенематическом плане он проявляется как правило в замещении одной единицы другой (например, /d/ через /t/ в русском языке). Бывают, правда, и об-

---

¹⁴⁷ См.: Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка, стр. 366—368.— Проблеме параллельного исследования планов языка посвящена статья Е. Куриловича «Понятие изоморфизма» (В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962). Исходя из идеи о «глубоком параллелизме» в структуре обоих планов языка, Курилович исследует структуру слога и предложения и показывает их параллелизм. Так, модель слога $i + v + f$ (где i — начальная группа согласных, v — центральный вокалический элемент, а f — конечная группа согласных) совпадает с моделью предложения: группа подлежащего + глагол + дополнение (см.: Е. Курилович. Указ. соч., стр. 24). Сравнение можно продолжить и дальше и сопоставить отдельные категории частей речи по их функции в предложении с отдельными категориями фонем по их функции в слоге (например, служебные части речи и просодемы) и т. д. Описывая фонологические структуры, можно поэтому, по мнению Куриловича, пользоваться синтаксической и даже морфологической терминологией и говорить, например, о паратаксисе и гипотаксисе в фонологии, по крайней мере применительно к старофранцузскому и греческому языкам (см. там же, стр. 34—35).

Выводы, полученные Е. Куриловичем, свидетельствуют, однако, как нам представляется, не об изоморфизме плана содержания и плана выражения языка, но лишь о некотором параллелизме структур двух единиц выражения — слова и предложения. Такого же мнения придерживается и Р. Уэллз (см.: R. Wells. Указ. рец., стр. 561).

¹⁴⁸ L. Hjelmslev. La notion de rection, op. 22.

¹⁴⁹ См.: L. Hjelmslev. Note sur les oppositions supprimables. — TCLP, 1939, vol. 8.

ратные случаи ($\sqrt[0]{a}$ в кенематике русского языка или те, moi в плерематике французского языка)¹⁵⁰. В другой работе — «Sur l'indépendance de l'épithète»¹⁵¹ Ельмслев делает попытку проследить, «насколько параллельно идут содержание и выражение в синтагматической цепи» на примере отношений основного слова и его номинативного и прономинативного определения. Он анализирует случаи типа лат. *opera virōrum omnium bonōrum veterum* и англ. *all good old men's works* 'труды всех добрых старых мужей'. Повторяются ли единицы содержания {мн. ч.} и {род. п.} три раза, как подсказывает латинский пример, или только один раз, как подсказывает английский язык, то есть является ли повторение фактом только выражения или и содержания? Возможные решения Ельмслев изображает так: $anx + bnx + cpx$ или $(a + b + c)nx$, где n — мн. ч., x — род. п., а a, b, c — именные основы. В результате анализа Ельмслев приходит к выводу о предпочтительности первого решения, так как оно является наиболее простым и учитывает не только факты выражения, но и факты содержания.

Авторы статей и рецензий, рассматривающих некоторые конкретные исследования, осуществленные при помощи глоссематических методов, исходят в целом из того, что глоссематический метод предлагается в качестве универсального метода, долженствующего заменить собой все другие методы анализа языка, существующие в лингвистике. Поэтому основное внимание они обращают на случаи «насилия над языком», «втискивание языка в предвзятую схему», устранение сложных, пограничных случаев как несущественных и лишь усложняющих описание и т. д.¹⁵² «Сведёние языков к „структурам“, то есть тому, что остается от языка после удаления тех черт, которые исследователю представляются нерелевантными, — это метод, чреватый большими опасностями, если он не сопровождается тщательным анализом языковой реальности в ее сыром виде, со всей ее непоследовательностью, промежуточными явлениями и избыточностью»¹⁵³, — пишет А. Мартине.

¹⁵⁰ Там же, стр. 55.

¹⁵¹ L. Hjelmlev. Sur l'indépendance de l'épithète, стр. 3.

¹⁵² «Что можно было бы ожидать от инженера, который пытался бы описать структуру машины, просто перечисляя, какие ее части и какими проволоками связаны, и не описывая ни самих частей, ни их функций, а ведь именно так поступают глоссематики», — пишет А. Неринг (см.: А. Nehring. Указ. рец., стр. 164). Ср. также мнение Л. Хаммериха: «Если глоссематик делает такие грубые ошибки при анализе простого текста на родном языке, нельзя верить ни его мнению в других вопросах, ни самой его теории». (L. Hammerich. Les glossématisistes danois et leurs méthodes, стр. 8).

¹⁵³ A. Martinet [Рец.] K. Togeby. Structure immanente de la langue française, стр. 81. — Мартине говорит о книге Тогегю как о проявля-

Таким образом, строго последовательная, законченная и формализованная система Ельмслева и Ульдалля представляет собой одну из первых попыток построения аксиоматических теорий в области лингвистики и соединения лингвистических методов с методами математической логики. Создатели глоссематики обратились к важнейшим проблемам, без решения которых не может развиваться не только лингвистика, но и только намечающаяся сейчас новая наука — семиотика, с которой лингвистика связана тесными узами, а также кибернетика.

Однако претендуя в конечном счете на роль универсальной теории языка, глоссематика фактически свела на нет принципиальные качественные отличия естественного языка от кода. Немногие конкретные исследования представителей этого направления подвергались критике по преимуществу именно за игнорирование специфики естественных языков со всей присущей им сложностью и противоречивостью. Эта позиция глоссематиков была обусловлена не столько неточностью определения места предлагаемой системы приемов в изучении языка, сколько неверным пониманием природы языка и задач лингвистической науки. Не случайно в важнейших философских и методологических вопросах представители этого направления смыкаются с логическим позитивизмом.

нии деградации, которая угрожает лингвистике, если будут приняты методы глоссематики.

АМЕРИКАНСКИЙ СТРУКТУРАЛИЗМ

*Н. Д. Арутюнова, Г. А. Климов,
Е. С. Кубрякова**

**Истоки и проблематика
американского структурализма**

У истоков современного американского языкознания стоят два таких выдающихся лингвиста, как Л. Блумфилд и Э. Сепир. Их деятельность, без которой «вся американская лингвистика вообще была бы невозможной»¹, в значительной мере предопределила не только проблематику работ нескольких поколений американских ученых, но и те своеобразные пути развития науки о языке, которые привели в Америке к возникновению самых различных направлений и школ.

С именем Э. Сепира связаны многочисленные исследования в области так называемой этнолингвистики. От него исходит мысль о воздействии языка на формирование мира представлений человека — мысль, впоследствии развитая в трудах Б. Уорфа и легшая в основу так называемой гипотезы Сепира—Уорфа, разработка которой и сейчас продолжается антропологами и лингвистами США². От Э. Сепира идут нити к проблемам моделирования языка; он стимулировал изучение типологических особенностей разных языков и способствовал выяснению возможностей их классификации, построенной на основе сравнения языков не

---

* Н. Д. Арутюновой написана часть «Грамматика» (стр. 239—306).

¹ См.: A. A. Hill. Introduction to linguistic structures. From sound to sentence in English. N. Y., 1958, предисл., а также предисловие М. Джоса к сборнику «Readings in Linguistics» (N. Y. 1958, стр. V. — Далее сокращенно RiL). Этот сборник объединяет дескриптивные работы, опубликованные в разных изданиях в 1925—1956 гг. В настоящей главе при первой ссылке на работы, вошедшие в сборник, дается указание на место их первой публикации, далее они цитируются со ссылкой на названный сборник.

² Подробнее см.: G. L. Trager. The systematization of the Whorf hypothesis. «Anthropological Linguistics», 1959, vol. 1, № 1.

в плане генетическом. С ним связан, наконец, целый период в развитии дескриптивной фонологической теории³.

Иную роль в становлении американского языкознания сыграл Л. Блумфилд⁴. С его именем в Америке связан кардинальный пересмотр основополагающих постулатов младограмматической теории языка (ср. у Блумфилда критику младограмматиков за пренебрежение к синхронному описанию языка; его трактовку принципа историзма и выдвижение тезиса о том, что «для описания языка не нужно никаких познаний в области истории»; отрицание им психологических факторов в объяснении причин лингвистических изменений и т. д. и т. п.). От Блумфилда исходит и разработка общей методики и конкретных исследовательских приемов, определивших облик центрального направления американского языкознания — дескриптивной лингвистики. Выдвинув целый ряд общелингвистических установок, главной среди которых была установка на формальное описание языка в «физических» терминах⁵, Л. Блумфилд наметил и самый способ разрешения узловых проблем, стоявших перед американскими языковедами, и надолго определил направление развития лингвистической теории в США.

Отношение американских лингвистов к наследию Э. Сепира, с одной стороны, и наследию Л. Блумфилда, с другой, было совершенно различным. Если первое во многих направлениях американской лингвистики оценивалось как пройденный этап языкознания и в значительной мере преодолевалось, наследие Л. Блумфилда продолжало еще длительное время рассматриваться как исходная база исследований и творчески развивалось.

Вследствие всего вышесказанного можно, по-видимому, утверждать, что роль Э. Сепира свелась в основном к выдвижению разносторонней тематики (главным образом, этнолингвистической и типологической), которая и сейчас находится в центре внимания некоторых школ, выходящих за рамки дескриптивизма. С именем Л. Блумфилда, наоборот, связано формирование тех течений американского языкознания, которые можно объединить под названием дескриптивных. В течение почти четверти столетия (1933—1957) именно эти течения были господствующими течениями в США, и основная масса исследований этого времени

---

³ Перу Э. Сепира принадлежат монографии: «Language. An introduction to the study of speech» (N. Y., 1924; русский ее перевод вышел в Москве в 1934 г.) и «Time perspective in aboriginal American culture: a study in method» (Canada Department of Minas, Geological Survey. Memoir 90. «Anthropological Series», № 13). Ottawa, 1916; наиболее важные из его работ собраны в издании: «Selected writings of Edward Sapir in language, culture, and personality». Berkeley—Los Angeles, 1958.

⁴ Библиографию его трудов см.: «Language», 1949, vol. 25, № 2, стр. 87—94.

⁵ L. Bloomfield. Linguistic aspects of science. «International Encyclopedia of Unified Science». Chicago, 1939, стр. 13.

теоретически ориентировалась на доктрину дескриптивной лингвистики.

Наконец, в значительной мере в силу авторитета Л. Блумфилда и его последователей дескриптивная лингвистика сложилась как одно из наиболее широких структуральных направлений мирового языкознания.

Таким образом, несмотря на все различия между обоими лингвистами в методологии и сфере научных интересов, они сыграли настолько определяющую роль в оформлении облика современного американского языкознания, что некоторые американские лингвисты, особенно из числа тех, кто плохо знаком с европейской научной традицией, считают их, по словам Э. Хаугена, основоположниками современного языкознания вообще⁶.

Хотя, действительно, не будет преувеличением сказать, что с концепциями предшественников европейского структурализма — И. А. Бодуэна де Куртене и Ф. де Соссюра — многие из американских языковедов по-настоящему познакомились уже на относительно зрелом этапе развития дескриптивного направления, распространенное мнение о «независимости» развития американского языкознания⁷ все же ошибочно. На это указывают и те из американских ученых, которые объективно подходят к истории своей науки⁸. Достаточно также сказать, что книга Л. Блумфилда «Язык», которая «стала учебником во всех областях лингвистических исследований для целого поколения американцев»⁹, не только обнаруживает детальное знакомство автора со всей предшествующей европейской литературой, но и в значительной мере подытоживает все главное, что к тому времени было выдвинуто европейским языкознанием как в области общей теории языка, так и в области компаративистики.

В то же время несомненно, что специфический характер американского языкознания, ныне все более идущего на сближение с европейскими направлениями структурной лингвистики, был обусловлен целым рядом причин внутреннего порядка.

⁶ См.: Э. Хауген. Направления в современном языкознании. «Новое в лингвистике», вып. I. М., 1960, стр. 245. — Подробнее о Л. Блумфилде см.: В. Bloch. Leonard Bloomfield. «Language», 1949, vol. 25, № 2, стр. 87—94; R. A. Hall Jr. In memoriam Leonard Bloomfield. «Lingua», 1950, vol. 2, № 2, стр. 117—123. — О роли Э. Сепира в американском языкознании см. предисловие Д. Мандельбаума к кн. «Selected writings of Edward Sapir in language, culture and personality», а также рецензию Э. С. Харриса на эту книгу в журнале «Language», 1951, vol. 27, № 3, стр. 288—332.

⁷ См., например: В. Malmberg. Nya vägar inom språkforskningen. Stockholm, 1959, стр. 185; ср. также: В. А. Звегинцев. Дескриптивная лингвистика. Предисл. к кн. Г. Глисона «Введение в дескриптивную лингвистику» (М., 1959, стр. 6).

⁸ См. рец. Э. Хаугена на вышеупомянутую книгу В. Мальмберга («Language», 1960, vol. 36, № 4, стр. 526). См. также: R. S. Wells. De Saussure's system of linguistics. «Word», 1947, vol. 3, № 3.

⁹ Э. Хауген. Указ. рец., стр. 526.

Прежде всего, очевидно ярко выраженная утилитарная направленность целого ряда отраслей лингвистики в США¹⁰. Американские языковеды еще с середины прошлого столетия в связи с потребностями миссионерско-просветительской деятельности столкнулись с практическими задачами создания алфавитов и письменности для многочисленных североамериканских племен и проблемой адекватного перевода на эти языки религиозной литературы.

В условиях многонационального государства в Америке постоянно оставались актуальными задачи преподавания языков, главным образом английского. Не случайно поэтому, что различные группы американских языковедов объединяются и в настоящее время вокруг университетов и других учебных заведений, а их теоретические исследования публикуются в виде различных пособий, курсов и т. д.

Заметный отпечаток на работы американских языковедов наложило участие их младшего поколения в работе по шифровке и дешифровке текстов в период второй мировой войны (ср. с этим опытом реконструкции фонологических систем исчезнувших индейских языков на основании отдельных неадекватных записей XIX в.). Наконец, и в более поздний период некоторые отрасли американского языкознания развиваются под знаком решения задач так называемой прикладной лингвистики.

Огромную роль в своеобразном пути американского языкознания, особенно на более раннем этапе его развития, сыграл богатейший материал бесписьменных языков коренного населения Северной и Центральной Америки (Amerindian languages).

Эти языки, резко отличающиеся по своей структуре от описывавшихся дотолде европейских языков, никак не укладывались в традиционные схемы «универсальной» грамматики, построенной по образцам латино-греческих моделей. Уже на заре американистики устами Ф. Боаса было провозглашено требование описывать языки исходя из их конкретных особенностей, не навязывая им никаких априорных схем, ибо «языки различаются не только по характеру составляющих их фонетических элементов и по звуковым группам, но также и по группам идей, находящихся выражение в фиксированных фонетических группах»¹¹.

Отсутствие лингвистической традиции в описании столь разнообразных языков, какими оказались языки американских аборигенов, заставляло лингвистов США строить собственный теоретиче-

---

¹⁰ Г. Мюллер. Языкознание на новых путях. Дескриптивная лингвистика в США. — В сб.: «Общее и индоевропейское языкознание». М., 1956, стр. 55—58. Ср. также: M. J. O. S. Linguistic prospects in the United States. «Trends...».

¹¹ Ф. Боас. Введение к «Руководству по языкам американских индейцев». — В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1960, стр. 114.

ский фундамент, а задача неотложного описания быстро исчезающих языков, естественно, способствовала выработке особых методов работы с информантом, приемов записи и фиксации нового лингвистического материала, известной унификации в его подаче и т. д.

Более того, можно, по-видимому, утверждать, что многие приемы, выработанные при этом, т. е. при фиксации данных незнакомого языка, были перенесены затем на процедуры анализа языка вообще. В частности, быть может в связи с этим, получил неправомерное расширение тезис о возможности описания языка без учета семантики. По существу, сведения о значениях речевых форм (во всяком случае, дифференциальных значениях) были обязательной частью лингвистического анализа нового языка. Факт этот, однако, затемнялся тем, что подобными сведениями часто располагал информант, а не непосредственно сам исследователь; тем самым игнорирование значения практически оказывалось в большинстве случаев фикцией. Это не мешало, однако, в дальнейшем постулировать требование чисто формального описания языка и утверждать реальную возможность такого описания.

Наконец, еще одной отличительной чертой, определявшей своеобразный и далеко не однородный путь развития лингвистической мысли в США, явилась тесная связь одного из направлений американского языкознания с психологией¹². Еще более существенными для американской лингвистики оказались ее связи со всем комплексом вопросов так называемой «культурной антропологии», под которой в Америке понимают не только этнографию, но — более широко — науку о различных формах культуры человека, включая и язык. Лингвистическим данным в американской антропологии отводится важное место¹³, и не случайно поэтому, что становление американистики было тесно переплетено с деятельностью Бюро американской этнологии, которое было создано еще в 1879 г.

Интерес к различным моделям человеческого поведения, в том числе и лингвистическим, столь важным, по мнению американцев, для формирования всех областей культуры, приводит, как мы уже отмечали выше, к возникновению особого направления — этнолингвистики (ср. работы Дж. Гринберга, Б. Уорфа, Ф. Лаунсберги и др.). В известном смысле к этнолингвистическому направ-

---

¹² Подробнее о предмете этого направления в американском языкознании см. в работах: О. С. Ахманова. О психоллингвистике. М., 1957 и А. А. Леонтьев. Психоллингвистика и проблема функциональных единиц речи. — В сб.: «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., 1961.

¹³ См., например, материалы сборника «Language in Culture» (Chicago, 1954), изданного Г. Хойером. Ср. также: A. L. Kroeber. Anthropology. N. Y., 1948 и др.

лению примыкает и К. Л. Пайк, для работ которого также характерна указанная выше проблематика: вопросы соотношения языка с другими аспектами человеческой деятельности и культуры. Интересы собственно структурной лингвистики и лингвистики антропологической оказались неразрывно связанными, и это обстоятельство было чрезвычайно типично для становления современного американского языкознания: методы, предложенные представителями этих в общем разных направлений, широко используются за пределами самих направлений (ср. использование метода глоттохронологии, с одной стороны, и, скажем, метода субституции при работе с информантом, с другой).

Изучая историю американского языкознания, нельзя отрицать тот очевидный факт, что дескриптивное направление оказывало и продолжает оказывать заметное влияние не только на уже существующие школы, но и на формирование новых направлений в американском языкознании. С другой стороны, и само дескриптивное учение испытывает воздействие со стороны смежных дисциплин, выдвигающих новые методы.

Примером первого рода может служить влияние дескриптивизма на антропологическую лингвистику, которая, несмотря на значительную идейную общность с дескриптивизмом, выдвинула свои собственные методы регистрации и записи данных от информанта, свои приемы первичной обработки лингвистического материала и даже свою собственную терминологию (см. ниже)¹⁴. Примером второго рода может служить оформление в самостоятельную отрасль языкознания математической лингвистики. Широкое признание среди дескриптивистов методологии «эквилибристического подхода» (*hocus-rocus approach*) к исследованию языка (см. ниже, стр. 203) и соответствующая ему высокая степень формализации анализа уже сами по себе предопределяют здесь популярность различных видов математического моделирования языка. Достаточно показательно, что именно в недрах дескриптивной лингвистики зародился трансформационный анализ, представляющий собой алгебраический метод анализа языковой структуры в большей степени, чем другие общепринятые лингвистические методы. Вместе с тем в дескриптивной лингвистике, по-видимому, более, чем в других структуральных направлениях, проявляется тенденция к введению вероятностных методов¹⁵. Внутри дескриптивизма существует даже крайний

¹⁴ О состоянии антропологической лингвистики в США см.: Н. Хоijер. *Anthropological linguistics*, «Trends...», стр. 110—127; см. также: D. H. Hymes. *Notes toward a history of linguistic anthropology*. «*Anthropological Linguistics*», 1963, vol. 5, № 1, стр. 59—104.

¹⁵ Ср., например: Z. S. Harris. *From phoneme to morpheme*, «*Language*», 1955, vol. 31, № 2, стр. 190—223, а также: Ч. С. Чомский. *The determination of word boundaries in phonemic sequences*. — В сб.: «*Papers presented at the seminar in mathematical linguistics*», n. p., 1955 (отпечатано множ. аппаратом).

взгляд, рассматривающий языкознание как отрасль дискретной математики¹⁶. Следует, однако, иметь в виду, что если необходимость математического моделирования языка теоретически обосновывается в работах самих дескриптивистов, то большая часть конкретных приемов исследования была разработана в США учеными, связанными не непосредственно с дескриптивной лингвистикой, а скорее с собственно прикладной лингвистикой (ср. известные работы В. Ингве, А. Эттингера, Дж. Уотмоу и др.) и антропологическим языкознанием (Л. Крёбер, Дж. Гринберг и др.)¹⁷.

Методы количественной оценки языковых явлений находят в американском языкознании все более широкое распространение. При этом статистические (иногда очень сложные) подсчеты используются как для более узких целей — например, для демонстрации расслоения языка в социальном плане, так и для решения более общих задач типологии языков, изучения их контактирования и т. д. Сферы применения математических методов во многом еще неясны¹⁸, но конкретные приемы статистического анализа в языкознании разработаны достаточно детально. Среди таких частных методов, выдвинутых в американском языкознании, можно в первую очередь назвать метод глоттохронологии, т. е. прием датирования доисторических языковых дивергенций, предложенный М. Сводешем¹⁹. Сюда же примыкает методика определения степени лексического родства языков С. Гуджинской²⁰, а также приемы установления лингвистического разнообразия языков в зависимости от некоторых количественных их характеристик А. Л. Крёбера и Ч. Кретьена²¹ и определения степени расхождения языков и степени разнообразия языковых ареалов —

---

¹⁶ См.: M. Joos. Description of language design. «Journal of the Acoustical Society of America», 1950, vol. 22, стр. 701.

¹⁷ Ср.: J. Whatmough. Mathematical linguistics. «Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists». Oslo, 1958, стр. 62—73; также W. Plath. Mathematical linguistics. «Trends...», стр. 21—57.

¹⁸ См. сб. «Structure of language and its mathematical aspects», изданный в 1961 г. Р. Якобсоном («Proceedings of the twelfth Symposium in applied mathematics», vol. 12).

¹⁹ Об этом методе см.: В. А. Звегинцев. Лингвистическое датирование методом глоттохронологии (лексикостатистики). «Новое в лингвистике», вып. I, М., 1960 (там же см. перевод ряда статей по этой проблеме); см. также: Г. А. Климов. О лексико-статистической теории М. Сводеша. — В сб.: «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». Ср. также: D. Hughes. Lexico-statistics so far. «Current Anthropology», 1960, vol. I, № 1.

²⁰ См.: S. C. Gudschinsky. Lexico-statistical skewing from dialect borrowing. — IJAL, 1955, vol. 21, № 2, стр. 138—149; Она же. Mazatec dialect history. A study in miniature. «Language», 1953, vol. 34, № 4.

²¹ A. L. Kroeber and C. P. Chrétien. Quantitative classification of Indo-European languages. «Language», 1937, vol. 13, № 2, стр. 83—103.

Дж. Гринберга²². Обращает на себя внимание и попытка использовать статистические закономерности языков для получения выводов причинного порядка: ср., например, попытку Дж. Гринберга доказать с помощью математических методов генетическое родство языков²³. В разработке методов математической лингвистики следует особо отметить деятельность таких научных центров, как Массачусетский институт технологии, Гарвардский университет, университеты штатов Мичиган и Пенсильвания и ряд других.

Мы кратко охарактеризовали проблематику лингвистических работ, непосредственно связанных с американским структурализмом, а также исследований, которые проводятся под знаком теоретической разработки таких отраслей американского языкознания, как психолингвистика, этнолингвистика, антропологическая лингвистика, прикладное и математическое языкознание и т. д. Несколько слов следует сказать и о том особом положении, которое в американской лингвистике занимает сравнительно-историческое языкознание.

Для его правильного понимания существенно следующее высказывание Ю. Найды: «Историческое языкознание состоит в изучении данных двух или более исторических периодов в языке. Сравнительное языкознание сводится к изучению данных двух или более диалектов одного и того же языка, или двух или более языков. Во всяком случае, историческое и сравнительное языкознание должны быть описательными в том смысле, что используемые ими данные описываются исключительно под углом зрения их отношения к данным о современном состоянии языка или соответственно в их отношении к данным другого диалекта или языка. Для достижения адекватных результатов лингвист-историк или компаративист должен исходить из данных описания, однако лингвист-дескриптивист не зависит от сведений исторического или сравнительного характера»²⁴. Перенос центра тяжести в американском языкознании на разработку методов описательного анализа языка привел к отставанию сравнительно-историче-

---

²² J. H. Greenberg. The measurement of linguistic diversity. «Language», 1956, vol. 32, № 2, стр. 109—115; Он же. A quantitative approach to the morphological typology of language. — В кн.: «Method and perspective in anthropology». Minneapolis, 1954, стр. 192—220.

²³ J. H. Greenberg. Genetic relationship among languages. — В кн.: J. H. Greenberg. Essays in linguistics. Chicago, 1957, стр. 35—45; Он же. Historical linguistics and unwritten languages. — В сб.: «Anthropology today». Ed. by A. L. Kroeber. Chicago, 1952, стр. 265—287.

²⁴ E. Nida. Morphology: the descriptive analysis of words. Ann Arbor, 1961, стр. 3; ср. также: Z. S. Harris. [Рец.] L. Gray. Foundations of language. «Language», 1940, vol. 16, № 3, стр. 216—231. — Подобное понимание взаимосвязей синхронных и диахронных описаний восходит непосредственно к Л. Блумфилду. См.: L. Bloomfield. Language. N. Y., 1933, гл. 1, § 9.

ских исследований. В результате Дж. Лейн еще в 1949 г. констатировал кризис сравнительно-исторических штудий в США ²⁵.

В итоге нашего рассмотрения можно, таким образом, отметить, что американское языкознание предстает как сложный комплекс различных направлений и школ, ведущих разнообразное исследование во многих аспектах лингвистики.

Объединяющим центром, вокруг которого группируются самые различные школы американского языкознания, является Американское лингвистическое общество (The Linguistic Society of America), созданное в 1924 г. Оно сыграло выдающуюся роль в формировании дескриптивной лингвистики, проводя под своей эгидой обширную сеть исследований по определенной программе, под руководством целой группы виднейших лингвистов — членов этого общества. Оно сыграло также важнейшую организаторскую роль в развитии и других направлений и школ. Общество не только объединило крупнейших языковедов в США, но и основало единственный для того времени (1925 г.) чисто лингвистический журнал «Language» с различными приложениями («Language Dissertations», «Language Monographs» и др.). Лингвистическому обществу принадлежит также заслуга организации в 1926 г. Института лингвистики (Linguistic Institute) и так называемого Летнего института лингвистики (The Summer Institute of Linguistics) ²⁶. Институт лингвистики устраивает летние курсы, длящиеся 6—8 недель, куда для чтения лекций приглашаются видные лингвисты не только США, но и из-за границы. Летний институт, созданный в 1934 г., ведет практическую подготовку кадров, в первую очередь для миссионерской работы. В 30-х годах Летний институт обычно собирался в Энн-Арборе, но позднее стал поочередно проводить свои занятия при разных университетах США. Для руководства семинарами института приглашаются ведущие языковеды, что способствует быстрому внедрению в практическую работу теоретических достижений американского структурализма.

С 1942 г. в США начинает (правда, нерегулярно) выходить журнал «Studies in Linguistics», редактируемый Дж. Трейгером и его единомышленниками. Несмотря на то, что журнал печатался на стеклографе, выходил небольшим тиражом и публиковал лишь материалы предварительных исследований, он также

---

²⁵ См.: G. S. Lane. On the present state of Indo-European linguistics. «Language», 1949, vol. 25, № 4, стр. 333; см. также: A. Martinet. The unity of linguistics. «Word», 1954, vol. 10, № 2—3, стр. 123. — Аналогичное представление о компаративных исследованиях дает и библиографический обзор: J. Andrews and J. Whatmough. Comparative and historical linguistics in America. 1930—1960. «Trends...», стр. 63—80.

²⁶ См. подробнее: R. A. Hall. American linguistics, 1925—1950. «Archivum Linguisticum», 1951, vol. 3, fasc. 2; J. B. Carroll. The study of language, стр. 213 и след.

сыграл немаловажную роль в распространении доктрины дескриптивизма.

В 1944 г. в США было создано еще одно объединение языковедов — Нью-йоркский лингвистический кружок (Linguistic circle of New York). Первоначально этот кружок объединял группу языковедов, эмигрировавших во время войны из Европы и связанных в основном с *Ecoles des Hautes Études Supérieures*, но постепенно круг его членов расширился. С 1945 г. он начал издавать журнал «Word», который является, как и «Language», теоретическим журналом и отличается большой широтой как по своей проблематике, так и по представленным в нем лингвистическим направлениям (в частности, в лице многочисленных европейских авторов).

Сравнительно недавно (в 1959 г.) в США возник еще один теоретический журнал, хотя и называющийся «Anthropological Linguistics», но охватывающий по своей проблематике не только частные вопросы американистики, но и общелингвистическую тематику. Наряду с этими лингвистическими публикациями в США выходит еще несколько периодических изданий, посвященных более узким и специальным вопросам. Наиболее известным из них является «International Journal of American Linguistics», созданный еще в 1917 г. Ф. Боасом. В те годы это был первый языковедческий журнал США. Его регулярный выпуск, прекратившийся со смертью Боаса в 1939 г., был возобновлен уже в 40-е годы. В настоящее время это один из ведущих журналов США, публикующий не только специальные исследования по языкам американских индейцев, но и статьи по теоретическим проблемам²⁷.

Приведенные данные говорят о том, что лингвистическая работа более широко развернулась в США в послевоенный период. Некоторые американские лингвисты считают даже, что до второй мировой войны языкознание в США было своего рода придатком других наук (психологии, антропологии) и лишь после нее оформилось в самостоятельную дисциплину. Немало способствовало этому широкое вовлечение лингвистов в практическую работу по обучению иностранным языкам, составлению программ, учебных пособий, а также разработке методики преподавания²⁸. В послевоенный период в различных городах США состоялся целый ряд сессий и симпозиумов, посвященных об-

---

²⁷ На разнообразии приложений к IJAL достаточно указывает тот факт, что именно в качестве такого приложения была опубликована известная монография Р. Лиза по трансформационному анализу английских именных конструкций: R. Lees. *The grammar of English nominalizations*. Bloomington, 1960.

²⁸ C. F. and F. M. Voegelin. *On the history of structuralizing in 20-th century America*. «Anthropological Linguistics», 1963, vol. 5, № 1, стр. 23.

суждению самых различных лингвистических проблем (гипотезе Сепира — Уорфа, психолингвистике, лингвостилистике, анализу содержания в языке, теории лексикографии и пр.).

«Часто складывается впечатление, что все прогрессивное общее языкознание в Соединенных Штатах — это единое и монолитное направление, представляемое блумфилдианской, или Йельской школой. Должно быть, однако, очевидным, что американская лингвистика сегодня никак не монохромна»²⁹. Это правильное замечание Э. Хэмпса нуждается вместе с тем в дополнении. Следовало бы добавить, что неоднородно не только американское языкознание в целом, на что уже указывалось³⁰, но и его структурное направление. Последнее существует не только в виде нескольких школ прикладного языкознания и антропологической лингвистики, но и в виде нескольких школ, по своему содержанию дескриптивных. Подобно тому как все американское языкознание в целом не может быть сведено к одним структурным направлениям, последние не могут быть отождествлены с дескриптивизмом; дескриптивизм же, в свою очередь, не ограничивается одной Йельской школой.

Даже если отвлечься временно от тех внутренних расхождений, которые существуют между отдельными лингвистами дескриптивного направления, — а они нередко носят серьезный и принципиальный характер (см. ниже), — и в этом случае необходимо разграничить в этом направлении по крайней мере три разные группировки или даже школы.

Первая из них — группа учеников и последователей Л. Блумфилда — представлена такими известными лингвистами, как Дж. Трейгер, Б. Блок, Э. С. Харрис, М. Джос, Г. Л. Смит мл. и др. В европейской литературе данная группа лингвистов известна как Йельская школа. Именно в кругу этих ученых особенно тесен контакт с идейными установками Л. Блумфилда, бывшего в зрелые годы своей деятельности профессором Йельского университета. Теоретическая работа Йельской школы была направлена в первую очередь (и это особенно заметно в 40-х годах) на развитие наследия Л. Блумфилда. Идя по пути все большей формализации лингвистического исследования и устранения противоречивого, неясного или незавершенного во взглядах своего учителя, эта школа успешно разработала некоторые принципы установления и описания лингвистических единиц на уровне

²⁹ E. P. Hamp. *General linguistics — the United States in the fifties*. «Trends...», стр. 165—166.

³⁰ См. доклад К. А. Пайка на VIII Международном съезде лингвистов (K. L. Pike. *Interpenetration of phonology, morphology and syntax*. «Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists» (особенно стр. 364 и сл.), рецензию Р. Фаукса на издание материалов этого съезда («Words», 1960, vol. 16, № 3, стр. 402), а также рецензию М. Готье на книгу К. Л. Пайка «Language in relation to a unified theory of the structure of human behaviour», pt I (там же, стр. 392).

фонологии и морфологии; здесь была впервые обоснована методика дистрибутивного анализа и анализа по непосредственно составляющим. Характерной чертой этой группы блумфилдианцев, переживающей и сейчас интересную эволюцию, является ее яркий антиментализм (антипсихологизм, физикализм), который иногда неоправданно приписывается всему американскому языкознанию в целом³¹.

Именно в этой группе американских лингвистов раздавались требования полностью исключить фактор значения из лингвистического рассмотрения не только на уровне фонологии, но и на уровне морфологии. Если Э. С. Харриса, Дж. Трейгера и Б. Блока можно причислить к крайним блумфилдианцам, то другие лингвисты этой группы представляют скорее линию ортодоксального блумфилдианства, во многом близкого по своим идейным позициям некоторым представителям европейской структурной лингвистики. В духе умеренного блумфилдианства написано чрезвычайно ценное во многих отношениях общелингвистическое руководство Ч. Хоккета, а также широко известное учебное пособие, созданное Г. Глисоном³² (правда, несколько эклектичное).

Другая разновидность американского структурализма отражена в исследованиях Энн-Арборской группы лингвистов (штат Мичиган). Представители этой группы — К. Л. Пайк, Ю. Найда, Ч. Фриз, В. Уондерли и другие, тесно связанные в своей работе с деятельностью Летнего института лингвистики, тоже являются в какой-то степени продолжателями Л. Блумфилда, однако скорее в плане использования техники его исследовательских работ, но не его теории. Проявляя значительную зависимость от его установок на формализацию описания, лингвисты этой школы вместе с тем обнаруживают и некоторое духовное родство с Э. Сепиром. Последнее сказывается прежде всего в очевидной приверженности их к менталистским психологическим концепциям, а также в широком привлечении к лингвистическому анализу нелингвистических факторов (включая психологические, социальные, этнические и т. д.), влияющих на поведение информанта³³. С другой стороны, разработка так называемого «эмического» («эмического») принципа³⁴, продолжающаяся в этой школе и сейчас,

---

³¹ См., например: A. A. Hill. *Linguistics since Bloomfield*. «Quarterly Journal of Speech», 1955, vol. 41, стр. 253.

³² См.: Ch. Hockett. *A course in modern linguistics*. N. Y., 1958; H. A. Gleason. *An introduction to descriptive linguistics*. N. Y., 1955 (русс. перевод: Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959).

³³ Ср.: K. L. Pike. *Language in relation to a unified theory of the structure of human behaviour*, pt I. Glendale, California, 1945, стр. 21—24; H. Hoijer. *Native reaction as a criterion in linguistic analysis*. «Proceedings of the Eighth International Congress of linguists».

³⁴ Формулировка этого принципа была впервые дана в работе М. Сводеша (см.: M. Swadesh. *The phonemic principle*. «Language», 1934,

проводится вполне в духе формальной концепции Л. Блумфилда³⁵. Неразграничение онтологического и методического аспектов исследования, а также стремление совместить некоторые крайние формалистические требования Л. Блумфилда с ментализмом сочетаются здесь с тенденцией распространить «эмовый» принцип на исследование всех явлений, связанных с поведением человека (ср., например, предложенную К. Л. Пайком единицу человеческой деятельности «бихевиорему»). Последнее резко отличает эту школу от других дескриптивных школ. Помимо бихевиористских установок этой школы, а также ее известного эклектизма, в качестве характерной черты данной группировки можно назвать большой интерес в ее среде к практической, часто миссионерской работе среди представителей коренного населения Америки. В этом смысле ей присуща более тесная связь с антропологической лингвистикой, практические задачи которой ей весьма близки.

И Йельская и Энн-Арборская школы обычно рассматриваются как формирующие дескриптивное направление. В качестве третьей разновидности американского структурализма следует назвать школу трансформационного анализа³⁶ (Н. Хомский, Р. Лиз и др.).

Ее отношение к дескриптивному направлению во многом противоречиво. С одной стороны, теория трансформации возникла в результате дальнейшей разработки метода анализа по непосредственно составляющим. Но ведь этот метод был первоначально создан «с целью обеспечить последовательное проведение формального принципа в дескриптивной лингвистике»³⁷, т. е. полностью отвечал общим устремлениям дескриптивизма. Достаточно красноречиво и то обстоятельство, что начальный этап в развитии трансформационного анализа связан с именем важнейшего представителя дескриптивизма Э. С. Харриса³⁸.

В то же время несомненно, что новая модель описания языка, предложенная сторонниками трансформационного анализа,

---

vol. 10, № 1). Перенесенный с фонологического уровня на другие уровни исследования, этот принцип означал необходимость установления элементарных предельных единиц описания, в терминах которых следует проводить описание системы языка. «Эмовым» этот принцип назван по тому суффиксу, который входит в обозначения подобных универсальных единиц описания, ср. термины «фонема», «морфема», «таксема», «тагмема» и т. п.

³⁵ Помимо книги К. Л. Пайка, указанной в предыдущей сноске, можно также упомянуть о весьма показательной в этом смысле книге: E. Nida. Morphology: the descriptive analysis of words.

³⁶ См.: M. Joos. Linguistic prospects in the United States, стр. 17.

³⁷ См.: С. К. Шаумян. Теоретические основы трансформационной грамматики. «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962, стр. 391.

³⁸ Ср.: Z. S. Harris. Discourse analysis. «Language», 1952, vol. 28, № 4, а также его работу 1957 г. «Co-occurrence and transformation in linguistic structure», опубликованную в русском переводе в сб. «Новое в лингвистике», вып. II.

мыслится в основном как прямо противоположная по своей синтезирующей направленности классической дескриптивной грамматической модели (подробнее см. ниже) с ее преобладающими аналитическими тенденциями. В этом смысле цели построения порождающей (генеративной) грамматики в корне отличны от тех целей, которые преследует дескриптивное исследование языка. При этом, как указывает М. Джос, многие положения необлумфилдианской традиции в генеративной грамматике игнорируются: они не столько прямо отрицаются или критикуются, сколько объявляются полностью irrelevantными для осуществления их, тоже «дескриптивной» программы³⁹. Учитывая, однако, что на уровнях фонологии и морфемике сторонники трансформационного метода принимают в основном результаты дескриптивного анализа и что целью исследования ставится по-прежнему формальное описание языка, можно, по-видимому, утверждать, что трансформационное языкознание представляет собой следующую фазу развития дескриптивного направления.

В лингвистических взглядах американских структуралистов отсутствует сколько-нибудь последовательная философская база. Здесь эклектически переплетается (иногда в пределах концепции одного лингвиста) целая гамма мировоззрений, начиная от трезвого материалистического подхода к языку и кончая, с одной стороны, материализмом вульгарного толка, а с другой — современным позитивизмом. Если ранний Л. Блумфилд, строивший свою «материалистическую», как он ее неоднократно квалифицировал, теорию языка, склонялся в полемике с откровенно идеалистическими концепциями традиционного языкознания к позициям вульгарного материализма, то в его более поздних работах заметно и влияние неопозитивизма⁴⁰. Тем не менее очень показательно, например, что ведущие представители дескриптивного направления не сомневаются в объективной реальности языковой структуры⁴¹, стремятся разграничить онтологический и методический аспекты исследования языка, отрицают агностический постулат младограмматического языкознания о невозможности «научного» познания языка вне его исторического рассмотрения. В этой связи интересно приводимое З. С. Харрисом замечание Л. Блумфилда о том, что, изучая «Капитал», он больше всего был поражен сходством между подходом к социальному поведению у К. Маркса и аналогичным подходом в языкознании (имеется

³⁹ M. J. o. s. Linguistic prospects in the United States, стр. 17.

⁴⁰ Ср.: L. Bloomfield. Language or ideas? «Language», 1936, vol. 12, № 2.

⁴¹ Ср.: Ch. F. Hockett. A note on 'structure'. — IJAL, 1948, vol. 14, № 3, стр. 271; Z. S. Harris. Distributional structure. «Word», 1954, vol. 10, № 2—3, стр. 29; K. L. Pike. Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior, pt 1, стр. 21; R. Wells. Is a structural treatment of meaning possible? — RiL, стр. 654 и др.

в виду дескриптивная лингвистика)⁴². С другой стороны, характерно, что идеи Б. Рассела, имеющие, по мнению Р. Уэллза, большое значение для языкознания, почти не нашли доступа в дескриптивное языкознание — не столько вследствие незнакомства с ними, сколько по причине признания их иррелевантности для исследования языка⁴³.

Вместе с тем нельзя проходить и мимо того факта, что во взглядах дескриптивистов отчетливо дают о себе знать некоторые методологические установки современного позитивизма. Особенно ярко проявляются они в пренебрежении к объяснительной стороне науки о языке. Не случайно центральной задачей дескриптивизма объявляется описание языка, т. е. упорядоченная регистрация фактов языка, но не их объяснение. Эта принципиальная установка на описание, а не на истолкование материала носит несомненный позитивистский характер. Мысль о ненужности каких бы то ни было каузальных интерпретаций проводится через всю хрестоматию по дескриптивной лингвистике⁴⁴, составитель и комментатор которой М. Джос неоднократно указывает: «Мы не отвечаем на вопросы „почему“, касающиеся структуры языка...» и далее: «Мы пытаемся точно описывать, мы не пытаемся объяснять»⁴⁵ и т. д.

Аналогичные по духу высказывания имеются и у других дескриптивистов — Блока, Трейгера, Харриса, подчеркивающих, что главные цели языкознания — чисто регистрационные и классификационные⁴⁶. Следует, однако, иметь в виду, что любая классификация выступает фактически в виде интерпретированного материала. Именно поэтому высказывания в духе М. Джоса носят в высшей степени декларативный характер и не оправдываются практикой лингвистической работы самих дескриптивистов. Весьма показательным и то, что причину резкого крена в американском структурализме от дескриптивизма к трансформационному методу сами американские ученые видят, в частности, в недооценке первым объяснительных аспектов науки⁴⁷.

Влиянием позитивистских взглядов могут быть объяснены и некоторые положения теории Харриса, ср., например, допущение

⁴² См.: Z. S. Harris. [Рец.] «Selected writings of Edward Sapir in language, culture and personality». — «Language», 1954, vol. 27, № 3, стр. 297.

⁴³ См.: R. Wells. Meaning and use. «Word», 1954, vol. 10, № 2—3, стр. 115.

⁴⁴ Имеется в виду сборник «Readings in Linguistics», объединивший дескриптивные работы за период с 1925 по 1956 г.

⁴⁵ См.: M. Joos. Description of language design. — RiL, стр. 349; ср. также его замечание о том, что «объяснения хотят лишь дети, и в каждом из нас есть ребенок; дескриптивизм считает, однако, своим достоинством то, что он не пытается потакать этому ребенку» (RiL, стр. 96).

⁴⁶ См., например: Ch. Hockett. A system of descriptive phonology. «Language», 1942, vol. 18, № 1, стр. 3.

⁴⁷ См.: R. Wells. Some neglected opportunities in descriptive linguistics. «Anthropological Linguistics», 1963, vol. 5, № 1, стр. 48.

З. С. Харрисом произвольности в вычленении первичных лингвистических элементов, лежащих в основе дальнейших дистрибутивных процедур, а также важную роль, которую он отводит принципу экономии в моделировании языковой данности.

Вместе с тем эволюция взглядов дескриптивистов на роль фактора значения в лингвистическом анализе красноречиво свидетельствует о явном «отставании» дескриптивной лингвистики от идей неопозитивизма. Как известно, в 40-х годах, а отчасти даже в 50-х годах некоторые дескриптивисты настойчиво искали методы формального анализа языка, исключавшие учет значения. Объективно, это шло в русле требований логического синтаксиса, развивавшегося Венским кружком в 30-е годы и предусматривавшего построение теорий, в которых «внимание обращается не на значение знаков (например, слов) и не на смысл выражений (например, предложений), а только на вид и последовательность знаков, из которых составлены выражения»⁴⁸. Между тем в это время неопозитивизм уже решительно отказался от установок логического синтаксиса, вступив в свой так называемый семантический этап, и устами Р. Карнапа еще в 1942 г. провозгласил, что в дополнение к чисто формальному анализу «нам необходим также и анализ означающей функции языка. Другими словами, — писал Р. Карнап, — нам нужна теория значения и теория интерпретации»⁴⁹. Хронологическое несовпадение между одними и теми же тенденциями в развитии неопозитивизма и дескриптивной лингвистики настолько очевидно, что естественно возникает вопрос, не продиктован ли поворот части дескриптивистов от поисков чисто формальных критериев к изучению содержательной стороны языковой деятельности особенностями внутреннего развития самого американского языкознания (нельзя забывать при этом, что некоторые дескриптивисты — Л. Блумфилд, Ч. Фриз, Ю. Найда и др. — всегда требовали учитывать в анализе языка его «означающую функцию»), т. е. теми задачами, которые в это время встали перед американским языкознанием.

Л. Блумфилд считал, что современная ему наука о языке делала лишь свои первые шаги⁵⁰. На этом начальном этапе задачей первоочередной важности ему представлялось освобождение исследования от традиционного лингвистического импрессионизма, отягощенного различного рода теоретически неприемлемыми «сокращениями пути» (short cuts). Импрессионизму и интуитивизму должна была быть противопоставлена оптимальная объективизация лингвистического исследования, соотносимая с целой системой эксплицитно осознанных процедур. Установка на строгую форма-

⁴⁸ R. Carnap. *Logische Syntax der Sprache*. Wien, 1934, стр. 1.

⁴⁹ R. Carnap. *Introduction to semantics*. Cambridge, Mass., 1946, стр. V; ср. также: Y. Bar-Hillel. *Logical syntax and semantics*. «Language», 1954, vol. 30, № 2, pt 1, стр. 230—237.

⁵⁰ См.: L. Bloomfield. *Language*, стр. 3.

лизацию научного исследования языка сразу же поставила перед дескриптивистами несколько больших проблем, способ решения которых в значительной мере предопределил весь облик дескриптивной лингвистики.

Стремление освободить лингвистику от психологических понятий, таких, как сознание, намерение и т. п., и исследовать язык с собственно лингвистической точки зрения совпало в дескриптивной лингвистике с общими тенденциями самого языкознания к обособлению от других наук⁵¹. Физикалистская интерпретация пробивала себе путь параллельно в американской психологии и в дескриптивной лингвистике при их несомненном взаимовлиянии. Поэтому вряд ли обоснованно высказывание Ч. Фриза о влиянии не столько бихевиоризма А. Вейса на лингвистическую концепцию Л. Блумфилда, сколько, наоборот, физикалистских установок последнего на мировоззрение А. Вейса⁵². Нельзя пройти, однако, мимо того важного обстоятельства, что антиментализм дескриптивистов, с самого начала правомерно требуя формирования собственно лингвистической точки зрения и элиминирования различных психологических критериев в исследовании, пытался игнорировать и самые психологические факторы, обуславливающие его функционирование⁵³. Любопытно, что в фонологии антиментализм практически господствует ныне и у представителей Энн-Арборского университета, где связь с психологизмом Э. Сепира иногда даже демонстративно декларируется. Впрочем, особо противоречивую позицию здесь занимает К. Л. Пайк, который, рассматривая язык как один из видов человеческого поведения вообще, принял попытку переноса лингвистической модели на психологический субстрат в целом⁵⁴.

Другой фундаментальной проблемой, поставленной Л. Блумфилдом перед американскими языковедами, явилась проблема языкового значения и его роли в лингвистическом исследовании. Еще сам Л. Блумфилд показал, что нерасчлененное понятие значения в современной ему лингвистике не могло быть использовано в роли критерия при анализе языка. Более того, он считал, что лингвист не может оказаться в парадоксальном положении все-

⁵¹ Ср.: L. Bloomfield. *Language*, стр. 142—144. Он же. *Linguistic aspects of science*, стр. 12—13.

⁵² См.: Ch. Fries. *The Bloomfield 'school'*. «Trends...», стр. 203—205; непосредственное влияние Л. Блумфилда отражает известная статья А. Вейса «Linguistics and psychology» («Language», 1925, vol. 1, № 2).

⁵³ Критику антиментализма Л. Блумфилда см. в статьях: M. Schlauch. *Early behaviorist psychology and contemporary linguistics*. «Word», 1946, vol. 2, № 1, стр. 25—36; R. Wells. *Meaning and use*. «Word», 1954, vol. 10, № 2—3, стр. 238—240; ср. также: М. М. Гухман. Лингвистический механицизм Л. Блумфилда и дескриптивная лингвистика. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», 1954, т. 4.

⁵⁴ См.: K. L. Pike. *Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior*, pt I. Glendale, California, 1954; pt II. Glendale, 1955; pt III. Glendale, 1960.

знающего исследователя, владеющего содержанием всех отраслей человеческого знания, и что необходимо ввести понятие собственно лингвистического значения. В специальной литературе уже достаточно подчеркивалось, что Л. Блумфилд считал необходимым учитывать значение в лингвистическом анализе⁵⁵. Тем не менее в 40-х и отчасти 50-х годах некоторые дескриптивисты выдвинули тезис о необходимости устранения значения (meaning) из лингвистического анализа не только как критерия, но и как языковой данности. Так, например, Г. Л. Смит и Дж. Трейгер считали, что «при современном состоянии морфемного анализа часто бывает удобным использовать значение отрезков высказывания как общее руководство и сокращение пути в отождествлении морфем. Это особенно рекомендуется, когда исследователь имеет дело с языками более или менее ему известными, и давало до сих пор положительные результаты в большинстве случаев морфемного анализа. Однако, когда мы сталкиваемся с языком, который нам мало известен с лингвистической точки зрения, становится ясным, что значение вряд ли во многом сможет нам помочь»⁵⁶. Наиболее упорные попытки достигнуть адекватных результатов языкового анализа вне ссылок на значение связаны в дескриптивной лингвистике с именем Э. С. Харриса, предполагавшего провести морфологическое исследование⁵⁷ с помощью чисто дистрибутивной методики. Не случайно, что именно 40—50-е годы знаменуются в дескриптивной лингвистике настойчивыми поисками объективно определяемых критериев анализа языкового материала, которые привели к детальному изучению дистрибутивных отношений между сегментами различной (в основном — фонемной и морфемной) протяженности в фонической данности языка. Именно они дали серьезный стимул к разработке методики дистрибутивного анализа на разных уровнях исследования. Естественно и то обстоятельство, что как раз в этот период сложилась и поныне преобладающая в практике американских языковедов концепция уровневого анализа языка, предполагающая последовательное «восхождение» исследования в порядке возрастающей сложности языковых явлений — от звучания к значению. Распространению этого тезиса способствовали два основных обстоятельства. С одной стороны, здесь сказалась преemственная зависимость дескриптивной фонологии от чисто формальных установок фонологического учения Д. Джоунза (ср. стр. 223 и сл.). С другой стороны, здесь сказалось стремление части лингвистов отказаться от опоры на интуитивное

---

⁵⁵ См.: Ch. Fries. Meaning and linguistic analysis. «Language», 1954, vol. 30, № 1, стр. 57—68.

⁵⁶ G. L. Trager and H. L. Smith. An outline of English structure. Norman (Oklahoma), 1951, стр. 54; ср. также: C. F. Voegelin. Linguistics without meaning and culture without words. «Words», 1949, vol. V, № 1, стр. 42.

⁵⁷ Z. S. Harris. From phoneme to morpheme, стр. 190—223.

понятие значения. Необходимо, однако, отметить решительный поворот в сторону осознания релевантности значения даже у наиболее ригористически настроенных лингвистов, так что вполне оправданным представляется замечание Ю. Найды о том, что «значение, совершенно необходимый, хотя и часто отвергаемый помощник и друг науки, постепенно находит свое признание»⁵⁸. Лишь в области фонологии в дескриптивной лингвистике и по сей день практикуется фонетико-дистрибутивный подход (см. ниже, стр. 222 и сл.).

Несмотря на недостаточно последовательное разграничение критериев лингвистического анализа и факторов, характеризующих языковую данность, а также нередкую нечеткость терминологии, американский структурализм в ходе дискуссии пришел к выводу о необходимости расчленить традиционное понятие значения на референтное значение (*referential meaning*), с одной стороны, и дифференциальное значение (*differential meaning*), с другой. Если первое признано лингвистически иррелевантным, то учет второго представляется, за исключением сферы фонологии, неизбежным. Его сущность достаточно определенно раскрывается следующей формулировкой Э. С. Харриса: «Эмпирически определено, что во всех описанных языках мы можем обнаружить некоторую часть высказывания, которая тождественна с частью какого-то другого высказывания. Тождество в данном случае не следует интерпретировать как физическую идентичность, но только как способность заменяться, не вызывая при этом изменения в реакции говорящего, слышавшего данное высказывание до и после замены... Привлекая критерий реакции слушателя, мы тем самым начинаем ориентироваться на „значение“... Нечто подобное, видимо, неизбежно, во всяком случае на данной ступени развития лингвистики»⁵⁹.

Ортодоксально-блумфилдианскому направлению дескриптивной лингвистики принадлежит заслуга широкой постановки и обсуждения вопросов эпистемологии языкознания. Для его современных представителей (Э. С. Харриса, Ч. Хоккета и др.) характерно стремление подвергнуть логическому анализу самые основные понятия теоретического языкознания и разобраться в их объективной сущности. В ходе такого анализа наметилась линия

⁵⁸ E. A. Nida. *Analysis of meaning and dictionary making*. — IJAL, 1958, vol. 24, № 4, стр. 279.

⁵⁹ Z. S. Harris. *Structural linguistics*. Chicago, 1961, стр. 20; ср. также: C. F. Voegelin. *Distinctive features and meaning equivalence*. «Language», 1948, vol. 24, № 1, стр. 133. — Термин «дифференциальное значение» принадлежит Г. Дж. Смитту, см.: Castiglione e Salvatore J. (ed.) *Report of the third annual round table meeting on linguistics and language teaching*. Washington, 1952, стр. 59. — Ради справедливости следует сказать, что к понятию дифференциального значения близко подошел еще сам Л. Блумфилд (см. его работу: «A set of postulates for the science of language». — «Language», 1926, vol. 2, № 3, стр. 159).

на разграничение языка и его структуры, с одной стороны, и лингвистического знания о нем и его структуре, с другой. Однако сами эти понятия находят здесь резко различную трактовку. Так, если большая часть американских лингвистов признает объективный характер языковой структуры, то другая их часть полагает, по-видимому, что языковая данность структурируется самим исследователем (при этом частные логические модели языковой структуры ошибочно отождествляются с самой структурой)⁶⁰. К тому же понятие структуры языка в трактовке дескриптивистов охватывает обычно как качественно определенные элементы, так и их отношения, что принципиально отлично от неопозитивистской интерпретации структуры у Л. Ельмслева⁶¹.

Внутренняя структура языка, описанием которой заняты дескриптивисты, складывается, по их мнению, из взаимодействия трех компонентов: плана выражения (фонология, морфология, фономорфология), плана содержания и словаря. Указывается, однако, что «изучение системы содержания осуществлялось в языкознании гораздо медленнее и с меньшей эффективностью, чем изучение системы выражения. По существу, его до сих пор нельзя с полным правом назвать научным»⁶². На этом основании обычно выделяют, как это делает Ч. Хоккет, три центральные системы — грамматику, или морфологию, фонологию и морфофонологию — и две периферийные — семантику и фонетику. По мысли Хоккета, хотя эвристическое использование семантической и фонетической данности совершенно необходимо для перехода к трем центральным системам, детальное изучение самих периферийных систем является делом будущего⁶³. Если при этом учесть, что морфофонология объективно представляет собой фонологическую дисциплину (см. стр. 233 и сл.), то в лингвистической практике дескриптивизма остается лишь фонологическое и морфофонологическое исследование⁶⁴. Последнее дает право Глиссону определить дескриптивную лингвистику в соответствии с принимаемыми им постулатами как «теорию о системе выражения языка»⁶⁵. Выдвижение на первый план фонологии и морфологии приводит к тому, что две эти лингвистические дисциплины покрывают собой на

---

⁶⁰ Для последней точки зрения см.: W. D. Preston. Review of de Goeje. *Études Linguistiques Caribes II*. — *IJAL*, 1946, vol. 14. — Его дискуссию по этому вопросу с Ч. Хоккетом см.: *IJAL*, 1948, vol. 14, № 8, стр. 269—271.

⁶¹ Ср., например: Э. Хауген. Направления в современном языкознании.

⁶² Г. Глиссон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, стр. 44.

⁶³ См.: Ch. F. Hockett. A course in modern linguistics, стр. 139.

⁶⁴ Они и составляют, в понимании американцев, собственно лингвистику, или микролингвистику (G. L. Trager. The field of linguistics. «Occasional papers in linguistics». Oklahoma, 1949, № 1, стр. 4).

⁶⁵ См.: Г. Глиссон. Указ. соч., стр. 43.

деле многие из традиционных разделов языкознания: так, дескриптивная фонология вследствие односторонней опоры на фонетико-дистрибутивные критерии не обеспечивает моделирования языковой структуры в целом и сближается с традиционной фонетикой; с другой стороны, дескриптивная морфология охватывает не только морфологию в нашем понимании, но и синтаксис.

Универсализация фонологии и морфологии в дескриптивной лингвистике сопровождается их расчленением на более мелкие подразделы, связанные с изучением более или менее частных подсистем языка. Внутри фонологии здесь выделяют фонемнику (phonemics) как учение о системах фонем какого-либо языка и фонотактику (phonotactics) как учение о классах фонем, закономерностях их сочетания (аранжировки) и организации. Внутри морфологии обычно рассматривают морфофонемнику (как морфофонологию), изучающую фонемы и их чередования с точки зрения идентификации морфем; два других раздела морфологии — морфемика и морфотактика занимаются изучением инвентаря морфем и способов их организации в более сложные последовательности. Здесь особенно обращает на себя внимание практическое объединение морфологии и синтаксиса в одном уровне исследования, базисной единицей которого является морфема. При такой расчлененности морфологического анализа, однако, бросается в глаза, что, в отличие от большинства европейских школ, для американцев характерно неразграничение словоизменяемых и словообразовательных морфем. Исключение в этом отношении составляют лишь Л. Блумфилд и К. Л. Пайк, у которых словоизменяемые морфемы терминологически отграничены как грамемы или тагемы⁶⁶.

Естественно, что при обычном одноплановом рассмотрении словоизменяемых и словообразовательных морфем выделения словообразования как особого раздела лингвистики также не происходит. В связи с этим стоит не только рассмотрение морфемы как минимальной единицы грамматического уровня языка в целом, но и перенесение этой единицы на лексический уровень. Американский структурализм, таким образом, все еще не пришел к необходимости вычленения лексем как элементарных единиц, обладающих лексемной функцией, принципиально отличной от морфемной (ср. характерный для дескриптивистов термин «морфемный лексикон»⁶⁷). По-видимому, это связано с тем, что амери-

⁶⁶ См.: L. Bloomfield. *Language*, стр. 162; K. L. Pike. On tagemes, née gramemes. — *IJAL*, 1958, vol. 24, № 4, стр. 275.

⁶⁷ Ср. L. Bloomfield. *Language*, стр. 162; G. L. Trager and H. L. Smith. *An outline of English structure*, стр. 55; J. B. Carroll. *The study of language. A survey of linguistics and related disciplines in America*. Cambridge, 1955, стр. 25. Ср., впрочем: H. A. Gleason Jr. *The relation of lexicon and grammar*. — *IJAL*, 1962, vol. 28, № 2, pt 4, стр. 85—102, где дается попытка автономизировать соответствующие разделы языкознания.

канцы игнорируют такую основную глобальную единицу языка, как слово, рассмотрение которого в качестве отправного пункта лингвистического исследования неизбежно влечет за собой признание по крайней мере двух аспектов анализа — формального и содержательного. Следует помнить, что встречающийся у дескриптивистов термин «слово» (word) соответствует скорее нашему пониманию морфологического слова, т. е. слова как определенной последовательности морфем⁶⁸.

Выделяя определенные разделы науки о языке в соответствии с разграничиваемыми уровнями анализа, американские ученые заняты вместе с тем проблемой выяснения связей между отдельными аспектами языка, и одной из центральных проблем американского структурализма последних двух десятилетий естественно становится проблема иерархии в моделировании языковой системы. Здесь сложились и упорно конкурируют две различные концепции уровневого анализа языка. Согласно одной из них, особенно пропагандировавшейся в 40-х годах, а с 50-х годов подвергшейся существенной модификации, лингвист последовательно проходит ступени анализа в порядке возрастающей сложности рассматриваемых языковых явлений от звучания к значению. Основы ее были заложены еще Л. Блумфилдом, требовавшим перехода к грамматике и лексикону только по завершении фонологического анализа⁶⁹. Компарменталисты (comparmentalists), как называет представителей этой концепции К. Пайк, считают, что результаты, достигнутые на предшествовавшем уровне исследования, призваны служить некоторой базой для работы на последующем уровне, поэтому, например, фонологический анализ не должен учитывать ни данных морфологического порядка, ни семантических соображений; в ходе анализа на каждом уровне полностью исключаются ссылки на данные последующего, более сложного уровня⁷⁰. Особую разновидность компарменталистской точки зрения защищает З. С. Харрис, считающий фонологический и морфологический анализ принципиально автономными уровнями моделирования языковой структуры, не нуждающимися в каких-либо взаимных и перекрестных ссылках⁷¹. О том, что эта концепция

⁶⁸ J. H. Greenberg. The word as a linguistic unit. «Psycholinguistics. A survey of theory and research problems» (Supplement to «Journal of abnormal and social psychology», 1954, vol. XLIX, № 4, pt 2, стр. 66—71); Он же. The definition of linguistic units. — В кн.: «Essays in linguistics». Chicago, 1957, стр. 27—34.

⁶⁹ См.: L. Bloomfield. Language, стр. 138.

⁷⁰ Попытка анализа такого рода по отношению к английскому языку была сделана А. Хиллом (см. его «Introduction to linguistic structures» и рецензию на эту книгу В. Хааса в журнале «Word», 1961, vol. 16, № 2).

⁷¹ См.: B. Bloch and G. L. Trager. Outline of linguistic analysis. Baltimore, 1942, стр. 53; Ch. F. Hockett. A system of descriptive phonology, стр. 107—108; W. G. Moulton. Juncture in modern standard German. «Language», 1947, vol. 23, № 3, стр. 225; A. Hill. Introduction to linguistic

переживает стадию пересмотра, свидетельствуют более осторожные высказывания ее сторонников в позднейшее время и, в частности, важное признание Ч. Хоккета о том, что анализ трех так называемых «центральных» лингвистических систем (фонологической, морфофонологической и морфологической) возможен исключительно на основе учета как звучания, так и значения⁷². Вряд ли можно сомневаться, что именно такое понимание иерархии аналитической техники является адекватным предмету исследования.

Что же касается другого взгляда, отстаиваемого группой Энн-Арборского университета, то он сводится к тому, что «ни один раздел (part) языка не может быть адекватно описан безотносительно к другим разделам. Этот принцип означает, что фонемика, морфология и синтаксис языка не могут быть описаны безотносительно друг к другу»⁷³. Если первая концепция критически перерабатывается и, таким образом, творчески развивается, то вторая не обнаруживает никакой эволюции. Как уже подчеркивалось в специальной литературе, эта вторая концепция обнаруживает свою несостоятельность в том, что мера зависимости анализа на одном уровне от данных другого уровня до сих пор не определена.

С развитием трансформационного метода некоторые понятия уровневого анализа были пересмотрены. Так, в качестве обязательного был предложен нисходящий порядок рассмотрения материала. Иерархия уровней при этом сохраняется, но количество выделяемых уровней возрастает — к неизменно выделяющимся фонологическому и морфологическому уровню добавляется уровень синтаксиса. Меняется и понятие о взаимоотношениях между разными уровнями языка: так, постулируется, что фонемный и морфемный уровни связаны между собой посредством морфофонемных правил⁷⁴.

Симптоматично, во всяком случае, то, что в недавней статье Р. Уэллза, подводящей некоторые итоги развития дескриптивных

structures. From sound to sentence in English, стр. 3; Z. S. Harris. Structural linguistics, стр. 23—24.

⁷² Ср.: G. Trager and H. Smith. An outline of English structure, стр. 53—54; Г. Глисон. Указ. соч., стр. 108; Ch. F. Hockett. A course in modern linguistics, стр. 138; Ср. также: M. Joos. Linguistic prospects in the United States, стр. 17—19.

⁷³ E. Nida. Morphology: the descriptive analysis of words, стр. 2—3; K. L. Pike. Interpenetration of phonology, morphology and syntax, стр. 368—371; Он же. Grammatical prerequisites to phonemic analysis. «Word», 1947, vol. 3, № 3, стр. 158; Он же. More on grammatical prerequisites to phonemic analysis. «Word», 1952, vol. 8, № 2, стр. 112—117. — По-видимому, близок к этой точке зрения и Э. Хауген (см. «Направления в современном языкознании», стр. 260).

⁷⁴ N. Chomsky, M. Halle, F. Luskoff. On accent and juncture in English. — В сб.: «For Roman Jakobson». The Hague, 1956, стр. 65—80; Н. Хомский. Синтаксические структуры. «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962, стр. 415, 464—467.

визма, подчеркивается, что возможности теории уровневого анализа не были в американской лингвистике полностью реализованы ⁷⁵.

Практика работы американских лингвистов привела к созданию двух обособившихся аналитических техник. С одной стороны, разрабатывается «теоретическая» дескриптивная методика выявления и классификации лингвистических единиц. Обычно она рассчитана на анализ уже зафиксированного корпуса языка. С другой стороны, предлагаются все новые практические процедуры анализа языка в полевых условиях. Определяются способы выяснения (elicitation) единиц языка в процессе работы с информантом. Эта методическая программа и связанная с ней проблематика, являющиеся развитием издавна сложившихся в антропологической лингвистике традиций, с одной стороны, и некоторых теоретических постулатов дескриптивного языкознания, с другой, обсуждаются на страницах «International Journal of American Linguistics». К. Вёглин считает, что антропологическая школа может быть отнесена к лингвистике первичных формулировок (structural first statements), в то время как собственно дескриптивное направление скорее принадлежит лингвистике, дающей новую — уже структурную — оценку материала (structural restatement) ⁷⁶. Формирование двух параллельных методик отразилось и в терминологии. Американские лингвисты стали оперировать двумя рядами терминов, один из которых относится к предварительной констатации данных, а второй — к окончательному результату (ср. analysis и reanalysis, statement и restatement, phonemizing и rephonemizing и т. п.).

Появление двух различающихся между собой методик анализа поставило перед американскими языковедами проблему их взаимоотношения. Некоторые дескриптивисты выступили за единую методическую программу. Они не видели необходимости в разработке особых процедур для получения окончательных (структурных) результатов. Иногда представляется, писал К. Вёглин, что полевая работа составляет лишь предысторию в исследовании языка, т. е. полагают, что открытие предшествует формулированию вывода. Для всех же, занимающихся антропологической лингвистикой, очевидно, что открытие и формулировка результатов взаимосвязаны. Если это действительно так, то все теоретические вопросы, включая проблему релевантности значения и критерия сравнительной оценки альтернативных выводов, возникающие в связи с окончательным структурным анализом, следует разрешать на самой начальной ступени, т. е.

---

⁷⁵ R. Wells. Some neglected opportunities in descriptive linguistics, стр. 45—48. Ср. также: С. F. and F. M. Voegelin. On the history of structuralizing in 20-th century America, стр. 29—30.

⁷⁶ C. Voegelin. The notion of arbitrariness in structural statement and restatement. I. Eliciting. — IJAL, 1959, vol. 25, № 4, стр. 209.

тогда, когда делаются первичные структурные утверждения. В этом случае проблема дальнейших переоценок может вообще отпасть ⁷⁷.

Для большинства дескриптивистов, впрочем, становится все ясней, что разрыв между обеими методиками не случаен, и они начинают осознать его как разрыв между практической, описательной, и теоретической работой над материалом. Соглашаясь с необходимостью различения этих двух аспектов лингвистического исследования, американские языковеды, однако, по-разному оценивают их отношение к общей теории языка. Так, Д. Олмстед полагает, что лингвистические процедуры как научные методы, в противоположность формальным методам логики, есть процедуры открывания. Способы изложения, по Д. Олмстеду, имеют лишь второстепенное значение. Отделяя эвристическую технику исследования от способа презентации материала, Д. Олмстед как представитель антропологической лингвистики придает первой большее значение, чем второму ⁷⁸. Противоположного мнения придерживаются лингвисты, занимающиеся трансформационным анализом. Разработана модель, которая, в отличие от классической дескриптивной программы, имеет мало общего с техникой выделения лингвистических единиц, они не только выступили против включения в модель описания эвристических операций, но считали последние вообще нерелевантными в лингвистической теории. Н. Хомский писал, что в современном дескриптивном языкознании «предпринимаются попытки сформулировать методы анализа, которые исследователь реально может использовать, если у него есть время, чтобы построить грамматику языка, исходя непосредственно из сырых данных» ⁷⁹. «По-моему, — пишет далее Н. Хомский, — весьма сомнительно, чтобы этой цели можно было достигнуть сколько-нибудь интересным путем, и я подозреваю, что всякая попытка достичь ее должна завести в лабиринт все более и более подробных и сложных аналитических процедур, которые, однако, не дают ответа на многие важные вопросы, касающиеся природы лингвистической структуры» ⁸⁰. Такого же мнения придерживается Р. Лиз, отмечающий, что манипуляции и эвристические приемы, которые лингвист считает полезными или стимулирующими, не играют никакой роли в самой теории, когда она уже построена ⁸¹. Рассмотренный вопрос вплотную примыкает у американских языковедов к постановке проблемы лингвистического моделирования.

⁷⁷ Там же, стр. 209.

⁷⁸ D. Olmsted. Substitution and frequency-estimation in linguistic analysis. — JAL, 1964, vol. 27, № 4, стр. 318—319.

⁷⁹ Н. Хомский. Синтаксические структуры, стр. 459—460.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ R. Lees. [Рец.] N. Chomsky. Syntactic structures. «Language», 1957, vol. 33, № 3, стр. 380.

В американской лингвистической литературе мы сталкиваемся с двумя не всегда достаточно четко разграниченными терминами *pattern* и *model*, одинаково переводимыми как 'модель' (ср. *patterning* 'моделирование'). Введение в научный обиход первого понятия связано еще с именем Э. Сепира, усматривавшего за ним совокупность фактов, имеющих онтологический статус⁸². Второе складывается в дескриптивной лингвистике позднее и, хотя не нашло однозначной интерпретации, сводится к некоторому теоретическому научному построению. Чаще всего лингвистическая модель определяется как способ составления грамматик (*a style of grammarmaking*), схема, костяк или каркас презентации материала (*a framework of presentation*). Так, Ч. Хоккет определяет грамматическую модель языка как систему понятий (*a framework of reference*), в рамках которой лингвист подходит к грамматической стороне языка и констатирует результат своего исследования⁸³. Аналогичным образом трактует понятие языковой модели З. С. Харрис, говоря о ней как о специфической неинтерпретированной (или частично интерпретированной) системе знаков (*marks*), которая, после того как она подверглась интерпретации или когда ее параметрам были приписаны определенные значения, становится структурой объекта. В этом смысле разные структуры, — продолжает З. С. Харрис, — могут иметь одну и ту же модель и, напротив, одна структура может быть описана в терминах разных моделей⁸⁴. Такое широкое понимание лингвистического моделирования на практике означает, что существует столько моделей, сколько имеется различных описаний языка. Поэтому в американской литературе большее применение находит другое, более оправданное понимание моделирования, при котором разными моделями считаются лишь такие способы описания, которые требуют разной систематизации (*structuralization*) языкового материала: в противном случае речь может идти лишь о различных манерах описания⁸⁵.

---

⁸² См.: E. Sapir. *Language*, гл. IV; Он же: *Sound patterns in language*. «*Language*», 1925, vol. 1, № 2, стр. 37—51.

⁸³ Ch. Hockett. *Two models of grammatical description*. «*Word*», 1954, vol. 10, № 2—3, стр. 2—3, стр. 210. — Термин *a frame of reference* Ч. Хоккет впервые употребил в 1942 г. (см. его статью «*A system of descriptive phonology*»). В этой статье Ч. Хоккет писал: «Система, приведенная здесь, является *a frame of reference*. Если аналитик будет оперировать материалом исключительно в терминах этой системы, соблюдая те различия, которые в ней проводятся, и логически правильно употребляя термины, то описание будет точной и эффективной констатацией фактов, необходимой в классификационной науке»).

⁸⁴ Z. S. Harris. *The transformational model of language structure*. «*Anthropological Linguistics*», 1959, vol. I, № 1, стр. 27—29.

⁸⁵ См.: C. Voegelin. *Model-directed structuralization*. «*Anthropological Linguistics*», 1959, vol. I, № 1, стр. 15; Ch. F. Hockett. *Two models of grammatical description*, стр. 210.

В соответствии с преимущественным интересом к установлению лингвистических моделей первого (т. е. patterns) или второго (т. е. models) типов в современном американском структурализме мы постоянно сталкиваемся с двумя различными методологическими концепциями самого лингвистического исследования. Первая из них, определяющаяся интересом к языковым фактам (data-oriented approach), по образному замечанию Ф. Хаусхолдера, характеризуется как концепция поисков конечной истины в языке (God's truth approach). Вторая характеризуется специальным интересом к методике описания (procedure-oriented approach) и рассматривается как своего рода эквилибристический подход (hocus-rocus approach)⁸⁶. Сторонники первой, не сомневаясь в объективной реальности языковой структуры, объясняют неуверенность лингвистов в адекватности устанавливаемых фактов и противоречивую интерпретацию материала различными исследователями либо тем обстоятельством, что анализу был подвергнут недостаточный материал, либо тем, что могла быть дефектной сама аналитическая процедура. Цель лингвиста, по их мнению, — получить некоторую информацию о языковой структуре, и его решение в принципе окончательно, если оно верно. Ожидается при этом, что из тождественной языковой данности вытекает единственно правильное решение и в принципе исключаются ее различные толкования. Сторонники противоположной точки зрения, обычно также признавая объективную реальность структуры языка, рассматривают лингвистический анализ как своего рода игру в символы. При этом предполагается, что строятся не столько модели самого объекта, сколько модели его описания, отвечающие тем или иным поставленным задачам. Критерием адекватности каждой такой модели является возможность подведения под нее нового материала без нарушения ее логической правильности, возможность предсказания новых явлений по образцу уже описанных и т. п. Таким образом, здесь идет речь не столько о нахождении абсолютной истины, сколько о разработке удобной в практическом применении системы концептов, в каждом случае по-разному отражающей знания лингвиста о языке. Проблема неоднозначности лингвистического моделирования, естественно, была разработана представителями методологии *hocus-rocus*. Впервые, как известно, она была выдвинута на повестку дня применительно к фонетическому строю языка⁸⁷, а в конечном счете привела к широко распростра-

⁸⁶ См. рец. Ф. Хаусхолдера на книгу Э. С. Харриса «Methods in structural linguistics», опубликованную в IJAL, 1952, vol. 18, № 4, стр. 260—268. Ср. также: А. Koutsoudas. The morpheme reconsidered. — IJAL, 1963, vol. 29, № 2, стр. 160 и сл., особ. прим. 8.

⁸⁷ См.: Yuen-Ren Chao. The non-uniqueness of phonemic solutions of phonetic systems «Bulletin of the Institute of History and Philology» (Academia Sinica), vol. IV, pt 4. Shanghai, 1934, стр. 363—397; см. также: Ch. F. Hoockett. Two fundamental problems in phonemics. «Studies in Lin-

ненному ныне среди американских лингвистов тезису о том, что «различные лингвисты могут, работая на одном материале, прийти к разным фонологическим и морфологическим элементам... Единственным следствием таких различий будет коррелирующее различие в конечном описании того, из чего состоит высказывание»⁸⁸. Ю. Найда считает аналогичным образом, что в лингвистике, в отличие от математики, нельзя ожидать однозначного результата. Убеждение в теоретической необходимости построения различных моделей для одного ряда данных разделяет даже К. Пайк, занимающийся по многим принципиально важным вопросам позиции, расходящиеся с концепцией Йельского дескриптивизма⁸⁹. Американские структуралисты склонны видеть в такой воспроизводимости результатов различных подходов главное доказательство высокого развития лингвистики как науки. «Обычно, — пишет Г. Глисон, — результаты обоих исследований (имеются в виду два независимо работающих лингвиста. — Г. К. и Е. К.) оказывается вполне возможным согласовать и показать, что при помощи небольшого изменения формулировки одно заключение может быть сведено к другому»⁹⁰. В результате такого подхода в дескриптивной лингвистике одна и та же совокупность языкового материала с неизменной внутренней структурой часто классифицируется по различным правилам фонемизации (phonemization) или морфемизации (morphemization), приводя к созданию нескольких логически непротиворечивых моделей. На понимание соотношения возможных лингвистических моделей с самой моделируемой структурой яркий свет проливает следующая формулировка Ч. Хоккета: «...фонологической структурой языка является то, что остается инвариантом при всех возможных трансформациях от одной исчерпывающей фонемизации к другой»⁹¹.

В последнее время отдельные дескриптивисты выступают за интеграцию обоих рассмотренных выше подходов в рамках синтезирующей концепции. Д. Болингер, например, указывает, что если подход, ориентированный на языковые факты, легко приводит к интуитивному анализу языка, то при втором факты языка нередко приносятся в жертву схеме. Чрезмерное увлечение материалом связано поэтому, по его мнению, с определенным риском; но не менее опасно увлечение априорными моделями, заимство-

guistics», 1949, vol. 7, № 1, стр. 33; Он же. Problems in morphemic analysis. «Language», 1947, vol. 23, № 4, стр. 325.

⁸⁸ Z. S. Harris. Structural linguistics, стр. 2.

⁸⁹ E. Nida. Morphology: the descriptive analysis of words, стр. 86—87; K. L. Pike. Language as particle, wave, and field. «The Texas Quarterly», 1959, vol. 2, № 2, стр. 37—54.

⁹⁰ Г. Глисон. Указ. соч., стр. 44; иллюстрацию такого расхождения дает сравнение разработки морфологии глагола у самого Г. Глисона (см.: Г. Глисон. Указ. соч., стр. 152—154) и Б. Блока (см.: B. Bloch. English verb inflexion. «Language», 1947, vol. 23, № 4, стр. 399—418).

⁹¹ Ch. F. Hockett. Two fundamental problems in phonemics, стр. 51.

ванными из логики и математики, и пренебрежение данными, не укладывающимися в схему⁹². Тем не менее Ф. Хаусхолдеру приходится констатировать, что в настоящее время большинство дескриптивистов следует методологии *hocus-rocus*, что, по его мнению, и отличает дескриптивистов в целом от европейских языковедов с их преимущественным стремлением к констатации «окончательных» истин⁹³.

Американские языковеды пришли к разграничению двух основных видов моделей описания — аналитической и синтетической. Аналитическими являются различные фонологические модели, известные в дескриптивной лингвистике, а также классическая дескриптивная грамматическая модель (см. ниже, стр. 242). Синтетические модели, с которыми в дескриптивизм возвращается понятие процесса, вводятся в США позднее, в связи с разработкой методики трансформационного анализа. Однако соотношение моделей обоих типов не представляется в американском структурализме достаточно ясным. По-видимому, наиболее трезвую оценку дает ему Э. С. Харрис, склонный рассматривать обе модели как взаимно дополняющие друг друга. Нельзя, наконец, не упомянуть позицию Н. Хомского, находящего наибольшую «объяснительную силу» у своей модели синтетико-аналитического типа.

Непременным условием синхронного анализа языка в США считается рассмотрение строго ограниченной во времени и пространстве совокупности идиолектов. Единодушно признается целесообразным избегать каких-либо ссылок исторического характера, так как они не приносят чего-либо нового в исследуемую языковую данность и способны лишь дезориентировать исследователя⁹⁴. Работа дескриптивиста складывается из двух фаз: сбора языкового материала и выявления его внутренней организации (системы). Сбор материала и его структурный анализ рассматриваются здесь не как две последовательные ступени исследования, а как два его взаимосвязанных аспекта. Признается очевидным, что сбор материала фактически никогда не удается завершить до начала его структурного осмысления и поэтому важнейшим условием всей работы считается постоянное воспроизведение ситуации лингвистического эксперимента с участием туземного информанта (*native informant*), роль которого в известных случаях может на себя брать сам исследователь⁹⁵. Вместе с тем предполагается, что

⁹² D. Bolinger. *Linguistic science and linguistic engineering*. «Word», 1960, vol. 16, № 3, стр. 374; ср. также комментарии М. Джоса в *RiL*, стр. 80.

⁹³ Ср.: Fr. Householder. [Рец.] D. Jones. *Phoneme: its nature and use*. — *IJAL*, 1952, vol. 18, № 1, стр. 104—105.

⁹⁴ См.: L. Bloomfield. *Language*, стр. 19—20.

⁹⁵ См.: Ch. F. Hockett. *A system of descriptive phonology*, § 2, 21; Он же. *A course in modern linguistics*, стр. 102—103; K. L. Pike. *Grammatical prerequisites to phonemic analysis*; Z. S. Harris. *Structural linguistics*, стр. 12; A. Hill. *Introduction to linguistic structures*. From so-

для адекватного описания языковой структуры лингвисту необходим учет полного корпуса исследуемого языка, под которым понимается совокупность всех возможных высказываний на данном языке⁹⁶. Как уже отмечалось выше, минимальным отправным пунктом лингвистического анализа, т. е. некоторой минимальной глобальной единицей языка, дескриптивистами признается морфема. Правда, сама морфема получается здесь в итоге членения анализируемых высказываний (*utterances*), однако высказывание находит в дескриптивной лингвистике формальное фонетическое определение как отрезок потока речи между двумя паузами и фактически не претендует на роль исходного пункта исследования⁹⁷.

Основным методом операций, выполняемых на всех уровнях лингвистического исследования, является метод субституции повторяющихся отрезков потока речи (*segments*) различной протяженности, направленный на выявление соответствующих лингвистических единиц как некоторых субституционных классов (*substitutional classes*). При этом в одних случаях при неизменном окружении замечается выделяемый элемент, так называемый фокус, в других случаях, наоборот, при неизменности последнего меняется окружение⁹⁸. В дальнейшем взаимозаменяемые отрезки классифицируются исследователем по классам, выступающим в качестве инвариантных единиц. С последовательной сегментацией высказываний на различных уровнях имеет дело и практикующийся здесь метод анализа по непосредственно составляющим (*immediate constituents*)⁹⁹. Таким образом, сегментация потока речи и распределение сегментов по классам присутствуют в любой фазе лингвистического исследования.

Сегментация текста ведет к установлению повторяющихся элементов речи, дальнейшая идентификация которых происходит в основном с помощью дистрибутивных критериев. Выдвижение последних в качестве главных критериев лингвистического анализа составляло настолько характерную черту американского структурализма Йельской группы, что его называли дистрибутивной лингвистикой. Сущность дистрибутивной лингвистики была определена Э. С. Харрисом в следующем виде: «Дескриптивная лингвистика (в терминологическом смысле), — писал Харрис, — есть особая область исследования, имеющего дело не с речевой деятельностью в целом, но с регулярностями определенных черт речи. Эти регулярности заключаются в дистрибуционных отноше-

und to sentence in English; E. Nida. *Field techniques in descriptive linguistics*. — IJAL, 1947, vol. 13, № 3, стр. 138—146.

⁹⁶ См.: Z. S. Harris. *Structural linguistics*, стр. 262, 268 и др.; B. Bloch. *English verb inflexion*, стр. 339.

⁹⁷ Ср.: Ch. F. Hockett. *A system of descriptive phonology*. — RiL, стр. 99; Z. S. Harris. *Structural linguistics*, стр. 14.

⁹⁸ Ср.: Э. Хауген. *Направления в современном языкознании*, стр. 254—260.

⁹⁹ См.: R. Wells. *Immediate constituents*. — RiL, стр. 186—207

ниях определенных черт исследуемого текста, т. е. в повторяемости этих черт относительно друг друга в пределах высказываний... Главная цель дескриптивной лингвистики... — это изучение отношения распределения (дистрибуции) или порядка расположения (аранжировки) отдельных частей, или черт, речи относительно друг друга в процессе речи»¹⁰⁰. Принципиальное сужение задач лингвистики до задач дистрибутивного анализа¹⁰¹, сформулированное в этом тезисе Харриса с предельной ясностью, было подвергнуто заслуженной критике. Так, Л. Ельмслев указывал, что «теория дистрибуции оставляет неясным, распределяются ли те или иные единицы самим языком, или же их надлежит распределить лингвисту. Ни в том, ни в другом случае термин „дистрибуция“ не раскрывает ничего такого, что бы уже не было охвачено структурным анализом»¹⁰². Возражения вызвали и некоторые неясности в определении понятия дистрибуции и, главное, понятия окружения, на котором оно базируется. Если дескриптивисты определяют дистрибуцию как совокупность окружений, в которых изучаемый элемент встречается, в отличие от тех окружений, в которых он появиться не может, то центральным, естественно, становится вопрос о том, что может быть подведено под понятие окружения. Ответ на этот вопрос, предлагаемый З. Харрисом, вряд ли может удовлетворить лингвиста практически¹⁰³, ибо, согласно его определению, «окружением элемента А является наличное множество его коокурентов (co-occurents), т. е. других элементов, каждого в особой позиции, встречаясь с которыми, А образует высказывание»¹⁰⁴.

Неясность термина «окружение», понимаемого как соседство, которое может простираться по обе стороны от изучаемого элемента на неограниченное количество смежных отрезков, ведет к известной неопределенности термина «дистрибуция». Как показали материалы VIII Международного съезда лингвистов, а также и ряд других публикаций, ошибочным является и общее утверждение американских ученых о принципиальной возможности констатировать языковые особенности путем анализа одних дистрибутивных отношений¹⁰⁵. В то же время само вовлечение

¹⁰⁰ Z. S. Harris. Structural linguistics, стр. 5.

¹⁰¹ О чем см. подробнее в работе: В. А. Звегинцев. Дескриптивная лингвистика, стр. 13 и сл.

¹⁰² См.: «Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists», стр. 196.

¹⁰³ На что указывает, например, Р. Лиз. См.: R. Lees. A multiply ambiguous adjectival construction in English. «Language», 1960, vol. 36, № 2, стр. 1, стр. 210.

¹⁰⁴ Z. S. Harris. Distributional structure, стр. 154.

¹⁰⁵ См.: P. Diderichsen. The importance of distribution versus other criteria in linguistic analysis. «Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists», особенно стр. 194—213. Ср. также: Н. Д. Арутюнова и Е. С. Кубрякова. Проблемы морфологии в трудах американ-

дистрибутивного критерия в языковедческую практику сыграло большую роль для разработки разных вероятностных методов изучения языка и тем самым способствовало уточнению объективных приемов анализа лингвистического материала. Особенно важным было в этом плане разграничение различных типов или моделей дистрибуции, предложенное в работах М. Сводеша, З. Харриса, Б. Блока и Дж. Трейгера.

Решающую роль в определении лингвистически тождественных элементов приобретают две основные модели распределения: не-контрастирующая дистрибуция (*non-contrastive distribution*), позволяющая предполагать лингвистическое тождество тех или иных сегментов, с одной стороны, и контрастирующая дистрибуция, с другой. Под первую, в свою очередь, подводятся два частных вида распределения: дополнительная дистрибуция (*complementary distribution*) и свободное варьирование (*free variation*). «О двух элементах можно сказать, что они находятся в отношении дополнительной дистрибуции, если один из них встречается в таком окружении, в каком никогда не встречается другой, т. е. если не существует контекстов, в которых они встречались бы оба»¹⁰⁶. С другой стороны, свободное варьирование элементов предполагает возможность свободной субституции одним элементом другого без изменения значения целого¹⁰⁷. Следует, впрочем, отметить, что некоторые дескриптивисты, например З. С. Харрис, исключают свободное варьирование из моделей распределения, релевантных в лингвистическом анализе. Что касается остальных случаев распределения элементов в тексте, то они покрываются термином «контрастирующая дистрибуция» и соотносимы с лингвистически нетождественными элементами.

В американской лингвистической литературе нередко раздаются голоса о темном философствовании европейских языковедов, часто оперирующих точно не определенными, иногда даже «мистическими» терминами. Непопулярное у дескриптивистов сосюрское противопоставление языка (*langue*) и речи (*parole*), очерченное у самого Ф. де Соссюра довольно противоречиво, характеризуется здесь как вводящее в заблуждение¹⁰⁸. По этой же причине З. С. Харрису представляются в своей основе произвольными не-

---

ских дескриптивистов. — В сб.: «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике», стр. 209—218 и др.

¹⁰⁶ Г. Глисон. Указ. соч., стр. 125.

¹⁰⁷ Ср. Г. Глисон. Указ. соч., стр. 229—230; В. Bloch and G. L. Trager. *Outline of linguistic analysis*, стр. 42; A. A. Hill. *Introduction to linguistic structures*, стр. 50.

¹⁰⁸ З. С. Харрис указывает, например, что «*parole*» является просто физическими событиями, которые мы принимаем за язык, в то время как «*langue*» — это анализ и организация их исследователем (см.: Z. S. Harris. [Рец.] L. Gray. *Foundations of language*, стр. 228). Ср. также замечания Р. Уэллса о туманных намерениях Ф. де Соссюра (R. S. Wells. *De Saussure's system of linguistics*, стр. 31).

которые фундаментальные предпосылки пражской фонологической концепции¹⁰⁹. Всему этому американцы стремятся противопоставить детально разработанную процедуру анализа с целой системой лингвистических понятий, определяющихся набором конкретных операций, выполняемых в ходе исследования. Операциональные определения, восходящие здесь еще к работам Л. Блумфилда, играют ныне важную роль на всех уровнях дескриптивного исследования. Если в других направлениях структурализма операциональным определениям отводится весьма определенная — вспомогательная и иногда даже временная — роль¹¹⁰, то в американском языкознании они иногда занимают неправомерно большое место. Характерно, например, что было бы тщетно искать сколько-нибудь содержательных определений понятий в монографии Э. Харриса о методах структурной лингвистики или в работе К. Л. Пайка, посвященной основным вопросам фонологии: содержание этих работ сводится к изложению последовательного ряда процедур, направленных на вычленение тех или иных лингвистических единиц¹¹¹. Должно быть очевидным, что такое гипертрофирование роли операциональных определений может привести к отрыву выдвигаемых построений от важнейших понятий языкознания, не определяемых в терминах чисто лингвистических процедур.

Стремление к формализации, наконец, отражается иногда даже на внешней форме изложения материала в виде строгой и лаконичной системы постулатов и определений, заимствованной дескриптивистами из математики и логики¹¹². Справедливости ради следует сказать, что нередко, делая суждения двусмысленными, такая форма изложения достигает противоположной цели (еще Л. Блумфилд осознавал, что чем сложнее объект науки, тем менее он поддается этому методу изложения).

Американский структурализм выступает в свете изложенных фактов как одно из ведущих и наиболее разветвленных направлений современной структурной лингвистики. Он выдвинул довольно своеобразную лингвистическую концепцию, которая

---

¹⁰⁹ Ср.: Z. S. Harris. [Рец.] N. S. Trubetzkoy. Grundzüge der Phonologie. — «Language», 1941, vol. 17, № 4, стр. 345—349.

¹¹⁰ Ср. Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка. «Новое в лингвистике», вып. I, стр. 281.

¹¹¹ Ср. определение фонемы К. Л. Пайком как «одной из значимых (significant) единиц звучания», получаемой для конкретного языка в ходе аналитических процедур, выполненных в соответствии с основными предпосылками, изложенными предварительно; см.: K. L. Pike. Phonemics; a technique for reducing languages to writing («University of Michigan Publications, Linguistics» III). Ann Arbor, 1947, стр. 63.

¹¹² Ср.: L. Bloomfield. A set of postulates for the science of language, стр. 153—164, где обосновываются преимущества постулативного метода; Ch. F. Hockett. A system of descriptive phonology. — RiL, стр. 97; B. Bloch. A set of postulates for phonemic analysis. «Language», 1948, vol. 24, № 1, стр. 3—46.

в самое последнее время обнаруживает признаки сближения с идеями европейских языковедов. Нельзя не признать, что американцы значительно продвинулись по сравнению со своими европейскими коллегами если не в решении, то по крайней мере в постановке ряда проблем языкознания (вопросы эпистемологии языкознания, проблема лингвистического моделирования, теория уровневой анализа языка, проблемы формализации лингвистического исследования и т. п.). Наибольшие успехи достигнуты американцами в разработке методики синхронного фонологического и морфологического анализа, для которой особенно характерно эксплицированное изложение выполняемых аналитических процедур. Следует отметить, вместе с тем, что если подход к понятию дифференциального звучания (фонемы как функционально значимого звуко-типа языка) связан с европейским языкознанием, то подход к понятию дифференциального значения (*differential meaning*) неразрывно связан с дескриптивным направлением. Наконец, еще одним положительным качеством лингвистики в США является широкое использование в ней различных естественно-научных приемов исследования. На фоне значительных методических достижений американского структурализма становится понятным рост его популярности у европейских структуралистов: так, синтез оригинальных идей с идеями дескриптивизма очевиден для Голландского лингвистического кружка, для современных представителей Пражской школы в Чехословакии и др.

По-видимому наиболее серьезным недостатком американского структурализма является отсутствие в нем теории языка как общественного явления, приводящее к резкому ограничению самой языковедческой проблематики. В общем можно поэтому согласиться с известным высказыванием Э. Косериу о том, что «американский структурализм есть только методика исследования, тогда как европейский структурализм представляет собой абстрактное теоретическое построение (гипотезу), которым определяется методика исследования»¹¹³. Другим важным недостатком общего характера является отсутствие в американской структурной лингвистике сколько-нибудь четкой философской базы, направляющей исследование. В результате этого подход языковедов к своему объекту часто оказывается противоречивым и нередко допускает влияние методологических установок неопозитивизма. Очень серьезным недостатком дескриптивной лингвистики явилось игнорирование объяснительного аспекта лингвистической теории (так, мы уже говорили выше о том, что Ч. Хоккет рассматривает языкознание как классификационную науку, а Б. Блок и Дж. Трейгер считают, что единственным ответом на вопрос «Почему?» в линг-

---

¹¹³ E. Coseriu. *Forma y sustancia en los sonidos del lenguaje*. Montevideo, 1954, стр. 146.

вистике является утверждение исторического порядка¹¹⁴). В этом отношении трансформационная грамматика, которая выдвигает модель, претендующую на объяснительную силу, оказывается в более выгодном положении. Бросается в глаза, далее, отсутствие в американском языкознании учения о слове как основной и глобальной единице языка, служащей отправным пунктом для всякого лингвистического исследования. Соответственно непропорционально расширенным и чрезмерно объемным оказывается понятие морфемы. В области фонологии ограничение исключительно фонетико-дистрибутивными процедурами приводит к отступлению от принципиальных позиций структурного подхода к языку, выдвигающего свои критерии с учетом как плана выражения, так и плана содержания. Мы уже не останавливаемся на тех более частных недостатках американской структуральной доктрины, которые отмечались выше по ходу изложения материала.

Отмеченные выше серьезные недочеты делают дескриптивное направление в американском структурализме весьма уязвимым, не говоря уже о его односторонности. В самое последнее время среди самих дескриптивистов начали раздаваться голоса о том, что период расцвета дескриптивной лингвистики, приходящий на 1933—1957 гг., уже остался позади¹¹⁵. Будущее должно показать, сможет ли избежать подобной односторонности направление трансформационного анализа языка, к которому все чаще обращают свои взоры американские языковеды.

Фонология

Заложение фундамента фонологической теории в США связано не столько с именем Л. Блумфилда или Э. Сепира, сколько с именами их учеников, и в первую очередь М. Сводеша и В. Тводделла, в значительной мере придавших этой дисциплине ее современный облик. В литературе уже справедливо отмечалась малая оригинальность фонологических взглядов Л. Блумфилда по сравнению с его непосредственными европейскими предшественниками¹¹⁶. В то же время более самостоятельные и интересные построения Э. Сепира, составившие определенный этап в развитии американской фонологии, в дальнейшем довольно решительно преодолевались и вошли в современную дескриптивную фонологию лишь в очень ограниченном виде. Вследствие того обстоятельства, что трансформационная лингвистика, по существу, еще не создала

¹¹⁴ См.: Ch. F. Hockett. A system of descriptive phonology. — RiL, стр. 97; B. Bloch and G. L. Trager. Outline of linguistic analysis, стр. 8.

¹¹⁵ См.: R. Wells. Some neglected opportunities in descriptive linguistics, стр. 38—39.

¹¹⁶ Ср.: А. А. Реформатский. Проблема фонемы в американской лингвистике. «Ученые записки 1 МГПИИЯ», 1941, т. V, вып. 1, стр. 103—139.

более или менее законченной фонологической концепции, лицо американского структурализма представлено в этой области почти полностью дескриптивной фонологией.

Выше уже было отмечено обычное у дескриптивистов противопоставление фонетики (phonetics) и фонематики (phonemics) внутри фонологии. Более того, нередко фонетика здесь выносится вообще за пределы лингвистической теории и рассматривается так долингвистическая (prelinguistic) дисциплина. Такого мнения придерживался, как известно, еще Л. Блумфилд¹¹⁷. Дж. Трейгер в своей классификации дисциплин, изучающих язык, характеризует фонетику как долингвистическую науку, которая лишь предоставляет свои данные в распоряжение лингвиста (аналогичной сферой с другой стороны оказывается семантика). Вместе с тем делается вывод, что фонетист, отказывающийся подвергнуть свой материал фонологическому анализу, не только не является лингвистом, но и отрицает самую цель лингвистической науки¹¹⁸. В качестве периферийной системы, связанной, с одной стороны, с акустически анализируемыми единицами речевых сигналов и, с другой стороны, с фонологической структурой, рассматривается фонетика в трудах Ч. Хоккета¹¹⁹. Однако на деле взаимоотношение фонетики и фонологии в системе дескриптивной лингвистики оказывается значительно более сложным.

В США фонетике с ее акустическим и артикуляторным аспектами, особенно в связи с интенсивным преподаванием языков в университетах, уделяется много внимания. Признается необходимость предварительного фонетического исследования и для собственно лингвистики; полагают, однако, что замедленный темп развития акустических аспектов фонетики не должен сказываться на прогрессе лингвистической науки в целом¹²⁰. Традиционный круг вопросов, рассматриваемых здесь фонетикой, охватывает проблему естественной сегментации речевого потока, типы артикуляции звуков речи, акустическую классификацию звуков, фонетическую транскрипцию и многое другое¹²¹. В соответствии с применяемыми критериями артикуляторная фонетика рассма-

---

¹¹⁷ Ср.: L. Bloomfield [Пер.] Ferdinand de Saussure. Cours de linguistique générale (2nd ed.). «The Modern Language Journal», 1924, vol. 8, № 5, стр. 318; Он же. Language, стр. 128, 130—131.

¹¹⁸ См.: G. L. Trager. The field of linguistics. «Studies in Linguistics». Occasional papers, № 1. Norman (Oklahoma), 1949; B. Bloch and G. L. Trager. Outline of linguistic analysis, стр. 39.

¹¹⁹ Ch. F. Hockett. A course in modern linguistics, стр. 137—138.

¹²⁰ Там же, стр. 119.

¹²¹ Представление о круге проблем, изучаемых американскими фонетистами, дает работа К. Л. Пайка «Phonetics: a critical analysis of phonetic theory and a technique for the practical description of sounds» (Ann Arbor, 1943); см. также: M. Joos. Acoustic phonetics. «Language monograph», № 23. Baltimore, 1948.

тривается американскими структуралистами как раздел физиологии, а акустическая фонетика — как раздел физики¹²². При этом акустический аспект фонетики здесь все же превалирует над артикуляторным в связи с общей направленностью фонетического исследования на последующее решение фонологических проблем. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что фонетика в США посвящена по существу изучению индивидуальных звуков речи (speech sounds). Исключением представляется понятие некоторого подкласса звуков — фон (phone), усвоенное из английской фонетической традиции, которое вводится при переходе от фонетического исследования к фонологическому и не находит у американцев четкого определения¹²³.

Фонетическая транскрипция, которой пользуется преподаватель языка или лингвист для первичной записи текста от информанта, справедливо признается американскими языковедами импрессионистской и зависящей от индивидуальных навыков лингвиста. Ее цель считается выполненной, если она дает представление о реальном произношении или подготавливает текст к последующему фонологическому анализу. В соответствии с таким различием целей в США иногда дифференцируют два вида фонетической транскрипции: фоническую (phonic transcription), стремящуюся с максимальной точностью зафиксировать особенности произношения носителя языка, и аллофоническую (allophonic transcription), отмечающую лишь аллофоны фонем¹²⁴. Естественно, что в обоих случаях символы фонетической транскрипции обозначают скорее категории звуков, т. е. их некоторые подклассы, чем индивидуальные звуки речи¹²⁵. Провести более или менее четкую грань между ними в дескриптивной лингвистике, по-видимому, невозможно. Однако, на наш взгляд, аллофоническая транскрипция по своей сущности является производной от фонологической и, таким образом, предполагает предварительную фонологическую интерпретацию языковой данности. Американские языковеды при этом предполагают, что фонетист способен более или менее адекватно сегментировать недискретную данность речевого потока¹²⁶.

¹²² См.: Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику, стр. 45—46; Ch. F. Hockett. A course in modern linguistics, стр. 113.

¹²³ Ср.: Ch. F. Hockett. A system of descriptive phonology, стр. 8—9; R. S. Wells. The pitch phonemes of English. «Language», 1945, vol. 21, № 1, стр. 28. — В английской фонетической традиции этот термин встречается, в частности, у Г. Палмера; см.: G. Palmer. The principles of romanization. Токуо, 1931.

¹²⁴ См.: B. Bloch. Studies in colloquial Japanese. IV. Phonemics. «Language», 1950, vol. 26, № 1, стр. 90; ср. также: W. G. Moulton. The sounds of English and German. Chicago, 1962, стр. 40 и сл.

¹²⁵ Ср.: B. Bloch and G. L. Trager. Outline of linguistic analysis, стр. 19.

¹²⁶ См.: B. Bloch. A set of postulates for phonemic analysis.

Если в ранних работах дескриптивисты еще были склонны ограничивать фонологию от фонемике (в английской фонетической традиции, как известно, термин *phonology* переводил обычно немецкое *Lautgeschichte*)¹²⁷, то в настоящее время оба термина иногда вполне синонимичны, но иногда обозначают два различных понятия: более широкую область языкознания, касающуюся всех аспектов функционирования звуков в речи (фонология), и ту отрасль знания, которая связана лишь с констатацией фонем и их аранжировкой (фонемика). Внутри американской фонологии обычно противопоставляются собственно фонемика и так называемая фонологическая тактика (*phonotactics*). Если первая имеет дело с инвентаризацией и классификацией отдельных единиц, то вторая устанавливает модели их взаимной сочетаемости.

Как будет показано ниже, в состав американской фонологии объективно входит и так называемая морфофонология (*morphophonology*) или морфофонемика (*morphophonemics*), относимая самими дескриптивистами скорее к морфологии.

Говоря о подходе американских структуралистов к вопросам фонологии, необходимо отметить отказ от психологизма Э. Сепира. Как известно, последний пытался обосновать в 20-х годах свой вариант фонологической концепции, предполагавший психологическую реальность фонем и фонологической модели (*pattern*) для носителей языка¹²⁸. Построенная в духе популярного в языкознании того периода психологизма и будучи в целом довольно близкой к учению Г. Пауля о системе звуковых образов, она отличалась от многих сходных построений попыткой всестороннего экспериментального обоснования ее на широком материале индейских языков Америки. Л. Блумфилд противопоставил ей строгую антименталистскую концепцию фонологии, полностью освобожденную от таких терминов, как «намерение», «ощущение» и пр.¹²⁹ Однако решающий удар по ментализму в американской фонологии был нанесен известной теоретической монографией В. Твудделла¹³⁰. В дальнейшем требование антиментализма становится в американском структурализме одной из важнейших предпосылок построения фонологической теории¹³¹. Оно сказывается особенно отчетливо на определении основных единиц, в терминах которых надлежит проводить фонологический анализ.

¹²⁷ Ср., например; M. Swadesh and Ch. F. Voegelin. A problem in phonological alternation. «Language», 1939, vol. 15, № 1, стр. 1.

¹²⁸ Ср.: E. Sapir. Sound patterns in language. «Language», 1925, vol. 1, № 2, стр. 37—51; Он же. The psychological reality of phonemes. — В кн.: E. Sapir. Selected writings... in language, culture and personality, стр. 46—60; Он же. Язык. М., 1934, стр. 34—44.

¹²⁹ См.: L. Bloomfield. Language, стр. 32—33.

¹³⁰ W. F. Twaddell. On defining the phoneme. «Language monograph», № 16. Baltimore, 1935.

¹³¹ Ср.: Ch. F. Hockett. A system of descriptive phonology. — RiL, стр. 107; B. Bloch. A set of postulates for phonemic analysis, стр. 5 и др.

Центральной единицей фонологической концепции американского структурализма является фонема. Термин «фонема», восходящий здесь, по-видимому, еще к английской классической фонетике, уже давно широко используется не только в теоретических исследованиях, но и в практической работе американских университетов.

Основным фактором, определяющим понимание фонемы и самую методику фонологического исследования в американском структурализме, является преобладающая здесь общая теория уровневого анализа языка, которая предусматривает определенный порядок в рассмотрении материала. Анализ на низших уровнях должен осуществляться в отвлечении от данных высших уровней. Фактически это означает, что фонологическое исследование должно проводиться лишь на основе предварительного фонетического анализа, но без учета данных морфологии и тем более семантики. Тем самым постулируется возможность и необходимость описания фонем языка без обращения к критерию значения.

Таким образом, у дескриптивистов по сей день остается основополагающим тезис Л. Блумфилда о том, что «описание языка начинается с фонологии... Когда фонологическая система языка установлена, остается указать, какие значения связаны с определенными фонетическими формами»¹³². Будучи в основном уже преодоленной в дескриптивной морфологии, где американцы ныне смело обращаются к значению языковой данности, в фонологии эта концепция находит поддержку не только крайних и ортодоксальных блумфилдианцев, но и представителей Энн-Арборской группы. На эту концепцию опирается и общепринятое мнение, что при выделении фонемы можно довольствоваться исключительно фонетико-дистрибутивными критериями. Что же касается роли морфологических соображений в фонологическом анализе, то их релевантность отвергается «компарменталистами», но упорно отстаивается К. Л. Пайком и Ю. Найдой (см. выше, стр. 198 и сл.). Последние явно не учитывают того обстоятельства, что так называемые данные морфологии сами являются итогом качественно отличного моделирования языковой структуры, параллельного фонологическому, обращаемого к фонетико-семантической данности языка с другой точки зрения¹³³.

Для дескриптивной, равно как и для складывающейся в последнее время трансформационной фонологии, характерно понимание фонемы как некоторого альтернирующего ряда звуков,

---

¹³² L. Bloomfield. *Language*, стр. 138.

¹³³ Ср. например: А. И. Смирницкий. Лексическое и грамматическое в слове. — В сб.: «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 11 и сл.

которыми она представлена в тексте. Сами члены подобных рядов представляют собой подклассы звуков и квалифицируются как аллофоны (allophones) фонемы. Отсюда следует и определение аллофона как «звука или подкласса звуков, которые находятся в отношении дополнительной дистрибуции с другим звуком или подклассом звуков так, что вместе они составляют фонему»¹³⁴. Нетрудно видеть, что аллофон в метаязыке американской лингвистики соответствует варианту фонемы в направлениях, связанных с Пражской школой. Вместе с тем американцы в общем скептически смотрят на выделение какого-либо одного аллофона в качестве главного члена фонемы¹³⁵.

Обычно в американских руководствах фонема определяется как класс аллофонов, находящихся в отношении дополнительной (или, иногда, — неконтрастирующей) дистрибуции, с одной стороны, и являющихся фонетически сходными, с другой¹³⁶. Уже это самое общее определение носит в значительной мере операционный характер, хотя и указывает не на все ступени процедуры вычленения фонемы. Еще более формально соответствующее определение К. Л. Пайка, считающего, что фонемой является одна из значимых единиц звучания, которая получается в результате ряда аналитических процедур, определенных в соответствии с заранее принятыми предпосылками¹³⁷. Наконец, З. С. Харрис, предлагающий очень трудоемкую технику установления фонем, вообще ограничивается последовательным перечислением процедур, не выдвигая определения фонемы как такового¹³⁸.

В соответствии с наиболее распространенным определением, к одной фонеме [p] в английском языке относятся три аллофона: напряженное и придыхательное p в анлауте слова (например, pit), напряженное и непридыхательное p в интервокальной позиции (например, pper), а также ненапряженное и непридыхательное p в позиции после s (например, spit). Сюда, однако, не относится аллофон b, фонетически сходный с предшествующим, но тем не менее вступающий в отношении дополнительной дистрибуции с ними. Если применимость в том или ином виде дистрибутивного критерия признается здесь безоговорочно, то

¹³⁴ Г. Глисон. Указ. соч., стр. 232.

¹³⁵ Ср.: M. Swadesh. [Ред.] S. Boyanus. A manual of Russian pronunciation. «Language», 1936, vol. 12, № 2, стр. 147. — Выделение главных аллофонов встречается, например, в работе: C. F. Voegelin. Tübatulabal grammar. «University of California publications in American archeology and ethnography», 1935, vol. 34, № 2, стр. 55—56.

¹³⁶ Для конкретных определений фонемы см.: E. Hamp. A glossary of American technical linguistic usage, 1925—1950. Utrecht—Antwerp, 1957, стр. 44—45.

¹³⁷ K. L. Pike. Phonemics: a technique for reducing languages to writing, стр. 63.

¹³⁸ Z. S. Harris. Structural linguistics, стр. 4—24.

обращение к критерию фонетического сходства происходит не всегда. Очевидная неопределенность этого критерия, т. е. трудность ограничения допустимых пределов фонетического сходства аллофонов одной фонемы, была признана самими дескриптивистами и поставила их перед лицом целого ряда трудностей¹³⁹. Эти трудности толкают американских ученых либо к условным фонологическим решениям, либо к чисто эмпирическим поискам пределов фонетической вариативности аллофонов в естественных языках¹⁴⁰. Особую позицию занимает в этом вопросе Э. С. Харрис: отмечая полную произвольность критерия фонетического сходства, он находит последний вообще irrelevantным в фонологическом анализе¹⁴¹.

Наличие целого ряда спорных случаев, с которыми столкнулись американцы, убедительно показало недостаточность даже обоих указанных выше общих критериев определения фонем и обнаружило вероятностный характер последних, не гарантирующий адекватного структурного решения. Одним из таких случаев является фонологическая трактовка в английском и ряде других языков звукотипов *r* и *h*, находящихся в отношении дополнительной дистрибуции и обнаруживающих общее фонетическое качество консонантности: по определению их можно было бы, следовательно, рассматривать как аллофоны одной фонемы. С другой стороны, приводятся факты, когда взаимоисключающие аллофоны не являются с необходимостью членами единой фонемы даже в условиях их большого фонетического сходства (например, [o] и [ɔ])¹⁴². Подобные случаи диктуют необходимость введения в анализ некоторых дополнительных критериев. Чаще других при этом указывает на признак фонетической непересекаемости (non-overlapping) аллофонов различных фонем, согласно которому разные фонемы не могут манифестироваться тождественными фонами¹⁴³. Этот критерий особенно подчеркивает характерное для дескриптивной фонологии понимание фонемы как

---

¹³⁹ Ср., например: Ch. F. Hockett. A manual of phonology. Baltimore, 1955, стр. 157—158; K. L. Pike. Phonemics: a technique for reducing languages to writing, стр. 63—64; Г. Глисон. Указ. соч., стр. 234.

¹⁴⁰ Ср., например: W. M. Austin. Criteria for phonetic similarity. «Language», 1957, vol. 33, № 4, стр. 538—544.

¹⁴¹ См.: Z. S. Harris. [Ред.] N. S. Trubetzkoy. Grundzüge der Phonologie, стр. 345—349; Он же. Structural linguistics, стр. 75 и др. — Сближается с Э. С. Харрисом ныне и Р. О. Якобсон. См.: R. Jakobson and M. Halle. Fundamentals of language. 's-Gravenhage, 1956, стр. 12. — Любопытно, что в морфологическом анализе дескриптивисты уже почти полностью отказались от апелляции к этому критерию.

¹⁴² Ср.: C. L. Ebeling. Linguistic units. 's-Gravenhage, 1960, стр. 21—23; также C. Percival. A problem in competing phonemic solutions. «Language», 1960, vol. 36, № 3, pt 1, стр. 383—386.

¹⁴³ Ср.: B. Bloch. Phonemic overlapping. «American Speech», 1941, vol. 16, № 4, стр. 278—284; Ch. F. Hockett. A system of descriptive phonology. — RiL, стр. 100.

звукового типа, фонетически противопоставленного в системе всем остальным: подобное понимание, естественно, исключает из американской фонологии такое важное для направлений, связанных с Пражской школой, понятие, как фонологическая нейтрализация.

Многие руководства рекомендуют также обращаться в спорных случаях к так называемому критерию конгруэнтности модели (*pattern congruity*), согласно которому из нескольких возможных фонологических решений следует выбрать то, которое находится в соответствии с уже установленными общими закономерностями данной фонологической модели и которое, следовательно, диктуется самими структурными особенностями языка (скажем, симметричностью коррелятивных оппозиций). Так, например, хотя в языке навахо (США) *i* и *j* находятся в отношении дополнительной дистрибуции и фонетически сходны, их соотносят здесь с разными фонемами, так как модель этого языка в целом характеризуется очень четким противопоставлением гласных и согласных¹⁴⁴.

В то же время от установленных моделей сочетаемости фонем зависит возможность трактовки некоторых фонем в виде фонетически сложных последовательностей (так, например, если установлено, что в языке максимальным является скопление двух согласных, считается целесообразным усматривать в сочетаниях типа *ktl*, *kts*, *ktš* и т. п. манифестацию единых фонем *tl*, *ts*, *tš*). Критерий конгруэнтности модели так или иначе признается релевантным в работах М. Сводеша, Дж. Трейгера и Г. Л. Смита, Ч. Хоккета, К. Л. Пайка и других дескриптивистов¹⁴⁵. Учитывая, однако, постоянно возникающую при этом опасность произвольной структуризации данных, Ч. Хоккет выдвигает требование «не разрешать эстетическим вкусам исследователя искажать факты и находить большую симметрию, чем та, что имеется налицо...»¹⁴⁶. Некоторые иные критерии, такие, как требование полноты или законченности модели, а также экономности ее описания, встречаются относительно реже. В оценке дескриптивистами последнего требования интересны расхождения; так, если у З. С. Харриса, в связи с влиянием на него некоторых установок неопозитивизма, этот критерий играет очень важную роль, то для Ч. Хоккета он в высшей мере второстепенен¹⁴⁷.

¹⁴⁴ Ср.: M. Swadesh. The phonemic principle, стр. 124.

¹⁴⁵ Ср.: G. L. Trager and H. L. Smith. An outline of English structure, стр. 19; Ch. F. Hockett. A system of descriptive phonology, стр. 100—104; K. L. Pike. Phonemics: a technique for reducing languages to writing, стр. 63—66, 116—121, 128—158; Z. S. Harris. Structural linguistics, стр. 65; K. Malone. On symmetry in phonemic analysis. «Language», 1962, vol. 38, № 2, стр. 142—146.

¹⁴⁶ Ch. F. Hockett. A manual of phonology, стр. 185.

¹⁴⁷ Ср.: Z. S. Harris. Structural linguistics, стр. 94, 125, 160 и др.; Ch. F. Hockett. A manual of phonology, стр. 159.

Пожалуй, наиболее характерной общей чертой перечисленных выше определений фонемы, так или иначе объединяющей большинство американских фонологов, является нефункциональный характер выдвигаемых критериев. Вместе с тем критерий словоразличения, играющий столь важную роль в фонологических построениях европейских структуралистов, здесь замещается простой констатацией того, что фонемы, определенные в описанных терминах, находятся друг к другу в отношении контраста или противопоставления. Если исходить из указания К. Л. Пайка о том, что «о контрасте мы говорим, когда одно явление отлично от другого, входящего в ту же функциональную систему», или из определения Б. Блока и Дж. Трейгера, согласно которому контрастом называются дистинктивные различия (*distinctive differences*), способные отличать одно значение от другого¹⁴⁸, то должна быть ясной близость понятия фонологического контраста у американцев к понятию фонологической оппозиции в пражской фонологии (см. выше, стр. 63 и сл.). Американские языковеды не только подчеркивают роль контрастирования фонем, но и усматривают различную степень их функциональной нагрузки (зависящую от числа противопоставляющихся по этому контрасту минимальных пар слов и от частотности их употребления)¹⁴⁹. Однако не менее очевидно и различное место, которое занимают эти понятия внутри обеих концепций. Вместе с тем в согласии с принимаемым в дескриптивной лингвистике определением фонемы находится и распространенное утверждение, что фонема не обладает значением¹⁵⁰.

Разделяя опять-таки взгляды Л. Блумфилда, американские структуралисты обычно считают, что хотя значение языковой данности и присутствует в фонологическом анализе, оно не может само по себе играть роль критерия¹⁵¹. Строгое отграничение языковой данности и критериев ее анализа является несомненным достижением блумфилдианского направления американского языкознания, обычно недооцениваемым даже в США. Объективно справедлива и дескриптивистская точка зрения, постулирующая иррелевантность в фонологическом анализе семантического критерия. Однако причиной иррелевантности последнего следует признать, вопреки американским структуралистам, не низкий общий уровень разработки семантики, а то обстоятельство, что любое моделирование языковой структуры, в том числе и фоно-

¹⁴⁸ K. L. Pike. *Tone languages*. Ann Arbor, 1948, стр. 3; B. Bloch and G. L. Trager. *Outline of linguistic analysis*, стр. 38; см. также: B. Bloch. *Contrast*. «Language», 1953, vol. 29, № 1, стр. 59—62.

¹⁴⁹ Ср.: Ch. F. Hockett. *A manual of phonology*, стр. 212—218; Он же. *A course in modern linguistics*, стр. 16—17.

¹⁵⁰ Ср.: B. Bloch and G. L. Trager. *Outline of linguistic analysis*, стр. 53.

¹⁵¹ Ср.: L. Bloomfield. *Language*, стр. 137—138.

логическое, может производиться лишь посредством использования структурных же критериев, т. е. критериев, увязывающих в единое целое как семантическую, так и фонетическую данность языка. Должно быть очевидным, что ни семантические, ни фонетические критерии, взятые сами по себе, недостаточны для структурного моделирования данных. Они приводят к одностороннему моделированию семантической или звуковой стороны языка. Не может быть релевантным в анализе языковой структуры и механическое сочетание абсолютно противоречивых семантического и фонетического критериев.

На основании изложенных соображений нельзя согласиться и с часто цитируемым положением Б. Блока о возможности выявления фонем в языке в ходе одностороннего фонетического исследования. Б. Блок, как известно, предполагает, что «теоретически было бы возможно прийти к фонемной системе диалекта исключительно на базе фонетики и дистрибуции, без какого-либо обращения к значению — даже если в высказываниях на диалекте не все возможные комбинации фонем действительно имели место. При наличии достаточного образца диалекта — скажем, двадцати или тридцати часов связной речи информанта, записанной высокочувствительным аппаратом или в подробной фонетической транскрипции, — лингвист, вероятно, мог бы определить его фонемную систему, не зная, что значит каждая часть образца, или даже обозначают ли любые его части одну и ту же вещь или разные»¹⁵².

Американский структурализм характеризуется детальной разработанностью методики фонологического анализа. Эта методика хорошо демонстрирует то обстоятельство, что для дескриптивистов фонология, если исключить морфофонологию, не представляет собой уровня, отличного от фонетического.

Предполагается, что в распоряжение лингвиста поступает материал, записанный в фонетической транскрипции, носящей импрессионистский характер. Естественно, что такая транскрипция может оказаться либо очень детализованной, либо недостаточно детализованной, либо неправильно сегментирующей текст и т. п. Если она достаточно детализована, что представляет собой благоприятный фактор для дальнейшего фонологического анализа, то ее нетрудно свести к искомой фонологической. Однако наличие всякого рода недочетов потребует внесения по ходу процедуры дополнительных коррективов. Сначала отыскиваются предположительные сходные по фонетическому облику пары, а затем выявляются их дистрибутивные отношения, под-

---

¹⁵² B. Bloch. A set of postulates for phonemic analysis, стр. 5, прим. 8. — О возможности фонологического анализа без знания лексического значения слов, но при понимании их морфологического строения см.: B. Trnka. Určování fonému. «Acta Universitatis Carolinae», Philologica et historica. Praeae, 1954, стр. 19, 21.

сказывающие соответствующее фонологическое решение. Выделяемые самими американскими лингвистами два основных «шага» исследования — сегментация и отождествление аллофонов — составляют не только две ступени фонологического анализа, сколько две его стороны (так как произвольность фонетического сегментирования может быть вскрыта, например, уже при попытках отождествления фон в качестве аллофонов единой фонемы)¹⁵³. Сгруппированные таким образом фонемы рассматриваются как аллофоны соответствующих фонем. Предлагающий несколько более сложную процедуру фонологического анализа В. Твэдделл выдвигает при этом промежуточное понятие микрофонемы (*microphoneme*), под которым понимается значимый звуковой инвариант, т. е. некоторый звукотип, взятый для каждой особой позиции отдельно. Так, например, *b* из англ. *beak* и *v* из англ. *cab* принадлежат разным микрофонемам, лишь в дальнейшем отождествляемым в качестве членов одной фонемы или, по его терминологии, макрофонемы (*macrophoneme*)¹⁵⁴. К. Л. Пайком и Ч. Хоккетом предпринята попытка перенести из грамматики в фонологию метод анализа по непосредственно составляющим¹⁵⁵. Однако его применение наталкивается здесь на еще большие трудности (так, например, указывают на то, что границы непосредственно составляющих не обязательно совпадают с фонемными¹⁵⁶) и у других американских фонологов почти не встречается.

Обращает на себя внимание тот факт, что рассмотрение дифференциальных признаков фонем, характерное для некоторых направлений, близких к пражской школе, в методике фонологического исследования у американских структуралистов непопулярно. Даже в тех случаях, когда компонентный анализ (*componential analysis*) предпринимается, он так или иначе противопоставлен соответствующей методике Р. Якобсона. Такое противопоставление имеет место, например, у Ч. Хоккета, находящего методику Р. Якобсона импрессионистской¹⁵⁷ и предлагающего свою процедуру компонентного анализа, направленную на выявление конечных фонологических составляющих (*ultimate*

¹⁵³ Подробнее см.: Г. Глисон. Указ. соч., стр. 240—258 и 333—354.

¹⁵⁴ См.: W. F. Twaddell. On defining the phoneme, стр. 44.

¹⁵⁵ Ср.: K. L. Pike and E. V. Pike. Immediate constituents of Mazateco syllables. — *IJAL*, 1947, vol. 13, № 3, стр. 155—172; Ch. F. Hockett. A manual of phonology, стр. 2, 65, 161—164 и др.

¹⁵⁶ Ср.: C. L. Ebeling. Linguistic units, стр. 77—80.

¹⁵⁷ См.: Ch. F. Hockett. A manual of phonology, стр. 126—131 и 173—175. — Замечаниями методологического порядка интересна в этой связи статья: Y. Bar-Hillel. Three methodological remarks on «Fundamentals of language». «*Word*», 1957, vol. 13, № 2, стр. 325—328. Опыты компонентного анализа фонем см. в статьях: Ch. F. Hockett. Componential analysis of Sierra Popoluca. — *IJAL*, 1947, vol. 13, стр. 258—267; S. E. Martin. Korean phonemics. «*Language*», 1951, vol. 27, № 4, стр. 519—533.

phonological constituents). Различно при этом и самое место методик: если у Ч. Хоккета объектом анализа оказываются уже установленные фонемные тождества, то у Р. Якобсона анализ на уровне дифференциальных признаков неизбежно предшествует самому отождествлению фонем. С другой стороны, методике Р. Якобсона, как основанной по существу на фонетических (и, по мнению Харриса, — произвольных) критериях, противоплагается и процедура Харриса, направленная на получение более экономного фонемного инвентаря. Она основывается на выявлении взаимной сочетаемости уже постулированных предшествующим анализом фонем, причем сочетающиеся друг с другом фонемы рассматриваются как обладающие общим «компонентом». Так, если в исследуемом языке встречаются последовательности *sp* и *zb*, однако отсутствует *sb*, то появляется возможность представить *sp* как сочетание *z̄b*, где $\bar{z}$ становится символом «долгого компонента» (long component), а *s* и *p* трактовать как $\bar{z}$ и $\bar{b}$. В итоге вместо имевшихся четырех элементов описания *s*, *p*, *z* и *b*, характеризовавшихся дистрибуционными ограничениями, исследователь постулирует всего три: *z* и *b*, лишённые дистрибутивных ограничений, а также компонент $\bar{\quad}$, лишённый самостоятельного фонологического статуса¹⁵⁸. В целом непопулярность анализа на уровне дифференциальных признаков фонем сближает американский структурализм с глоссематикой (и остальными лингвистическими направлениями, за исключением связанных с Пражской школой).

В итоге фонологического анализа американские языковеды приходят к фонологической транскрипции текста на заданном языке, отражающей лишь структурно противопоставленные единицы языка, но не учитывающей чисто фонетических различий между аллофонами.

Вместе с тем американские языковеды, идя в этом отношении за Д. Джоунзом, постоянно подчеркивают, что фонологическая транскрипция должна служить и практической орфографией, использующей наименьшее число символов (даже с учетом так называемых суперсегментных фонем или просодем) для обозначения речи на письме¹⁵⁹.

Изучение фонологической концепции американских структуралистов приводит к следующим выводам. С одной стороны, в американской фонетике отсутствует сколько-нибудь четкое

¹⁵⁸ См.: Z. S. Harris. Simultaneous components in phonology. «Language», 1944, vol. 20, № 4, стр. 181—205; Он же: Structural linguistics, стр. 125—149. — Не следует при этом забывать, что фонема у З. С. Харриса является единицей описания языка, а не единицей самого языка.

¹⁵⁹ См., например: M. Swadesh. The phonemic principle, стр. 127; B. Bloch and G. L. Trager. Outline of linguistic analysis, стр. 46; E. Haugen. Phonemics: a technique for making alphabets. «American Speech», 1949, vol. 24, № 1, стр. 57; K. L. Pike. Phonemics: a technique for reducing languages to writing, стр. 208—226.

понятие обобщенной фонетической единицы, и она занимается рассмотрением индивидуальных звуков (фонны нужны для дальнейшего фонологического анализа) — гласных, согласных, суперсегментных явлений. С другой стороны, американская фонология имеет дело исключительно с обобщенными единицами — фонемами (представляемыми обычно в виде абстрактного звуко-типа), выявляемыми посредством не функциональной, а фонетико-дистрибутивной процедуры. Оба раздела, таким образом, логически дополняют друг друга, сливаются, по существу, в единую нефункциональную дисциплину. Тем самым качественное различие между фонетикой и фонологией здесь, в сущности, снято. Совершенно правильными представляются поэтому указания В. Твэдделла на то, что фонологический анализ в американской лингвистике является продолжением фонетического, и замечание К. Л. Пайка о том, что фонетика поставляет сырой материал, а фонемика его переваривает¹⁶⁰. Ясно, однако, что такое понимание вступает в противоречие с самим принципом структурного подхода к анализу языка, который исключает всякое одностороннее моделирование (фонетическое или семантическое) языковой данности. Должно быть очевидным, что любое рассмотрение языка, претендующее на раскрытие его внутренней структуры, не может не учитывать так или иначе его обоих планов (плана выражения и плана содержания). Нельзя поэтому не согласиться с высказываниями ряда европейских структуралистов, уже давно обративших внимание на игнорирование американской фонологией структурного подхода к языку. Так, например, В. Пизани прямо причисляет вышеупомянутую статью Б. Блока, посвященную построению системы постулатов для фонемного анализа, к работам по описательной фонетике¹⁶¹. П. Дидерихсен находит самое определение фонемы у Б. Блока и, следовательно, в той или иной степени у других ортодоксальных дескриптивистов простой переформулировкой соответствующего определения, выдвинутого английским фонетистом Д. Джоунзом, и правильно подчеркивает, что стремление Б. Блока избежать учета значения тесно связано с точкой зрения Д. Джоунза¹⁶². Различие их концепций носит, по существу, терминологический характер: если Д. Джоунз называет свою единицу фонетической,

¹⁶⁰ См.: W. F. Twaddell. On defining the phoneme, стр. 9; K. L. Pike. Phonemics: a technique for reducing languages to writing, стр. 57.

¹⁶¹ В. Пизани. Общее и индоевропейское языкознание. — В сб.: «Общее и индоевропейское языкознание», стр. 118.

¹⁶² P. Diderichsen. The importance of distribution versus other criteria in linguistic analysis, стр. 164; ср. также: E. Fischer-Jørgensen. Remarques sur les principes de l'analyse phonémique. «Recherches structurales» (TCLC, 1949, vol. V, стр. 217—219). — О близости взглядов Д. Джоунза и американских фонологов см.: О. С. Ахманова. Фонология. М., 1954, стр. 20.

то Б. Блок и другие дескриптивисты называют ее фонологической. Вообще параллелизм в трактовке фонемы между дескриптивистами и представителями английской фонетической школы Д. Джоунза идет очень далеко. Последние, как известно, также определяют фонему как класс фонетически сходных звуков, находящихся в определенных дистрибутивных отношениях¹⁶³. Помимо этого общего определения, едиными для обоих направлений следует признать по крайней мере три других важных момента: а) фонема понимается как класс, не пересекающийся в своих аллофонах с аллофонами других фонем; б) непопулярным является анализ фонем на дифференциальные признаки и в) допускается принципиальная определенность фонем вне учета фактора значения¹⁶⁴. Эти, а также уже отмеченные выше далеко идущие совпадения во взглядах, несомненно, свидетельствуют об определенной преемственности между «фонологической» концепцией Д. Джоунза и взглядами современных американских фонологов. Поэтому, в частности, прав в какой-то мере Чжао Юань-жень, считающий, что даже понимание фонемы у Л. Блумфилда в общем не сильно расходится с точкой зрения Д. Джоунза¹⁶⁵. В то же время более общие исторические нити связывают воззрения современных фонологов и Англии и США с наследием, оставленным представителями классической английской фонетической школы (Г. Суит, П. Пасси и др.), ссылками на работы которых особенно пестрят ранние фонологические исследования дескриптивистов.

Фонемный инвентарь языка поступает в распоряжение фонологической тактики (*phonotactics*), изучающей закономерности сочетаемости фонем. Нередко в описательных работах соответствующий раздел сводится к пространным перечню сочетаний фонем, зафиксированных в корпусе языка. Особое внимание, однако, обращается на ограничения, обнаруживаемые в фонемной дистрибуции. В этой связи в американскую фонологию вводится понятие так называемых дефектных фонем (*defective phonemes*)¹⁶⁶. Выше уже упоминалась попытка З. С. Харриса построить такую систему фонологического описания, каждый член которой не имел бы ограничений в дистрибуции (см. стр. 222).

После выявления фонемного инвентаря исследуемого языка американские фонологи ставят перед собой задачу классифика-

---

¹⁶³ См.: D. Jones. The phoneme: its nature and use. Cambridge, 1950, стр. 10 и сл.; ср. цитированную выше (на стр. 205) рец. Хаусхолдера на эту работу Джоунза (стр. 100—101).

¹⁶⁴ Ср. D. Jones. Definition of a phoneme. «Le maître phonétique», 1929, 3, 7, стр. 44.

¹⁶⁵ Yuen-Ren Chao. The non-uniqueness of phonemic solutions of phonetic systems. — RIL, стр. 39.

¹⁶⁶ Ср.: M. Swadesh. The phonemic principle, стр. 120; Ch. F. Hockett. A manual of phonology, стр. 164—165.

ции фонем. До сих пор мы ограничивались в изложении взглядов и аналитических процедур американцев, по существу, лишь одним родом фонем, носящих в американской литературе название сегментных, т. е. линейных.

Как и в других фонологических концепциях современного структурализма, здесь присутствует классификационное противопоставление гласных фонем, с одной стороны, и согласных, с другой. Признается и особый промежуточный класс фонем, называемых полугласными (semivowels). Вместе с тем особое место занимают здесь так называемые суперсегментные фонемы (suprasegmental phonemes), или просодемы. Выделение последних составляет специфику классификационной системы, принятой американскими фонологами. Так как фонематический аспект различных суперсегментных явлений занимает в американской фонологии очень большое и важное место, целесообразно остановиться на нем более детально.

В отличие от лондонской фонологической школы с ее стремлением строго разграничить теоретические понятия, связанные с изучением звуков (sounds), с одной стороны, и звуковых атрибутов (sound attributes), с другой, для американских фонологов типичны скорее поиски того общего, что объединяет эти различные акустические явления в структурном плане. Детальная разработка методов фонологического анализа и в особенности процедур вычленения и отождествления фонем приводит в дескриптивной лингвистике к мысли о возможности распространить фонемный принцип¹⁶⁷ на изучение лингвистических явлений другого уровня. Мы уже говорили о перенесении приемов фонологических исследований на уровень морфологии¹⁶⁸; не менее показателен, однако, и подчеркнуто одинаковый подход, осуществляемый применительно к изучению разнородных антропофонических особенностей речи, т. е. попытка перенести фонемный принцип на анализ таких особенностей произношения, как интонация, ударение, долгота и т. д.

На теоретическую возможность подвести под понятие фонемы, наряду с гласными и согласными, явления просодического характера указывает впервые Л. Блумфилд. В работе 1926 г. «Ряд постулатов для науки о языке» он, понимая фонему как «отличительный звук», приводит в качестве примера фонемы не только английские звуки [b, s, t], но и «обычное английское словесное ударение, китайские типы тона»¹⁶⁹.

¹⁶⁷ Впервые он был детально обоснован в работе: M. Swadesh. The phonemic principle, стр. 117—129 (см. также сноску ³⁴).

¹⁶⁸ См.: Н. Д. Арутюнова, Е. М. Кубрякова. Проблемы морфологии в трудах американских дескриптивистов, стр. 204.

¹⁶⁹ Русский перевод работы см. в кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, стр. 147.

Известная одноплановость фонем и «симультанных компонентов», или фонем и суперсегментных признаков в целом, интонаций, просодем, «вторичных фонем» — фонем высоты тона и ударения, признается и З. С. Харрисом¹⁷⁰, который прямо указывает, что подобные компоненты «имеют тот же статус, что и фонемы, и являются, по сути дела, не чем иным, как обобщенными фонемами»¹⁷¹. З. С. Харрис прямо указывает на то обстоятельство, что выделение симультанных компонентов — это результат закономерного развития той концепции, которая привела к установлению фонем на основе анализа определенным образом распределяющихся звуков¹⁷². К этому можно добавить, что и техника установления просодических фонем оказывается в основном той же, что и для обычных гласных и согласных фонем, — подбор минимальных контрастных пар, изучение дистрибутивных свойств соответствующих фонем и их окружения и т. д.

Начиная с 40-х годов, один просодический признак за другим квалифицируется как определенная фонема, и это приписывание фонемного статуса просодическим явлениям составляет одну из наиболее характерных черт фонологического анализа в американском его варианте. Появляются специальные работы, посвященные фонемам ударения, фонемам тона и высоты тона, фонемам интонации¹⁷³ и — что является принципиальным новшеством американской фонологии — фонемам стыка. Описанные впервые в работах Б. Блока и Дж. Трейгера¹⁷⁴ явления стыка, или спайки (*juncture*), вскоре входят в лингвистический обиход американцев, и пристальное внимание к способам соединения или, наоборот, разъединения звуков речи в связном потоке также становится существенной отличительной чертой американской фонологии.

Вместе с уточнением и классификацией многих просодических явлений, дотоле ускользавших от внимания исследователей и теперь описанных в терминах фонемы, возникает неудовлетворенность в связи с отсутствием общего термина, который мог бы быть отнесен ко всем указанным явлениям. Вслед за Блумфилдом продолжают дифференцировать «первичные» и «вторичные» фонемы, но поскольку блумфилдовский термин «вторичные фо-

¹⁷⁰ См.: Z. S. Harris. Simultaneous components in phonology, стр. 205.

¹⁷¹ Там же, стр. 181; ср. также стр. 190 и стр. 192, сноска 9а.

¹⁷² Там же, стр. 203.

¹⁷³ Ср.: R. S. Wells. The pitch phonemes of English; H. Müller. Stress phonemes in German. «Studies in Linguistics», 1950, vol. 8, № 1; G. L. Trager and B. Bloch. The syllabic phonemes of English. «Language», 1941, vol. 17, № 3; K. L. Pike. The intonation of American English. Ann Arbor, 1947; K. L. Pike. Tone languages и др.

¹⁷⁴ См. G. L. Trager and B. Bloch. The syllabic phonemes of English, стр. 224; B. Bloch and G. L. Trager. Outline of linguistic analysis, стр. 34—47; ср. также: Ch. F. Hockett. Two fundamental problems in phonemics.

немы» еще не учитывал некоторых просодических явлений, изученных позднее (главным образом, стыка)¹⁷⁵ и к тому же в указанных терминах не отражалась сущность разграничиваемых понятий, Б. Блок и Дж. Трейгер предложили для данных двух типов фонем термины «сегментный» и «суперсегментный»¹⁷⁶. Те из звуков, которые на фонетическом уровне выступают в определенной линейной последовательности, по цепочке, на уровне фонологии могут быть названы сегментными фонемами¹⁷⁷. Таковы гласные, согласные и полугласные. Те же из звуков, что как бы наслаиваются на них, — суперсегментны. Как образно объясняет Э. Хауген, — «некоторые звуки мыслятся как следующие один за другим, подобно кирпичам в стене, другие же звуки возникают одновременно с ними, как бы перекрывая ряд отдельных кирпичей»¹⁷⁸. Предлагая объединить подобные звуки в одну группу, Э. Хауген выдвигает для ее наименования термин «просодема»¹⁷⁹. Термин «суперсегментные фонемы» кажется ему теоретически неудачным, поскольку он считает целесообразным прежде всего разграничить понятия фонем и просодем. За фонемой, по его мнению, следует оставить только область «последовательных (successive) явлений»¹⁸⁰. При этом Э. Хауген преследует не только узко терминологические цели. Подобно Дж. Р. Фёрсу, он протестует против признания фонемного статуса просодем и постулирует необходимость изучения их в соответствии с их «особой природой», т. е., по его мнению, в тесной связи со слогом. Применение термина «суперсегментные фонемы» по отношению к просодемам, по-видимому, нецелесообразно и потому, что им опять-таки не могут быть охвачены все просодические явления. Так, он не может быть отнесен к явлениям стыка, поскольку последний, в отличие от интонации, ударения и тона, в ряде случаев вычлняется как раз в ходе линейного, последовательного разложения высказывания на минимальные сегменты (ср. паузы, некоторые виды цезур и диэрем и т. д.). Таким образом, привлечение данных о типах стыков должно было бы поколебать представление об обязательном суперсегментном характере просодических признаков. Однако на это в американском языкознании вплоть до настоящего времени не

¹⁷⁵ См. L. Bloomfield. *Language*, гл. 6.

¹⁷⁶ См. работы Б. Блока и Дж. Трейгера, указанные в предыдущей сноске, а также: K. L. Pike. *Phonemics: a technique for reducing languages to writing*, стр. 23—24, 105.

¹⁷⁷ См.: G. L. Trager. *The theory of accentual systems*. — В сб.: «*Language, culture and personality*». Wisconsin, 1941, стр. 132.

¹⁷⁸ См.: E. Haugen. *Phoneme or prosodeme?* «*Language*», 1949, vol. 25, № 3, стр. 278.

¹⁷⁹ Этот термин уже использовался в американской лингвистике для обозначения просодических фонем в целом, а также в качестве синонимов таких терминов, как «фонема ударения», «фонема долготы» и т. д.

¹⁸⁰ См.: E. Haugen. *Phoneme or prosodeme?*, стр. 282.

было обращено должного внимания, и параллельное употребление терминов «фонема ударения» (тона, интонации и т. д.) и прилагательных «просодический», «суперсегментный» по отношению к особому типу фонем и морфем продолжается и сейчас¹⁸¹. В то же время мысль о принципиальном разграничении фонем и просодем, т. е. о дифференциации двух разных единиц фонологического уровня и даже выделении двух уровней в пределах фонологического анализа, ставится снова на повестку дня¹⁸². Справедливости ради стоит отметить, что имплицитно эта концепция подготовлена всем ходом исследований 40—50-х годов, позволившим внести в понятие просодических признаков существенные дополнения и уточнения.

Так, среди отличительных черт, с помощью которых можно дифференцировать фонемы и просодемы, выделяется не только момент разного расположения этих единиц в пространстве (то, что можно было бы назвать парадигматическим распространением, в отличие от синтагматического), — ср. схематическое изображение фонем в виде + + + + ..., но просодем в виде $\overline{++}$ $\overline{++}$ ..., но и момент их временной характеристики (timing)¹⁸³. Просодема всегда приурочена по времени своего произнесения к другой звуковой единице, причем не всегда однофонемной: так, ударение приходится в общем на слоговой звук и по времени совпадает с его произнесением или даже произнесением целого слога; слог отличается определенной высотой тона, а интонационным рисунком (контуром) охватываются еще более длинные структуры — части предложения, целые предложения и т. д.¹⁸⁴

Известным отличительным признаком просодем следует, по-видимому, считать и то обстоятельство, что они не могут быть продемонстрированы «сами по себе»: нельзя произнести отдельно «ударение» или «стык». Определение подобных явлений носит поэтому часто относительный характер — ср. ударение, о наличии которого мы судим по его отсутствию в других местах, или стык, который мы «слышим» как перерыв в звучании

¹⁸¹ См., например: Ch. F. Hockett. A course in modern linguistics, стр. 163, 177; 50, 55 и др.; Г. Глисон. Указ. соч., стр. 78—90.

¹⁸² См.: A. A. Hill. Suprasegmentals, prosodies, prosodemes. «Language», 1961, vol. 37, № 4, стр. 457.

¹⁸³ Впервые подчеркнутый Э. Хаугеном в работе «Фонема или просодема?», о которой мы говорили выше.

¹⁸⁴ В этом смысле, по-видимому, не совсем правы те из лингвистов, которые связывают просодические признаки исключительно со слогом (Э. Хауген) или даже лишь с вершиной слога. Ср., например, утверждение Р. Якобсона и М. Халле о том, что «просодическим признаком обладают только те фонемы, которые образуют вершину слога» («Фонология и ее отношение к фонетике». — Сб. «Новое в лингвистике», вып. II, стр. 247). Имеют ли вообще отношение к слогу явления стыка? Связан ли каким-нибудь образом интонационный рисунок вопросительного, скажем, предложения, с его слоговым составом? По всей видимости, нет.

(ср. *Раздался звонок / он вышел*) и т. д. Следовательно, как это давно отмечалось, характер манифестации просодема отличен от манифестации простейших звуков.

Являясь элементами звучания и получая фонологическую интерпретацию, просодемы участвуют в построении морфем иначе, чем обычные гласные, согласные и полугласные.

Просодемы часто сами являются морфемами, т. е. релевантны одновременно и на уровне фонологии и на уровне морфологии.

Существенно, наконец, и то, что в отличие от фонемы, которая сама по себе никакого значения не передает, просодемы часто наделены вполне определенным значением: «значащей» является, например, та или иная схема ударения (ср. англ. а 'black'bird в отличие от а 'blackbird) или тот или иной интонационный контур (ср. оформление повествовательного предложения типа русск. *Он встал* в отличие от вопросительного *Он встал?*).

Подытоживая основные положения просодического анализа в трактовке его дескриптивистами, следует отметить, что, несмотря на существующие и здесь разногласия по вопросу о количестве просодем и возможностях их интерпретации, эта трактовка в общем существенно отличается от трактовки просодического анализа в Лондонской лингвистической школе¹⁸⁵. Так, большинство американских исследователей отказывается рассматривать в качестве просодемы долготу слога¹⁸⁶; большинство американских ученых склоняется к признанию нескольких просодем ударения (применительно к английскому языку, например — четырех); в качестве особой просодемы рассматриваются здесь типы стыка и т. д. Что же касается явлений интонации и тона, то значительные разногласия наблюдаются в этом отношении и среди американских фонологов¹⁸⁷ — различно понимание тона и его связей с интонацией и стыком, различны способы обозначения тонов и интонационных контуров, наконец, различны и методы определения и отсчета тонов и количество выделяемых здесь разновидностей. В то же время американская фонологическая модель описания обязательно включает релевантные для данного языка просодические признаки. Более того, описание просодем, образующих морфемы, также становится неотъемлемой частью описания языка на морфологическом уровне, и наиболее полная из всех существующих классификация фонологических единиц А. Хилла строится поэтому с учетом двух важнейших для фонем и просодем факторов — характера их произнесения (*successive versus simultaneous*) и участия их

¹⁸⁵ Подробнее см. гл. IV настоящего издания.

¹⁸⁶ См. А. А. Hill. *Suprasegmentals, prosodies, prosodemes*, стр. 466.

¹⁸⁷ См.: Г. Мюллер. *Языкознание на новых путях*. — В сб.: «Общее и индоевропейское языкознание», стр. 67—68.

в том или ином виде морфемы¹⁸⁸ (фонемно-сегментном или просодемно-суперсегментном).

Несколько слов следует сказать и о небазисных единицах дескриптивной фонологии, объединяемых здесь в класс макро-сегментов (*macrosegments*). Прежде всего — это фонологический слог, определяемый Ч. Хоккетом как последовательность трех непосредственно составляющих: приступа (*onset*), вершины (*peak*) и отступа (*coda*). Так, например, в односложной последовательности *hat* налицо приступ *h*, вершина *a* и отступ *t*. При этом считается, что в роли вершины слога могут выступать: гласная фонема, гласная фонема + фонема ударения, гласная фонема + фонема долготы, фонема тона¹⁸⁹.

Другой небазисной единицей дескриптивной фонологии является фонемное слово (*phonemic word*), которое определяется для английского языка как такая последовательность фонем, в которой, наряду с главным ударением, может иметься третье-степенное и слабое ударение с обычным типом связи между фонемами (например, *no* [nów], *taker* [téykər], *take it* [téykt], *psychological* [sàykəlájikəl] и др.). Фонемное слово рассматривается в свою очередь как особый случай фонемной фразы (*phonemic phrase*), включающей две — четыре фонемы ударения и интонационно заканчивающейся так называемым терминальным контуром: ср., например, *do you think so* [d + ye + θíŋk + sôw]¹⁹⁰.

Американский структурализм постулирует, наряду с фонемой, еще одну важную единицу — морфофонему, или морфонему, (*morphophoneme*, *morphoneme*), являющуюся базисной единицей так называемой морфонологической модели. Сами термины морфофонема и морфофонология, восходящие к работам ученика И. А. Бодуэна де Куртене польского ученого Г. Улашина, в американской литературе впервые встречаются в 1934 г. у Дж. Трейгера и М. Сводеша¹⁹¹. В этот период, в отличие от последующего, были четко видны две линии подхода американских лингвистов к морфофонологической проблематике: одна вела непосредственно от Г. Улашина к Дж. Трейгеру, а другая шла от Н. С. Трубецкого к М. Сводешу. В настоящее время большинство дескриптивистов относит морфофонемике к морфоло-

¹⁸⁸ См.: A. A. Hill. *Suprasegmentals, prosodies, prosodemes*, стр. 468.

¹⁸⁹ Ch. F. Hockett. *A manual of phonology*, стр. 52 и сл.; Он же. *A course in modern linguistics*, стр. 85—87.

¹⁹⁰ G. L. Trager and H. L. Smith. *An outline of English structure*, стр. 49—50. — О таких интонационных явлениях, как уровни тона (*pitch levels*) и конечный стык (*terminal contour*), связанных с фонологическими макро-сегментами, см.: Ch. F. Hockett. *A manual of phonology*, стр. 45—50; Он же. *A course in modern linguistics*, стр. 34—35.

¹⁹¹ См.: G. L. Trager. *The phonemes of Russian*. «Language», 1934, vol. 10, № 4, стр. 334—344; M. Swadesh. *The phonemic principle*, стр. 128—129.

гии. Не придерживается такого мнения Ч. Хоккет, считающий грамматику и морфофонику вполне самостоятельными разделами описания языка, хотя анализ при этом и протекает параллельно. Морфофонемика — это код, объединяющий фонологию с грамматикой¹⁹². С другой стороны, Дж. Трейгер находил, что Н. С. Трубецкой был прав, относя морфонемику к единицам фонологии¹⁹³. В более яркой форме последняя точка зрения выявляется у представителей школы трансформационного анализа, постепенно вводящих в сферу своих интересов фонологическую проблематику: здесь морфофонемология прямо рассматривается как трансформационная фонология.

Для того, чтобы найти объективное место морфофонемологии в структуре дескриптивной лингвистики, достаточно рассмотреть конкретные определения морфофонемологии и морфофонем, а также самую методику морфофонемологического анализа у дескриптивистов.

Так, согласно М. Сводешу, «морфофонемология включает, помимо изучения фонемной структуры морфем, исследование фонемных чередований как морфофонемического процесса»¹⁹⁴. По Б. Блоку, морфофонемикой называется изучение чередований соотносительных фонем в альтернантах одной и той же морфемы, а согласно одному из определений Ч. Хоккета, это «ветвь морфологии, занимающаяся фонемным обликом морфем, слов и конструкций»¹⁹⁵. Этих определений достаточно, чтобы увидеть, что под морфофонемной здесь понимается ряд альтернирующих фонем, выступающих в одной морфеме. Таким образом, если фонема в дескриптивной концепции представляет собой некоторый инвариант звучания — звуковой тип, то морфофонема объединяет разные звуковые типы. Дескриптивисты считают, что морфофонема всегда соотносима с соответствующей морфемой и что морфофонемное исследование становится возможным лишь по установлении как фонемного, так и морфемного инвентаря описываемого языка¹⁹⁶.

Процедура вычисления морфофонемы опирается здесь на сопоставление разных фонемных обликов одной и той же морфемы. В одну морфофонему объединяются фонемы, замещающие друг

---

¹⁹² Ch. F. Hockett. A course in modern linguistics, стр. 137, 274; Он же. Linguistic elements and their relations. «Language», 1961, vol. 37, № 1, стр. 36.

¹⁹³ G. L. Trager. [Рец.] N. van Wijk. Phonologie. «Language», 1940, vol. 16, № 3, стр. 250; см. также: B. L. Whorf. Language, thought and reality. Ed. by J. B. Carroll. Cambridge — N. Y., 1956, стр. 126.

¹⁹⁴ M. Swadesh. The phonemic principle, стр. 129.

¹⁹⁵ B. Bloch. English verb inflexion. — RiL, стр. 251; также: B. Bloch and G. L. Trager. Outline of linguistic analysis, стр. 57; Ch. F. Hockett. A system of descriptive phonology, стр. 107; Он же. Peiping morphophonemics. «Language», 1950, vol. 26, № 1, стр. 63.

¹⁹⁶ Ср.: Z. S. Harris. Structural linguistics, стр. 219.

друга в соответствующих местах одной морфемы. Так, если два члена одной и той же английской морфемы *knife* и *knife* (в форме мн. ч. *knives*) членятся на четыре фонемных сегмента, из которых сегменты /n/, /a/ и /j/ являются общими, а /f/ и /v/ фонологически различны, то последние рассматриваются как члены одной морфофонемы /F/. Последняя констатируется и во всех прочих случаях чередования *f : v* (например, в *wolf : wolves*, *wife : wives* и т. п.)¹⁹⁷. Согласно меткому определению Ч. Хоккета, «морфофонемы являются псевдофонемами, построенными таким образом, что можно сказать, что морфемы состоят из фонем»¹⁹⁸. В связи с преобладающим у дескриптивистов широким пониманием морфемы членами одной морфофонемы признаются как автоматически, так и неавтоматически обусловленные чередования звуко-типов (неавтоматично, в частности, в английском языке и чередование *f : v*). Однако ответа на вопрос о широте диапазона возможных фонетических расхождений между фонемными сегментами (для признания их членами одной морфофонемы) дескриптивная морфофонемика пока не дает: Ч. Хоккет просто констатирует при этом, что еще никто не пытался вывести морфофонемы на базе сопоставления таких алломорф единой морфемы, какими являются *go* и *wen* (t)¹⁹⁹.

Исходным моментом в определении морфофонемы у дескриптивистов является морфема. Если при этом не забывать, что морфеме в системе дескриптивной лингвистики отводится место глобальной единицы языка, аналогичное месту слова в других направлениях (ср. признание дескриптивистами за морфемой лексического и грамматического значения), то такая ориентация имеет известные основания. Следует, однако, иметь в виду, что уже отмечавшаяся выше нерасчлененность понятия морфемы у дескриптивистов дает повод к дискуссии о релевантности данных грамматического анализа для фонологического исследования, уже длительное время ведущейся между К. Л. Пайком, с одной стороны, и блумфилдианцами, с другой.

Фонологическая сущность морфофонемной модели дескриптивистов несомненна и обусловлена тем обстоятельством, что эта модель классифицирует сегменты фонемной протяженности. Должно быть очевидным, что и класс взаимно субституирующихся фонем (именно так трактует морфофонему З. С. Харрис)²⁰⁰, остается фонологическим классом, а описание их системы — разделом фонологии. Поэтому совершенно правильной представляется нам квалификация морфофонологии как трансформационной фоноло-

¹⁹⁷ Ср.: Z. S. Harris. *Structural linguistics*, стр. 224.

¹⁹⁸ Ch. F. Hockett. *Linguistic elements and their relations*, стр. 33.

¹⁹⁹ Там же, стр. 30.

²⁰⁰ См.: Z. S. Harris. *Structural linguistics*, стр. 231—232.

гии, данная Р. Лизом в его московских лекциях 1963 г.²⁰¹ Не случайна поэтому и известная близость американской интерпретации морфофонемы, идущей от Дж. Трейгера, и трактовки фонемы в московской фонологической школе²⁰². Общим моментом в обоих случаях является функциональное, и тем самым структурное, толкование соответствующей единицы, рассматриваемой в обеих школах с точки зрения ее роли в отождествлении морфемы или слова. Различие их состоит в том, что если в московской фонологической концепции, отдающей вместе с другими направлениями, близкими к Пражской лингвистической школе, традиционному дань фонетизму, вариантам или вариациями фонемы признаются исключительно автоматические, т. е. фонетически обусловленные чередования (и функциональный подход в анализе оказывается ограниченным), то у дескриптивистов понятие морфофонемы оказывается в большей мере функциональным.

Нельзя пройти мимо неудачности самого термина морфофонема, не являющегося исключительным достоянием метаязыка американских фонологов. Фактически объектом расчленения на фонемы является, конечно, не морфема, а элементарная глобальная единица языка — слово. Именно слово служит элементарным отправным пунктом во всяком формальном (и, следовательно, фонологическом, морфологическом и пр.) моделировании языковой данности²⁰³. Таким образом, термин «морфофонема» противоречит, на наш взгляд, самой логике уровневого исследования языка и затушевывает очевидную фонологическую специфику так называемого морфофонологического подхода в анализе.

Если со времени возникновения лингвистической концепции Н. Хомского в работах по трансформационному анализу в центре внимания оказалась грамматическая проблематика, то фундамент трансформационной фонологии закладывается, по существу, только в настоящее время.

Ряд важнейших вопросов новой теории (ср., например, вопрос о степени релевантности структурной информации на синтаксическом уровне при определении фонологического состава рассматриваемого отрезка) едва лишь поставлен на повестку дня исследования. Эти обстоятельства объективно затрудняют и самую оценку достижений трансформационной фонологии. Согласно

²⁰¹ Ср.: Н. Хомский. Синтаксические структуры. «Новое в лингвистике», вып. II, стр. 437.

²⁰² Для понимания фонемы у московских фонологов ср.: А. А. Реформатский. О соотношении фонетики и грамматики. — В сб.: «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 92—112; Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956; П. С. Кузнецов. Об основных положениях фонологии. — ВД, 1959, № 2, стр. 28—35. Ср. также: А. И. Смирницкий. Фонетическая транскрипция и звуковые типы. «Вестник МГУ», 1948, № 7, стр. 23 и сл.

²⁰³ Ср., например: А. И. Смирницкий. Лексическое и грамматическое в слове, стр. 11.

теории Н. Хомского, так называемый фонологический аспект (phonological component) является одной из двух основных частей порождающей грамматики. Если первая из них — синтаксический аспект — порождает последовательный ряд формативов (formatives), т. е. минимальных элементов, функционирующих синтаксически, то другая превращает его в соответствующую фонемную цепочку, фонологический компонент трансформационной грамматики состоит из упорядоченного ряда правил переписывания (rewriting rules), упорядоченного ряда трансформационных правил и, наконец, упорядоченного ряда правил переписывания в этом порядке²⁰⁴. Трансформационная фонология естественным образом опирается при этом на морфофонемные правила, столь детально разработанные уже в дескриптивной лингвистике, чем подтверждает большую теоретическую значимость так называемой морфофонологической модели (точнее — одного из ее вариантов) в рамках фонологии. Вместе с тем трансформационная фонология дает, по-видимому, ответы на некоторые вопросы, поставленные, но не решенные дескриптивной фонологией: ср. вопрос Ч. Хоккета о возможности выведения морфофонемного инварианта для алломорф *go* и *wen(t)*.

Набор морфофонемических правил типа «подставить Y вместо X» задается в виде некоторого упорядоченного ряда:

- (I) *walk* → /wɔk/
- (II) *take + past* → /tʌk/
- (III) *hit + past* → /hit/
- (VI) /... D/ + *past* → /... D/ + /ɪd/ (где D = /t/ или /d/)
- (V) /... C_{unv}/ + *past* → /... C_{unv}/ + /t/ (где C_{unv} — глухая согласная)
- (VI) *past* → /d/
- (VII) *take* → /teyk/ и т. д.²⁰⁵

Определенная очередность применения морфофонемных правил очевидна. Так, правило II должно предшествовать правилу V или правилу VII, иначе мы получили бы такие грамматически неправильные формы как, например, англ. [teykt] для прошедшего времени от глагола *take* 'брать'. Характерной особенностью морфофонемных правил является то обстоятельство, что требование замены, в результате применения каждого правила, не более одного символа, выдвигаемое на других этапах трансформационного анализа, здесь не обязательно.

Необходимо сказать несколько слов о разработке американскими структуралистами проблем исторической фонологии. В те-

²⁰⁴ См.: N. Chomsky. Explanatory models in linguistics. — В сб.: «Logic, methodology and philosophy of science». Stanford, 1960; Он же. The logical basis of linguistic theory. «Preprints of papers for the Ninth International Congress of Linguists». Cambridge, 1962, стр. 413—418.

²⁰⁵ См.: Н. Хомский. Синтаксические структуры, стр. 437—438.

чение длительного времени в связи с почти исключительным интересом американцев к описательному анализу языка теория диахронической фонологии в США практически не развивалась²⁰⁶. Вместе с тем практика сравнительно-исторических исследований ограничивалась в этом отношении лишь реконструкциями фонологических систем для праязыков отдельных наиболее изученных групп индейских языков (алгонкинских, на-дене, юто-ацтекано)²⁰⁷.

Однако, по справедливому признанию М. Сводеша, все эти реконструкции являются скорее общими предположениями, чем продуктом сколько-нибудь развитой теории диахронической фонологии²⁰⁸. Значение первых из них состояло прежде всего в том, что они подтвердили действенность методики сравнительно-исторического исследования на материале бесписьменных языков. Реальное оживление в этой области началось в США лишь в 40-х годах и преимущественно связано с работами одного из наиболее крупных представителей современной диахронической фонологии Г. Хёнигсвальда²⁰⁹. В них рассматривается проблема разграничения в истории языка изменений чисто фонетического порядка и изменений фонологических, обсуждается специфика внутренней реконструкции применительно к фонологии, вводится методика дистрибутивного анализа, а также ставится важная в эпистемологическом плане проблема реальности фонологической реконструкции. Последняя проблема вызвала в американской литературе последних лет целую дискуссию. Если, с одной стороны, здесь защищается взгляд, согласно которому за реконструируемой фонологической системой языка признается большая или меньшая адекватность историческому объекту, то, с другой стороны, налицо и

---

²⁰⁶ Исключение в этом смысле составляет работа: A. A. Hill. *Phonetic and phonemic change*. «*Language*», 1936, vol. 12, № 1, стр. 15—22. — Ее критический анализ см. в статье А. А. Реформатского «Проблема фонемы в американской лингвистике», стр. 124—130.

²⁰⁷ См.: E. Sapir. *Southern Paiute and Nahuatl*, I. «*Journal de la Société des Americanistes*», vol. 10. Paris, 1913, стр. 379—425; То же, II. «*American Anthropologist*», 1915, vol. 17, стр. 98—120, 306—328; Он же. *The Na-Dene languages. A preliminary report*. «*American Anthropologist*», 1915, vol. 17, № 4, стр. 534—558; L. Bloomfield. *On the sound-system of Central Algonquian*. «*Language*», 1925, vol. 1, № 4, стр. 130—156; T. Michelson. *Phonetic shifts in Algonquian Languages*. — *IJAL*, 1933, vol. 8, стр. 131—171; R. E. Longacre. *Proto-Mixtecan*. — *IJAL*, 1957, vol. 23, № 4, pt III, стр. 1—195 и др.

²⁰⁸ M. Swadesh. *Perspectives and problems of Amerindian comparative linguistics*. «*Word*», 1954, vol. 10, № 2—3, стр. 188.

²⁰⁹ См.: H. M. Hoenigswald. *Sound change and linguistic structure*. «*Language*», 1946, vol. 22, № 2, стр. 138—143; Он же. *The principal step in comparative grammar*. «*Language*», 1950, vol. 26, № 3, стр. 357—364; Он же. *Phonetic similarity and internal reconstruction*. «*Language*», 1960, vol. 36, № 2, pt 1, стр. 191—192; Он же. *Language change and linguistic reconstruction*. Chicago, 1960. — Ряд новых исследований по диахронической фонологии принадлежит В. Леману, Г. Кьюрату, В. Мултону и др.

так называемая алгебраическая точка зрения, усматривающая в реконструкциях символизацию самой исследовательской процедуры. Последняя точка зрения дает себя знать, между прочим, в такой методически прогрессивной отрасли исторической фонологии, как американская ларингалистика²¹⁰. Проблема типологической классификации фонологических систем, представленных в языках различных семей, долгое время американскими фонологами не разрабатывалась. Такому положению, несомненно, способствовало мнение о принципиальной несопоставимости фонем и фонологических систем разных языков, распространенное здесь еще со времени известного в этом плане опыта Н. С. Трубецкого. Судя по всему, преобладает оно в американской фонологии и в настоящее время. Тем не менее с именем Ч. Хоккета оказалась связанной наиболее значительная после Н. С. Трубецкого попытка такого рода²¹¹.

Конечной задачей фонолога американские языковеды считают выявление фонологической системы (pattern, system) исследуемого языка и создание некоторой абстрактной модели — способа ее описания²¹². Таким образом, важнейшим методом познания фонологической системы признается ее моделирование. Само понятие моделирования в американской фонологии имеет свои особенности по сравнению с его трактовкой в морфологии. В многочисленных американских работах описательного характера еще со времен Э. Сепира ставится задача выявления некоторого реально существующего инвентаря звукотипов (pattern) конкретного языка. Однако уже довольно рано стало пробивать себе путь и другое понимание модели (model), характерное для морфологии и связанное с рефонемизацией первичного фонологического решения. Так, еще в 1939 г. М. Сводеш и К. Вёглин выдвинули понятие параллельной с базисной так называемой непатентной (non-patent) фонологической модели, элементами которой являются фонетически необусловленные чередования звукотипов в основе слова²¹³.

Иному пониманию модели соответствует и так называемая морфофонологическая модель, характеризующаяся Ч. Хоккетом как псев-

---

²¹⁰ См. сборник «Evidence for laryngeals. Work papers of a conference in Indo-European linguistics on May 7 and 8, 1959». Ed. by W. Winter. Austin, 1960; E. Pulgram. Proto-Indo-European reality and reconstruction. «Language», 1959, vol. 35, № 3, стр. 421—426; противоположный взгляд см.: R. A. Hall Jr. On realism in reconstruction. «Language», 1960, vol. 36, № 2, pt 1, стр. 203—206.

²¹¹ См.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960; ср. также: Ch. F. Hockett. A manual of phonology, стр. 42—443; Г. Глисон. Указ. соч., стр. 332—337.

²¹² Ср.: Ch. F. Hockett. A manual of phonology, стр. 176.

²¹³ M. Swadesh and Ch. F. Voegelin. A problem in phonological alternation, стр. 1—10.

дофонологическая²¹⁴. Иногда синонимом термина *pattern* является *system* или даже *structure*: ср. определение Ч. Хоккета, согласно которому «фонологической структурой (*structure*) языка является то, что остается инвариантом при всех возможных трансформациях от одной исчерпывающей фонемизации к другой»²¹⁵. При этом собственно фонологическая система (*pattern*) обычно предполагает у американских лингвистов установление как качественно определенных элементов, так и их отношений²¹⁶.

Известный тезис Чжао Юань-жэня о возможности неоднозначной фонологической интерпретации одного и того же ряда структурных данных языка исходит из целесообразности в соответствии с различной ориентированностью исследования по-разному группировать звукотипы языка и строить соответственно различные системы фонологического описания²¹⁷. Однако этот выдвинутый в дискуссионном порядке тезис, из-за привлечения ряда объективно неопределимых критериев вычленения фонемы (например, фонетическое сходство, симметричность системы и т. п.), а главное, вследствие неразграничения онтологической и методической сторон исследования (Чжао Юань-жэнь не противопоставляет своим абстрактным фонологическим единицам единиц самой языковой реальности), по своей доказательной силе значительно уступает аналогичному положению, выдвинутому примерно в то же время в советской фонологии²¹⁸. Широкая распространенность этого тезиса в американском структурализме, на наш взгляд, в большей степени обусловлена самой практикой фонологической работы, выдвинувшей параллельно с понятием собственно фонологической модели понятия непатентной фонологической и морфофонологической (или псевдофонологической) моделей в связи с необходимостью различной фонемизации (*phonemizing*) одного и того же ряда структурных данных языка и, следовательно, с необходимостью отразить разные «уровни» отношений между элементами фонологической системы. Так как за всеми возможными фонологическими моделями данного языка стоит единая фонологическая система (*pattern*), то, естественно, предполагается взаимная обратимость (*mutual convertibility*) этих моделей²¹⁹. Несмотря на все это, в концепции американского структурализма мы не находим

²¹⁴ Ср.: Ch. F. Hockett. *Linguistic elements and their relations*, стр. 31.

²¹⁵ Ch. F. Hockett. *Two fundamental problems in phonemics*, стр. 51.

²¹⁶ M. S. Wadsworth. *The phonemic principle*, стр. 18. Ср.: Ch. F. Hockett. *A course in modern linguistics*, стр. 24—25; Э. Хауген. *Направления в современном языкознании*, стр. 262—262. Ср., однако: W. F. Twaddell. *On defining the phoneme*, стр. 9.

²¹⁷ Yuen-Ren Chao. *The non-uniqueness of phonemic solutions of phonetic systems*. — *RiL*, стр. 38—53.

²¹⁸ Ср.: С. И. Бернштейн. *Основные понятия фонологии*. — ВЯ, 1962, № 5, стр. 62—80.

²¹⁹ См.: Ch. F. Hockett. *A manual of phonology*, стр. 178.

синтезирующей точки зрения, объединяющей в рамках одного построения несколько возможных фонологических подходов, подобно «плюралистической» концепции советского фонолога С. И. Бернштейна. Отсутствие таковой, по-видимому, объясняется пониманием здесь фонемы, как звукового типа, фонетически «непересекающегося» с другими звукотипами. В этой связи различия в фонологическом моделировании у американских лингвистов невелики и связаны преимущественно с проблемой синтагматического разграничения потенциально бифонемных фонетических последовательностей (ср. традиционную дискуссию по поводу фонологической трактовки английских аффрикат и дифтонгов)²²⁰. В то же время много дающая для уяснения сущности фонологической модели морфофонологическая интерпретация структурных данных, к сожалению, привлекает к себе у американских структуралистов все еще мало внимания, так как она относится обычно к сфере морфологии (см. ниже, стр. 240)²²¹. Необходимо, однако, отметить, что в американском языкознании К. Л. Пайком и Ч. Фризом выдвинута точка зрения о возможности сосуществования в одном языке нескольких фонологических систем. В обоснование ее приводится следующий характерный пример. В языке мазатек (Центральная Америка) в слове *siento* 'сто', усвоенном из испанского, налицо единственный для этого языка случай сочетания *n* с *t*. При этом распределение двух аллофонов *t* и *d* мазатекской фонемы /*t*/ таково, что в случае ее сочетания с /*n*/ всегда выступает звонкий аллофон *d*. Отсюда делается заключение, что наличие в *siento* глухого *t*, нарушающее дистрибутивные отношения аллофонов фонемы /*t*/, должно быть отнесено к иной фонологической системе, сосуществующей с первой, но отражающей иные закономерности. Эта точка зрения встретила серьезные возражения со стороны ряда других дескриптивистов²²². Свое преимущественное развитие она нашла в работах по типологии фонологических систем славянских языков Р. Якобсона, Э. Станкевича и других лингвистов, близких к Пражской лингвистической школе.

Именно с фонологическим материалом связана в американском структурализме постановка эпистемологической проблематики. Продолжающаяся по сей день дискуссия выявила двойное понимание фонемы, с одной стороны, представляющейся в виде некото-

---

²²⁰ Ср. там же, стр. 177—178; E. Haugen. Phonemics: a technique for making alphabets, стр. 57; K. L. Pike. Language in relation..., pt I, стр. 20; Z. S. Harris. Structural linguistics, стр. 2.

²²¹ Ср.: V. Bloch and C. L. Trager. Outline of linguistic analysis, стр. 49; Г. Глисон. Указ. соч., стр. 57, 306—307; Ch. F. Hockett. A course in modern linguistics, стр. 109—110.

²²² См.: Ch. C. Fries and K. L. Pike. Coexistent phonemic systems. «Language», 1949, vol. 25, № 1, стр. 29—50; J. E. Grimes. Style in Huichol structure. «Language», 1955, vol. 30, № 1, стр. 31—35. — Другую точку зрения см.: V. Bloch. Studies in colloquial Japanese, IV. Phonemics, стр. 87.

рой реальности, существующей в языке независимо от лингвиста, а с другой стороны — выступающей в роли научной фикции, создаваемой языковедом. Для обоснования и пропаганды последнего взгляда много дал проведенный В. Тводделлом логический анализ понятия фонемы, решительно устранивший, по признанию Н. С. Трубецкого, ряд психологических и натуралистических предрассудков, сложившихся вокруг этого понятия²²³. Разделяют этот взгляд и другие дескриптивисты, для которых фонема является единицей системы описания языка²²⁴. Однако в целом дискуссия по этому вопросу малопродуктивна, выдвигает много неясных формулировок и наталкивается на взаимонепонимание сторон. Неполадотворность дискуссии объясняется отчасти тем, что в США все еще недостаточно популярно разграничение языковых единиц, т. е. элементов структуры языка, и единиц лингвистических, т. е. элементов научного теоретического построения. Должно быть очевидным, что если фонемой называть элементарную единицу языковой структуры, например звукотип, то она объективно существует независимо от лингвиста; если же под фонемой понимать единицу лингвистического моделирования, т. е. результат абстрактного представления лингвиста о языке, то она приобретает качество теоретического конструкта, варьирующегося не только от одной теоретической концепции к другой, но и, в зависимости от целей описания, даже внутри одной и той же концепции.

Грамматика

«Дескриптивная лингвистика — это набор предписаний об описании»²²⁵ — так характеризует это направление один из его видных представителей Р. Уэллз. Поэтому «в дескриптивном языкознании открытие состоит в том, чтобы найти лучшую схему, в терминах которой следует описывать лингвистические факты»²²⁶. Иными словами, дескриптивисты видят основную задачу языкознания в создании целостной и логически последовательной модели языка. В эксплицитной постановке проблемы моделирования, выдвинутой дескриптивистами на первый план, несомненно, заключается сильная сторона этого направления.

Интерес к проблемам моделирования, возникший в американском языкознании еще в самый ранний период его развития, связан с именем известного антрополога и этнографа Ф. Боаса, положившего начало систематическому описанию индейских языков,

---

²²³ W. F. T w a d d e l l. On defining the phoneme. Ср. также: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 50—51.

²²⁴ Ср.: Z. S. H a r r i s. Structural linguistics, стр. 16—19.

²²⁵ R. W e l l s. Some neglected opportunities in descriptive linguistics, стр. 38.

²²⁶ R. W e l l s. Immediate constituents. «Language», 1947, vol. 23, № 2, стр. 100—101.

итоги которого были опубликованы в двухтомном «Руководстве по языкам американских индейцев»²²⁷.

Ф. Боас стремился к тому, чтобы в описании каждого языка был максимально выявлен его «дух», своеобразие его структуры, его типологические особенности. Боясь нивелировать специфику конкретных языков, Ф. Боас сразу же и самым решительным образом отказался следовать в описании индейских языков образцу латинских грамматик, в основе которых лежит парадигматическая организация материала.

Ф. Боас не создал эксплицитной грамматической модели. В 1911 г. он сообщал о своем намерении опубликовать план описания индейских языков, но позднее отказался от этой мысли, возможно, опасаясь связать своих сотрудников определенными установками и тем самым помешать им непредвзято подойти к структуре еще неописанных языков. Тем не менее грамматики, включенные в «Руководство», довольно единообразны, что свидетельствует о последующей обработке материала согласно одинаковым принципам. Попытавшись выявить эти принципы, присутствующие в грамматиках лишь имплицитно, Ч. Вёглин пришел к заключению, что в американской антропологической лингвистике применялось несколько моделей, или стилей описания, нередко совмещавшихся в пределах одной грамматики. Особенно характерно для Ф. Боаса и его сотрудников стремление выявить грамматические категории каждого языка. Интерес к грамматическим категориям нередко превалирует над собственно формальным анализом. Девять (из десяти) грамматик первого тома и половина грамматик второго тома «Руководства» содержат специальные очерки, посвященные языковому выражению грамматических категорий²²⁸. Наряду с этим описывается сочетаемость аффиксов каждого языка, а также относительное расположение элементов высказывания (*relative order position*). Анализ морфонологических явлений обычно производился в работах антропологической школы на морфологическом уровне. Парадигматическая организация материала, которая широко применялась при описании индоевропейских языков, почти не использовалась в антропологической лингвистике²²⁹ как несущая на себе отпечаток латинской грамматической модели.

Таким образом, отказавшись от описания языков в духе традиционной модели, американские лингвисты с самого начала были заняты поисками новых грамматических схем. И если вначале эти

---

²²⁷ F. Boas. Handbook of American Indian languages. Vol. I — Washington, 1911; vol. II — Washington, 1922.

²²⁸ Интерес к грамматическим категориям был позднее совершенно утрачен дескриптивистами, перенесшими центр тяжести на морфемный анализ.

²²⁹ C. Voegelin. Model-directed structuralization. «Anthropological Linguistics», 1959, vol. 1, № 1, стр. 15—20.

поиски не выходили за пределы творческой лаборатории лингвиста, то после возникновения дескриптивной школы как определенного направления структурной лингвистики проблемы, связанные с созданием грамматической модели, широко обсуждаются на страницах печати. Это обсуждение стало особенно бурным с начала 40-х годов, после выхода в свет статей Э. Харриса, стимулировавших интерес американских лингвистов к вопросам моделирования.

В настоящее время принято говорить о трех основных моделях, разработанных американскими структуралистами. Эти модели существуют в разных вариантах. Однако незначительные внутренние различия не затрагивают принципиальных основ каждой из них. Первые две модели близки друг к другу. Они пользуются одинаковыми единицами, хотя и различаются по метаязыку. Они как бы взаимобратимы: все то, что может получить структурное описание по одной модели, может быть структурно описано (хотя и в несколько иных терминах) по нормам другой модели. Третья модель очень своеобразна, она отличается от первых двух как своими целями, так и методами, выходя за пределы собственно дескриптивного направления.

Первоначальная модель, использованная Э. Сепиром, С. Ньюменом и их учениками и сотрудниками, базируется на следующих опорных понятиях: понятия единиц для каждого уровня исследования, понятия процессов, в результате которых создаются вторичные, производные формы, и понятия взаимного расположения этих форм. Многие лингвистические структуры описываются, следовательно, в терминах процессов их образования. Под процессом подразумевается не ход исторического развития, а механизм действия современного языка.

Вопросы грамматического моделирования, впрочем, не получили в трудах указанных лингвистов специального теоретического освещения, и об использованных ими нормах описания можно судить только по их грамматикам языков американских индейцев²³⁰. Последние послужили лишь отправным пунктом для разработки проблем моделирования в дескриптивном языкознании. Поэтому в дальнейшем изложении мы не будем подробно анализировать эти грамматики, а отметим только их отличие от собственно дескриптивной модели. Система описания, применявшаяся при составлении грамматик языков американских индейцев, вскоре перестала удовлетворять дескриптивистов, поскольку она не отвечала их пониманию языка как дискретной знаковой системы, состоящей из отдельных, противопоставленных друг другу единиц. Вследствие этого понятие процесса было отброшено, и все различия в форме представлены как различия между

---

²³⁰ О модели, применявшейся Э. Сепиром, см.: Z. Harris. [Рец.] «Selected writings of E. Sapir in language, culture and personality», стр. 289 и сл.

самими единицами языка и их комбинациями. Эта новая модель (ее можно назвать «классической» дескриптивной моделью) начала разрабатываться Э. Харрисом в начале 40-х годов. Ее подхватили Ч. Хоккет, Б. Блок, Дж. Трейгер и другие дескриптивисты, усиленно развивавшие этот тип описательной грамматики в течение более чем десятилетия, то есть до середины пятидесятых годов. За основу были приняты идеи Л. Блумфилда, в частности его мысль о том, что каждое высказывание может быть сведено к конечному числу минимальных форм, называемых морфемами и находящихся в определенном расположении относительно друг друга. Порядок расположения морфем получил название аранжировки. Задачу грамматики стали видеть в исчерпывающем описании морфем и их комбинаций. Однако на практике оказалось, что модель Э. Харриса чрезвычайно сложна, а сами понятия морфем и их аранжировки необычайно ёмки и расплывчаты. Желаемая четкость и простота описания не были достигнуты. Это определило поиски новой модели, создание которой было осуществлено Э. Харрисом, Н. Хомским, Р. Лизом, Д. Уорсом и некоторыми другими лингвистами, подвергшими критике «классическую» дескриптивную грамматику. Новая модель резко отличается от первых двух видов грамматик своей направленностью. Если «классическая» модель является по своему существу аналитической, то теперь в центре внимания оказалась синтезирующая модель языка, которой ее авторы дали название порождающей грамматики. Последняя должна содержать сумму правил построения бесконечного количества корректных (или «отмеченных») предложений данного языка.

Первые две дескриптивные модели заключаются в разборе, разложении языкового механизма, в то время как порождающая грамматика дает в первую очередь правила его сборки, монтажа. Аналитические модели дескриптивистов можно считать морфологическими (поскольку их главная задача состоит в инвентаризации морфем), синтетическую же модель естественней назвать синтаксической, ибо она устанавливает правила построения различных типов предложений и, напротив, совсем не определяет принципов выделения единиц языка.

1

Центральное место в грамматических исследованиях американцев занимает разработка классической дескриптивной модели.

По мнению дескриптивистов, описательная грамматика должна быть выполнена в строго синхронном плане; кроме того, в ней не может содержаться какой-либо (исторической, психологической или понятийной) интерпретации языковых фактов, равно как и их оценки с точки зрения нормативного употребления. описы-

вая язык, дескриптивист должен применять только формальные методы анализа, что не позволяет использовать значение в качестве отправного пункта исследования, а также критерия выделения и классификации лингвистических единиц. При этом следует стремиться к тому, чтобы описание языка было исчерпывающе полным и в то же время максимально экономным.

Дескриптивная грамматика, таким образом, может быть противопоставлена грамматикам, опирающимся на историческую основу, нормативным грамматикам и, наконец, жанру теоретических, или «толковых», грамматик (*grammaires raisonnées*), столь распространенному в европейском языкознании начала XX в.

Перечисленные требования во многом определили развитие в американском языкознании грамматического моделирования, которое привело к созданию «классической» дескриптивной модели.

«Классическая» дескриптивная модель разработана чрезвычайно детально. В ней нашли последовательное применение общетеоретические принципы, выдвинутые Л. Блумфилдом²³¹, идеи которого были развиты, а иногда доведены до логического конца его учениками. Уже упоминалось, что «классическая» модель отличается от «доклассической» в первую очередь тем, что из нее было исключено понятие процесса. На нежелательность описания единиц и структур языка в терминах процессов их образования первым указал З. Харрис в рецензии на грамматику йокутского языка С. Ньюмена²³². Мысль З. Харриса была поддержана многими дескриптивистами. Так, Б. Блок в работе, посвященной английскому глаголу и являющейся одним из наиболее последовательных образцов применения классической дескриптивной модели, отмечал, что глагольные окончания до сих пор всегда описывались в терминах процессов, с помощью которых производные формы выводятся из простых. Но такой способ мало пригоден для описания языковых единиц, рассматриваемых как отдельно взятые слова (*viewed as words in their own right*). Описание этих единиц должно быть выполнено в терминах морфем и их по-

---

²³¹ Сам Л. Блумфилд не создал целостной модели описания языков. Обычно полагают, что его принципы фонологического анализа соответствуют второй модели, в то время как описание грамматического строя дается им скорее в терминах первой модели (см.: Z. Harris. [Рец.] «Selected writings of E. Sapir in language, culture and personality», стр. 291, прим. 8).

²³² Z. Harris. Yokuts structure and Newman's grammar. — *IJAL*, 1944, vol. 10, № 4, стр. 199. — Впрочем, эта мысль уже содержалась в статье З. Харриса «Morpheme alternants in linguistic analysis» (*Language*, 1942, vol. 18, № 3, стр. 169—170). О достоинствах и недостатках модели «процессов» см.: Z. Harris. [Рец.] «Selected writings...», стр. 289—293. — Позднее З. Харрис оценивал «стиль единиц» и «стиль процессов» как равноправные способы описания материала (см. его работу «Distributional structure». — В сб.: «Linguistics today». N. Y., 1954, стр. 29).

рядка²³³. Аналогичную мысль высказывал и Ч. Хоккет в рецензии на книгу Ю. Найды «Морфология». Он писал, что «понятие морфологического процесса несовместимо с такими понятиями, как морфема и фонема»²³⁴. Подробно проанализировано соотношение двух моделей в статье Ч. Хоккета, специально посвященной этому вопросу. Автор подчеркивает, что для «доклассической» модели ключевыми являются понятия единицы и процесса (item and process), в то время как «классическая» модель оперирует понятиями единицы и порядка расположения (item and arrangement)²³⁵. «Прибегая к понятию процесса, — писал Ч. Хоккет, — даже если под ним подразумевается не историческое развитие во времени, а вид зависимости сложных форм от простых, мы склонны приписывать последним некий приоритет, природа которого так и остается невыясненной»²³⁶. На псевдоисторизм «доклассической» дескриптивной модели обращал внимание и К. Пайк²³⁷. Позднее стали полагать, что разница между двумя моделями скорее касается терминологии, чем существа дела. Ч. Вёглин отмечал, что различие между «доклассической» и «классической» моделями в значительной степени номинально, поскольку термин «процесс» не более чем омертвевшая метафора. В специальном лингвистическом употреблении этот термин не что иное, как пустая морфа, которая может быть без ущерба исключена из описания²³⁸.

Нельзя не заметить, однако, что на деле оказалось невозможным исключить из описания понятие процесса путем чисто редакционной правки. Для этого потребовалось, как мы увидим ниже, значительное усложнение всей системы грамматических единиц.

В «классической» дескриптивной модели отражен подход к языку как к дискретной знаковой системе, подлежащей описанию (на грамматическом уровне) в терминах морфем и их аранжировки. В соответствии с этим грамматическая модель распадается на два компонента: морфемнику и тактику. В первом разделе описываются грамматические единицы языка, а во втором — нормы их сочетаемости.

Анализ грамматического строя только в терминах морфем и порядка их расположения потребовал разработки этих ключевых понятий в сторону их обобщения и расширения, поскольку описа-

²³³ B. Bloch. English verb inflection, стр. 399.

²³⁴ Ch. Hockett. [Рец.] E. Nida. Morphology: the descriptive analysis of words. «Language», 1947, vol. 23, № 3, стр. 282.

²³⁵ Ch. Hockett. Two models of grammatical description, стр. 211. — Нельзя сказать, чтобы названия моделей были выбраны Ч. Хоккетом вполне удачно, поскольку они дают повод предположить, что понятие процесса одной модели соответствует в другой модели понятию аранжировки, что не соответствует действительности.

²³⁶ Там же.

²³⁷ K. Pike. Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior, pt III, стр. 60.

²³⁸ C. Voegelin. Model-directed structuralization, стр. 22.

ние всей сложной и многослойной структуры языка при помощи мелких и весьма конкретных единиц оказалось нереальным. Понятия морфемы и аранжировки стали в некотором смысле родовыми, объединив под одной рубрикой большое количество видовых понятий. Присмотревшись к тем единицам, которые сгруппировались вокруг морфемы, мы легко убедимся в том, что грамматические идеи дескриптивистов постоянно дублируют развитие их фонологических идей. Появление новой единицы на фонологическом уровне обычно вызывает незамедлительное появление соответствующей единицы в грамматике. Этот параллелизм обусловлен идеей об изоморфности фонологического и грамматического уровней анализа. С другой стороны, описание морфемного строения высказывания непосредственно зависит от того, в каких терминах описан его звуковой состав. Дж. Трейгер отмечал, что «точность и удовлетворительность морфемного анализа прямо пропорциональны точности и удовлетворительности фонемного анализа»²³⁹. Всякое усложнение фонологического анализа (например, введение в него просодема) ведет к усложнению анализа морфологического.

Подобно тому как на фонологическом уровне возникло понятие о фоне, коррелирующее с фонемой, на грамматическом уровне также была введена новая единица — морфемный сегмент (по терминологии З. Харриса), или морфа (по терминологии Ч. Хоккета)²⁴⁰, соотносимая с морфемой. Как фон представляет собой физическую реальность фонемы, так и морфа рассматривается как конкретное выражение абстрактной грамматической единицы морфемы, являющейся своего рода инвариантом. Морфы — это первичные значимые элементы, выделяемые в процессе сегментации высказывания. В дальнейшем морфы, обладающие одинаковой функцией, объединяются в морфему, становясь ее алловариантами, или алломорфами. К числу алломорфов относятся как фонологически (автоматически), так и морфологически обусловленные варианты.

При сегментации дескриптивисты исходят из важного для них положения, что каждый кусочек звукового материала высказывания принадлежит той или другой морфе. Это условие, аналогичное известному принципу фонологии²⁴¹, было выдвинуто Ч. Хоккетом, развившим идею Л. Блумфилда (впервые высказанную им

²³⁹ G. Trager. French morphology: verb inflection. «Language», 1955, vol. 31, № 4, стр. 511.

²⁴⁰ Ч. Хоккет прямо писал, что ввел понятие морфы и алломорфы по образцу понятий фона и аллофона. См. его работу «Linguistic elements and their relations», стр. 40.

²⁴¹ Ср. постулат Л. Блумфилда: «Каждая форма полностью состоит из фонем» (L. Bloomfield. A set of postulates for the science of language, стр. 157. Ср. русск. перевод в кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, стр. 147).

в 1926 г.) о том, что все высказывание состоит из форм²⁴². Позднее Л. Блумфилд уточнил свою мысль, сформулировав ее так: «Всякая комплексная форма в той степени, в какой это касается ее фонетически определимых элементов, полностью состоит из морфем»²⁴³. Ч. Хоккет заменил в постулатах Л. Блумфилда понятия формы и морфемы понятием морфы²⁴⁴. Требование морфемной «заполненности» (a total morphemic accountability) в формулировке Ч. Хоккета предъявляется не только и не столько к словесной форме, сколько ко всему высказыванию. В морфы должен быть включен весь фонемный состав предложения, в том числе просодические явления, такие, как интонация, фразовое ударение, пауза, иногда даже темп речи (т. е. вторичные, надлинейные, или суперсегментные, фонемы), а также пограничные сигналы²⁴⁵.

Состав морфемного сегмента может быть при этом фонологически разнородным, комбинированным. Так, например, во французском предложении *Donne-t-on?* элемент *t* в сочетании с изменением интонации и порядка слов составляет единый морфемный сегмент, означающий вопрос²⁴⁶.

Таким образом, сегментный анализ утратил линейность, получив второе измерение, стал «глубинным». Морфы постоянно накладываются друг на друга, сосуществуют во времени, что само по себе исключает возможность проведения между ними четких вертикальных разрезов. Чтобы избежать этой двумерности при изображении морфемного состава высказывания, некоторые дескриптивисты предлагали вытягивать морфемы (включая и просодемы) в единую цепочку, строя таким образом агглютинативный аналог структуры высказывания²⁴⁷.

Еще более широко трактует принцип морфемной заполненности высказывания З. Харрис. Он считает морфами такие явления, которые, строго говоря, не могут быть описаны в терминах фонологии. З. Харрис, например, относит к числу морф порядок следования компонентов высказывания, если он обладает смысло-различительной функцией (ср. *Мать любит дочь* и *Дочь любит мать*). При такой трактовке морфемных сегментов к ним сво-

²⁴² Там же, стр. 155 (русс. перев., стр. 146).

²⁴³ L. Bloomfield. *Language*, стр. 161. — Напомним, что под комплексной формой Л. Блумфилд понимал любую единицу языка, состоящую более чем из одной морфемы.

²⁴⁴ Ch. Hockett. *Problems of morphemic analysis*, стр. 322.

²⁴⁵ Ch. Hockett. *Peiping morphophonemics*, стр. 316. — Легко проследить, как расширение понятия фонемы, распространение его на просодию, немедленно вызвало расширение круга морфологических единиц. Уместно напомнить, что Л. Блумфилд относил просодические явления не к морфемам, а к грамматической аранжировке морфем (см. его книгу «*Language*», стр. 163).

²⁴⁶ Z. Harris. *Methods in structural linguistics*, стр. 171.

²⁴⁷ R. Wells. *Immediate constituents*, стр. 116.

димы все или почти все различия в форме высказывания и понятие аранжировки становится практически лишним. Два существенно различающихся аспекта языка — план единиц и план отношений между этими единицами — попадают в одну плоскость и могут быть описаны в одних терминах. Действительно, З. Харрис понимает высказывание уже не как аранжировку морфем, а как их набор, комбинацию²⁴⁸. Столь крайние взгляды, впрочем, не встретили сочувствия среди большинства дескриптивистов.

Принцип «заполненности» высказывания морфемами открывал следующие возможности анализа его фонемного состава с точки зрения морфематики: 1) каждая фонема относится только к одному морфемному сегменту, 2) каждая фонема может принадлежать одной или нескольким морфемам. В зависимости от того, какой принцип принимается за исходный, выделяются различные типы морфем. Первый принцип требует строго разграничивать морфемные сегменты, второй позволяет не определять точно границы между морфемами.

Применение первого принципа к материалу фузионных языков предполагает выделение таких разновидностей морфем, которые не являются собственными сегментами и которые Л. Блумфилд рассматривал, как грамматические «черты» (features). Именно в таком плане писал он об отпадении звуков, замещении, супплетивности и пр. Такие неподдающиеся сегментации формы, как *sheep, cut, went, sang*, он считал вторичными словами-морфемами²⁴⁹. Для него, следовательно, не всегда различия в форме сводились к различиям в морфемном составе. Впрочем, уже у Л. Блумфилда наметилась тенденция к морфемной трактовке перечисленных явлений. В других его формулировках фигурируют нулевые, супплетивные и пр. варианты морфем²⁵⁰. Эта мысль Л. Блумфилда и была развита его последователями.

«Ничто не свидетельствует о том, — писал З. Харрис, — что морфемный сегмент создается путем наращивания фонем и состоит из их непрерывного ряда. Требуется лишь, чтобы этот сегмент можно было описать в терминах уже ранее установленных фонологических единиц, в форму которых облечено высказывание»²⁵¹. К числу подобных морфем, не являющихся собственно сегментами, относятся негативные морфемы (negative, subtraction, omit-phoneme или minus morphs), т. е. исчезновение звуков, их вычитание из слова. Это как бы сегменты со знаком минус. Негативные морфемы иногда усматривают в составе французских прилагательных мужского рода *petit, grand*, которые в этом

²⁴⁸ Z. Harris. *Methods in structural linguistics*, стр. 186.

²⁴⁹ L. Bloomfield. *Language*, стр. 209. Ср. также стр. 161 и 163, где Л. Блумфилд пишет о форме *ran* (прош. вр. глагола *to run*) как о неделимой морфеме.

²⁵⁰ L. Bloomfield. *Language*, стр. 215—218.

²⁵¹ Z. Harris. *Methods in structural linguistics*, стр. 164.

случае выводятся из соответствующих форм женского рода (*petite, grande*), теряющих последний согласный. Ср. также употребление в русском языке форм *па* и *ма* (вместо *папа* и *мама*), которые можно рассматривать, как состоящие из *papa, мама* плюс негативные морфы. К этой же категории «несегментных» морф принадлежат м о р ф ы - з а м е с т и т е л и (*substitution, replacive* или *negative-additive morphs*). Выделение этой разновидности позволяет, например, рассматривать форму *took* (от глагола *to take*) как состоящую из варианта корневой морфемы плюс морфа-заместитель [u] ← [ei] (т. е. чередование корневой гласной). Последняя считается алловариантом морфемы прошедшего времени. В русском языке можно было бы усматривать морфу-заместитель [ш] ← [с] в форме *пишу* (от *писать*). Отдельной морфой считаются компоненты фонем (например, глухость, звонкость и пр.), если они выполняют морфологическую функцию (*phonemic component morphs*). Так, в форме *built* (прош. вр. от глагола *to build*) выделяется алломорфа морфемы претерита, выраженная глухостью. В русских образованиях типа *ход, воз, лов* (от глаголов *ходить, возить, ловить*) следовало бы, согласно приведенному принципу, выделять морфу, выраженную твердостью.

Перечисленные разновидности морф не могут быть названы сегментами. Они лишь создают своего рода искусственный способ передачи статической терминологией процесса формообразования. Их выделение связано с попыткой дать агглютинативный аналог синкретической форме. Подобные морфы не более чем маскировка морфологического процесса, которая, однако, не может скрыть первичность одних форм по отношению к другим. Р. Холл отмечал, что даже наиболее аскетические и «вневременные» описания таят в себе ссылку на временную последовательность, а в порядке изложения и восприятия материала всегда содержится понятие о первичности. Поэтому, полагает Р. Холл, не стоит пренебрегать методами (в частности морфофонологическими), упрощающими описание языка²⁵². Нельзя не согласиться с К. Пайком, который писал по поводу различных способов описания формообразования в терминах статических языковых единиц: «Я не видел ни в одной работе, написанной по модели „единица — аранжировка“, простого и адекватного описания морфемы, смысл которой... заключается в процессе»²⁵³.

По другому пути описания синкретических форм пошел З. Харрис. Он выделил особую категорию несмежных, прерывистых, или разрывных, морф (*discontinuous morphs*), под-

²⁵² R. Hall. [Рец.] F. Lounsbury. *Oneida verb morphology*. — IJAL, 1954, vol. 20, № 2, стр. 160—161. Ср. также: Н. Хомский. Синтаксические структуры, стр. 465—466.

²⁵³ K. Pike. *Language in relation...*, pt III, стр. 63.

разделяющуюся на ряд разновидностей²⁵⁴. Тем самым он снял условие, согласно которому морфемный сегмент должен представлять собой последовательность смежных фонем. В форме *took* (прош. вр. глагола *to take*) Э. Харрис выделяет разрывную морфу *t . . k*, являющуюся вариантом корневой морфемы. В русском языке можно было бы видеть прерывистые морфы в составе производных слов типа *приморье* (от *море*). Э. Харрис допускал возможность относить к разрывным морфам сегменты, принадлежащие разным словам, в случае если они всегда появляются совместно. Например, элементы согласования прилагательных и существительных, глаголов и местоимений (*кругл-ого стол-а, он говор-ит*) составляют, по Э. Харрису, один морфемный сегмент²⁵⁵. Подобная постановка вопроса, вытекающая из понимания морфы как части высказывания, исключает возможность получить морфы из слова, взятого вне контекста.

Совсем иначе решает проблему сегментации синкретических форм Б. Блок. Ему показалось неубедительным выделение таких категорий, как прерывистые морфы, морфы-заместители и пр. «Если морфема есть в конечном счете комбинация фонем, то очевидно, что изменение гласной является процессом, а не морфемой»²⁵⁶, — писал Б. Блок. Со своей стороны Б. Блок предлагает рассматривать синкретические формы прошедшего времени английских глаголов (*took, sang, gave, rang, wrote* и др.) как алловарианты корневой морфемы в положении перед нулевым альтернатом морфемы прошедшего времени²⁵⁷. Таким образом, различие, передаваемое чередованием гласных, неправомерно приписывается некоему «скрытому» (*covert*) сегменту. Увлечение дескриптивистов нулевыми морфемами было одно время настолько велико, что известны случаи, когда в слове, содержащем два выраженных, или, по дескриптивной терминологии, «открытых» (*ouvert*) морфемных сегмента, выделялось еще шесть нулевых морф, якобы передающих различные грамматические категории. В более поздних работах, впрочем, делались попытки устранить столь явное злоупотребление нулевыми элементами и ограничить их применение в описании языков²⁵⁸.

---

²⁵⁴ Z. Harris. Discontinuous morphemes. «Language», 1945, vol. 21, № 3; Он же. From morpheme to utterance. «Language», 1946, vol. 22, № 1, стр. 162; Он же. Methods in structural linguistics, стр. 165—166, 182—184. Он же. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре. «Новое в лингвистике», вып. II, стр. 547—548.

²⁵⁵ Z. Harris. Discontinuous morphemes, стр. 121—127; Он же. From morpheme to utterance, стр. 162.

²⁵⁶ B. Bloch. English verb inflection, стр. 400.

²⁵⁷ Там же, стр. 402.

²⁵⁸ К. Пайк, например, стремится совсем исключить из описания нулевые морфы (см. его работу: «Language in relation...», pt III, стр. 65). Ср. также: R. Longacre. Trique tone morphemics. «Anthropological Linguistics», 1959, vol. I, № 4. — Нельзя не отметить, впрочем, что дру-

Приведенные данные показывают, что сегментирование синкретических форм, их описание только с точки зрения компонентного состава, каким бы образом оно ни было осуществлено, всегда является искусственным и ведет к насилию над языковым материалом.

Второй из указанных выше принципов не требует четкой сегментации высказывания. Он допускает, что морфы могут частично или полностью перекрывать друг друга (так называемые *overlapping morphs*), содержа в своем составе общие фонемы (*ambimorphemic phonemes*). Если целая морфа совпадает с частью другой морфы, то первая называется включенной, а вторая — ключающей. Так, например, морфема *took* [t u k] включает вариант морфемы прошедшего времени *-oo-* [u]. В случае полного совпадения двух сегментов дескриптивисты говорят о слитных морфах (*portmanteau*). Эта категория морф была введена в анализ Ч. Хоккетом²⁵⁹. Слитным называется такой неделимый сегмент, который стоит в позиции, занимаемой в других случаях двумя отдельными сегментами. Две самостоятельные морфы как бы полностью перекрывают друг друга. Французская однофонемная морфа *au* [o] является алловариантом морфем *á* и *le*. Две морфы, таким образом, совпадают в одном звуке. К числу слитных морф Ч. Хоккет причисляет также синкретические формы (*men, mice, feet, slid, sang, took*), членение которых не представляется ему желательным. Если же отнести эти элементы только к одной морфеме, то последняя стояла бы особняком в системе языка, обладая индивидуальной дистрибуцией. Удобнее же, полагает Ч. Хоккет, производить деление высказывания, сообразуясь с задачами анализа на более высоком тактическом (синтаксическом) уровне²⁶⁰. Синтаксический критерий является мерилом адекватности морфемного анализа, и с этим нельзя не согласиться. Но в таком случае первая ступень анализа (сегментация высказывания) непреодолима без обращения к его более высоким уровням. Факты, добытые при первичном анализе языка, в дальнейшем неминуемо требуют переоценки.

гие дескриптивисты продолжают широко использовать в описании нулевые алломорфы. Так, З. Харрис считает нулевыми алловариантами морфем их эллипсис в предложениях типа *Он рисует лучше, чем я (рисую)*. См.: З. Харрис. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре, стр. 569—571, 585—591. — В высказывании *Я не знаю, куда поехать, Может быть, в Нью-Йорк* З. Харрис выделяет во втором предложении нулевые варианты подлежащего *я* и глагола *поехать* (там же, стр. 589).

²⁵⁹ Введенное Ч. Хоккетом понятие слитных единиц стало вскоре очень популярно среди дескриптивистов. Так, К. Пайк уже говорит не только о слитных (*portmanteau*) фонах, слогах, морфах и пр., но и о слитных уровнях исследования (см. его работу «*Language in relation...*», рт III, стр. 5).

²⁶⁰ Ch. Hockett. Problems of morphemic analysis, стр. 332.

Мы познакомились с категорией морф, относящихся сразу к двум морфемам. Рядом с ними появилась разновидность морф, не принадлежащих вообще никакой морфеме. Это пустые морфы (*empty morphs*), лишенные функциональной нагрузки. Пустые морфы представляют собой звуковой остаток, получаемый после выделения значимых сегментов. К их числу Ч. Хоккет относил, например, испанские тематические гласные *-a-*, *-e-*, *-i-* в инфинитиве, различающие типы спряжения глаголов (ср. *hablar*, *comer*, *vivir*), а также междометия, типа англ. *hm*, значение которых меняется в зависимости от интонационной морфы²⁶¹. Отметим, что само понятие морфы как звуковой репрезентации морфемы исключает по определению существование морф, не связанных с морфемой указанным отношением.

Категории слитных и пустых морф, как легко было убедиться, выделены по признаку их особого отношения к морфеме. Специфика этих сегментов может быть выяснена только на второй ступени анализа, то есть при группировке морф, репрезентирующих одну морфему.

Итак, практическое применение к материалу фузионных языков морфологических теорий дескриптивистов сопровождалось введением в анализ все новых разновидностей морфемных сегментов²⁶². К их числу относятся нулевые, негативные, прерывистые, перекрывающие друг друга морфы, морфы-заместители, морфы-хамелеоны (редуплицирующие морфы), морфы, выраженные компонентами фонем, суперсегментными фонемами, пограничными сигналами и даже морфы порядка. На ступени отождествления морф (их объединения в морфемы) вошли в анализ слитные и пустые морфы, характеризующиеся особым отношением в морфеме. Применение этого сложного аппарата сделало практически невозможной сегментацию высказывания без предварительного знакомства со всей грамматической системой языка. Необходимо еще раз подчеркнуть, что приведенный набор морф не представляет собой единой системы, а является сводом альтернативных схем анализа. Так, форма *took*, которая уже не раз приводилась в пример, может рассматриваться как содержащая: 1) слитную морфу, относящуюся к морфемам *take* и *-ed*, 2) алломорфу морфемы *take* и нулевую алломорфу морфемы *-ed*, 3) прерывистую морфу *t..k* и морфу *-oo-* [u], 4) алловариант морфемы *take* и морфу-заместитель [u] ← [ei], 5) включающую морфу *took* и включенную морфу *-oo-* [u]. Возможность разной структурной интерпретации одних и тех же фактов, показанная еще в 1934 г. Чжао Юань-женем

²⁶¹ Там же, стр. 336—337.

²⁶² Очевидно, что сложность морфемного анализа не столь велика при обращении к языкам другой структуры (агглютинативным, изолирующим). П. Гарвин отмечал, что трудности, связанные с выделением морф, возрастают с увеличением синкретизма (P. Garvin. On the relative tractability of morphological data. «Word», 1957, vol. 18, № 1, стр. 15).

на фонологическом материале²⁶³, поставила перед дескриптивистами проблему их сравнительной оценки. При выборе лучшего варианта дескриптивисты обычно руководствуются степенью его простоты и адекватности, его применимостью к возможно большему числу случаев, а также его приемлемостью для систематизации материала на более высоком уровне анализа.

Выше были подробно описаны разновидности морф. Среди неварьирующихся морфем существуют почти все те же категории, что и среди морфемных сегментов. Морфемы могут быть выражены как сегментными, так и суперсегментными фонемами, они могут быть сплошными и прерывистыми, позитивными и негативными и пр. Исключения составляют три категории морфемных сегментов, которые не находят соответствующей параллели среди неварьирующихся морфем. Это в первую очередь пустые морффы, не относящиеся ни к какой морфеме, затем слитные морффы (слитных морфем не бывает, так как в этом случае выделялась бы только одна морфема) и, наконец, нулевые морффы. «Ни одна морфема не может состоять только из нулевого алловарианта»²⁶⁴, — писал Б. Блок. Условием выделения нулевого сегмента является наличие другого «открытого», или выраженного, элемента, выполняющего в языке ту же функцию. «Скрытый» и «открытый» элементы, по мнению дескриптивистов, всегда должны быть связаны функциональным тождеством, позволяющим отнести их к одной морфеме. Подобный принцип ведет к атомистической трактовке грамматических категорий, нарушая бинарность оппозиции в том случае, если один из ее членов не выражен в языке. Если описание грамматической системы языка должно быть осуществлено в терминах морфем и их порядка (как в данной модели), то категория единственного числа английских существительных, ничем не выраженная в их форме, может совсем выпасть из описания, а категория множественного числа, передаваемая морфемой *s*, утратит свой противочлен. Представляется более разумным допускать существование не только нулевых морф, связанных с выраженной формой общностью функции, но и нулевых морфем, связанных с «открытой» формой отношением оппозиции в пределах одной грамматической категории²⁶⁵. В противном случае совокупность морфем данного языка не составит его грамматической системы.

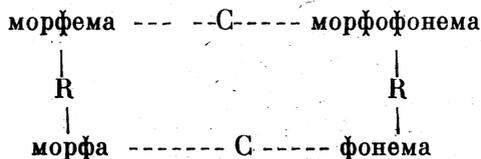
²⁶³ См. об этом выше, стр. 237.

²⁶⁴ В. Bloch. English verb inflection, стр. 402.

²⁶⁵ С аналогичных позиций критикуют точку зрения Б. Блока, А. Жюйян и Дж. Макрис. Они полагают, что если лингвистическое описание должно регистрировать все грамматические оппозиции, то в нем следует отразить также и контраст между нулевой морфемой в *I live* и морфемой *-s* в *He lives*. «Каждое противопоставление должно быть передано в терминах выраженного символа», — заключают А. Жюйян и Дж. Макрис (см.: A. Juillard, J. Macris. The English verb system. s-Gravenhage, 1962, стр. 19).

В заключение необходимо отметить, что хотя дескриптивисты постоянно говорят о прерывистых, негативных, суперсегментных и других типах морфем, подобные формулировки неточны, поскольку приведенные категории выделяются в зависимости от особенностей звукового состава морфем. Но если первоначально полагали, что морфема состоит из фонем, подобно тому как слово состоит из морфем, а высказывание из слов (взгляд Л. Блумфилда²⁶⁶, который сближал его с представителями Пражской школы), то позднее было замечено, что это далеко не так. Действительно, если *knife* и *knife-s* являются вариантами одной морфемы, несмотря на различие в фонематическом составе, то едва ли правильно утверждать, что морфема состоит из фонем. Ч. Хоккет, наиболее полно осветивший вопрос о соотношении единиц разных уровней, пришел к выводу, что между ними действительно имеется отношение, которое можно передать формулой «состоит из» (символ C), но не морфема, а морфа состоит из фонем²⁶⁷. Ч. Хоккет устанавливает следующую систему зависимостей: морфема состоит из морфофонем; морфа, репрезентирующая (символ R) морфему, состоит из фонем, репрезентирующих морфофонему.

Схематически эти отношения можно изобразить так:

Внеся этот корректив в теорию отношений между лингвистическими единицами, Ч. Хоккет предлагает изменить до некоторой степени и само понимание морфы. Раз последняя состоит из фонем, то единственным условием отождествления морфемных сегментов является их совпадение по фонематическому составу²⁶⁸. Фактор значения при отождествлении морф, таким образом, элиминируется, что противоречит определению морфы как значимого

²⁶⁶ L. Bloomfield. *Language*, стр. 161.

²⁶⁷ Ch. Hockett. *Linguistic elements and their relations*, стр. 31. — Уже ранее Н. Хомский указывал на необходимость отказаться от мысли, что более высокие уровни в буквальном смысле слова построены из элементов более низких уровней (см.: Н. Хомский. *Синтаксические структуры*, стр. 466). М. Холлидей также решительно протестовал против представления дескриптивистов о том, что морфы и морфемы как единицы грамматического уровня состоят из фонем, являющихся единицами фонологического уровня. Между грамматикой и фонологией, как двумя принципиально различными пластами языка, подобная зависимость, по мнению М. Холлидея, вообще установлена быть не может (M. Halliday. *Categories of the theory of grammar*. «Words», 1961, vol. 17, № 3, стр. 281).

²⁶⁸ Ch. Hockett. *Linguistic elements and their relations*, стр. 32.

сегмента²⁶⁹. Применительно к морфам понятие омонимии снижается, и омонимы неправомерно сводятся к одному сегменту, соотносимому, как и слитные морфы, с двумя морфемами. Появляется еще новая и ничем не оправданная разновидность морф.

Резюмируя сказанное, подчеркнем еще раз, что если морфема не состоит из фонем, как показал Ч. Хоккет, то нет никаких оснований выделять разновидности морфем по фонологическим признакам. Именно поэтому мы предпочли остановиться на звуковых типах морфологических единиц в разделе о морфах. Практически, говоря о разных звуковых разновидностях морфем, дескриптивисты подразумевают неварьирующиеся морфемы или основной вариант морфемы.

Наряду с морфемой, как основной грамматической единицей, некоторые дескриптивисты вводят в анализ элементы субморфемного и суперморфемного порядка. Тенденция к дроблению фонемы не прошла бесследно и для морфологии. Ряд лингвистов высказался за разложение морфемы на отдельные компоненты. Так, предлагается рассматривать окончание *-ō* (в лат. *amō* 'люблю') как состоящее из двух компонентов, один из которых выражает единственное число и первое лицо, а другой — настоящее время индикатива. Такой анализ не является, впрочем, общепринятым. Большинство дескриптивистов с ним не согласилось, опасаясь безграничной атомизации материала на морфологическом уровне. Отказ от разложения морфемы, однако, нарушил изоморфизм языковых уровней, поскольку фонема перестала быть мельчайшей единицей фонологии, в то время как морфема продолжает считаться неделимым далее грамматическим элементом.

В качестве надморфемной единицы выдвигается понятие архиморфемы, которая также была сконструирована по аналогии с соответствующей единицей фонологии. С. Сапорта, обосновавший понятие архиморфемы, так определял условия выделения этой единицы: если две морфемы обладают общими альтернативами (вариантами), то они могут быть отнесены к одной архиморфеме. Например, испанские существительные *abertura* и *apertura* содержат контрастирующие по значению морфы *aber-* и *aper-*, но это противопоставление нейтрализуется в глаголе *abrir*, который соотносится по значению с обоими существительными и содержит алловариант двух морфем (*abr-*). Поэтому все три морфы и связанные с ними две морфемы объединяются в одну архиморфему²⁷⁰.

---

²⁶⁹ Ср. определение морфемного сегмента, данное П. Гарвином: «В оперативном плане минимальная значимая форма может быть определена как наименьший выделяемый отрезок... наделенный устойчивым, отождествимым значением» (P. Garvin. On the relative tractability of morphological data, стр. 12—13).

²⁷⁰ S. Saporta. Morph, morpheme, archimorpheme. «Word», 1956, vol. 12, № 1, стр. 10.

Чтобы описание грамматических единиц было полным, следует упомянуть о попытке ввести в анализ категорию алломорфем, которая, в отличие от алломорф, должна обозначать не единичные варианты морфемы, а субклассы вариантов²⁷¹.

Выше была рассмотрена система единиц, в терминах которых строится классическая дескриптивная грамматика. Познакомимся теперь с методами их выделения и классификации.

Методическая программа²⁷² дескриптивистов складывается из следующих фаз: 1) сегментации высказывания, т. е. выделения элементарных значимых частиц (морф); 2) их объединения в морфему; 3) классификации морфем и 4) определения их аранжировки. Каждой фазе соответствует особая серия аналитических процедур, однако некоторые методы и принципы анализа имеют более широкое применение. К их числу относятся метод непосредственно составляющих, метод субституции и некоторые другие приемы.

Рассмотрим прежде всего методы сегментации высказывания.

В работах Л. Блумфилда можно найти упоминания о двух способах членения высказывания. Одним из них является метод анализа предложения по непосредственно составляющим (НС), другим — метод выделения элементарных значимых единиц путем сопоставления высказываний, частично различающихся по форме и значению.

Метод НС основан на той предпосылке, что каждый самостоятельный отрезок речи является бинарным по своей структуре. Последовательное деление высказывания на НС и должно в конце концов привести к выделению конечных составляющих, т. е. минимальных значимых сегментов²⁷³. Членение речи осуществляется в этом случае с учетом грамматических конструкций языка, что исключает произвольную сегментацию. Ю. Найда писал: «Наш дескриптивный метод предполагает анализ слов на основе образующих их конструкций»²⁷⁴. Именно поэтому метод НС был с успехом применен для классификации слов по способу их образования²⁷⁵. Однако он оказался неприемлем для первичной сегментации речи. Действительно, для того чтобы расчленил таким путем высказывание, необходимо предварительно знать его иерархическую структуру. Это слишком долгий и многоступенчатый путь к морфе. К. Пайк справедливо считал метод НС итоговым, завер-

---

²⁷¹ См.: E. Pulgram. A proposal: allophoneme, allomorpheme. «General Linguistics», 1961, vol. V, № 2, стр. 73.

²⁷² О дескриптивных методах в области морфологии см. подробнее: Н. Д. Арутюнова и Е. С. Кубрякова. Проблемы морфологии в трудах американских дескриптивистов.

²⁷³ L. Bloomfield. Language, стр. 161.

²⁷⁴ E. Nida. Morphology: the descriptive analysis of words, стр. 81.

²⁷⁵ L. Bloomfield. Language, стр. 209—210.

шающим анализ, но не начинающим его²⁷⁶. Метод НС поэтому перестал использоваться для сегментации высказывания и нашел себе применение в синтаксисе.

Для изоляции морфемных сегментов дескриптивисты разработали другую серию приемов, намечающих в перспективе путь анализа от морффы к высказыванию. Исходным материалом и в этом случае является предложение, грамматическая структура которого, однако, на данной ступени не анализируется. Производится просто сопоставление частично различающихся между собой высказываний: например, *Мальчик упал*, *Миша упал*, *Мальчик заплакал*, *Мальчик засмеялся*, *Мальчик смеется* и пр. Наименьший повторяющийся элемент и является морффой. Техника варьирования представляет собой не что иное, как подстановку одного отрезка высказывания вместо другого. Поэтому ее принято называть также техникой субституции. Если морфемный сегмент присутствует в одном предложении и при прочих равных условиях отсутствует в другом (нулевая замена), то способ его выделения обозначается термином *dropping* (опускание, отбрасывание). Ср. *Иду в лесок* и *Иду в лес*²⁷⁷. Метод выделения простых форм путем сопоставления частично различающихся между собой высказываний был основным также для Л. Блумфилда²⁷⁸. С применением этого метода связано и блумфилдовское определение морфемы как лингвистической формы, лишенной частичного фонетико-семантического сходства с другими формами²⁷⁹.

Метод сопоставления, или субституции, однако, не кажется нам безукоризненным²⁸⁰. Он может, например, давать разные результаты в зависимости от подбора сравниваемых слов. И хотя дескриптивисты сами обращали внимание на этот дефект²⁸¹, они не разработали принципов сравнения. Особенно ярко прозвучал в изоляции морфемных сегментов замечен в работе С. Мёрфи, посвященной испанским именным суффиксам²⁸². Автор попросту сопоставляет наиболее полно совпадающие по звуковому составу слова, не считаясь с их реальной соотнесенностью в модели деривации.

---

²⁷⁶ K. Pike. *Language in relation...*, pt III, стр. 27. — Завершающая роль отведена анализу по НС и в книге Ч. Фриза (см.: Ch. Fries. *The structure of English*. London, 1957, гл. XII, стр. 256 и сл. Первое издание — N. Y., 1952).

²⁷⁷ P. Garvin. *On the relative tractability of morphological data*, стр. 13.

²⁷⁸ L. Bloomfield. *Language*, стр. 159—161; Он же. *Linguistic aspects of science*, стр. 24—25.

²⁷⁹ L. Bloomfield. *Language*, стр. 161.

²⁸⁰ Подробный критический анализ субституции при изоляции морфемных сегментов содержится в цитированной выше статье Д. Олмстеда «*Substitution and frequency-estimation in linguistics*».

²⁸¹ F. Lounsbury. *The method of descriptive morphology*. — *RiL*, стр. 379.

²⁸² S. Murphy. *A description of noun suffixes in colloquial Spanish*. — В сб.: «*Descriptive studies in Spanish grammar*». Urbana, 1954.

вации. Выделенные им суффиксы поэтому не существуют в системе языка как функциональные единицы.

Несомненно также, что метод субституции неприменим к сырому, необработанному материалу. Нередко оказывается необходимым предварительно изолировать меньшие, чем высказывание, элементы (обычно слова), установить для них парадигматические ряды, а также определить наличие или отсутствие грамматического параллелизма между этими рядами. Так, для того чтобы приписать английской форме *put* нулевую морфу, нужно установить пропорциональность пары *put : put pare work : worked*.

Легко заметить, что дескриптивный метод предполагает не только сравнение форм, но и анализ одних форм по аналогии с другими. И здесь дескриптивисты не уточнили принципы и пределы «аналогического» членения, с которым связаны свои специфические трудности. Так, если производить сегментацию одних форм по образцу других, то ничто не помешает, например, выделению нулевого алловарианта морфемы *-ly* во всех английских наречиях, не содержащих этого суффикса. Основанием для этого может служить пропорция *slow : slowly :: low : low*. На практике дескриптивисты исходят из принципа необходимой симметрии в грамматической структуре форм, образующих единый класс, не распространяя это требование на словообразовательное строение основы. Однако эксплицитно пределы членения одних форм по аналогии с другими не обосновываются, поскольку для этого необходим учет всей грамматической системы языка. Дескриптивисты же, создавая на деле методику «вторичных структурных оценок» (см. выше, стр. 200), упорно выдают ее за методику первичных формулировок.

Если мы сравним теперь дескриптивные методы сегментации высказывания с теми приемами, которые применяются с этой целью в традиционной грамматике²⁸³, то заметим их сходство. В традиционной грамматике также используется метод сравнения. Сначала с его помощью выделяются свободные формы (слова)²⁸⁴, затем, пользуясь словом как исходным материалом, грамматист вычленяет основу слова и словоизменительные морфемы, далее сегментируется основа слова. Все эти операции производятся путем сравнения форм. Никакой принципиальной разницы между

²⁸³ Некоторые методы, стихийно применявшиеся в традиционной грамматике, не были в ней четко определены и сформулированы. Поэтому при сравнении структурных методов с традиционными о последних приходится нередко судить по полученным результатам.

²⁸⁴ Что касается служебных слов, то для их изоляции может быть применен принцип остаточной выделенности, предложенный А. И. Смирницким, согласно которому, если один член сочетания является словом, то и его сочлен — также слово. См.: А. И. Смирницкий. К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова»). — В сб.: «Вопросы теории и истории языка». М., 1952, стр. 192—193. Ср.: Он же. Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 32—33.

методами членения высказывания в дескриптивной и традиционной грамматике собственно нет. Это особенно заметно в тех случаях, когда дескриптивисты, оставив в стороне определение морфы как элемента высказывания, а не слова, пользуются последним как исходным материалом для выделения морфемных сегментов. Таков, например, принцип формального и смыслового квадрата (*square*), предложенный Дж. Гринбергом²⁸⁵ и обнаруживающий явное сходство с принципами членения слова, развивавшимися А. И. Смирницким²⁸⁶. Можно было бы даже утверждать, что в традиционной грамматике, использующей слово в качестве основной и в то же время «промежуточной» лингвистической единицы, эти методы применяются более последовательно, чем в дескриптивном языкознании, идущем от высказывания непосредственно к морфе.

Нами были описаны самые распространенные в дескриптивной грамматике способы выделения морф. Кроме них имеются и другие, более формализованные процедуры сегментации, разработанные Э. Харрисом, который попытался полностью исключить из техники анализа фактор значения. Э. Харрис выдвигает два принципа членения высказывания. Первый из них определяет максимальное содержание морф в высказывании, второй сокращает их количество до минимума. Верхний предел числа морфемных сегментов определяется исходя из следующего положения. Ряд фонем не может быть расчленен, если ни одна из его частей не встречается без другой в данном окружении. Например, такая последовательность фонем, как *roomer*, может быть сегментирована только потому, что есть предложения, в которых употребляются в одной позиции как *room-*, так и *-er*. Ср. *That's our roomer; that's our room; that's our recorder*²⁸⁷.

Однако этот принцип не препятствует выделению случайных отрезков. Поэтому Э. Харрис формулирует второй, дополнительный критерий, с помощью которого выясняется целесообразность сегментации. Отрезок речи может рассматриваться как единица морфологии только в том случае, если он сочетается с большим количеством других сегментов, обладающих идентичной дистрибуцией. Так, элемент *-s* встречается после единиц, характеризующихся особым комбинаторным потенциалом и составляющих целый класс (ср. *books, rooms, pens, papers* и пр.). Выделение такого сегмента, как *-s*, дает поэтому возможность сделать широкие обобщения, касающиеся грамматической структуры английского

²⁸⁵ J. Greenberg. *Essays in linguistics*, стр. 20—22. — Изложение этой работы см. в статье: Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова. Проблемы морфологии в трудах американских дескриптивистов, стр. 208.

²⁸⁶ А. И. Смирницкий. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ. «Доклады и сообщения филол. фак-та МГУ», 1948, вып. 5.

²⁸⁷ Z. Harris. *Methods in structural linguistics*, стр. 157—158.

языка, и признается целесообразным²⁸⁸. Очевидно, впрочем, что такой способ сегментации не осуществим без опоры на всю грамматическую систему языка, выстраивающуюся лишь в результате последующих фаз анализа. Ведь для выделения *-s* необходимо предварительно выяснить нормы сочетаемости других сегментов, стоящих к нему в препозиции, и определить, образуют ли они единый дистрибутивный класс²⁸⁹. Все это скорее область вторичных структурных оценок, чем первичной эвристической техники.

В дальнейшем З. Харрис еще более формализует принципы деления высказывания на морфы, отказываясь от таких критериев, как разница в значении, нормы сочетаемости морф и даже реакция носителя языка. Новый метод З. Харриса направлен на сегментацию по данным о распределении фонем. Он должен, по мысли З. Харриса, заполнить разрыв в методике анализа на фонологическом и морфологическом уровнях. Метод З. Харриса, названный им *successor counts* (т. е. подсчеты следующих фонем), является частью более широкой программы выявления грамматической структуры языка через фонематическую дистрибуцию²⁹⁰. Процедура сегментирования высказывания имеет следующее содержание. Предложение, записанное в фонетической транскрипции, сравнивается с большим количеством других предложений, начинающихся с той же фонемы. Таким путем устанавливается возможное число фонем, следующих за первой фонемой. Затем производится сравнение с другим рядом предложений, у которых первые две фонемы совпадают с первыми двумя фонемами исходного предложения, определяется максимальное число фонем, следующих за второй фонемой. Эта операция повторяется до конца пробного предложения. Сравнение полученных цифр показывает, что сочетаемость фонем неодинакова: она то сокращается, то возрастает, образуя пики. Эти пики и маркируют начало нового сегмента. Например, в английском предложении *He's clever* [hiɪzklevəɹ] после *h* может встретиться 9 фонем, после *hi* — 14, после *hiɪ* — 29, после *hiɪz* — снова 29, после *hiɪzk* — 11, после *hiɪzkl* — 7. Далее следуют цифры 8, 1, 1. В соответствии с этими данными приведенное высказывание разбивается на три

²⁸⁸ Там же, стр. 160.

²⁸⁹ Отмечая этот прочный круг в методике З. Харриса, М. Фаулер замечает, что З. Харрис предлагает «изолировать морфемы при помощи других „морфем“, которые сами еще не были выделены» (M. Fowler. [Рец.] Z. Harris. *Methods in structural linguistics*. «Language», 1952, vol. 28, № 4, стр. 505). В своей рецензии М. Фаулер убедительно показал, кроме того, непригодность дистрибутивного критерия при сегментации высказывания, поскольку этот критерий применим лишь тогда, когда уже известен инвентарь морфем данного языка (там же, стр. 509).

²⁹⁰ Z. Harris. *From phoneme to morpheme*, стр. 191. Изложение этой статьи дает Л. И. Каплан в сб. «Структурно-типологические исследования» (М., 1962, стр. 204—206). Ср. также: Z. Harris. *Distributional structure*, стр. 32—35.

сегмента: *hiy-z-klevər*²⁹¹. В сомнительных случаях Э. Харрис предлагает ряд способов проверки полученного результата. Одним из них является подсчет сочетаемости фонем, проделанный в обратном направлении, т. е. с конца высказывания к его началу. Метод Э. Харриса предполагает, что есть определенные фонологические закономерности, характеризующие границы морфемных сегментов. Нельзя сомневаться, что такие закономерности действительно имеются, когда морфа совпадает со свободной формой (словом), как в приведенном примере. Повышение сочетаемости фонем на словесных швах вполне естественно. Можно, однако, усомниться в том, что границы морф обладают фонологическими особенностями, достаточно надежными, чтобы служить критерием для сегментации, особенно в фузионном языке, в котором потенциальный рост варьирования фонем на границе сегментов нередко ограничивается явлением ассимиляции звуков в потоке речи²⁹². Сомнения усиливаются, когда мы вспоминаем о категориях прерывистых, негативных и др. морф, выделение которых едва ли возможно при помощи этого метода. Последний поэтому не может дать результатов, желаемых в дескриптивной грамматике.

Нам неизвестна ни одна грамматика, построенная на применении методов сегментации, предложенных Э. Харрисом. Самá разработка перечисленных приемов анализа производилась единственно с целью доказать принципиальную возможность пути, ведущего от фонологии непосредственно к грамматической структуре языка. Можно полагать, что практическая неприменимость методов Э. Харриса обусловлена не только их огромной трудоемкостью, но и слабостью самой теории. Действительно, если морфемный сегмент принадлежит к числу двусторонних единиц языка, обладающих планом выражения и планом содержания, то в принципе невозможно вычленение морф только исходя из фактов плана выражения. К. Пайк подчеркивал, что язык — это комплекс, состоящий из двух компонентов — формы и содержания (*form-meaning composites*), и ни одна его единица не может быть установлена без учета данных обоих компонентов²⁹³. Еще более категорически возражал против чисто формальных методов членения речи Р. Лиз. Он писал, что в наше время возникла мысль, согласно которой фонематическая форма выражения является единственной основой лингвистического анализа. От лингвистов требуют, чтобы адекватное описание языка базировалось на серии автоматически применимых методов, при

²⁹¹ Z. Harris. From phoneme to morpheme, стр. 193—194.

²⁹² Проверка метода Э. Харриса на материале русского языка показала, что он обычно дает правильные результаты. Неверной оказывается сегментация в тех случаях, когда часть слова, не будучи морфой, совпадает по звучанию с целым словом. Ср. *до* и *домой* (*он пошел домой и он пошел до Мойки*).

²⁹³ K. Pike. Language in relation. . . , pt III, стр. 35.

помощи которых натренированный специалист может без записки перейти от записи корпуса языка через стадию транскрипции ко все более общему грамматическому анализу высказываний. Но это донкихотство²⁹⁴. В последнее время неадекватность методики З. Харриса становится все более очевидной и самим дескриптивистам. «Операции, предложенные З. Харрисом, не ведут к обнаружению морфем, — пишет Ч. Хоккет. — Какими бы тонкими и сложными они ни были, пока мы исходим только из фонем и не вносим в анализ новых критериев, мы не получим ничего, кроме дополнительных сведений (часто очень скучных) о фонологическом стратуме. Если бы методика З. Харриса была правильной, при помощи нее можно было бы выделить морфемы в неразгаданных языках, таких, как этрусский. Это, однако, невозможно. При расшифровке текстов всегда нужен дополнительный ключ для перехода от фонетических данных к грамматическим. И как бы мы ни маскировали это, он всегда остается по своей природе семантическим»²⁹⁵, — заключает Ч. Хоккет. Вместо одностороннего подхода к языку у З. Харриса, Ч. Хоккет выдвигает дуалистическую гипотезу, признающую наличие двух самостоятельных слоев лингвистического моделирования (*patterning*) — грамматического и фонологического²⁹⁶.

Подводя итоги обзора методов сегментации высказывания, разработанных в дескриптивной лингвистике, мы можем заключить, что те из них, которые предполагают выделение морф с учетом их значения, не отличаются по существу от процедур, применяемых в традиционной грамматике; те же приемы, которые имеют своей целью сегментирование по данным о фонологическом стратуме, практически неприемлемы.

Вторая стадия анализа заключается в отождествлении морф, их объединении в морфему. Она была введена в грамматический анализ З. Харрисом, предложившим в 1942 г. три принципа идентификации морфемных сегментов²⁹⁷. До выступления З. Харриса разные последовательности фонем было принято считать разными морфемами, независимо от их функции и взаимоотношений в системе языка. Так, формы английского глагола *to be* (*am, is, are, was, were*) рассматривались как самостоятельные морфемы, находящиеся в отношении супплетивности. Лишь регулярные позиционные чередования звуков определяли варианты

---

²⁹⁴ R. Lees. A multiply ambiguous adjectival construction in English, стр. 207. — Ср. стр. 209, где Р. Лиз пишет об «ошибочности убеждения, что лингвистика должна обеспечить автоматический метод выведения грамматического анализа из фонологического». См. также: R. Lees. The grammar of English nominalizations, стр. XXI.

²⁹⁵ Ch. Hockett. Linguistic elements and their relations, стр. 45—46.

²⁹⁶ Там же, стр. 45.

²⁹⁷ Z. Harris. Morpheme alternants in linguistic analysis.

одной морфемы²⁹⁸. Таким образом, многие элементы, выполняющие одинаковую функцию, оказывались разъединенными. Ввиду этого З. Харрис предложил производить идентификацию морф, исходя из более свободных критериев. Альтернанты одной морфемы, согласно З. Харрису, должны отвечать следующим условиям: 1) иметь одно значение, 2) никогда не встречаться в одинаковом окружении, т. е. находиться в отношении дополнительной дистрибуции, 3) иметь комбинированное окружение, равное окружению неварьирующей морфемы, принадлежащей тому же классу²⁹⁹. Приведенные критерии позволили объединить в одну морфему все морфы, выполняющие в грамматической системе языка одинаковую функцию, например все сегменты, выражающие в английском языке множественное число существительных (включая и нулевые морфы, как в слове *deer*, и чередования гласных, как в словах *mise*, *feet*).

Принципы З. Харриса имели очень важное значение для построения дескриптивной модели языка, поскольку они позволяли удалить из числа самостоятельных морфем все сегменты, обладающие особой сферой функционирования, отличной от дистрибуции других морфем, принадлежащих данному классу. Такая форма глагола *to be*, как *am*, сочетается только с первым лицом I (*I am*), в то же время другие английские глаголы не имеют специальной формы первого лица. Этот сегмент, следовательно, стоит особняком в системе английского глагола, а поэтому не должен фигурировать в описании наряду с «регулярными», «стандартными» морфемами. Из этого вытекает, между прочим, что отождествление морф практически не может быть осуществлено точно и однозначно до классификации морфем, которая, однако, производится на следующей, третьей ступени анализа. Это предполагает необходимость ретроспективных переоценок и нарушает строго проспективное развитие анализа.

Исключение обязательного звукового сходства³⁰⁰ из числа принципов отождествления привело к тому, что связь морфемы со звуковой материей стала опосредствованной, осуществляемой через алломорфы (т. е. варианты морфем), морфема же превратилась в чисто функциональный, абстрактный элемент. Такой подход к основной единице грамматического анализа представ-

---

²⁹⁸ Этой точки зрения и до сих пор придерживаются некоторые структуралисты, близкие к дескриптивистам по своей методической программе. См.: A. Juillard, J. Macris. *The English verb system*, стр. 20—21.

²⁹⁹ Z. Harris. *Morpheme alternants in linguistic analysis*, стр. 171—179.

³⁰⁰ На необходимости учитывать этот признак при отождествлении морф продолжал настаивать Ю. Найда (см. его работу «*Morphology: the descriptive analysis of words*», стр. 90), чем вызвал критическое замечание своего рецензента Ч. Хоккета (см. «*Language*», 1947, vol. 23, № 3, стр. 281).

ляется нам не только правомерным, но и единственно возможным при построении грамматической модели языка в терминах морфем и их аранжировки.

Если сравнить принципы З. Харриса с издавна применяемыми критериями отождествления основных лингвистических единиц (для традиционной грамматики — слов), то нельзя не обратить внимания на их сходство, особенно заметное на примере супплетивных форм слова. Объединение в одну парадигму столь различных по своему звучанию слов, как русск. *иду, шел; сугь, есть, буду, был*; англ. *be, am, is, are, was, were*; исп. *ser, soy, eres, fui; ir, voy, fui* производилось потому, что 1) эти формы наделены одним лексическим значением, 2) они находятся между собой в отношении дополнительной дистрибуции (т. е. в контексте невозможна свободная подстановка одной формы вместо другой), 3) общий диапазон сочетаемости всех вариантов одного слова эквивалентен сфере функционирования форм другого несупплетивного слова, принадлежащего тому же классу. Например, супплетивные формы английского глагола *to be* функционируют параллельно регулярным формам любого другого связочного глагола (ср. *to seem, to turn, to appear*). Таким образом, принципы отождествления единиц языка, выдвинутые З. Харрисом, уже ранее использовались в практике анализа, хотя и имплицитно. Если бы принцип дополнительной дистрибуции не применялся в традиционной грамматике и если бы в последней превалировали семантические критерии, то естественно было бы ожидать отождествления синонимических слов, чего на самом деле никогда не происходило. Принципы дескриптивного анализа языка в этом случае, равно как и во многих других, являются эксплицитным выражением интуитивно применявшейся грамматической техники, основывающейся во многом на языковом чутье носителей языка. Именно в этом и заключается их новизна, которую не следует недооценивать, поскольку она дала возможность применять принципы анализа более сознательно, широко и последовательно. Можно было бы, по-видимому, считать, что разработка новых лингвистических методов как раз и заключается в том, чтобы найти формальные признаки, объясняющие интуицию носителей языка.

Критерии отождествления морфемных сегментов, предложенные З. Харрисом, были позднее несколько видоизменены в сторону их расширения Ч. Хоккетом, развивающим идеи Харриса в статье «Проблемы морфемного анализа». Ч. Хоккет внес коррективы во второй и третий принципы отождествления морф. Условие дополнительной дистрибуции Ч. Хоккет заменил принципом неконтрастирующей дистрибуции, позволившим отождествлять морфы, если они встречаются в одинаковом окружении, не выражая при этом никакой разницы в значении (ср. *шофера — шоферы, закутилась — закутилася*). Третий принцип З. Харриса

также показался Ч. Хоккету слишком узким. Он не допускал, например, объединения в одну морфему латинских морф, выражающих категорию числа-падежа имен, ввиду отсутствия неварьирующей морфемы, передающей это значение в сочетании со всеми типами основ. Поэтому Ч. Хоккет формулирует третий принцип идентификации иначе, чем Э. Харрис. Он полагает, что для отождествления морф довольно, чтобы дистрибуция результирующей морфемы не была для данного языка уникальной³⁰¹. Эта последняя поправка в интерпретации Ч. Хоккета дает чрезвычайно широкие возможности отождествления морф путем уравнивания различных парадигм. При этом в целях получения максимально экономного описания на морфемном уровне более разветвленная система форм анализируется по аналогии с более простой парадигмой. Так, Ч. Хоккет приравнивает систему английских личных и притяжательных местоимений к парадигме имен собственных (John, John's). Это позволяет ему отождествить субъектные и объектные формы местоимений (I и me, he и him, she и her, we и us, they и them) и отношения между ними рассматривать как субморфемные. Отождествление производится на том основании, что местоимения, входящие в каждую пару, никогда не встречаются в одной позиции, а диапазон их функционирования совпадает со сферой употребления морфем типа John и в этом смысле не является уникальным. Как только падежные формы местоимений объединяются в одну морфему, категория падежа вообще исключается из системы английской грамматики, а падежные формы местоимений рассматриваются как автоматическое варьирование или чередование алломорф. Точно так же поступает Ч. Хоккет и с английскими притяжательными местоимениями (my и mine, your и yours, her и hers, our и ours, their и theirs). Он анализирует их по аналогии с формой John's, а синтаксические различия между ними оценивает как различия внутриморфемные. Таким образом, более сложная система личных и притяжательных местоимений приравнивается к более простой системе имен собственных, по аналогии с которыми и устанавливается морфемный состав местоимений³⁰². Индивидуальные черты английских местоимений поэтому на морфемном (или собственно грамматическом) уровне не отражаются. Стремление к экономности и обобщенности констатаций приводит в этом случае к искажению специфических черт грамматической системы. Принципы и пределы уравнивания разных парадигм Ч. Хоккетом не определяются.

Несмотря на приведенные возражения (а они направлены против произвольного анализа парадигм одного класса элементов по аналогии с менее расчлененными парадигмами другого

³⁰¹ Ch. Hockett. Problems of morphemic analysis, стр. 331, ср. также стр. 342.

³⁰² Там же, стр. 343.

класс а), поправка Ч. Хоккета представляется разумной. Действительно, если считать морфему чисто функциональной единицей, то нет причин возражать против отождествления всех морфологически обусловленных вариантов, например падежных окончаний (независимо от того, соотносятся ли они с употреблением неварьирующейся морфемы или нет), поскольку они указывают на одинаковые синтаксические отношения (ср. *говорю с сыном, дочерью, тещей* и пр.). В традиционной грамматике, предполагающей описание языка в терминах слова, такие элементы не считаются вариантами одной морфемы, однако их функциональное тождество признается и им отводится одинаковое место в парадигме. Это различие в идентификации лингвистических элементов обусловлено различием двух моделей, заключающимся в выборе центральной единицы грамматического анализа: дескриптивная модель целиком строится в терминах морфем, которые в традиционной модели, оперирующей словом, имеют второстепенное значение. Поэтому в традиционной грамматике нет необходимости применять к морфемам столь свободные и широкие критерии идентификации.

Ч. Хоккет практически стремился к тому, чтобы каждой грамматической категории соответствовала лишь одна морфема, а разные способы выражения одной категории рассматривались как ее алломорфы, т. е. были бы сдвинуты на субморфемный уровень³⁰³. Морфемами, следовательно, он считает лишь элементы, контрастирующие по значению. Подобное требование обусловлено тем, что в дескриптивном описании языка грамматическим категориям уделяется весьма мало внимания и их описание фактически заменяется описанием морфем. Если между морфемами и грамматическими категориями устанавливается отношение один к одному, то морфемный анализ полностью покрывает описание грамматических категорий и делает последнее излишним.

Общим для приведенных выше принципов З. Харриса и Ч. Хоккета является запрещение отождествлять морфемные сегменты, встречающиеся в одинаковом окружении и контрастирующие по значению. Это в целом совершенно справедливое требование ведет в некоторых случаях к разъединению морф, обладающих тождественной системной функцией. На том основании, что окончания множественного числа в формах *хлеба—хлебы, листы—листья*, англ. *brothers—brethren* входят в различающиеся по значению слова, дескриптивисты выделяют их в самостоятельные морфемы. «Если флективные аффиксы соединяются

³⁰³ Особенно далеко заходит в отождествлении морфемных сегментов на основе общности значения или функции Ю. Найда (см.: E. Nida. The indentification of morphemes «Language», 1948, № 4, vol. 24, стр. 418 и сл.). См. об этом: А. А. Реформатский. О соотношении фонетики и грамматики, стр. 111.

с одной основой, то они необходимо являются разными морфемами»³⁰⁴, — пишет Ч. Хоккет. Однако контраст приведенных выше форм относится скорее к лексическому содержанию основы, выявляя ее полисемичность, чем к грамматической функции флексии. Смысловая дифференциация одного элемента нередко выражается в языке через варьирование другого, сопряженного с ним элемента. Ср., например, сочетание синонимических аффиксов с одной основой в разных ее значениях. Дистинктивная роль элементов в языке поэтому не всегда совпадает с их системной функцией. Место флексии множественного числа (*хлеб-а—хлеб-ы*) в грамматической системе языка нисколько не изменилось от того, что появились параллельные формы, образованные от одной основы и коррелирующие с разными ее значениями. Стремясь к отождествлению морф по их роли в грамматической системе, дескриптивисты недостаточно последовательно применяют этот функциональный критерий, что в конечном счете связано с их пониманием языка как набора статических речевых противопоставлений.

Нельзя не признать, однако, что, несмотря на отдельные упущения, дескриптивные принципы отождествления лингвистических единиц явились значительным шагом вперед в развитии грамматической техники.

Третья фаза грамматического анализа состоит в распределении морфем по грамматическим классам. Критерием классификации является совпадение или сходство дистрибутивных признаков, которое устанавливается методом субституции, т. е. подстановки одной морфемы вместо другой в контексте. Поэтому и выделенные разряды морфем называются дистрибутивными классами (*morpheme distribution classes*) или классами взаимозаменяемых единиц (*substitution classes*). З. Харрис, введший дистрибутивный принцип в грамматический анализ³⁰⁵, придавал ему особое, исключительное значение. Описание языка, по его мнению, должно содержать полные сведения о дистрибуции всех морфем, то есть обо всех тех контекстах, в которых встречается каждая морфема. Только зная дистрибуцию морфемы, можно дать лингвистическое определение ее значения. Последнее понимается З. Харрисом как функция дистрибуции³⁰⁶. Практически, однако, никто из дескриптивистов никогда не брался за описание дистрибуции хотя бы одной морфемы. Причина этого заключается не столько в огромной тру-

³⁰⁴ Ch. Hockett. A course in modern linguistics, стр. 274—275.

³⁰⁵ О понятии дистрибуции и истории его формирования см.: P. Diderichsen. The importance of distribution versus other criteria in linguistic analysis; см. также: Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова. Проблемы морфологии в трудах американских дескриптивистов, стр. 212—213.

³⁰⁶ Z. Harris. Distributional structure, стр. 35.

доемкости подобного задания (при достаточно обширном корпусе языка), сколько в его чрезмерности, поскольку далеко не всякое окружение морфемы релевантно в грамматическом анализе. Очевидно также, что если обследование дистрибуции важно при предварительной обработке материала, то оно не может быть полностью введено в описательную грамматику. Появление дистрибутивного принципа на грамматическом уровне в той максималистской и категорической форме, в которой он был выдвинут дескриптивистами, является в известном смысле результатом механического отождествления фонологических методов анализа с грамматическими³⁰⁷. Б. Стрэнг была недалеко от истины, когда писала, что дистрибутивная гипотеза в грамматике есть способ оправдания интуитивной практики апелляцией к принципу, который считается объективным, хотя на самом деле его применить нельзя, нельзя поэтому и проверить³⁰⁸.

Что касается классификации морфем, то и здесь дистрибутивный критерий только декларируется. Группировка элементов языка по дистрибутивным признакам невозможна уже потому, что практически нет и не может быть двух морфем, обладающих совершенно идентичным распределением³⁰⁹. Это прекрасно понимают и дескриптивисты³¹⁰. Поэтому они вносят в применение дистрибутивного критерия ряд очень существенных ограничений. Прежде всего сбрасываются со счетов различия в дистрибуции, обусловленные факторами культуры и цивилизации, затем исключаются все лексические нормы сочетаемости морфем, наконец, отсекаются элементы высказывания, синтаксически не связанные с данной морфемой; иначе говоря, высказывание заменяется более коротким контекстом, рамкой, после чего отбираются лишь немногие рамки, которые признаются диагностическими, ключевыми³¹¹. Как следует произвести все перечислен-

---

³⁰⁷ См. об этом: М. В. Панов. О некоторых тенденциях в развитии русского литературного языка XX в. — ВЯ, 1963, № 1, стр. 3.

³⁰⁸ B. Strang. Theory and practice in morpheme identification. «Preprints of papers for the Ninth International Congress of Linguists», стр. 246. Ср.: R. Lees. A multiply ambiguous adjectival construction in English, стр. 210.

³⁰⁹ Это отмечалось неоднократно. См., например: Y. Bar-Hillel. Logical syntax and semantics. «Language», 1954, vol. 30, № 2, стр. 233. — Статья И. Бар-Хиллела содержит развернутую критику дистрибутивного принципа.

³¹⁰ Z. Harris. From morpheme to utterance, стр. 163; Он же. Discourse analysis, стр. 6.

³¹¹ Z. Harris. From morpheme to utterance, стр. 164—165; Он же. Methods in structural linguistics, стр. 254—255. Ср. также: M. Lascelles, A theory in distributional syntax: classes and constants. «Language and Speech», 1960, vol. 3, № 1, стр. 50—51. — Считая методы З. Харриса неясными и неточными, автор пытается улучшить их, внося в них некоторые коррективы. М. Ласель предлагает, в частности, судить о характере морфем по их отношению к константам. Под последними понимаются служебные слова, флексия и пр.

ные операции (напомним, что их нужно осуществить, не прибегая к значению форм), объясняется далеко не достаточно. Например, отбор ключевых позиций мотивируется ссылками на их полезность для анализа многих высказываний и на экономность полученных формулировок. Р. Лиз справедливо писал: «... до сих пор ни один автор не принимал всерьез дистрибутивного критерия и не изучал всех возможных рамок взаимозамен для установления синонимичности или эквивалентности элементов, то есть их принадлежности к одному грамматическому классу. В действительности производится только замена в диагностических позициях. Последние же отбираются совершенно произвольно»³¹². Чтобы определить, какие рамки необходимы для выделения данного класса, нужно заранее знать о его существовании, а чтобы правильно произвести субституцию, необходимо установить, что результирующие предложения обладают одной грамматической структурой с исходным высказыванием. Но этого нельзя сделать до того, как описаны все синтаксические конструкции языка. Здесь дескриптивист снова оказывается в порочном кругу³¹³. Вместо классификации морфем по дистрибутивному признаку, производится их группировка по сочетаемости с морфемами, принадлежащими к другим классам. «На самом деле мы скорее определяем положение каждого класса по отношению к каждому другому классу, чем каждой морфеме по отношению к каждой другой морфеме»³¹⁴, — пишет З. Харрис. Поэтому «диагностические окружения выбираются с таким расчетом, чтобы по ним можно было охарактеризовать совместную встречаемость полученных классов»³¹⁵. Но даже и этот признак не всегда признается релевантным. Так, для английских глаголов оказывается несущественной их сочетаемость с префиксами *in-*, *dis-*, но считается ключевой их позиция перед суффиксом *-ing*³¹⁶. Выбор диагностических позиций не опирается на результаты предшествующего анализа. Он не может поэтому считаться формализованным.

Если сравнить методы классификации единиц языка в традиционном языкознании с дескриптивными принципами и приемами группировки морфем, то и здесь обнаруживается их сходство. В традиционной грамматике классификация слов произво-

³¹² R. Lees. [Рец.] N. Chomsky. Syntactic structures, стр. 395, прим. 28. Ср.: N. McQuown. [Рец.] Z. Harris. Methods in structural linguistics. «Language», 1952, vol. 28, № 4, pt 1, стр. 502—503.

³¹³ R. Lees. A multiply ambiguous adjectival construction in English, стр. 210. Ср.: D. Olmsted. Substitution and frequency-estimation in linguistic analysis, стр. 313—314.

³¹⁴ Z. Harris. Methods in structural linguistics, стр. 246.

³¹⁵ З. С. Харрис. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре, стр. 530—531.

³¹⁶ Z. Harris. From morpheme to utterance, стр. 164.

дится также (хотя и недостаточно последовательно) по признаку их взаимозаменяемости в структурно-обусловленных позициях, выявляющих валентные свойства слова. Так, существительные выделяются по их сочетаемости с глаголами, прилагательные — по их сочетаемости с существительными, наречия — по их сочетаемости с прилагательными и глаголами и пр. Разумеется, традиционная классификация единиц языка, разработанная применительно к словам флективных языков, учитывает и их внутренний, морфологический состав. То, что для морфемы является свойством сочетаемости, для слова может оказаться признаком внутренней структуры. Впрочем, и для традиционной грамматики состав слова обычно менее важен, чем его синтаксические свойства. Так, субстантивированные прилагательные типа *столовая*, *дворовый*, сохранившие парадигму склонения прилагательных (правда, утратившие соотносительные родовые формы), относятся обычно к существительным. Заимствованные имена, не получившие в русском языке парадигматического оформления (*пальто*, *виски*), включаются тем не менее в класс существительных, что явно продиктовано их синтаксическим поведением. Сходство структурных принципов классификации с традиционными подтверждается и полученными результатами. В итоге дескриптивисты приходят примерно к тем же категориям морфем, какие искони выделялись в традиционной грамматике. Среди них фигурируют глагольные морфемы, подразделяемые на переходные, непереходные, связочные, вспомогательные, модальные, каузативные и пр., субстантивные, адъективные, союзные, предложные и тому подобные разряды морфем. Наряду с ними выделяются и морфемы, относящиеся к внутренней структуре слова (разнотипные аффиксы)³¹⁷. Любопытно заметить, что, настаивая в принципе на том, что морфема, как элемент высказывания, а не слова, может быть выражена просодическими явлениями и пограничными сигналами, З. Харрис не включил в свою классификацию ни одной морфемы этого типа.

Представление о том, что различия между дескриптивными и традиционными принципами классификации лингвистических единиц глубоки и принципиальны, возникло, на наш взгляд, в силу ошибочных предположений сравнения. Критикуя традиционную грамматику, Л. Блумфилд писал: «Чтобы описать грамматику языка, необходимо установить принадлежность каждой лексической единицы к формальному классу и выяснить, какие признаки побуждают говорящих отнести эту единицу к данному классу. Традиционный ответ на этот вопрос можно найти в наших школьных грамматиках, пытающихся определить формальные классы по их семантике (*class-meaning*), т. е. по тому элементу значения, который является общим у всех членов данного класса.

³¹⁷ Там же, стр. 167—169.

Школьная грамматика сообщает нам, например, что существительное — это «имя лица, места или предмета»³¹⁸. Далее следует критика подобного рода семантических определений. Этот пример показателен в том отношении, что Л. Блумфилд ищет ответ на вопрос о критериях выделения частей речи в их школьных определениях. Однако нельзя упускать из виду, что одной из характерных черт традиционной грамматики является отсутствие соотносительности между применяемыми принципами классификации и определениями полученных классов или категорий. Поэтому из приведенного выше школьного определения существительных отнюдь не вытекает, что для выделения этой части речи был использован семантический, а не формальный критерий. Л. Блумфилд был, конечно, прав в том отношении, что традиционная грамматика, верно отражая языковое чутье носителей языка, часто давала ему одностороннее (семантическое) истолкование. Но из этого не вытекает, что сами принципы систематизации материала были также односторонне семантическими. Это неверно еще и потому, что в любой традиционной грамматике можно найти раздел о синтаксических функциях частей речи, выявляющий сумму единых для данного класса слов формальных признаков. Традиционная грамматика содержит также описание морфологических признаков, общих для каждой части речи. В традиционной грамматике обычно отражены причинно-следственные отношения в языке, существующие для его носителей. Так, оформление частей речи считается следствием их значения. Поэтому сначала дается их семантическое определение, а потом их формальная характеристика. Структуралист всегда идет обратным путем, путем аналитика, имеющего перед собой данность (корпус языка) и выводящего из нее лингвистическую систему. Для него поэтому форма является первичной, а значение — вторичной категорией. В этом состоит одно из принципиальных различий между традиционной и структурной лингвистикой.

Дескриптивисты привели в соответствие принципы классификации языковых единиц с их определениями. Так, производя классификацию морфем по их сочетаемости с другими морфемами, американские структуралисты соответствующим образом определяют полученные классы. Английские субстантивные морфемы характеризуются как морфемы, занимающие положение перед показателем множественного числа *-s* после артикля или прилагательных³¹⁹. Признавая наличие у формальных классов лингви-

³¹⁸ L. Bloomfield. *Language*, стр. 266; см. также: Ch. Fries. *The structure of English*, стр. 67—69, 173—174, 187, 202—205 и др.

³¹⁹ Z. Harris. *From morpheme to utterance*, стр. 167. — Заметим, что дистрибутивные определения не чужды и традиционному языкознанию. Так, например, они заключены в таких терминах, как аффикс, суффикс, инфикс, префикс.

стического значения (class-meaning), дескриптивисты, однако, не формулируют его эксплицитно, в результате чего их определения оказываются неполными, односторонними. Сами дескриптивисты называют их поэтому операционными. Дескриптивисты не используют в своей методике принципа грамматических оппозиций, способствующего установлению дифференциальных значений в грамматике, и это мешает им дать функциональное определение грамматических категорий. Но сейчас мы не будем обсуждать вопрос о достаточности определений, подобных приведенному выше. Для нас важно другое, а именно: подчеркнуть невозможность объективной оценки дескриптивных и традиционных методов и принципов анализа путем сопоставления тех определений, которые даются лингвистическим единицам и их классам в дескриптивной и традиционной грамматике. Такое сопоставление может дать пищу лишь для критики самих определений, т. е. того, как формулируются результаты анализа. В этом отношении между традиционной и дескриптивной грамматикой действительно наблюдаются существенные различия. Нельзя не признать, что традиционные определения лингвистических единиц и их классов оказывали своего рода обратное влияние на методику анализа. Это влияние, которое нельзя признать положительным, было особенно явственным при решении вопроса о качестве разного рода промежуточных, переходных категорий. Так, определяя слово с точки зрения единства выражаемого им понятия, грамматисты нередко признавали словами фразеологические сочетания, характеризующие смысловой цельностью. Семантические определения частей речи, система которых была первоначально разработана для флективных языков, нередко побуждали выделять без достаточных на то формальных оснований аналогичные категории в других по структуре (например, изолирующих) языках.

Комментируя свою методику классификации морфем, Э. Харрис заметил, что «полезность предложенной им процедуры, возможно, состоит скорее в эксплицитности, чем в новизне метода или результата»³²⁰. С этим нельзя не согласиться. Но если различие между традиционными и дескриптивными методами анализа (в частности, принципами классификации лингвистических единиц) заключается главным образом в имплицитности первых и эксплицитности вторых, то тем самым опровергается распространенное мнение о принципиальной невозможности сочетать их в рамках одного исследования.

Степень целесообразности морфологического анализа может быть лучше всего определена с точки зрения того, как происходит

---

³²⁰ Z. Harris. From morpheme to utterance, стр. 161.

на его основе описание структуры высказывания³²¹. Поэтому, сделав некоторые критические замечания, касающиеся дескриптивной морфологии, «изнутри», попытаемся дать ей оценку «извне», с точки зрения более высокой и в известном смысле конечной ступени синтаксического анализа.

Дескриптивный синтаксис, представляющий собой аранжировку морфем, охватывает, наряду с сочетанием слов, всю область словоизменения и словообразования, т. е. и те конструкции, которые содержат связанные формы. Автоматический порядок морфем внутри слова рассматривается, следовательно, в одном плане с расположением слов в высказывании, которое может выполнять смыслоразличительную функцию. Описание высказывания оказывается чрезвычайно сложным, многослойным, перегруженным фактами, нерелевантными с точки зрения собственно синтаксической структуры. Последняя представлена в разных по своему характеру единицах. С одной стороны, определяются комбинации классов морфем, с другой стороны, устанавливаются сочетания классов с отдельными морфемами (обычно морфемами словоизменения). Гетерогенность описания является неизбежным следствием того, что грамматический анализ производится в терминах функционально недифференцированной единицы. Будучи элементарным значимым элементом, морфема может выражать как лексические, так и грамматические значения³²². Поэтому, стремясь к выделению в морфемах грамматических свойств, дескриптивисты сводят лексические по своему значению морфемы в дистрибутивные классы и производят описание структуры высказывания в терминах сочетаемости этих классов морфем между собой, а также с отдельными морфемами, имеющими в качестве основной грамматическую функцию.

Сложность и недостаточная ясность задач, стоящих перед дескриптивным синтаксисом, явилась причиной слабой теоретической разработки принципов и методов синтаксического анализа. Это же последнее обстоятельство, в свою очередь, повело к отсутствию в дескриптивном языкознании полноценных работ, содержащих описание аранжировки морфем в конкретных языках³²³.

План синтаксического анализа намечен дескриптивистами лишь в самом общем виде. В настоящее время можно говорить о двух программах описания строя высказывания. Одна из них,

---

³²¹ О синтаксических теориях дескриптивистов см. в кн.: О. С. Ахманова, Г. Б. Микаэлян. Современные синтаксические теории. М., 1963, стр. 7—37.

³²² Именно этим обстоятельством и объясняются поиски К. Пайком собственно грамматической единицы (см., например, его работу «On tag-memes, née gramemes»).

³²³ Это отмечают и американские лингвисты. См., например: R. Lees. A multiply ambiguous adjectival construction in English, стр. 207.

предложенная еще Л. Блумфилдом и разработанная применительно к синтаксису К. Пайком, Р. Уэллзом, С. Четменом и др. лингвистами, заключается в постепенном членении высказывания на составные части, вплоть до получения неделимых далее элементов, или конечных составляющих. При этом последовательные ступени членения обнаруживают разные слои в аранжировке морфем. Вторая программа, предложенная Э. Харрисом, рассчитана на порядок анализа от морфемы к предложению. Первая программа осуществляется путем постепенного свертывания предложения, вторая, напротив, предполагает развертывание высказывания. Обе методики оперируют одинаковыми единицами и различаются лишь порядком их открывания, обнаружения.

Синтаксическая программа Р. Уэллза осуществляется главным образом при помощи метода непосредственно составляющих, позволяющего установить иерархические отношения между синтаксическими конструкциями в общей системе предложения. В дескриптивном анализе этот метод необходим еще и для того, чтобы ограничить те требования, которые вытекают из дистрибутивного принципа. Описание дистрибуции морфем должно содержать все возможные их окружения в высказывании, включая и комбинации элементов, не связанных между собой прямым синтаксическим отношением. Метод НС исключает последние из синтаксического описания. Р. Питмен справедливо подчеркивал, что анализ по НС сводит все факторы окружения к одной морфеме, к сочлену, другому НС. Этот метод элиминирует нерелевантные части высказывания на каждом уровне описания. Если его отвергнуть, пришлось бы считать, что каждая морфема имеет отношение к каждой другой морфеме в высказывании³²⁴. В этом смысле анализ по НС основывается на более правильном понимании грамматической позиции.

Р. Уэллз показал, что анализ по НС вскрывает подлинную аранжировку морфем, которая никоим образом не должна сводиться к порядку, как склонны думать некоторые дескриптивисты. Так, различие между сочетаниями *старые мужчины / и женщины* и *старые / мужчины и женщины* не отражена ни в фонемном, ни в морфемном составе, ни в последовательности расположения компонентов. Лишь анализ по НС способен обнаружить и описать разницу между приведенными сочетаниями³²⁵. Р. Уэллз один из первых среди американских лингвистов обратил внимание на то обстоятельство, что грамматическая модель языка должна быть построена так, чтобы с ее помощью можно было описать и объяснить максимальное количество семантических различий, между предложениями. В дальнейшем эта идея была

³²⁴ R. Pittman. Nuclear structures in linguistics. — RiL, стр. 275.

³²⁵ R. Wells. Immediate constituents, стр. 96.

взята на вооружение сторонниками трансформационной грамматики, которые особое внимание обращали на анализ всякого рода двусмысленных конструкций.

Р. Уэллз применяет метод НС в сочетании с принципом экспансии. Согласно этому принципу более сложные последовательности морфем являются распространением более простых последовательностей, которыми они могут быть заменены в высказывании. Так, предложение *Король Англии / открыл парламент* считается экспансией предложения *Джон / работает*, а это последнее рассматривается как модель (pattern) первого предложения. Модель помогает установить границы между НС высказывания. Другим критерием правильности разложения высказывания на каждой данной ступени является максимальная независимость друг от друга его компонентов.

Эта последняя идея была в дальнейшем разработана С. Четменом³²⁶, построившим на ней всю методику выделения НС. С. Четмен устанавливает иерархию отношений между составляющими внутри предложения в зависимости от степени неопределенности последующего элемента. Чем меньше вероятность появления в высказывании элемента, принадлежащего именно к данному классу, тем более крупные синтаксические структуры определяет проведенная граница. Иерархия синтаксических структур устанавливается, следовательно, по шкале вероятностей. Так, в предложении *The boy plays* после *the boy* может появиться множество слов, принадлежащих к самым различным разрядам, в то время как после *play* встречается лишь одна из трех связанных морфем (*-s*, *-ed*, *-ing*). Поэтому прежде следует разбить высказывание на *the boy / plays*, а затем лишь разделить *plays* на *play//s*. Эта методика синтаксического членения, как отмечает и сам С. Четмен, аналогична способу сегментации высказывания, предложенному Э. Харрисом (см. выше, стр. 259). Однако между этими двумя приемами имеется и существенное различие. Последнее заключается в том, что Э. Харрис подсчитывает встречаемость элементов фонологического уровня, относящегося только к плану выражения, для установления границ на более высоком морфологическом уровне, обладающем также и планом содержания. Для теоретического обоснования методики Э. Харриса необходимо определить закономерности в соотношении этих двух уровней. С. Четмен же не выходит в своем анализе за пределы данных грамматического уровня, с помощью которых и устанавливает ранги синтаксических структур.

После того как высказывание разбито на НС, необходимо установить их отношение друг к другу. Каждая пара НС содержит определение и определяемое или, по дескриптивной терминологии

---

³²⁶ S. Chatman. Immediate constituents and expansion analysis. «Word», 1955, vol. 11, № 3.

гии, ядро и спутник. Р. Питмен предложил серию приемов выделения ядер и спутников. Он указывает десять признаков, отличающих главный член сочетания от второстепенного. К их числу относятся: степень независимости элемента, размер класса, к которому он принадлежит, общий диапазон его сочетаемости, частотность употребления, длина компонента, его значение и пр.³²⁷. Заметно, что эти признаки весьма неточны и не образуют связной методической системы, а могут дать лишь набор практических рекомендаций, вероятно полезных в работе с мало-знакомым языком. При этом выявление каждого признака требует значительного дополнительного исследования. Создается впечатление, что набор этих, казалось бы, формальных опознавательных знаков как бы маскирует то обстоятельство, что при выделении ядер и спутников дескриптивисты в немалой степени руководствуются смысловой стороной сочетаний и своей интуицией. Невольно вспоминаются слова Р. Лиза о том, что дескриптивисты опираются в анализе языка на свое собственное языковое чутье, после чего дают ad hoc какое-нибудь правило для объяснения полученного результата³²⁸. Представляется, что те правила, которые формулирует Р. Питмен для различения ядер и спутников, случайны, не отражают существа дела. Прежде всего, при выделении ядер и спутников не обязательно ограничиваться отдельными сочетаниями, можно раздвинуть рамки исследования до всего высказывания. Каждый разрез при делении предложения на НС открывает прямую связь не между двумя группами элементов, взятыми глобально, а между главными членами каждой группы. В предложении *Король Англии / открыл парламент* сопоставление с моделью *Джон / работает* указывает на непосредственную связь лишь между элементами *Король / открыл*. Эти элементы и будут ядрами каждого НС. Таким образом, ядром является всегда тот элемент, который находится в прямой синтаксической связи с другим, внешним по отношению к данной группе, НС. Иначе говоря, те члены, которые обнаруживают синтаксическое сцепление при первом выделении НС, являются ядрами внутри каждого НС при его дальнейшем делении. Из этого, по-видимому, вытекает, что при самом первом разбиении предложения (*Король Англии / открыл парламент*) ни одно из НС не может считаться по отношению к другому ядерным. Если принять такой метод деления непосредственно составляющих на главные и подчиненные, то становятся совершенно безразличными такие факторы, как длина компонента, численность того класса, к которому он принадлежит, его распространенность и пр.

³²⁷ R. Pittman. Nuclear structures in linguistics, стр. 276—277.

³²⁸ R. Lees. [Рец.] N. Chomsky. Syntactic structures, стр. 393.

Выделение ядер и спутников существенно еще и потому, что оно способствует более точному проведению границ между НС. Морфемы, выражающие синтаксические связи, всегда следует, например, объединять со спутниками, поскольку они указывают на отношения этих последних к ядрам и не могут присутствовать в высказывании без спутников. Так, в сочетании *the king of England* предлог *of* объединяется в одно НС с *England* и граница деления проходит, следовательно, перед этим элементом: *the king / of England*.

Анализ высказывания по НС основывается на предположении, что синтаксическая структура создается постепенным напластованием элементов, что она иерархична по своей природе и потому поддается столь же постепенному и последовательному разложению на дихотомические пары. Эта предпосылка вызвала возражение со стороны Р. Лонгакра, который предложил иное понимание синтаксической организации предложения. Последняя, по его мнению, не всегда основывается на дихотомическом принципе, а потому метод НС не может быть применен последовательно. Иногда удобнее производить анализ таким образом, как если бы элементы предложения нанизывались друг за другом, подобно бусам. Это своего рода «цепочечный» анализ³²⁹. Поправка Р. Лонгакра должна быть учтена в тех случаях, когда синтаксическая структура не может рассматриваться как дву-членная (ср. англ. *I see him walk*). Однако, хотя метод анализа высказываний путем его разложения на дихотомические пары и не является, как показал Р. Лонгакр, универсальным, он, несомненно, может быть с успехом применен в синтаксическом исследовании.

Несколько в ином плане разрабатывается цепочечный анализ предложения в одной из последних работ Э. Харриса, специально посвященной этой проблеме³³⁰. Каждое предложение, согласно новой теории Э. Харриса, состоит из одного элементарного предложения (или центра) и ряда примыкающих к нему слева и справа членов, или «прилеп» (*adjuncts*). Как элементарное предложение, так и «прилепы» образуют цепочки слов, относящихся к тем или другим категориям или классам. Если каждое слово, входящее в цепочку, заместить символом соответствующего класса, то получится формула этой цепочки. Для того чтобы составить синтаксические формулы, необходимо произвести предварительный анализ структуры предложений данного языка. Синтаксический центр выделяется путем исключения из предложения всего «лишнего», такого, без чего предложение не утрачивает своего основного качества. Так, например, из

---

³²⁹ R. Longacre. *String constituent analysis*. «Language», 1960, vol. 36, № 1, стр. 63.

³³⁰ Z. Harris. *String analysis of sentence structure*. The Hague, 1962.

нижеследующего предложения могут быть изъяты все заключенные в скобки элементы; (*Теперь*) *транспортеры* (*с фабрики, которую мы только что посетили*), *доставляют уголь* (*вверх по крутому склону*). Оставшаяся за скобками часть (*транспортеры доставляют уголь*) и является синтаксическим центром приведенного предложения. Исключенные элементы распространяют либо это центральное предложение целиком, либо один из его членов, либо одну из «прилеп». Так, *теперь* примыкает слева к элементарному предложению, *с фабрики* присоединено справа к слову *транспортеры* и пр. Далее тем же методом исключения в каждой цепочке выделяется свой центр, к которому она сводима в грамматическом отношении. Таким образом для каждого языка можно получить сравнительно небольшой набор центральных и периферийных конструкций, вывести правила деривации, т. е. их соединения в более сложные структуры, а также составить словарь слов с указанием категории каждого из них. Весь этот аппарат представляет основу «цепочечной грамматики», при помощи которой могут быть проанализированы все предложения языка. Анализ заключается в отождествлении заданных формул с реально встречающимися последовательностями слов. З. Харрис пытается настолько формализовать процесс распознавания, чтобы сделать возможным автоматическое прочтение текста. И действительно, в 1959 г. вариант цепочечного анализа был программирован для электронных машин типа Унивак. З. Харрис, как кажется, показал, что проблема распознавания относится не только к прикладной, но и к теоретической лингвистике, и в этом, несомненно, состоит его заслуга. Что же касается синтаксической концепции, излагаемой в этой его работе, то следует отметить некоторые ее отличия от его более ранних взглядов. Прежде всего, предложенная им на этот раз синтаксическая программа имеет в качестве основной и неразложимой на данном уровне единицы слово, а не морфему. Цепочечный анализ осуществляется путем постепенного свертывания, а не развертывания предложения, что также отличает его от программы синтаксического анализа, предложенной З. Харрисом в 1946 г. (см. ниже). Свертывание предложения, как уже говорилось, достигается исключением из него второстепенных членов. Идея деления членов предложения на главные и второстепенные, равно как и дальнейшей классификации этих последних в зависимости от того, какой класс слов они распространяют (определения глагола, имени, наречия и пр.), не является сама по себе новой. Нельзя считать оригинальной и мысль З. Харриса о синтаксических цепочках, под которыми по существу подразумеваются конструкции (patterns) или словосочетания.

В этом отношении книга З. Харриса скорее отличается новизной терминологии, чем новизной синтаксических идей. Отсутствует в исследовании З. Харриса и система строго формали-

зованных методов открывания в языке синтаксических категорий, т. е., по сути дела, методов построения грамматики, к чему в первую очередь стремились дескриптивисты. З. Харрис переносит центр тяжести на методы применения грамматического аппарата к материалу языка. Здесь его идеи тесно соприкасаются с развитием машинного перевода (ср. создание алгоритмов для автоматического анализа текста).

Другой путь синтаксического анализа был, как уже говорилось, намечен З. Харрисом в 1946 г. З. Харрис считал, что проще формализовать методы постепенного развертывания предложения, чем способы его последовательного членения³³¹. Он предложил поэтому изучать структуру высказывания в направлении от малого к большому, от морфемы к предложению. Постепенное синтезирование мелких единиц в большие по объему единицы осуществляется повторно применяемым методом субституции. Выделив этим способом сначала классы морфем, т. е. установив тождество их синтаксических характеристик, З. Харрис вновь обращается к методу субституции, чтобы распространить классификацию с отдельных морфем на их последовательности. В каждый грамматический разряд зачисляются, наряду с отдельными морфемами, и сочетания морфем, обладающие сходными дистрибутивными признаками. Например, в один класс с субстантивными морфемами попадают производные существительные, сочетания последних с прилагательными и другими определениями и пр. Так перед лингвистом постепенно раскрывается структура предложения в виде все более сложных сочетаний морфем. Синтаксический строй языка описывается в форме классов простых и сложных единиц (морфем и их сочетаний), соотносимых с определенной позицией в высказывании³³². От изучения классов единиц З. Харрис постепенно переходит к изучению их позиций в высказывании: «Переменными величинами становятся теперь позиции, — пишет З. Харрис. — Это вытекает из того факта, что критерием выделения классов является субституция. Элемент, встречающийся в позиции данного класса, может встречаться также в позиции других классов. Мы лишь отбираем те позиции, в которых встречаются многие морфемы, и в их терминах получаем наиболее целесообразное общее описание»³³³. Это последнее имеет вид формул, резюмирующих встречающиеся в языке последовательности классов морфем. Они и должны, по мысли З. Харриса, дать полное и точное описание структуры предложений. Анализируя предложение *She made him a good husband, because she made him a good wife* 'Она сделала из него хорошего мужа, потому что сама была для него

³³¹ Z. Harris. From morpheme to utterance, стр. 178.

³³² Там же, стр. 165—166, 171 и сф.

³³³ Там же, стр. 177.

хорошей женой', З. Харрис показывает, как метод субституции помогает установить структурное различие между казалось бы идентичными сочетаниями (*she made him a good husband* и *she made him a good wife*)³³⁴. Использование субституции, допускаемой формулами равенства (замена *she made him a good wife* сочетанием *she made a good wife for him*), очень сходно с методом трансформаций, позднее предложенным З. Харрисом. Можно думать, что уже в этой работе наметились некоторые принципы трансформационного анализа, развитые им впоследствии³³⁵. З. Харрис объясняет структурные различия между двусмысленными конструкциями путем эквивалентной замены их частей. Сама попытка применить понятие эквивалентности к синтаксическим сочетаниям отражает стремление выйти за рамки синтагматики и ввести в синтаксис понятие парадигматических рядов.

Можно считать поэтому, что трансформационный метод в некоторых своих чертах генетически связан с методом субституции.

Были изложены две программы описания языка, различающиеся порядком презентации материала и примененными методами анализа. Сравнительную оценку этих программ можно найти в интересной статье английского лингвиста В. Хааса³³⁶.

В. Хаас выступил с критикой пути анализа и презентации материала, ведущего от фонемы к морфеме, а затем от морфемы к высказыванию. Подобная программа, по мнению В. Хааса, устанавливает строгий приоритет компонентного описания над функциональным. Каждый элемент более высокого яруса определяется в терминах элементов предшествующего яруса, а не по той функции, которую он выполняет на более высоком уровне. Морфема определяется по своему фонемному составу, высказывание — по морфологическому строению³³⁷. З. Харрис устанавливает иерархическую структуру языка в виде пирамиды, стоящей на вершине и расширяющейся кверху, — пишет В. Хаас. В основе этой пирамиды лежит небольшой список простых единиц — фонем, затем следует более обширный морфемный слой, над которым возвышаются все более широкие пласты постепенно усложняющихся единиц. Даже если сечения такой пирамиды совпадают с сечениями пирамиды, поставленной на широкую основу, то требуется куда больше усилий, чтобы взобраться на ее вершину. В. Хаас противопоставляет пирамиде З. Харриса

³³⁴ Там же, стр. 181.

³³⁵ См.: З. С. Харрис. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре. — В этой работе З. Харрис отмечает, что многие распространения конструкций, получаемые в результате субституции, могут быть представлены в виде трансформаций (стр. 632—633).

³³⁶ W. H a a s. Linguistic structures. «Word», 1962, vol. 16, № 2. — Статья содержит критический анализ книги: A. Hill. Introduction to linguistic structures. From sound to sentence in English, в которой нашла свое практическое применение программа З. Харриса.

³³⁷ W. H a a s. Указ. соч., стр. 261.

пирамиду, стоящую на широкой основе предложений, т. е. наименее абстрагированных фактов речи, и завершающуюся ограниченным набором абстрактных фонологических единиц. При этом единицы разных уровней характеризуются по своей функции в рамках более сложных конструкций и различаются ограничениями свободы встречаемости³³⁸. В. Хаас полагает, что подобная модель языка «уходит своими корнями в поведение говорящих и слушающих людей и возникает как постепенный анализ их значимых высказываний»³³⁹.

Поставленная проблема, как представляется, имеет два достаточно четко различимых аспекта. Один из них охватывает способы анализа языка (т. е. эвристическую технику), другой — способы его описания, презентации. Дескриптивисты стремились к полному слиянию этих двух разных аспектов лингвистической теории. Описание языка должно, по их мнению, отражать постепенные этапы проникновения в его структуру, поэтому запрещается «забегать вперед», подходить к единицам более низкого уровня «сверху». Отсюда и многие недостатки и противоречия, содержащиеся в модели З. Харриса. Если же отказаться от той предпосылки, что модель языка есть не что иное, как описание эвристической техники, и снять запреты, налагаемые идеей о непроницаемости языковых ярусов, то модель З. Харриса, описывающая структуру языка по принципу от простого к сложному, имеет несомненные преимущества сравнительно с моделью В. Хааса, начинающего описание с наиболее сложных (хотя и наименее абстрагированных) структур и завершающего презентацию материала списком фонем. Модель З. Харриса в порядке описания материала ближе к традиционной грамматике, чем программа В. Хааса.

Выбор порядка построения модели зависит также и от ее характера. Если ставится задача создания чисто аналитической модели, то, по-видимому, следует предпочесть методiku В. Хааса. Напротив, когда строится порождающая грамматика, то естественней выбрать методiku постепенного развертывания предложения.

Несколько особняком в дескриптивном языкознании стоят синтаксические теории Ч. Фриза, наиболее полно изложенные им в книге «Структура английского языка»³⁴⁰. Концепция

³³⁸ W. Haas. Указ. соч., стр. 268.

³³⁹ Там же, стр. 269.

³⁴⁰ Ch. Fries. *The structure of English*. London, 1957. Книга Ч. Фриза, близко стоящего к преподавательским кругам США и стремящегося к реформе преподавания родного и иностранных языков, вызвала широкий отклик как со стороны лингвистов, так и среди преподавателей (см. рецензю: Y. Sled d. [Рец.] Ch. Fries. *The structure of English*. «Language», 1955, vol. 31, № 2, стр. 335). Как правило, первые относятся к теориям Ч. Фриза как к старомодным и даже реакционным, вторые же оценивают их как революционные.

Ч. Фриза в значительной степени базируется на общем положении дескриптивизма, согласно которому язык является видом человеческого поведения, своеобразной реакцией на те или другие стимулы. Поэтому, ставя перед собой цель изучения языка как «функционального орудия в человеческом обществе»³⁴¹, Ч. Фриз обращает в первую очередь внимание на связь высказывания с той ситуацией, в которой оно было произнесено, а также с тем ответом (речевым или неречевым), который оно вызвало. Этим определяется и интерес Ч. Фриза к живой разговорной речи, диалогу, на материале которого он строит все свое исследование. Характер этого материала повлиял и на принципы его анализа. Так, Ч. Фриз исходит из единицы высказывания (utterance unit), которая определяется как часть диалога, произнесенная одним человеком и ограниченная репликами собеседников. Единицы высказывания делятся на две группы: 1) высказывания, начинающие диалог (Ч. Фриз называет их ситуативными) и 2) все ответные высказывания, следующие за началом разговора. Отсутствие принципиальных различий в структуре этих двух типов высказываний свидетельствует, впрочем, о том, что само их выделение не имеет особого значения для лингвистического анализа и является в известной степени надуманным.

Ч. Фриз предлагает и другую классификацию высказываний, учитывающую ответную реакцию в процессе коммуникации. Этот принцип позволяет Ч. Фризу выделить три типа высказываний: 1) высказывания, за которыми следует устный ответ (приветствие, обращение, вопрос); 2) высказывания, реакцией на которые обычно бывает действие (повелительные предложения, вежливые просьбы); 3) высказывания, перебиваемые краткими устными репликами, свидетельствующими о внимании собеседника (повествовательные предложения, сопровождаемые такими репликами, как *ага, понимаю, еще бы, ну ужели, не может быть, блестяще* и пр.): Наряду с этими разновидностями, существует еще тип высказываний, выражающий реакции говорящего на определенную ситуацию и не преследующий коммуникативных целей (это обычно междометия). Приведенная классификация лишь косвенно и неоднозначно связана со структурой предложения. Она учитывает главным образом социальную функцию высказывания, которая, однако, не может служить надежной опорой в структурном анализе языка. И действительно, эта часть синтаксической теории Ч. Фриза, в которой автор пытается связать методику исследования с общефилософскими основами дескриптивизма, так и остается внешним и необязательным придатком по отношению к собственно структурному анализу предложе-

---

³⁴¹ Ch. Fries. The structure of English, стр. 35.

ний. Задачу последнего Ч. Фриз видит в выделении основных структурных моделей (patterns) предложения. Приступая к осуществлению этой задачи, Ч. Фриз выделяет формальные классы слов, входящих в состав высказывания. Это необходимо потому, что именно части речи, а не слова как лексические единицы определяют строй предложения, а в конечном счете и его значение. «Английское предложение — это не группа слов, как таковых, а скорее структура, состоящая из формальных классов или частей речи»³⁴², — пишет Ч. Фриз. Последние выделяются им при помощи субституции в заданных позициях и сводятся к четырем классам, соответствующим в обычной терминологии существительным, глаголам, прилагательным и наречиям. Ч. Фриз не дает этим частям речи названий, ограничиваясь лишь их нумерацией (класс I, класс II, класс III, класс IV). Разница между классами Ч. Фриза и соответствующими им частями речи состоит в том, что его классы не являются стабильными словарными категориями, характеризующимися в первую очередь признаками внутренней структуры. Формальные классы Ч. Фриза определяются только их способностью употребляться в определенных позициях. «Позиционные свойства слова в любом конкретном предложении сильнее его морфологических свойств», — отмечает Ч. Фриз³⁴³. Поэтому, например, прилагательные, выступающие в роли подлежащего, отнесены Ч. Фризом к классу I (существительные), несмотря на их морфологические отличия от существительных (неизменяемость по числам). Таким образом, при объединении слов в классы Ч. Фриз отдает предпочтение синтаксическим признакам сравнительно с морфологическими.

Можно обратить внимание и на некоторые частные недостатки классификации Ч. Фриза. Так, она оставляет открытым вопрос об отношении к общей системе классов именных форм глагола, характеризующихся особыми наборами позиций. Место модальных слов также остается неясным в этой классификации.

Наряду с четырьмя большими и постоянно пополняющимися классами, Ч. Фриз выделяет еще разряд функциональных слов, разбитый им на 15 групп. Наиболее крупную и разнообразную группу образует категория слов, занимающих в предложении позицию артикля. Это детерминанты. К их числу относятся артикли, притяжательные, указательные и количественные местоимения, притяжательные формы имен и пр. Ч. Фризу кажется несущественным, что некоторые из этих слов не исключают употребления артикля, а могут быть совмещены с ним (ср. *the few people*, *I saw*), а существительные в притяжательной форме сохраняют

---

³⁴² Ch. Fries. *The structure of English*, стр. 64.

³⁴³ Там же, стр. 141.

многие нормы сочетаемости, свойственные этому классу слов (ср. *The poor boy's book, the poor John's sister*). К этой группе, следовательно, отнесены слова, неоднородные по своей синтаксической валентности, различающиеся между собой позиционно. Это объясняется тем, что для их выделения была использована лишь одна пробная или диагностическая рамка (*the concert is good*) и не были привлечены многие другие позиции.

Ч. Фриз относит к функциональным словам также и наречия в положении перед прилагательными (*очень, весьма, вполне, действительно, слишком* и пр.). С этой категорией слов непосредственно не связаны структурно-синтаксические значения, и они могли бы с большим основанием быть выделены в качестве одного из основных классов слов. Столь же непоследовательно отнесены к функциональным элементам слова, открывающие «ситуативное» высказывание (*say, listen, look*; ср. русск. *послушай*), а также элементы, нередко начинающие ответное высказывание (*well, now, oh, why*). Ряд групп функциональных слов состоит из одного элемента (ср. *there (is), no, lets*). Хотя Ч. Фриз пытается показать, что функциональные слова обладают некоторыми общими чертами (например, слиянием лексического значения со структурным), расхождения между ними разительны. Создается впечатление, что Ч. Фриз отнес к функциональным словам все то, что осталось после выделения четырех основных частей речи. Ч. Фриз и сам пишет, что функциональным словам трудно дать общее определение и формальную характеристику, их надо вводить в грамматику в виде заданных списков особых единиц. Это тем более удобно, что число функциональных слов, в отличие от четырех основных частей речи, конечно. Их всего 154. Однако их повторяемость в тексте весьма высока. Они составляют обычно треть английского предложения. Роль их в высказывании, следовательно, чрезвычайно важна: они придают синтаксическим конструкциям формальную характеристику. Для того чтобы правильно ответить на структурный сигнал, необходимо знать функциональные слова, но можно не понимать лексического значения других слов, относящихся к четырем основным классам.

Вслед за классификацией слов Ч. Фриз переходит к описанию основных типов предложений, среди которых центральное место занимает сочетание существительных с глаголом в личной форме (субъектно-предикативная связь). Этот раздел весьма неполон — в нем мы не находим многих типов предложений современного английского языка, особенно тех синтаксических структур, которые характерны для письменной речи.

Наибольшее место в книге Ч. Фриза занимает анализ синтаксических функций частей речи. Автор подробно описывает структуры подлежащего, дополнений, разного рода определений

и пр. со стороны их формальных особенностей, которые позволяют ему в дальнейшем сделать выводы о различиях в их структурных значениях. Большим достоинством Ч. Фриза является стремление подойти к анализу высказывания с точки зрения его формальной, структурной организации, резко отграничив структурные сигналы от лексических значений слов. Свою мысль он иллюстрирует предложением, состоящим из выдуманных слов (*the vary koobs dasaked the eitar molently*) и напоминающим известную фразу Л. В. Щербы о «глокой куздре». С этих позиций он убедительно критикует традиционный (главным образом школьный) разбор предложения, в котором используются семантические критерии, вытекающие из смысловых определений членов предложения и частей речи.

Наряду с простым предложением, Ч. Фриз рассматривает также (хотя и более бегло) сложные предложения, а также те формальные средства, которые объединяют ряды предложений в связный текст. Раздел о зависимостях между предложениями, выраженных местоимениями, а также такими функциональными словами, как *штак*, *следовательно*, *однако*, *таким образом* и пр., отражает тенденцию, характерную для дескриптивного языкознания последних лет³⁴⁴, выйти за рамки отдельного высказывания и распространить формальные методы анализа на связный текст.

На заключительном этапе синтаксического анализа выясняется иерархия различных структур при помощи метода НС. Последний применяется Ч. Фризом с привлечением всех данных о характере и функции классов слов и отношений между ними.

Ч. Фриз пользуется словом в качестве основной единицы синтаксического анализа. Его построения в этом смысле скорее ориентированы на традиционную модель описания, чем на дескриптивную грамматику. Ч. Фриз прибегает и к другим традиционным понятиям синтаксиса, которые он освобождает от логико-семантических определений, выдвинув на первый план их структурную характеристику.

Ч. Фриз, как нам представляется, хорошо понял необходимость сохранения многих традиционных синтаксических категорий, действительно существующих в сознании носителей языка, но попытался их формализовать, пользуясь для этой цели методами, разработанными в дескриптивном языкознании. Синтаксис Ч. Фриза является во многом удачным сочетанием формализованной дескриптивной методики и основных единиц и понятий традиционного языкознания. Работа Ч. Фриза подкупает также свежестью и современностью привлеченного материала.

---

³⁴⁴ Z. Harris. Discourse analysis; V. Waterhouse. Independent and dependent sentences. — IJAL, 1963, vol. 29, № 1.

Оценивая вклад, внесенный дескриптивистами в методикку грамматического анализа, приходится констатировать, что он состоит собственно не в новизне методов, а в их эксплицитности, в попытке дать ясную формулировку приемам и принципам анализа, определить сферу их применения, связанные с ними ограничения и степень точности ожидаемых результатов. Дескриптивисты сделали предметом обсуждения те процедуры исследования, которые применялись ранее непоследовательно и часто интуитивно. Они раскрыли возможности использования многих лингвистических методов. Значение этого вклада, разумеется, нельзя недооценивать.

Не следует, впрочем, полагать, что дескриптивные методы абсолютно точны и полностью формализованы. В них, так же как в традиционной грамматике, большое место занимают способы анализа, опирающиеся на интуицию лингвиста или значение языковых единиц. Учет значения, однако, тщательно маскируется ссылками на дистрибуцию и изображается как «сокращение пути» (shortcut) исследования. Немалое место в дескриптивной методике занимают и чисто эмпирические, теоретически не обоснованные приемы. Это обусловлено практической направленностью дескриптивной программы, которую неоднократно подчеркивали ее авторы. Многие дескриптивные приемы исследования составляют скорее набор практических рекомендаций, чем целостную систему методов. Если традиционная грамматика, используя формальные приемы, нередко изображала их как семантический анализ, то дескриптивная грамматика, напротив, зачастую прибегая к смыслу высказывания, представляет это как анализ языковой формы. Оба подхода искажают действительное положение вещей, мешая решению вопроса о роли значения и о соотношении формализованных и неформализованных методов в грамматическом исследовании, в частности — в эвристической технике.

Следует заметить также, что дескриптивисты не использовали в своей методике многих приемов, разработанных европейскими структуралистами. Например, они уделяют мало внимания грамматическим оппозициям. Это не позволяет им дать функциональные определения грамматических форм через их дифференциальные признаки, а также мешает описанию строя языка как связанной системы. Дескриптивисты заняты больше систематизацией материала, чем воссозданием лежащей в его основе системы. Не случайно поэтому в дескриптивных грамматиках нельзя найти удовлетворительного описания систем времен, падежей, залогов, наклонений и пр.³⁴⁵ Дескриптивисты видели свою задачу

³⁴⁵ Ср., например, соответствующие разделы цитированной выше книги А. Хилла «Introduction to linguistic structures». Автор этого объе-

главным образом в формализации эвристической техники, а не в построении лингвистических систем. В этом отношении дескриптивные грамматики недостаточно структуральны.

Борясь против семантических способов и приемов анализа, дескриптивисты вместе с неприемлемыми для них методами отвергли и традиционную модель языка, а затем попросту забыли о ее существовании. Ч. Хоккет признается, что когда он работал над статьей о двух дескриптивных моделях, у него было неправильное впечатление о существовании всего двух архетипов описательных грамматик, но позднее он заметил, что есть еще один, более старый, тип грамматики, который он назвал моделью «слово и парадигма». Это традиционная модель, применявшаяся для описания древних и ряда новых языков. Во многих отношениях она не уступает дескриптивным моделям и заслуживает сравнительного с ними анализа³⁴⁶.

Отказавшись от традиционной модели описания, дескриптивисты предложили новый тип грамматики, резко отличающийся от модели «слово и парадигма». Это расхождение, как было показано выше, состоит прежде всего в выборе основной единицы анализа. Необходимо подчеркнуть, однако, что степень структурности лингвистической модели определяется не использованными в ней единицами, а методикой анализа, в частности принципами выделения базисных единиц языка. Если для выделения слова существуют формальные основания — а такие основания существуют, и они более надежны, чем принципы изоляции морфем, поскольку границы свободных форм обозначаются в языке (особенно фузионном) четче, чем границы связанных форм, — то нет причин возражать против построения «словесной» грамматической модели³⁴⁷. Исключение слова из грамматического анализа само по себе не делает дескриптивную

местного труда определяет грамматическую функцию форм через лексическое значение сопутствующих им компонентов. Так, значение простого прошедшего времени определяется через лексическое значение таких слов, как *вчера, на той неделе* и пр. (см. стр. 214). Подобный метод применяется и некоторыми европейскими структуралистами (см.: K. Topeby. *Mode, aspect et temps en espagnol*. København, 1953). Следует заметить, что он недалек от традиционных способов объяснения значений временных форм и не ведет к установлению сколько-нибудь связанной грамматической системы. Большинство же других дескриптивных работ, посвященных глагольной системе, имеет своей целью лишь построение возможно более экономной классификации глагольных форм (преимущественно «неправильных») того или другого языка. Очень характерна в этом отношении уже упоминавшаяся книга А. Жюйяна и Дж. Макриса «The English verb system».

³⁴⁶ Ch. Hockett. *Two models of grammatical description*, стр. 210.

³⁴⁷ В защиту преимуществ традиционной модели «слово и парадигма» сравнительно с дескриптивной грамматической моделью выступил английский лингвист Р. Робинс (см.: R. Robins. *In defence of WP.—TPS*, 1959, стр. 116—144. Изложение этой работы см. в статье: G. Bursill-Hall. *From Anglo-Canadian publications*. — IJAL, 1962, vol. 28, № 4, стр. 259).

грамматику структурной, равно как и присутствие слова в традиционной модели не бросает на нее тени. Обе модели (традиционная и дескриптивная) могут быть разработаны в структурном плане. Что касается традиционной модели, то она требует для этого большей формализации аналитической техники, большей последовательности в ее применении, большей строгости и структурности в формулировках определений и результатов анализа. Когда эта задача будет выполнена, сравнение традиционной и дескриптивной моделей может оказаться не в пользу последней. Уже сейчас можно сказать, что морфематическая модель дескриптивистов, чрезвычайно сложная и громоздкая, не позволяющая удовлетворительно описать синтаксическую систему языка, не имеет больших преимуществ (во всяком случае, применительно к индоевропейским языкам), по сравнению с традиционной «словесной» моделью, разграничивающей два уровня аранжировки единиц: аранжировку свободных форм или слов (собственно синтаксис) и аранжировку связанных форм или морфем (формо- и словообразование).

Интерес американских лингвистов к проблемам моделирования, как уже отмечалось, был связан в самом начале с нежеланием описывать очень своеобразные по своей структуре языки американских индейцев по грамматической схеме, применявшейся к древним и новым европейским языкам. Американские лингвисты-антропологи стремились к идиоглоттологическому описанию, т. е. к такой регистрации материала, которая бы лучше всего выявляла его специфику. Отсюда их требование описывать каждый язык «в его собственных терминах». Однако в дальнейшем работа дескриптивистов над созданием грамматической модели привела к обратному результату. Разработка эксплицитной модели, в соответствии с которой производилась структурная трактовка материала, ограничивала свободу описания. Дескриптивная модель оказала влияние и на антропологическую лингвистику, унифицировав составление грамматик индейских языков. Дескриптивисты создали единую и универсальную модель описания, в основе которой лежит представление об агглютинативном лингвистическом типе, поскольку центральной единицей анализа является морфема, а все более сложные структуры описываются как последовательности морфем. Эта «агглютинативная» модель стала применяться для составления грамматик любых языков, независимо от их структуры, в том числе фузионных индоевропейских языков, для которых она стала настоящим прокрустовым ложем, как признают и сами дескриптивисты³⁴⁸. Последние оправдывают универсализм своей модели тем, что при подходе к языку с единой меркой все то,

---

³⁴⁸ См.: R. Wells. Some neglected opportunities in descriptive linguistics, стр. 44.

что не укладывается в прокрустово ложе агглютинации, не отсекается, а, напротив, тщательно регистрируется и описывается. Каждая дескриптивная грамматика, таким образом, содержит сведения о том, насколько данный язык отклоняется от агглютинативного типа, и может поэтому быть использована для типологического сравнения разных языков³⁴⁹. Таким образом, отказавшись первоначально от единой греко-латинской грамматической модели, дескриптивисты в конце концов вернулись к мысли о необходимости создания универсальной грамматики. На смену многообразию описаний, к которому стремились Ф. Боас и Э. Сепир, вновь пришло единство, о котором мечтал Л. Блумфилд.

2

В середине 50-х годов начинается новый этап в развитии грамматического моделирования, связанный с созданием трансформационной грамматики³⁵⁰. В этот период многие американские лингвисты стали отчетливо понимать недостатки дескриптивной грамматической модели. Им становилось все очевидней, что эти недостатки связаны не с неразработанностью отдельных ее частей, а с общей концепцией, лежащей в ее основе. Действительно, дескриптивное описание языка ограничивалось регистрацией линейных или дистрибутивных отношений между лингвистическими единицами, оставляя в тени их парадигматические связи, а дескриптивная методика сводилась к сложным правилам выделения и классификации элементов языка. В американской лингвистической литературе этого периода все чаще раздаются критические голоса, протестующие не только против отдельных приемов анализа, но и против основного направления развития грамматической мысли³⁵¹. Неудовлетворенность полученными результатами чувствуется и среди самих дескриптивистов. В это время основные идеи, выдвинутые ими в 40-е годы, получили уже свою практическую реализацию. С середины 50-х годов почти не появляется новых исследований, делающих сколько-нибудь существенный вклад в развитие дескриптивной теории. Работы, публикующиеся в эти годы, являются либо пособиями, хрестоматиями и общими курсами, подытоживающими накопленный научный багаж, либо статьями, разрабатывающими частные процедуры анализа. Характеризуя положение в американской лингвистике, английский языковед Дж. Р. Фёрс писал в 1956 г.: «Разработка фонетики, морфематики и морфофонематики в США зашла

³⁴⁹ См.: R. Wells. Some neglected opportunities in descriptive linguistics, стр. 44.

³⁵⁰ В этом разделе будет дан общий обзор грамматических идей, связанных с данной моделью. Мы не будем касаться математического аспекта этого вида грамматики.

³⁵¹ Ср.: W. Bull. [Рец.] «Descriptive studies in Spanish grammar». — «Language», 1955, vol. 31, № 4, pt 1.

настолько далеко, что можно почти с уверенностью сказать, что в этих направлениях возможности что-либо изобрести уже исчерпаны. Недавние публикации знаменуют собой конец определенной фазы в развитии дескриптивизма»³⁵².

Создавшаяся обстановка, таким образом, способствовала тому резкому перелому в развитии грамматического моделирования, который был вызван идеями создания трансформационной грамматики. Трансформационный метод был впервые предложен одним из наиболее ярких теоретиков дескриптивизма Э. Харрисом. Одновременно над созданием трансформационной модели порождающей грамматики работал ученик Э. Харриса Н. Хомский. Его грамматические концепции, принципиально отличающиеся от дескриптивных теорий, хотя и использующие многие положения дескриптивизма, быстро снискали себе популярность как среди американских лингвистов, так и среди языковедов других стран. В США идеи Н. Хомского захватили не только бывших дескриптивистов, но и лингвистов-антропологов, изучающих языки американских индейцев. Закат дескриптивизма произошел настолько быстро, что на IX Международном съезде лингвистов в Бостоне (1962) уже не было сделано ни одного доклада, представляющего это направление.

Пропаганда идей трансформационной грамматики сопровождалась резкой критикой дескриптивных теорий и методов анализа. Н. Хомский неоднократно подчеркивал, что «теория, пренебрегающая созидательным, порождающим аспектом языка, имеет лишь побочный интерес»³⁵³. Он считал «классическую» дескриптивную модель языка таксономической, поскольку ее цели не идут дальше инвентаризации и классификации выделенных в процессе анализа элементов³⁵⁴. Р. Лиз, особенно резко критиковавший дескриптивистов, называл донкихотством их надежды проникнуть в глубокие пласты грамматической структуры путем сегментации фонемного материала высказывания и классификации полученных кусочков³⁵⁵. Комментируя позицию, занятую в научной борьбе сторонниками трансформационного метода, Ч. и Ф. Вёглины назвали ее «позицией затмевания» (*eclipsing stance*), сущность которой заключается в стремлении во что бы то ни стало подорвать и дискредитировать основные идеи своих предшественников³⁵⁶. И действительно, сторонники трансформационной грамматики протестовали и против аналитической ориентации дескриптивистов, и против их увлечения эвристической техникой, и против дистрибутивной ги-

³⁵² J. Firth. *Linguistic analysis and translation*. — В сб.: «For Roman Jakobson». The Hague, 1956, стр. 133.

³⁵³ N. Chomsky. *The logical basis of linguistic theory*, стр. 509.

³⁵⁴ Там же, стр. 510.

³⁵⁵ R. Lees. *The grammar of English nominalizations*, стр. XXI.

³⁵⁶ C. F. and F. M. Voegelin. *On the history of structuralizing in 20th century America*, стр. 21—22.

потезы, и против идеи о непроницаемости уровней, словом, против всех тех теоретических постулатов, которые стали краеугольными камнями дескриптивизма.

Новые идеи настолько быстро овладели умами американских лингвистов, что перед ними естественно встала проблема осмысления причин столь решительной смены курса. По этому поводу были высказаны разные суждения. Так, Р. Уэллз связывал поворот в языковедении с изменением направления в развитии общественных наук. Он полагал, что если в 30-е и 40-е годы отдавалось предпочтение чистому описанию материала, сухой регистрации фактов, без каких-либо попыток их интерпретации, то в 50-е и 60-е годы пришло сознание необходимости объяснить факты, что как раз и является одной из задач порождающей грамматики. Последняя поэтому лучше согласуется с «духом времени»³⁵⁷. Однако, как мы увидим ниже, то объяснение фактов, которое содержится в трансформационной модели, давалось, хотя и в другом плане, также и дескриптивистами. Иначе понимают успех трансформационной грамматики Ч. и Ф. Вёглины. По их мнению, он обусловлен близостью этой модели к традиционной грамматике, которая настолько прочно вошла в плоть и кровь большинства американских лингвистов, что стала частью их внутренней культуры. С другой стороны, теория трансформаций, — пишут Ч. и Ф. Вёглины, — предполагает ряд объективных критериев оценки описательных грамматик, что в конечном счете может привести к выбору лучшей модели, в соответствии с которой будет дана единая структурная интерпретация материала³⁵⁸. Эта перспектива показала заманчивой американским языковедам, пережившим длительный период разноречия в лингвистическом анализе, когда господствовала мысль Чжао Юань-жэня о возможности разных структурных решений. Но и это объяснение кажется нам маловероятным. Дескриптивистов также занимал вопрос выбора лучшей грамматики. Вспомним их дискуссию относительно моделей «единица и процесс» и «единица и аранжировка». Правда, в последние годы они подходили более объективно, чем вначале, к сравнению различных способов описания языка, но сама проблема критериев оценки постоянно оставалась в поле их зрения. Кроме того, разработка единой дескриптивной модели уже в основном привела к однозначной интерпретации языкового материала, а «разночтения» касались лишь очень частных вопросов морфемного анализа.

---

³⁵⁷ R. Wells. Some neglected opportunities in descriptive linguistics, стр. 49. Именно явственный перелом, который произошел в американском языковедении, по-видимому, и послужил поводом для проведения симпозиума, специально посвященного истории лингвистики в США. Материалы этого симпозиума см.: «Anthropological Linguistics», 1963, vol. 5, № 1.

³⁵⁸ C. F. and F. M. Voegelin. Указ. соч., стр. 26.

Есть и другие попытки осмыслить тот факт, что бывшие блумфилдианцы столь быстро и решительно порвали с идеями своего учителя. Так, английский лингвист М. Холлидей, весьма критически относящийся к дескриптивному направлению, видит в этом результат отсутствия прочных теоретических основ у последователей Л. Блумфилда³⁵⁹. А. Жюйян связывает появление новых концепций с использованием электронно-счетных машин для лингвистического исследования и, в частности, для машинного перевода³⁶⁰.

Возможно, в каждом из этих объяснений и есть доля истины, но ни одно из них не вскрывает полностью причин вытеснения дескриптивистов с лингвистической арены. Как уже упоминалось, они состоят не столько в силе трансформационной грамматики, сколько в исчерпанности дескриптивной модели. Успеху трансформационного метода способствовало и его коренное отличие от дескриптивной техники, которое позволяло по-новому осмыслить и описать уже известный языковой материал. Мысли Н. Хомского давали лингвистам пищу для новых рассуждений по поводу моделирования и возможность создания на старом материале новых описательных работ. Они поэтому спасали от застоя лингвистическое моделирование. Идея создания порождающих грамматик была, кроме того, более современна по своему отношению к основным задачам и методам науки (см. ниже). Она открывала возможность дедуктивным путем создавать новые порождающие грамматики языка, используя при этом многие принципы и методы других наук, и в первую очередь математики. Подобное моделирование, которое было стимулировано также и развитием машинного перевода, получило в последние годы чрезвычайно широкое распространение. В настоящий момент, следовательно, никак нельзя утверждать, что идеи Н. Хомского приблизили лингвистов к единой структурной интерпретации материала. Напротив, их популярность в значительной степени связана с тем, что они расширили возможности создания новых моделей языка.

То, что возникновение трансформационной методики самым непосредственным образом обусловлено многими недостатками дескриптивной грамматики, не оставляет сомнений. Показательно, что в центре новой модели оказались как раз те стороны языка, которые не были удовлетворительно описаны дескриптивистами. Трансформационный метод направлен прежде всего на анализ синтаксических структур в их парадигматическом (скорее, чем синтагматическом) аспекте, что не могло быть достигнуто дескриптивной техникой. Сам Н. Хомский прямо писал, что трансформации были введены им в описание в связи с недостаточностью

---

³⁵⁹ M. Halliday. *Categories of the theory of grammar*, стр. 241, прим. 1.

³⁶⁰ A. Juilland. *Structural relations*. 's-Gravenhage, 1961, стр. 14.

метода компонентного анализа предложения³⁶¹. На эту зависимость указывает и З. Харрис, первым выступивший в печати с идеей трансформационного метода³⁶². Весьма характерно, что З. Харрис, будучи сам одним из наиболее крайних представителей дескриптивизма, предлагал использовать трансформации не вместо дескриптивной техники, а в дополнение к ней. Применение этого метода должно было, по мнению З. Харриса, расширить сферу дескриптивного анализа языка³⁶³. Таким образом, трансформации нужны были З. Харрису для того, чтобы заполнить тот пробел, который оставляла в описании языка дескриптивная техника, и не имели вначале отношения к более общей задаче создания порождающих грамматик. З. Харрис просто обратил внимание на то, что дескриптивная методика не распространяется на анализ отношений между синтаксическими единицами, в основе которых лежит их грамматическая эквивалентность. Между тем реальное существование подобных отношений вполне очевидно. Следовательно, им должно быть дано формальное описание, что и было сделано З. Харрисом в виде алгебраических трансформационных равенств. Таким образом, для З. Харриса трансформационный метод был первоначально не более чем частью общей дескриптивной программы описания языка, находя себе применение в пределах аналитической модели. Другим путем пришел к необходимости применения трансформаций Н. Хомский, работавший в этой области с 1951 г. Для Н. Хомского введение трансформаций также обусловлено недостаточностью дескриптивной методики. Но на этот раз речь идет о невозможности создания на ее основе синтезирующей, или порождающей, грамматики³⁶⁴. Под последней подразумевается совокупность эксплицитно сформулированных правил построения правильных предложений данного языка. Обращение Н. Хомского к методу трансформаций явилось, следовательно, результатом его поисков порождающей модели.

Первоначально Н. Хомский пытался построить порождающую грамматику английского языка, используя так называемые марковские процессы, описывающие язык как систему с конечным числом состояний. Эти опыты, однако, убедили Н. Хомского в том, что английский язык не может рассматриваться как система с конечным числом состояний³⁶⁵. Затем Н. Хомский обратился к дескриптивной технике, прибегая, таким образом, к процедурам ана-

---

³⁶¹ Н. Хомский. Синтаксические структуры, стр. 439 и сл. См. также об этом: С. К. Шаумян. Теоретические основы трансформационной грамматики. «Новое в лингвистике», вып. II, стр. 391.

³⁶² Z. Harris. Discourse analysis, стр. 4.

³⁶³ З. Харрис. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре, стр. 529.

³⁶⁴ N. Chomsky. The logical basis of linguistic theory, стр. 510—511. — О понятии «порождение» см.: Р. Б. Лиз. О возможностях проверки лингвистических положений. — ВЯ, 1962, № 4, стр. 54.

³⁶⁵ Н. Хомский. Синтаксические структуры, стр. 425.

лиза в целях синтеза. Этот вариант порождающей грамматики, отвергнутый самим же Н. Хомским, был основан на методе составляющих. При этом правила деления высказывания на составные части превращались в нормы построения предложения из этих частей. Синтез был инвертированным анализом. Порождающая грамматика этого типа не удовлетворила Н. Хомского, в частности, тем, что метод НС не давал возможности устанавливать между предложениями отношения инвариантности и строить одни предложения из других, содержащих тот же набор единиц (например, пассивные из активных, вопросительные и восклицательные из повествовательных)³⁶⁶. Порождение по методу НС производилось исходя из синтагматических отношений, без учета парадигматических связей между предложениями. Н. Хомский поэтому пополнил свою модель правилами грамматических преобразований, или трансформаций, и назвал ее трансформационной грамматикой. Последняя отличается от дескриптивной модели не только по своим методам, но и по своим целям. Если дескриптивная грамматика пыталась дать ответ на вопрос, как им образом составлено предложение из более мелких кусочков, то перед трансформационной моделью стоит совсем другая задача. Она должна найти ответ на вопрос, из какого предложения или предложений выведено путем структурных преобразований данное высказывание. Результат, ожидаемый от комбинаторной модели, — это иерархическая система непосредственно составляющих. Результат, ожидаемый от трансформационной модели, — это семейства эквивалентных предложений или синтаксических структур³⁶⁷. Трансформационная грамматика отличается от дескриптивной не только своими задачами, но и общетеоретическими установками. Н. Хомский понимает язык не как статический набор знаков, подлежащих выделению и классификации, а скорее как механизм, своего рода порождающее устройство, дающее на выходе правильные предложения. Лингвист должен подготовить сырье для этого механизма и установить принципы его действия. Если дескриптивисты, основной целью которых было создание распознающей модели, условно ограничивали свое исследование конечным по размеру текстом или корпусом языка, то сторонники порождающей грамматики видели в языке систему с бесконечно большим числом состояний, которая должна быть описана при помощи конечного набора элементов и операций.

Разница в понимании языка объясняет нам, почему моделирование осуществлялось дескриптивистами главным образом методами индукции, в то время как порождающая грамматика соз-

³⁶⁶ Там же, стр. 430—456; Н. Хомский. Три модели описания языка. «Кибернетический сборник», вып. 2. М., 1961; С. К. Шаумян. Теоретические основы трансформационной грамматики, стр. 391 и сл.

³⁶⁷ Z. Harris. The transformational model of language structure, стр. 28.

дается преимущественно дедуктивным способом. Дедуктивно построенная порождающая модель затем применяется к объекту (т. е. к тому или другому конкретному языку) и таким образом выясняется степень ее адекватности материалу. Если по данной модели могут быть созданы правильные предложения языка и только они, и если, с другой стороны, смысловые различия между предложениями, существующие для носителей языка, могут быть описаны в терминах этой модели, она признается адекватной языку. Порождающие грамматики не выводятся из материала, а «задаются»³⁶⁸, и лишь затем определяется степень их адекватности объекту. Этим и объясняется широкое привлечение математических методов для подобного моделирования. Указанные принципы, выдвинутые Н. Хомским и его сторонниками, оказались соответствующими состоянию современной науки, в которой особо важное значение придается дедуктивному построению математических моделей объекта.

Вместе с теорией трансформаций вошел в американское языкознание и новый круг теоретических проблем. К их числу в первую очередь относятся проблемы грамматической правильности, или «отмеченности», предложений, критериев выбора лучшей модели, и ее объяснительной силы. В центр внимания выдвигаются, наряду с методами изучения языка, методы создания и сравнительной оценки моделей языка. Однако уже теперь можно заметить, что увлечение трансформационной грамматикой начинает несколько ослабевать. Д. Болингер, полагая, что активность и динамизм трансформационной модели являются в известном смысле мнимыми, высказывает серьезные опасения за ее будущую судьбу³⁶⁸. Дискуссии, ведущиеся сейчас вокруг трансформационного подхода к языку, касаются преимущественно частных, отдельных вопросов техники описания. Об этом, между прочим, свидетельствуют доклады по теории трансформаций Д. Уорса³⁶⁹, Э. Баха³⁷⁰ и П. Шахтера³⁷¹ на IX Международном съезде лингвистов в Бостоне. Теоретический доклад Н. Хомского³⁷² на этом съезде, хотя и очень велик по объему, содержит мало нового сравнительно с его предшествующими работами.

Итак, Н. Хомский представляет грамматику как механизм, порождающий бесконечное количество правильных, или «отмеченных», предложений языка. Грамматическая модель в таком случае есть схема (a device) или набор инструкций, определяющих по-

---

³⁶⁸ D. Bolinger. Syntactic blends and other matters. «Language», 1964, vol. 37, № 3, стр. 366; ср. также стр. 381.

³⁶⁹ D. Worth. Suprasyntactics. — В кн.: «Preprints of papers for the Ninth International Congress of Linguists». Cambridge, 1962.

³⁷⁰ E. Bach. Subcategories in transformational grammars. — Там же.

³⁷¹ P. Schachter. Kernel and non-kernel sentences in transformational grammar. — Там же.

³⁷² N. Chomsky. The logical basis of linguistic theory. — Там же.

строения предложений и приписывающих каждому из них ту или другую структурную характеристику.

Трансформационная модель порождающей грамматики строится следующим образом. По своему составу она распадается на два раздела, или компонента: синтаксический и фонологический. Синтаксический компонент в свою очередь состоит из двух субкомпонентов. Первый содержит правила классификации и соединения между собой элементов предложения. Этот раздел в целом построен в принципах дескриптивизма. Второй субкомпонент включает набор сложных операций, направленных на преобразование грамматической структуры предложений. С помощью этих операций более простые предложения могут быть трансформированы в более сложные синтаксические структуры. Фонологический компонент содержит морфонологические и фонологические правила, касающиеся сочетаемости морфем и фонем и позволяющие превратить цепочки символов, в которых записывается деривация предложений, в реальную речевую последовательность. Таким образом, в трансформационной грамматике первым является уровень конституентного анализа предложения, над ним возвышается трансформационный ярус, вслед за которым располагаются морфологический и фонологический уровни. Этот последний уровень был введен в трансформационную модель лишь в самое последнее время. Согласно теории трансформаций, все предложения языка могут быть разделены на две неравные категории. Одна из них включает конечное число простейших по структуре типов предложений, которые описываются только в терминах составляющих их элементов. Это ядерные предложения. Они называются так потому, что относятся к ядру грамматики, включающему, наряду с ними, еще и набор соединительных элементов, задаваемый списком. Правила построения этих предложений в основном и составляют содержание первого раздела синтаксиса³⁷³. Другая категория состоит из множества производных предложений, или дериватов, которые «выводятся» из ядерных предложений путем преобразования их грамматической структуры. Таким образом, все предложения языка могут быть получены из одного или нескольких ядерных предложений и соединительных элементов посредством одной или нескольких трансформаций.

Трансформационная модель языка описывает часть своего объекта в терминах линейных отношений между его единицами.

---

³⁷³ Вокруг понятия ядерных предложений и принципов их отграничения от неядерных структур ведутся споры. См., например: P. Schachter. [Рец.] R. Lees. The grammar of English nominalization. — IJAL, 1962, vol. 28, № 2, стр. 141—142. Ср.: Он же. Kernel and non-kernel sentences in transformational grammar. — На одной из лекций, прочитанных в 1-м МГПИИЯ в марте-апреле 1963 г., Р. Лиз сообщил, что Н. Хомский в последнее время склонен совсем отказаться при построении трансформационной модели от понятия ядерных предложений.

Другую же, большую часть она описывает операционным путем, т. е. как результат применения к элементарным структурам определенных операций. Чтобы лучше понять суть операционного метода описания, приведем следующую иллюстрацию. Число 4 может быть описано как простой объект, характеризуемый по своему месту в числовом ряду (между 3 и 5). Но оно может быть описано и как результат операции возведения в квадрат, сделанной над другим объектом (числом 2). Такое описание и будет называться операционным. Оно положено в основу системы логарифмирования, в которой все числа представлены операционно, что позволяет в дальнейшем заменить их умножение сложением.

Трансформационная модель пользуется операционным способом описания как основным. Грамматика языка представляется в ней в виде простейших структур, которые могут быть подвергнуты ряду операций. Комбинирование последних позволяет получить множество производных структур. Таким путем и достигается описание языка как системы с бесконечно большим числом состояний. Те формальные операции, которые следует произвести над простой структурой (ядерным предложением), чтобы получить более сложное предложение, и есть трансформации, а производные предложения называются трансформами. В известном смысле трансформации могут быть определены как особый вид отношений между предложениями языка. Разумеется, операционный способ описания использовался в лингвистике и ранее (ср. обычное объяснение структуры пассива, вопросительных, отрицательных и восклицательных предложений по их отношению соответственно к активу и к повествовательному предложению). Однако в трансформационной модели он применяется последовательно и единообразно ко всему языковому материалу, что позволяет сделать ряд принципиальных выводов относительно языковой структуры.

Трансформационные правила предполагают как перестройку структуры предложения, так и его свертывание или развертывание, а также соединение предложений между собой. Они существенно не меняют набора элементов, входящих в исходное предложение, а преобразуют лишь его грамматическое строение. Трансформационные правила сводятся к следующим основным операциям:

1. Пермутация, или перестановка элементов. Ср. *Миша пришел* → *Пришел Миша?*

2. Субституция, или замена одного элемента другим. Ср. *Я знаю, что он хочет* → *Я знаю это;*

3. Адъюнкция, или добавление. Ср. англ. *You know* → *Do you know?*

4. Эллипсис, или исключение элемента. Ср. *Они говорят, что там сейчас тепло* → *Говорят, что там тепло.*

Правила трансформаций обычно располагаются в таком порядке, чтобы каждое из них было максимально простым, т. е. со-

держало как можно меньше операций. Тем не менее большинство трансформаций является комбинированным, комплексным. Так, правило преобразования актива в пассив предполагает и включение вспомогательного глагола, и перестановку существительных, и замену одних падежных окончаний другими (ср. *Отец любит сына — Сын любим отцом*). Поэтому последовательность, в которой должны осуществляться трансформации, не всегда самоочевидна³⁷⁴.

Каждая трансформация, таким образом, есть набор отдельных операций. Для того чтобы эти операции были определены и произведены правильно, необходимо предварительно проанализировать структуру исходного предложения. Стадии синтеза должен предшествовать этап анализа. Последний заключается в разложении предложения на составляющие элементы и установлении между ними синтагматических отношений. Рассмотрим следующие два английских предложения: 1) *The police sought a man in the red hat* 'Полиция искала человека в красной шляпе', 2) *The police shot a man in the right arm* 'Полиция ранила человека в правую руку'³⁷⁵. Для того чтобы правильно применить к этим предложениям пассивную трансформацию, надо знать, что в первом случае сочетание *in the red hat* 'в красной шляпе' непосредственно связано со словом *a man* 'человек', будучи его определением, в то время как во втором предложении *in the right arm* 'в правую руку' относится к глаголу *shot* 'выстрелила', 'ранила'. Синтагматические связи внутри этих предложений различны, различна также и структура непосредственно составляющих. Поэтому и пассивные трансформы этих предложений имеют также разный облик. Ср.: 1) *A man in the red hat was sought by the police*; 2) *A man was shot by the police in the right arm*. Таким образом, прежде чем подвести предложение под ту или другую формулу трансформации, собственно даже и для того, чтобы установить саму эту формулу, необходимо произвести анализ по непосредственно составляющим. Сведения о конституентном строении предложения получили в трансформационной модели название *phrase-marker* (PM), т. е. показатель структуры предложения. Компонентный анализ предложения обычно изображается в виде синтаксического «дерева», в котором точки разветвления соответствуют различным непосредственно составляющим. Таким образом, «дерево» объединяет в одну схему все этапы анализа по непосредственно составляющим. Когда оно сконструировано, то все операции производятся над его «ветвями». Так, при эллипсисе часть ветвей просто «обрубается», при пермутации происходит их «пересадка» и т. д. Описание деривационной истории предложения получило в трансформационной модели название *transformational mar-*

³⁷⁴ См. об этом: С. К. Шаумян. Теоретические основы трансформационной грамматики, стр. 410—411.

³⁷⁵ Пример взят из лекции Р. Лиза, прочитанной им в 1-м МГПИИЯ.

ker (TM) (т. е. показатель трансформационной структуры). Когда производится трансформация конкретного предложения, приходится учитывать комбинаторные свойства слов и морфем. Так, при обращении в пассив предложения I saw him необходимо помнить, что причастие глагола to see имеет особую форму (ср. He was seen by me). На этой ступени анализа, получившей название morphophonological marker (MPhM — показатель морфонологической структуры), синтаксическое «дерево» вновь вытягивается в цепочку, каждому звену которой придается нужная форма. При этом используются морфофонологические правила, разработанные дескриптивистами. Вслед за описанием морфофонологической структуры предложения производится описание его фонологического состава с учетом всех комбинаторных вариантов фонем. Этот анализ дает нам сведения о фонемном строении высказывания и носит название phonological marker (PhM).

Набор перечисленных четырех показателей и исчерпывает описание лингвистической структуры предложения.

Очевидно, что для того, чтобы построить трансформационную грамматику, необходимо определить сферу применения трансформаций, т. е. установить парадигматические ряды предложений. Одно предложение может считаться трансформом другого только в случае их отнесенности к одному семейству синтаксических эквивалентов. Другими словами, необходимо определить «формальные отношения между предложениями, позволяющие рассматривать структуру одного предложения в качестве трансформации структуры другого предложения (например, актив и пассив или вопрос и ответ)»³⁷⁶. Правила трансформаций распространяются только на предложения, тесно связанные между собой по смыслу и сходные по компонентному составу. «Если две или более конструкции (или последовательности конструкций), содержащие одни и те же n классов, встречаются с одним и тем же набором из n членов этих классов в одном и том же окружении в предложении (...), мы говорим, что эти конструкции являются трансформами одна другой и что каждая из них может быть получена из другой посредством определенной трансформации»³⁷⁷, — пишет З. Харрис. При трансформации необходимо следить за тем, чтобы в производном предложении сохранялись те же отношения между его членами, что и в исходной конструкции. Основным правилом трансформаций, следовательно, является сохранение некоего инварианта синтаксических отношений, а также некоего инварианта в значении. Формальным признаком, при помощи которого определяются эти постоянные, является принцип индивидуальных окружений, сформулированный З. Харрисом. Сущность этого

---

³⁷⁶ З. С. Харрис. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре, стр. 528.

³⁷⁷ Там же, стр. 536—537.

принципа сводится к следующему. Трансформации не применимы к тем предложениям, которые могут содержать особые, индивидуальные элементы. Так, между предложениями, различающимися глагольным временем, не следует устанавливать отношения трансформации (хотя они и сходны по своему составу и по синтаксическим отношениям между компонентами), поскольку в них встречаются взаимоисключающие лексические элементы. Ср. *Я приду завтра* и *Я приходил вчера* при невозможности *Я приду вчера* и *Я приходил завтра*. Поэтому ни одно из этих предложений не является трансформом другого³⁷⁸. Следовательно, трансформ не должен содержать слов, которые бы в принципе не могли войти в исходную конструкцию. Трансформации понимаются З. Харрисом как «отношение между двумя структурами, имеющими одинаковые наборы индивидуальных окружений»³⁷⁹. Правило З. Харриса очень полезно. Однако оно недостаточно универсально, чтобы точно и однозначно очертить область трансформаций. Ввиду отсутствия четких критериев определения инварианта, лежащего в основе парадигматического ряда предложений, область трансформаций постепенно расширялась. В нее вошло также и то порождение предложений, которое производится методом субституции. Это уже не «переконструирование» предложений, при котором изменение формы одного элемента влечет за собой изменение формы других, связанных с ним элементов с сохранением синтаксической инвариантности (ср. *He writes* → *his writing*, *Он пришел* → *Его приход*, *Я иду* → *Мне идти*, *Я хочу* → *Мне хочется*), а просто развертывание структуры высказывания путем замены слова сочетанием слов, принадлежащим к тому же позиционному классу. Ср. *Я знаю это* → *Я знаю, что вы знакомы*. Этот способ порождения, относимый также к трансформациям, обладает уже совсем иной спецификой. Синтаксические отношения внутри подобных предложений остаются совершенно тождественными и не подвергаются сдвигу, как в предыдущем случае. Все более расширительному толкованию трансформаций, а следовательно, и удлинению парадигматических рядов предложений способствовало в значительной мере стремление свести к минимуму число ядерных структур. З. Харрис, например, выделяет для английского языка всего семь типов ядерных предложений³⁸⁰.

В настоящий момент нельзя считать область трансформаций достаточно четко обозначенной, а принципы выделения семейств эквивалентных предложений достаточно ясными.

Уже упоминалось, что трансформационная грамматика не выводится из языкового материала (текста) путем аналитических процедур, а строится эмпирически, после чего проверяется ее

³⁷⁸ Там же, стр. 539.

³⁷⁹ Там же, стр. 529.

³⁸⁰ Там же, стр. 628.

адекватность объекту. Правильность модели определяется, таким образом, по ее «продукции». В этом пункте теории порождающих грамматик существенно отличается от дескриптивных концепций, согласно которым адекватность анализа устанавливается по его соответствию исходным постулатам или аксиомам, а также по степени строгости и формализованности использованной методики. Поэтому дескриптивисты уделяли много внимания разработке формальных методов анализа. Сторонники трансформационной грамматики, напротив, весьма мало заботятся о процедурах открывания и о той роли, которая принадлежит в них значению. Их внимание обращено скорее на способы эмпирической проверки теории³⁸¹.

Одним из основных критериев такой проверки является способность модели порождать правильные предложения языка и только их. Иначе говоря, порождающая модель должна отбирать из множества высказываний только те и все те, которые являются предложениями данного языка и приемлемы, следовательно, для его природных носителей. В сомнительных случаях порождающая модель должна определять степень грамматической правильности предложения. Из сказанного явствует, что понятие грамматической правильности приобретает в теории трансформационной грамматики весьма важное значение. Обосновывая это понятие, Н. Хомский указывает, что грамматическая отмеченность предложения независима от его лексического словесного наполнения, а также от степени статистической вероятности его появления в речи³⁸². Если считать понятие отмеченности независимым от лексического содержания, то, естественно, нельзя судить о правильности предложений по частоте их появления в речи. Статистическая вероятность теснейшим образом связана с лексической осмысленностью высказываний. Два принципа Н. Хомского, следовательно, практически сводимы к одному.

Принцип автономности грамматики, как его называет Н. Хомский, означает, что понятие отмеченности относится собственно не к конкретным предложениям, а к синтаксическим конструкциям. Если выведенная формула находится в соответствии с реально наблюдаемыми предложениями данного языка, то все другие предложения, построенные по этой формуле, также должны быть признаны отмеченными. Вопрос об экспериментальной проверке правильности порожденных предложений³⁸³ с помощью носителей

³⁸¹ См. об этом: A. Juillard. Structural relations, стр. 10—11.

³⁸² Н. Хомский. Синтаксические структуры, стр. 416—421.

³⁸³ О неудовлетворительности подобных тестов писал А. Хилл, см. его статью «О грамматической отмеченности предложений» (ВЯ, 1962, № 4). Ср. полемику с ним Н. Хомского (в его статье «Несколько методологических замечаний о порождающей грамматике», напечатанной в том же номере журнала). См. критику понятия грамматической отмеченности в кн.: R. Dixon. Linguistic science and logic. The Hague, 1963, стр. 76 и сл.

языка в таком случае отпадает, а проблема грамматической отмеченности будет решаться путем отождествления порожденных предложений с наблюдаемыми высказываниями. Необходимость такого отождествления, казалось бы, вытекает и из следующего замечания Н. Хомского относительно грамматических правил. «Эти правила, — пишет Н. Хомский, — выражают структурные соотношения между наблюдаемыми предложениями и бесконечным числом предложений, порождаемых грамматикой независимо от этих наблюдаемых предложений»³⁸⁴. Но если это так (а нам представляется, что мысль Н. Хомского вполне справедлива), то имеется тем больше оснований полагать, что проверка этих правил должна осуществляться методом отождествления порожденных предложений с реально наблюдаемыми в речи. Эмпирическая проверка модели оказывается, таким образом, неосуществимой без решения теоретической проблемы синтаксического тождества и в частности тождества синтаксических вариантов. Критерии идентификации, столь плодотворно развитые дескриптивистами применительно к фонемам и морфемам, не были обоснованы ими на синтаксическом материале. Можно полагать, что в синтаксисе они окажутся существенно иными, поскольку тождество конструкций определяется не только характером их конституентов, но и отношениями между ними. Синтаксическое тождество — это прежде всего тождество отношений. Создатели трансформационной грамматики уделяли этому вопросу мало внимания. Представляется, однако, что без разработки принципов отождествления на синтаксическом уровне проверка адекватности модели не может быть осуществлена.

Другим не менее важным критерием адекватности грамматики служит ее полнота. В идеале эффективная модель должна порождать все те типы предложений, которые наблюдаются в языке.

Наконец, третьим свойством грамматики, по которому оценивается ее качество, является ее объяснительная сила. Объяснить, по терминологии Н. Хомского, значит дать структурное описание в терминах, которыми оперирует данная модель. Наиболее адекватной признается та модель, которая позволяет описать максимальное количество смысловых различий между синтаксическими структурами, существующих для носителей языка.

Н. Хомский полагает, что возможность подобного объяснения, которыми располагает дескриптивная грамматика, ограниченнее возможностей трансформационной модели. Так, дескриптивисты, производя конституентный анализ предложения, не могут в структурных терминах описать различие между предложениями John is easy to please 'Джону легко угодить' и John is eager to please 'Джон всегда рад угодить'. Компонентный состав предложений идентичен, одинаков и их анализ по непосредственно состав-

---

³⁸⁴ Н. Хомский. Синтаксические структуры, стр. 456.

ляющим. Синтаксические «деревья» обоих предложений также строятся одинаково. Поэтому различие между ними, хорошо осознаваемое носителями языка, ускользает от дескриптивиста. Дескриптивная модель, таким образом, не достигает должного уровня адекватности материалу. Те термины, которыми пользуется трансформационная грамматика, напротив, позволяют дать формальное объяснение разницы в строении приведенных предложений, делая тем самым эксплицитной интуицию говорящих. Это своего рода «операционное» объяснение сводится к указанию на различия в тех исходных ядерных структурах, из которых получены данные предложения. Первое предложение выводится из структуры «существительное + pleases John», в то время как второе предложение восходит к John pleases. Аналогичным образом объясняется двусмысленность предложения Flying planes can be dangerous 'Летать на самолетах может быть опасно' и 'Летающие самолеты могут быть опасными'. В первом значении это предложение имеет в качестве ядерной структуры They fly planes 'Они летают на самолетах', в основе же второго предложения лежит структура The planes fly 'Самолеты летают'. Дериационные схемы приведенного сочетания оказываются различными. По мере углубления синтаксического описания, по мере того как оно становится более полным, в него втягивается все больше семантических вопросов, которые получают при этом структурную трактовку. Многие смысловые оттенки, которые не были отражены в дескриптивных грамматиках, попадают в сферу структурного анализа. Поэтому трансформационная модель порождающей грамматики, как полагают ее авторы, обладает несомненными и большими преимуществами по сравнению с дескриптивным описанием языка. Как нам кажется, однако, они несколько преувеличивают объяснительную силу трансформационной грамматики. Следует обратить внимание на то, что двусмысленность сочетаний типа flying planes легко объяснима даже в терминах традиционной грамматики, причем это объяснение может быть дано как в плане членов предложения, так и с точки зрения их синтагматических свойств (ср. Flying planes is dangerous 'Летать на самолетах опасно' и Flying planes are dangerous 'Летающие самолеты опасны'). Дескриптивная модель также позволяла описать и тем самым объяснить структурную двойственность сочетаний этого типа. Вспомним, что конституентный анализ предполагал не только последовательное членение предложений, но и определение отношений между каждой парой непосредственно составляющих, один из которых признавался ядром, а другой спутником. Таким образом, в дескриптивном описании, равно как и в схематическом изображении структуры предложения, может быть отражена направленность связи. В сочетании flying planes 'летающие самолеты' ядром будет planes, а flying его спутником, в сочетании же flying planes 'летать на самолетах' отношение между элементами является обратным.

Дескриптивная модель может отразить в своем описании также и различие между предложениями *John is eager to please* и *John is easy to please*. Для этого достаточно показать, что в первом предложении валентные свойства инфинитива (если это переходный глагол) допускают сочетание с дополнением (*John is eager to please anybody*). Во втором же предложении инфинитив этой валентностью не обладает. Кроме того, в первом случае место *to please* могут занимать и непереходные глаголы (ср. *John is eager to come*), во втором случае замещение непереходным глаголом невозможно. Такое объяснение не выходит за пределы дескриптивных категорий и методов, поскольку дескриптивисты выделяют переходные и непереходные глаголы в разные подклассы слов, и потому также, что метод субституции, широко применяемый дескриптивистами, позволяет производить подстановку одних элементов вместо других и сравнивать полученные результаты. Такое объяснение, разумеется, относится к области обнаружения и описания различий между синтаксическими конструкциями скорее, чем в сфере их графического изображения. Термины дескриптивной грамматики позволяют дать структурное объяснение практически всем предложениям, которые приводит Р. Лиз в своей статье, специально посвященной английским многозначным конструкциям с участием прилагательных³⁸⁵. Однако не все эти различия могут быть удовлетворительно отражены в виде синтаксических схем или «деревьев». Тем не менее сводить критику дескриптивных методов к критике синтаксических «деревьев» не кажется желательным, поскольку последние легко могут быть усовершенствованы, оставаясь в пределах дескриптивного плана. Уже говорилось, что в эти схемы может быть внесено изображение направленности связи, которое значительно увеличивает их «объяснительную силу». Очевидно, однако, что имеются и такие сочетания, неоднозначность которых остается скрытой в дескриптивном описании языка, близком по своим задачам к принципам дешифровки текста. Ср. чтение *Маяковского*, *the shooting of the hunters*, ср. также сложные слова типа *пароход*, *ледоход*, *ледокол*, англ. *airmail*, *bulldog*, *blockhead*, *snowball*, *pocket-book*. Деривационная история этих сочетаний ясно показывает, что им могут быть приписаны разные значения, а следовательно, и разные структурные характеристики. Так, чтение *Маяковского* в одном значении восходит к ядерной конструкции *Маяковский читает*, а в другом значении оно произведено из предложения *читает Маяковский*. Однотипные по своей структуре сложные слова также могут быть разбиты на подклассы в зависимости от их деривационной истории. Таким образом, казалось бы, трансформационная модель действительно обладает большей объяснительной силой, чем дескриптивная. Однако прежде чем сделать

³⁸⁵ R. Lees. A multiply ambiguous adjectival construction in English.

этот вывод, необходимо решить следующий вопрос: меняется ли характер объяснения в зависимости от характера и целей модели языка? Нам представляется, что то объяснение, которое содержит модель, непосредственно зависит от ее типа и в первую очередь от того, является ли она порождающей или распознающей. Структурное объяснение, которое признается правомерным для порождающей модели, может оказаться непригодным для аналитического описания. Если отказаться от этого различия, то тем самым пришлось бы снять ту принципиальную разницу, которая имеется между омонимичными или синкретическими конструкциями (тип *чтение Маяковского*) и формально различающимися структурами, у которых возможны омоформы, нейтрализующие это формальное различие (ср. *flying planes* при разнице в единственном числе: *a flying plane* и *flying a plane*). С точки зрения аналитической модели, конструкции первого типа вообще лишены формальных признаков, дифференцирующих те значения, которые им присущи. В традиционной грамматике, однако, делались попытки объяснить различия в значении омонимичных структур путем приравнивания их к различным перифрастическим сочетаниям. Например, слово *ледоход* объяснялось как 'ход льда', а *пароход* — как 'идуший при помощи пара, движущийся паром'. Эти объяснения сходны с теми, которые предлагает трансформационная модель. Многие лингвисты возражали против подобных объяснений, считая, что нельзя переносить структурные особенности одних конструкций (в нашем примере словосочетаний) на образования другого типа (в данном случае сложные слова). Они настаивали на том, что формальное описание каждой конструкции должно быть выполнено исходя только из особенностей ее строения и дистрибутивных свойств. Эти возражения вполне справедливы, когда речь идет об аналитической грамматике. Для порождающей модели, построенной в терминах трансформационной истории предложений, они, однако, недействительны. Таким образом, объяснительная сила этих двух типов грамматик в принципе различна, а потому не может быть соизмерена. То, что поддается объяснению и формальному описанию в терминах порождающей модели, не может быть формально описано в пределах аналитической грамматики дескриптивного типа. Приведенные соображения следует иметь в виду при сравнении дескриптивной модели с трансформационной, поскольку первая из них является аналитической по своим основным установкам, вторая же модель, вопреки утверждению Н. Хомского о том, что она «вполне нейтральна по отношению к говорящему и слушающему, по отношению к синтезу и анализу высказываний»³⁸⁶, должна, по-видимому, рас-

---

³⁸⁶ Н. Хомский. Синтаксические структуры, стр. 455; см. также: Р. Б. Лив. О возможности проверки лингвистических положений. — ВЯ, 1962, № 4, стр. 54.

смагиваться именно как модель порождения предложений, а не их анализа. Этим и обусловлено различие в объяснительных возможностях этих двух разных по характеру типов грамматик.

Рассмотренная проблема внешней адекватности моделей имеет для Н. Хомского первостепенное значение, поскольку в его понимании она связана с основной задачей лингвистической теории вообще. Касаясь этого вопроса, Н. Хомский пишет, что наиболее сильная лингвистическая теория должна была бы обеспечить автоматический метод создания грамматик. При более сниженном требовании лингвистическая теория должна определить, является ли предлагаемая грамматика действительно оптимальной для данного языка. Еще более слабое требование заключается в том, чтобы теория обеспечивала процедуру выбора лучшей грамматики из числа предложенных. Именно это последнее требование и является, по мнению Н. Хомского, единственно разумным в настоящий момент³⁸⁷. Лингвистическая теория, следовательно, — это своего рода метанаука, наука о науке, теория о различных лингвистических теориях. Центральное место в ней занимают критерии оценки грамматик как частных теорий языка. Лучшей, по мнению Н. Хомского, должна быть признана наиболее адекватная (т. е. наилучшим образом совместимая с текстом) и в то же время максимально простая грамматика, построенная в соответствии с общей теорией лингвистической структуры и тем самым сравнимая с другими грамматиками, базирующимися на той же общей теории³⁸⁸.

Требования Н. Хомского вполне справедливы. Однако в известном смысле они тривиальны. Неполнота или чрезмерная усложненность грамматики всегда служили основанием для ее критики. Дескриптивисты также стремились к тому, чтобы их грамматики были как можно более экономными и в то же время содержали исчерпывающее полное описание языка. Требования Н. Хомского были бы менее тривиальными, если бы наряду с ними предлагались процедуры, позволяющие на практике произвести сравнение в совершенно точных терминах. При оценке грамматик, однако, пока не используется никаких вполне точно

---

³⁸⁷ Н. Хомский. Синтаксические структуры, стр. 457—458. — Имея в виду рассуждения Н. Хомского о задачах лингвистической теории, Ч. Вёглин замечает, что стратегия, избранная Н. Хомским и его комментатором (так Ч. Вёглин называет Р. Лиза), внешне очень скромна. Они никогда не претендуют на изобретение лучшей мышеловки. Напротив, они признают, что выбрали для своей мышеловки самую слабую пружину и наименьшую емкость. Это смиренное признание сочетается, однако, с утверждением, что от других мышеловок, изобретенных их коллегами, вообще нельзя ожидать никакого результата (С. F. Voegelin. [Rec.] N. Chomsky. Syntactic structures. — IJAL, 1958, vol. 24, № 3, стр. 229).

³⁸⁸ Н. Хомский. Синтаксические структуры, стр. 456 и сл. См. об этом: С. К. Шаумян. Теоретическая основа трансформационной грамматики, стр. 402 и сл.

замеренных величин, своего рода параметров модели, а аргументами нередко являются случайно подобранные примеры. Как представляется, в настоящий момент критерии Н. Хомского, сами по себе неоспоримые, не обеспечивают «общего, практического, автоматического метода выбора между несколькими теориями, каждая из которых совместима с имеющимися данными»³⁸⁹. Проблема оценки описаний тем не менее является одним из центральных вопросов современной лингвистической науки, вставшим особенно остро в связи с программированием машинного перевода³⁹⁰. Поэтому привлечение внимания к этой проблеме представляет несомненную заслугу Н. Хомского. Последовательный анализ и сравнение трех моделей языка, предпринятые Н. Хомским, способствовали выдвижению одной из важнейших проблем современного языкознания, касающейся «коэффициента полезного действия» модели, т. е. отношения полноты и эффективности модели к сложности ее технического аппарата.

Можно полагать, вместе с тем, что нет оснований подходить к грамматикам языка с точки зрения абсолютных оценок, независимо от тех целей, которые ставятся перед каждой моделью. Так, невозможно соизмерить порождающие и аналитические грамматики языка, поскольку они существенно различаются по своим принципам. То, что может быть описано более простым и экономным способом методами порождающей грамматики, не всегда поддается столь же простому описанию в пределах аналитической модели. Это, однако, еще не дает повода для того, чтобы выбрать одну модель и забраковать другую. Можно думать, что каждая модель целенаправлена и строится в соответствии с тем или другим заданием. Это положение, как нам кажется, не утратит силу даже в том случае, если будут созданы единые модели для порождения и анализа предложений. Поэтому едва ли следует понимать грамматику как некую абсолютную теорию языка, достоинства которой могут быть определены исходя из столь же абсолютных критериев.

---

³⁸⁹ Н. Хомский. Синтаксические структуры, стр. 460.

³⁹⁰ См.: И. А. Мельчук. О стандартной форме и количественных характеристиках некоторых лингвистических описаний. — ВЯ, 1963, № 1.

**ИЗ ИСТОРИИ
АНГЛИЙСКОГО СТРУКТУРАЛИЗМА
(Лондонская лингвистическая школа)**

Е. С. Кубрякова

В истории нашей науки существует еще много пробелов. Не получила, в частности, освещения и деятельность английских языковедов, объединенных в так называемой Лондонской лингвистической школе, идейным организатором которой был Дж. Р. Фёрс. Отсутствие информации об этой школе составляет существенный недостаток многих обзорных работ, посвященных современному этапу развития языкознания¹, и делает неполными те сведения о путях формирования структуральных направлений, которыми мы сейчас располагаем. Этот пробел можно объяснить отчасти как тем, что большинство работ представителей Лондонской школы было посвящено неиндоевропейским и мало известным языкам, так и тем, что эти работы печатались в специальных изданиях, выходящих сравнительно небольшим тиражом. Главное, однако, заключается, по-видимому, в том, что как теория самого Фёрса, так и — шире — теория его школы вплоть до недавнего времени существовала лишь в виде отдельных, часто имплицитных, положений и не была оформлена в виде специальной монографии или руководства. После опубликования двух итоговых работ — избранных статей Дж. Р. Фёрса² и сборника исследований его учеников и последователей³, с теорией лондонцев смогли познакомиться более широкие лингвистические круги⁴. Стало более очевидным, что Дж. Р. Фёрсом и такими

¹ См., например, сб. «Trends in European and American linguistics. 1930—1960». Antwerp, 1961; B. Malmberg. Nya vägar inom språkforskningen. Stockholm, 1958; B. Collinder. Les origines du structuralisme. Stockholm, 1962, и нек. др.

² См. J. R. Firth. Papers in linguistics. London, 1957 (здесь сокращенно PiL).

³ «Studies in linguistic analysis». Oxford, 1957 (здесь сокращенно SLA).

⁴ Публикация этих работ была воспринята как «значительное событие для всего мирового языкознания в области общей теории». См.: J. Vachek. The London group of linguistics. «Sborník prací filosofii-

лингвистами, как В. Аллен, Р. Робинс, Дж. Карнохан, Р. Спринг, В. Хаас, М. Холлидей и некоторые другие, представлено вполне оригинальное лингвистическое направление. Краткой его характеристике и посвящается настоящий раздел.

В основе лингвистической доктрины, выдвинутой «лондонцами», лежит концепция Джона Руперта Фёрса (1890—1960). Фёрс принадлежал к той категории ученых, мысли которых становятся достоянием других людей не столько через знакомство с их печатными трудами, сколько в процессе личного общения с ними. Щедро делаясь своими идеями, но не всегда детально разрабатывая их в своих публикациях, Фёрс сплотил целую плеяду языковедов, развивавших и уточнявших его концепцию.

С 1920 по 1928 г. Фёрс преподает английский язык в Индии (Лагор), в 1928 г. возвращается в Англию, где в качестве лектора работает в отделе фонетики Лондонского университета, возглавлявшемся тогда Д. Джоунзом. К тому же времени относится его сотрудничество с видным антропологом Брониславом Малиновским и его работа в Лондонской школе экономики. С 1932 г. Фёрс связан со Школой изучения Востока, позже — Школой изучения Востока и Африки (The School of Oriental and African Studies), где он с 1941 г. начинает возглавлять отдел лингвистики и фонетики. В 1944 г. он — первый в Великобритании — организует при Лондонском университете кафедру общего языкознания и заведует ею вплоть до 1956 г. В послевоенные годы он ведет также научно-исследовательскую работу и читает лекции в Египте (Александрия), Пакистане и Америке. В 1960 г. Фёрс умирает от тяжелой болезни, так и не окончив своих «Принципов языкознания», над которыми он работал все последние годы⁵. В сущности, однако, основные положения его теории содержатся — хотя и в имплицитной форме — в его ранней работе «Речь»⁶, так что начало формирования фёрсовской концепции датируется 30-ми годами XX в.

---

cké fakulty Brněnské university», г. VIII, Řady jazykovědné, A, 1959, č. 7, стр. 106; ср. также рецензии на указанные работы: Э. Хаугена («Language», 1958, vol. 34, № 4, стр. 498—502), Л. Прието («Word», 1958, vol. 14, № 1, стр. 84—85), Р. Стокуэлла (IJAL, 1959, vol. 25, № 4, стр. 254—259) и В. Н. Топорова («Структурно-типологические исследования». М., 1962, стр. 253—256).

⁵ Более подробно биографические материалы о Фёрсе приведены в работах: R. L. Turner. Professor J. R. Firth. — BSOAS, 1956, vol. 18, pt 3; N. C. Scott. John Rupert Firth. — BSOAS, 1961, vol. 23, pt 2 и R. H. Robins. John Rupert Firth. «Language», 1961, vol. 37, № 2.

⁶ J. R. Firth. Speech. London, Benn, 1930. (Рец. В. Матезиуса на эту работу см.: SaS, 1935, № 1, стр. 44—46).

Дж. Р. Фёрса и его последователей часто необоснованно причисляют к Английской фонетической школе⁷. Следует, однако, строго дифференцировать направление, восходящее еще к Г. Суиту, а позже возглавленное Д. Джоунзом, и направление, представленное Дж. Р. Фёрсом и его последователями. Несомненно, что между Английской фонетической школой (The English School of Phonetics), с одной стороны, и Лондонской лингвистической школой (The London School of Linguistics), с другой, существовали глубокие органические связи⁸, и естественная преемственность традиций здесь безусловно налицо. Обе школы объединяет, например, тот ярко выраженный интерес к изучению явлений живых языков (the phenomena of living languages), о котором, как о типично британской традиции, в отличие от континентальной, в особенности немецкой, писал Г. Суит еще в 1877 г.⁹

Несомненно, однако, и то, что круг научных интересов двух этих школ глубоко различен. Достаточно сравнить программу Английской фонетической школы в том виде, в каком она была сформулирована Д. Джоунзом в 1938 г., с ее требованием изучать диалектологию, историю языка, практическую фонетику и т. д.¹⁰, и теоретические работы Фёрса, относящиеся к тому же времени, чтобы убедиться в том, что Фёрс ставит перед языкознанием иные вопросы, формулирует новые задачи. Как раз те аспекты языкознания, которые Фёрс справедливо считал типичными для английской лингвистической мысли конца XIX—начала XX в.: орфография, орфоэпия, лексикография, диалектология¹¹, — нашли в трудах «лондонцев» лишь незначительное отражение.

Даже в области фонетики, где прямые параллели между работами Г. Суита, Д. Джоунза и Дж. Р. Фёрса, казалось бы, более очевидны, в трактовке ряда кардинальных вопросов существуют настолько серьезные расхождения, что одних этих расхождений было бы достаточно для размежевания двух указанных направлений. Так, по-разному решается этими учеными вопрос о роли и месте фонетики среди других лингвистических дисциплин: в Английской фонетической школе ей отводилось центральное

⁷ Так, о некоей «британской школе, группировавшейся вокруг Дэниела Джоунза и Дж. Р. Фёрса», говорят, например, составители сборника «Trends in European and American linguistics» (стр. 7); ср. также J. Vachek. Londýnská fonetická škola po válce. — CMF, г. XXX, 1949, č. 2, стр. 124.

⁸ О них подробно говорит и сам Дж. Р. Фёрс в статье 1946 г. «The English School of Phonetics» (PiL, стр. 92—120) и в статье 1949 г. «Atlantic linguistics» (PiL, стр. 156—172).

⁹ J. R. Firth. Atlantic linguistics, стр. 166—167.

¹⁰ См. подробнее в работе: J. R. Firth. The English School of Phonetics, стр. 93 и сл.; см. также: J. Vachek. Londýnská fonetická škola po válce.

¹¹ J. R. Firth. Atlantic linguistics, стр. 164.

место и ее данным приписывалось решающее значение; лондонцы же отрицают самодовлеющий характер фонетики. Фонетика — основа фонологических исследований, но последние служат в первую очередь базисом для описания фактов лексики и грамматики¹².

Обе школы руководствуются разными критериями и при выделении основных фонологических единиц: по Фёрсу, главной функцией фонемы является функция смыслоразличения (он определяет фонему как фонетическую или морфологическую «единицу замещения» — substitution counter); для Д. Джоунза, как известно, характерно, наоборот, пренебрежение к смыслоразличительной стороне¹³ и обращение в первую очередь к критериям фонетического сходства и позиционным признакам фонемы¹⁴. Достаточно сказать, далее, что Дж. Р. Фёрс формулировал свои задачи в области фонетики как задачи пересмотра и переоценки старых фонетических воззрений в свете новой семантической теории¹⁵.

В целом, следовательно, можно скорее утверждать, что школа Фёрса оформилась в Англии в процессе оттапливания от старого лингвистического наследия и, творчески его осваивая, сумела преодолеть как известную узость его научных интересов, так и некоторый практицизм традиций прошлого. Кроме того, следует иметь в виду и то обстоятельство, что в Англии только школе Фёрса удалось создать в 30—60-е годы стройную теорию системы языка в целом и выйти в своей деятельности за рамки изучения того или иного узкого аспекта лингвистики (в этом школа Фёрса оказалась отличной от школ таких крупных английских теоретиков, как А. Гардинер, а несколько позже А. Росс, С. Ульман и некоторые другие, которые ограничились разработкой отдельных вопросов общего языкознания).

В послевоенные годы школа Фёрса начинает не только занимать центральное место в академической жизни страны (в области общего языкознания), но и играть здесь ведущую роль

¹² Ср.: J. R. Firth. The semantics of linguistic science. — PiL, стр. 146. Он же. General linguistics and descriptive grammar. — PiL, стр. 222; F. R. Palmer. Linguistic hierarchy. «Lingua», 1958, vol. VII, № 2, стр. 232—234, 241.

¹³ За что Д. Джоунза упрекали и глоссематики и представители Пражского лингвистического кружка.

¹⁴ Подробно об этом в статье: J. Vachek. Professor Daniel Jones and the phoneme. — В сб.: «Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario a discipulis et circuli linguistici pragensis sodalibus oblata». Pragaе, 1932, стр. 25—33; ср. также: О. С. Ахманова. Фонология. М., 1954, стр. 20.

¹⁵ J. R. Firth. The semantics of linguistic science, стр. 145. — Ср. также резкую критику традиционной фонетики в его работе 1935 г. «The use and distribution of certain English sounds», которая полемически заострена против «одного простого „коллекционирования“ звуков и раскладывания их по универсальным описательным фонетическим полочкам» и ратует за «системную фонетику», т. е. фонологию (см. PiL, стр. 34—35).

в теоретическом отношении¹⁶. В силу официального положения Дж. Р. Фёрса деятельность Лондонской лингвистической группы оказывается тесно связанной с основными языковедческими центрами страны — отделом прикладного языкознания в Эдинбурге, Лондонским университетом, Школой изучения Востока и Африки и т. д. На страницах печатного органа школы широко публикуются практические работы лондонцев, посвященные проблемам ориенталистики и африканистики¹⁷. Теоретические исследования более общего характера печатаются также в журнале, издаваемом в Глазго и редактируемом С. Ульманом¹⁸.

Наконец, тесные контакты существовали между группой Фёрса и старейшим филологическим обществом страны — Лондонским филологическим обществом, членом которого сам Фёрс являлся с 1933 г. В 1954 г. Фёрс был избран председателем Общества, и на страницах его «Ученых трудов»¹⁹ в 50-е годы появился ряд важнейших работ Фёрса и его учеников. Такова — в самых общих чертах — была та обстановка, на фоне которой происходило формирование Лондонской лингвистической школы внутри страны. Развитие ее осуществлялось, однако, и в зависимости от более широкого лингвистического окружения. Зарождаясь в 30-х годах нашего века, концепция Фёрса имеет на первых порах — особенно в негативном плане — немало общего с другими структуральными течениями.

Так, подобно многим лингвистическим направлениям конца XIX — начала XX в., фёрсовское направление возникает в ходе борьбы против младограмматической концепции языка. Не отрицая принципиальной возможности изучения языка в историческом плане, Фёрс протестует против того, чтобы все языкознание провозгласить, как это сделал, например, О. Есперсен, сугубо исторической дисциплиной, и осуждает чрезмерное увлечение сравнительно-историческими исследованиями. Компаративистам вменяется в вину недостаточная конкретность получаемых ими результатов, а также пренебрежение к социальным аспектам функционирования языка²⁰. В качестве основного подхода к языку постулируется синхронный²¹.

¹⁶ См.: J. Vachek. The London group of linguistics, стр. 107.

¹⁷ Этот орган — «The Bulletin of the School of Oriental and African studies».

¹⁸ Имеется в виду «Archivum Linguisticum», задуманный его главным редактором как журнал по общему и сравнительно-историческому языкознанию.

¹⁹ См.: «Transactions of the Philological Society of London» (в дальнейшем сокращенно TPS).

²⁰ См.: J. R. Firth. Personality and language in society. — PIL, стр. 178—179; Он же. Atlantic linguistics, стр. 169.

²¹ Справедливости ради следует отметить, что в этом Фёрс в значительной мере верен английским традициям и придерживается точки зрения Г. Суита. См.: J. R. Firth. General linguistics and descriptive grammar, стр. 222; Он же. Structural linguistics. — TPS, 1955, стр. 83. Подроб-

Проводя в жизнь требование обратиться к изучению живых языков²², английские ученые получают в свое распоряжение материалы самых разнообразных языков, в том числе весьма редких и дотоле не изученных.

Столкнувшись с необходимостью описания этих языков, английские языковеды, как и американские, вынуждены были признать непригодность традиционных латино-греческих образцов описания и потому начать поиски непредвзятых способов констатации всех многообразных лингвистических данных. В этих поисках, однако, английские и американские языковеды идут разными путями и приходят к разным результатам. По-разному разрешая вопрос о целесообразности привлечения к лингвистическому анализу нового языка экстралингвистических данных и сведений о значении (ср. также стр. 181), английские и американские ученые расходятся также и в определении конечных целей и задач исследования. В то время как последователи дескриптивного направления сосредоточивают свое внимание на выработке процедур формального анализа языка и создании методики синхронного исследования, представители Лондонской школы ставят своей целью сформулировать общую теорию языка, в рамках которой было бы возможно гибкое, неаприорное и удобное в практическом отношении описание. Противопоставляя его стандартизованным описаниям американцев, они — в противовес последним — требуют описаний *ad hoc*²³. Таким образом, ставя своей задачей создание общей теории языка, лондонцы в известном смысле сближаются с глоссематиками. Возможность построения универсальной грамматики ими, однако, оспаривается. Подчеркивая свое несогласие как с попыткой подменить теорию языка конкретными методиками языкового анализа²⁴, так и с попыткой «универсализировать» теорию языка, Дж. Р. Фёрс пишет, что им в общих чертах уже разработана *общелингвистическая*

нее о возможности проведения в лингвистике исторических исследований при выдвигании на первый план синхронного анализа см. в кн.: W. S. Allen. *On the linguistic study of languages. An inaugural lecture.* Cambridge, 1957, стр. 10—13.

²² О том, что английские ученые преследовали при этом не только чисто лингвистические, но и политические цели, красноречиво свидетельствует работа Фёрса «*Applications of general linguistics*» (TPS, 1957).

²³ Под анализом языка *ad hoc* имеется в виду анализ, строго учитывающий специфику данного языка и не навязывающий ему никаких категорий универсальной грамматики. См., например: J. R. Firth. *A synopsis of linguistic theory, 1930—1955.* — SLA, стр. 15.

²⁴ С удивлением пишет Фёрс о том, что в США техника фонемного анализа выдается за теоретическую дисциплину. См.: J. R. Firth. *Applications of general linguistics*, стр. 5. Ср. также: Он же. *Structural linguistics*, стр. 89, 99—100, и W. S. Allen. *On the linguistic study of languages*, стр. 15.

теория, применимая к описанию конкретных языков, а не теория универсалий для общелингвистического описания»²⁵ (подчеркнуто Фёрсом. — Е. К.) От глоссематиков английских ученых отталкивают и попытки математизации и алгебраизации языкознания. Отдавая дань теории Л. Ельмслева и находя ее превосходной именно из-за ее обобщающего характера (excellent in that general quality), Фёрс указывает, что в практическом отношении эта теория пока никак себя не оправдала: глоссематический анализ какого бы то ни было языка, включая и датский, до сих пор отсутствует²⁶. Причину этого Фёрс видит «в подходе с помощью аксиом, постулатов или общих теорем философско-математического свойства»²⁷. По мнению Фёрса, вообще «любая полностью аксиоматизированная математическая лингвистика окажется практически непригодной»²⁸. Предлагаемые глоссематиками способы подачи лингвистического материала кажутся Фёрсу неприемлемыми в силу специфики языкознания — науки, которая вынуждена сведения о языке излагать также на языке, в котором почти все специальные термины ассоциируются со словами в обычном употреблении и, значит, полны неопределенности. Приписывая всем «структуралистским» работам пренебрежение к специфике подачи языковых фактов и недостаточный учет различий между языком, который описывают, и языком, на котором ведется описание, Фёрс справедливо требует от «структурного» языкознания продуманной терминологии и специальной техники изложения данных.

Критика теории Л. Ельмслева связана, следовательно, как с тем, что эта теория не способствует улучшению практической языковедческой работы, так и с тем, что она ставит языкознание в зависимость от других дисциплин — логики, математики, философии, против чего, по мнению Фёрса, следует решительно протестовать²⁹. Серьезные возражения вызывает, согласно его точке зрения, и то, что в теории глоссематиков нет фактически места для всестороннего анализа семасиологических проблем. Напротив, по Фёрсу, в языкознании все должно быть направлено на разрешение одной задачи — «многостороннего освещения зна-

---

²⁵ J. R. Firth. A synopsis of linguistic theory, стр. 21 и 31.

²⁶ J. R. Firth. Applications of general linguistics, стр. 2.

²⁷ J. R. Firth. Structural linguistics, стр. 97.

²⁸ Там же, стр. 97—99.

²⁹ Лингвистика должна стать, по его мнению, вполне автономной дисциплиной и выработать свои, чисто лингвистические приемы описания языка. Этим и должно заниматься общее языкознание. См.: J. R. Firth. Applications of general linguistics, стр. 7 и сл. — Аналогичные мысли высказывал на Эрфуртском симпозиуме 1959 г., посвященном проблеме знака в языке, и М. А. К. Холлидей. См. в сб.: «Zeichen und System der Sprache», Bd. II. Berlin, 1962, стр. 102.

чения в надлежащих лингвистических терминах»³⁰. Современная лингвистика, утверждает Фёрс, слишком детально занималась формальной сегментацией текста, она стала чересчур фрагментарной и слишком далеко отошла от познания основной функции языка. Язык — это значащая деятельность, она целенаправлена, а потому язык и надлежит изучать прежде всего в этом его качестве.

«С 30-х годов я считал, — пишет Фёрс, — что описательная лингвистика наиболее эффективно выполняет свое назначение, если она рассматривает языковое поведение как значащее во всех аспектах его связей с жизнью в обществе»³¹. Существенную сторону концепции Фёрса составляет, таким образом, требованию учесть социальный аспект речевой деятельности. Социологическая теория языка, которую он выдвигает, оказывается, однако, во многом внутренне противоречивой.

Так, указывая, что в изучении языка, как и в изучении культуры, исследователь не может игнорировать основные побуждения человека, обуславливаемые и социально и биологически³², Фёрс делает акцент на биологической мотивированности речевой деятельности человека³³ и преувеличивает значение чисто биологических факторов в ущерб социальным³⁴. Нормальное языковое поведение оказывается, по словам Фёрса, лишь способом продолжения жизни, и оно понимается как «значимое усилие, направленное на поддержание соответствующих жизненных норм»³⁵.

Справедливо полагая, что «использование языка — это одна из форм человеческой жизни»³⁶, Фёрс вместе с тем оказывается в значительной мере под влиянием бихевиористских концепций. Именно бихевиоризм, по мнению проф. Вахка, и составляет философскую основу учения Фёрса³⁷. Действительно, типичное для бихевиористских установок сведение всей специфики поведения человека к его индивидуальному (а не общественному) поведе-

³⁰ J. R. Firth. *Structural linguistics*, стр. 100.

³¹ J. R. Firth. *Linguistic analysis and translation*. — В сб.: «For Roman Jakobson». The Hague, 1956, стр. 138.

³² См. подробнее: В. Н. Топоров. [Рец.] J. R. Firth. *Papers in linguistics* и В. Malinowski. *A scientific theory of culture and other essays*. «Структурно-типологические исследования», стр. 254—255.

³³ Ср. такие работы Фёрса, как «Personality and language in society» (PiL, стр. 181—187) и «General linguistics and descriptive grammar» (PiL, стр. 224—226).

³⁴ J. Vachek. *O Londýnské škole jazykovědné*. — В сб.: «Problémy marxistické jazykovědy». Praha, 1962, стр. 127.

³⁵ J. R. Firth. *General linguistics and descriptive grammar*, стр. 225.

³⁶ См.: J. R. Firth. *A synopsis of linguistic theory*, стр. 30. — Как форму человеческого поведения предлагает рассматривать язык и В. Аллен (см. указ. соч., стр. 13).

³⁷ J. Vachek. *The London group of linguistics*, стр. 107.

нию³⁸ присуще и Фёрсу. Так, он считает возможным и даже неизбежным установление фонетических и фонологических систем на базе изучения речи одного человека³⁹. В то же время он стремится избежать узости и понятной ограниченности такого подхода, введя в противовес понятию индивидуума понятие о типе или типаже как некоем обобщенном образе человека. «В мои намерения, — пишет он, — входит связать анализ языка с общественной природой человека и изучать скорее типажи (persons), чем отдельные индивидуумы (individuals). Лингвистика может кое-что позаимствовать от наук, которые рассматривают человеческие существа как изолированные единицы в их психо-биологических аспектах, но она интересуется в основном типажами и личностями (persons and personalities) как активными участниками в создании и сохранении культурных ценностей, среди которых лингвистика более всего имеет дело с языками»⁴⁰. Тем самым Фёрс оказывается далеким от механистического бихевиоризма американского типа⁴¹. В то же время не подлежит сомнению, что «диалектический взгляд на единство языковой деятельности и языкового коллектива ему чужд»⁴². Не случайно Фёрс, вслед за Б. Малиновским, вообще отвергает понятие речевого коллектива и, главное, понятие о практике человека как его **о б щ е с т в е н н о м** опыте.

Игнорирование последнего сказывается существенно и на теории значения, обосновываемой представителями Лондонской лингвистической школы.

Т е о р и я з н а ч е н и я — краеугольный камень всей лингвистической концепции «лондонцев». Собственно, по мысли Фёрса, к изучению значения сводится все содержание лингвистики. «Наука общее языковедение, — пишет он об этом, — со всеми своими вспомогательными техническими приемами направлена в конечном счете на раскрытие значения во всем его многообразии, в языке вообще и в конкретных языках в частности»⁴³. Поддержанный всеми учениками Фёрса, этот тезис становится девизом Лондонской школы и определяет позицию ее представителей на различных симпозиумах и съездах⁴⁴. Более

³⁸ Ср.: А. А. Леонтьев. Психоллингвистика и проблема функциональных единиц речи. — В сб.: «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., 1961, стр. 165—167. См. также сб. «Современная психология в капиталистических странах». М., 1963, гл. 2.

³⁹ J. R. Firth. The semantics of linguistic science, стр. 143.

⁴⁰ J. R. Firth. Personality and language in society, стр. 186.

⁴¹ J. Vachek. O Londýnské škole jazykovědné, стр. 127.

⁴² Там же.

⁴³ J. R. Firth. Introduction. — PiL, стр. XI; ср. также PiL, стр. 32.

⁴⁴ См., например, материалы VII и VIII международных съездов лингвистов, особенно VII, на котором специально выдвигался вопрос о линг-

того, есть все основания утверждать, что вся теоретическая и практическая работа велась здесь под знаком изучения значения. В принципе такое обращение к семасиологическим аспектам языковой деятельности сближает фёрсовское направление с Пражским лингвистическим кружком, однако прямолинейные сопоставления в этом плане несколько поверхностны, ибо в понятие значения представители двух этих различных течений вкладывают различное содержание⁴⁵. Таким образом, те конкретные формы, которые принимает постановка и решение проблемы значения, оказываются во многом несходными. В значительной мере это объясняется тем, что смысл термина «значение» в устах представителей Лондонской школы имеет весьма специфический характер.

«Значение... — писал Фёрс еще в 1935 г., — мы используем для всего комплекса функций, которыми лингвистическая форма может обладать»⁴⁶. Аналогичные высказывания принадлежат и В. Хаасу, который прямо указывает, что значением какого-либо элемента является не его содержание, но функция его формы⁴⁷.

Подобное понимание значения мы встречаем также в трудах О. Есперсена, где нерасчлененное понятие значения, или функции, ложится в основу нового построения грамматики⁴⁸; у лондонцев значение как серия функций⁴⁹ становится центральным понятием всей их концепции. Естественно, однако, что если подводить все качества и особенности той или иной формы под рубрику «значение», термин этот становится настолько всеобъемлющим, что им может быть охвачена любая лингвистическая и даже экстралингвистическая характеристика формы. Но в таком случае и практическая и теоретическая ценность термина сводится на нет. В какой-то степени это понимал и сам Фёрс, призывая к более строгому определению терминов «значение» и «семантический»⁵⁰.

вистике и проблеме значения, а также материалы Эрфуртского симпозиума по вопросам знаковости в языке.

⁴⁵ О понятии значения в ПЛК см. выше.

⁴⁶ J. R. Firth. The technique of semantics. — PiL, стр. 20, 33.

⁴⁷ W. Haas. On defining linguistic units. — TPS, 1954, стр. 81; ср. его же выступления на VII Международном съезде лингвистов («Proceedings of the Seventh International Congress of Linguists», London, 1956, стр. 12—13, 190—192).

⁴⁸ См. более подробно: Е. С. Кубрякова. О. Есперсен. — В кн.: «Отто Есперсен». Библиографический указатель. М., 1963, стр. 9, и сл., где также указана и обширная литература о трудах датского лингвиста.

⁴⁹ Ср., например, мысль Фёрса о лингвистическом спектральном анализе, расчленяющем целостное значение на отдельные «значения»: фонетическое, фонологическое, морфологическое и т. п. (см. ниже, стр. 331).

⁵⁰ J. R. Firth. Linguistics and the problem of meaning. «Proceedings of the Seventh International Congress of Linguists», стр. 3.

Недоработанность и известная расплывчатость термина «значение» осознавалась и некоторыми сторонниками Фёрса. Так, Р. Робинс, разделяя в целом его теорию, признает в то же время, что указанный термин может быть использован как применительно к обозначению непосредственно семантической (или ситуационной) характеристики формы (т. е. в более обычном смысле этого слова), так и по отношению к функциональным ее аспектам. В таком случае теория значения существенно отличается от референтной теории значения, в которой значение формы приравнивается денотации⁵¹.

В связи с неясностью границ применения термина «значение» английские языковеды были вынуждены пересмотреть фёрсовскую концепцию и внести в нее некоторые уточнения. М. Холлидей предлагает разграничить два различных типа значения — формальное и контекстуальное (ситуационное)⁵². Первое выявляется у формы в ходе ее функционирования «в сетке формальных отношений», второе — в ходе соотношения формы с экстралингвистическими факторами⁵³. Поскольку такое соотношение можно осуществить лишь косвенным путем через формальное лингвистическое значение, контекстуальное значение логически зависимо от формального и его анализ опирается на анализ последнего. В то же время полное лингвистическое описание должно обязательно учитывать оба типа значения и при анализе текста принимать во внимание «связи отдельных форм текста между собой (определяя таким образом их формальное значение) и связи этих форм с той ситуацией, в которой язык функционирует (определяя тем самым их контекстуальное значение)»⁵⁴.

Нетрудно видеть, что и при таком понимании суть дела остается во многом прежней: и формальное и контекстуальное значения определяются функционально, и в этом смысле лондонское направление можно охарактеризовать как функциональное.

Выдвинув функциональную теорию значения (С. Ульман предпочитает называть ее «контекстуальной» или «операционалистской»⁵⁵), английские ученые подчеркнули мысль о том, что значение той или иной лингвистической формы может быть

---

⁵¹ См.: R. H. Robins. Some considerations on the status of grammar in linguistics. «Archivum Linguisticum», 1959, vol. 11, fasc. 2, стр. 94—96.

⁵² M. A. K. Halliday. The categories of the theory of grammar. «Word», 1961, vol. 17, № 3, стр. 244—245.

⁵³ Там же, стр. 245.

⁵⁴ M. A. K. Halliday. [Выступление на Эрфуртском симпозиуме]. — В сб.: «Zeichen und System der Sprache», Bd. II. Berlin, 1962, стр. 104.

⁵⁵ S. Ullmann. Semantics. Oxford, 1962, стр. 66 и сл.

раскрыто только в ходе ее конкретного изучения, т. е. лишь на основе анализа ее фактического употребления. Подобное положение полностью согласуется с общими установками школы Фёрса (смыкающейся в этом отношении с Б. Малиновским), направленными на то, чтобы описывать язык не как некий акт мысли, но как один из типов поведения человека, т. е. в его активном качестве. Речь, по Б. Малиновскому, это «один из видов действия» — *a mode of action*⁵⁶, — а потому в первую очередь следует обратиться к изучению речи в ее прагматическом аспекте (т. е. в употреблении). «Каждая функция, — указывал Фёрс, — будет определена через использование данной лингвистической формы или элемента по отношению к данному контексту»⁵⁷.

Любопытно отметить, что и в этом отношении концепция Фёрса проявляет свою зависимость от взглядов Б. Малиновского. Ср., например, указание последнего на то, что «значение предмета складывается из опыта активного пользования этим предметом, а не в результате умственного размышления о нем»⁵⁸. Разъясняя это, Б. Малиновский писал: «Слово... *означает*... правильное применение того предмета, который оно называет, точно так же как определенный инструмент *значит* что-то, когда с ним умеют обращаться, и не значит ничего, когда опыта обращения с ним не имеют»⁵⁹. Смещение субъективного и объективного в такой формулировке вполне очевидно: разумеется, для отдельного человека какой-либо инструмент не является фактически орудием труда до знакомства с ним; объективно, однако, он существует как таковой в опыте того коллектива, который его создал и который дал ему определенное название. Аналогично этому можно, по-видимому, утверждать, что значение слова объективно существует в языке вне зависимости от того, известно или оно тому или иному члену данного речевого коллектива. Недостаточный учет общественного опыта человека приводит, таким образом, к тому, что теория значения в концепции Б. Малиновского — Дж. Р. Фёрса оказывается обращенной не на значение формы в языке, но на ее значение в речи⁶⁰.

Установка на раскрытие значения-функции через ее употребление в речи обнаруживает в свою очередь связи теоретических установок Б. Малиновского — Дж. Р. Фёрса с позитивизмом. Созвучие этих идей полностью осознается лондонцами, как и факты

---

⁵⁶ B. Malinowski. The problem of meaning in primitive languages. — В кн.: C. K. Ogden and I. A. Richards. The meaning of meaning. London, 1923, стр. 296 и 315—316.

⁵⁷ J. R. Firth. The technique of semantics, стр. 19.

⁵⁸ B. Malinowski. The problem of meaning in primitive languages, стр. 321—322.

⁵⁹ Там же, стр. 322.

⁶⁰ S. Ullmann. Указ. соч., стр. 67.

влияния идей Венского кружка на формирование взглядов Б. Малиновского⁶¹ и Дж. Р. Фёрса⁶². Лондонцы сочувственно цитируют слова Л. Витгенштейна о том, что «значение слова — это его употребление»⁶³. Следует, однако, отметить, что английские ученые на самом деле оказываются в плену мнимого «объективизма» позитивистских концепций. Разумеется, употребление каждой языковой единицы представляет собой лингвистический факт, данный нам объективно. Абсолютизация подобных фактов и — как результат этого — приравнивание значения слова его употреблению ведет, однако, не к объективизации нашей науки, но к ее растворению в голой фактологии и эмпиризму в худшем смысле этого слова⁶⁴. При таком подходе стираются грани между общим и частным, нормативным и окказиональным, наконец, системным и выходящим за рамки системы. Гипостазирование «употребления» как некоего абсолютного лингвистического факта отрицает возможность обобщения, ибо нивелирует различные случаи употребления, ведет к пренебрежению абстракцией, без которой немислимо никакое научное построение⁶⁵.

Подытоживая позицию английских лингвистов по вопросу о языковом значении, следует указать на две стороны этого вопроса: проблему места значения в лингвистике, с одной стороны, и проблему языкового значения как критерия для установления тех или иных формальных категорий. Думается, что в целом ученые рассматриваемого направления предлагают правильный путь решения этих проблем, указывая, что лингвистика как наука не может существовать без изучения языкового значения.

---

⁶¹ См. по этому поводу: J. R. Firth. *Ethnographic analysis and language, with reference to Malinowski's views.* — В сб.: «Man and culture. An evaluation of the work of Bronislaw Malinowski». London, 1957, стр. 94.

⁶² S. Ullmann. Указ. соч., стр. 65; R. H. Robins. *John Rupert Firth*, стр. 196.

⁶³ L. Wittgenstein. *Philosophical investigations.* Oxford, 1953, стр. 120—121.

⁶⁴ Ср.: А. А. Реформатский. *Принципы синхронного описания языка.* — В сб.: «О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков». М., 1960, стр. 24—25. — См. также приводимое в этой книге замечание П. С. Кузнецова о том, что «язык как система существует реально, он складывается на основе употребления, но он сам порождает употребление» (стр. 102; подчеркнуто мною. — Е. К.).

⁶⁵ Следует отметить, что ошибку аналогичного рода совершает Фёрс и при решении вопроса о функциональных стилях речи. В противовес представителям Пражского лингвистического кружка, которые видели в распределении отдельных стилей речи доказательство единства языка, дифференциация языка по функциональному признаку кажется Фёрсу показателем отсутствия его целостности. Единство языка представляется ему мнимым (см.: J. R. Firth. *The technique of semantics*, стр. 29); нетрудно видеть, однако, что подобное представление находится в противоречии с положением о системности языка, которое поддерживается всеми сторонниками Лондонской группы языковедов, включая и самого Фёрса (см. также ниже, стр. 327).

В то же время при анализе структуры языка на уровнях фонологии и грамматики следует абстрагироваться от значения и не применять его в качестве критерия для вычленения лингвистических единиц⁶⁶.

Правильность подобной постановки проблемы значения не снимает, однако, тех конкретных недостатков, которые присущи самой теории значения, разработанной лондонцами. Справедливо критикуя ее как теорию операционалистскую, С. Ульман настаивает на том, что хотя регистрация употреблений той или иной формы — это обязательный этап исследования, ибо никаким другим путем, кроме как тщательным и кропотливым учетом «употреблений», определить значение невозможно, эта фаза исследования не может рассматриваться как конечная⁶⁷. За чисто эмпирической стадией овладения материалом наступает стадия отбора, классификации и обобщения. Референтная теория значения тем самым не может быть отброшена, и ситуационная теория не отменяет ее, но лишь углубляет и совершенствует. Само же понятие о контекстуальной стадии исследования и — шире — о теории контекста ситуации заслуживает несомненного внимания. Именно она определяет те конкретные лингвистические приемы, с помощью которых английские ученые приходят к определению значения в операционалистских терминах.

Понятие контекста ситуации⁶⁸ было заимствовано членами Лондонской лингвистической школы и в первую очередь самим Фёрсом у Б. Малиновского⁶⁹. Еще в 20-е годы, столкнувшись с невозможностью точно определить значение слова в примитивных языках без знания более широкого экстралингвистического контекста, Малиновский вводит для его уточнения понятие куль-

---

⁶⁶ Ср.: W. S. Allen. On the linguistic study of language, стр. 22—24. Ср. также рец. на эту книгу Т. Н. Молошной в сб. «Структурно-типологические исследования» (стр. 203—204). Ср. далее: F. R. Palmer. Linguistic hierarchy, стр. 237.

⁶⁷ S. Ullmann. Указ. соч., стр. 66—67.

⁶⁸ Наиболее полно оно освещено в работах: J. R. Firth. The technique of semantics (русск. перевод см. в сб.: «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962). Он же. Personality and language in society, особ. стр. 181 и сл.; R. H. Robins. A problem in the statement of meaning. «Lingua», 1952, vol. III, № 2; F. R. Palmer. Linguistic hierarchy, стр. 235 и сл., и др.

⁶⁹ В конечном счете оно восходит к так называемой Situationstheorie Ф. Вегенера (см. Ph. Wegener. Untersuchungen über die Grundfragen des Sprachlebens. Halle, 1885). Подробнее об этом см. в работе: В. Malinowski. The problem of meaning in primitive languages, о которой мы уже говорили выше, а также в статье Дж. Р. Фёрса «Ethnographic analysis and language, with reference to Malinowski's views».

туры. Под культурой того или иного народа он понимает весь сложный комплекс общественных институтов этого народа, его обычаи, верования, ритуальные церемонии и обряды и т. п. Все они рассматриваются как элементы единой системы, выступающей в качестве некоего фона для речевого общения — «ситуационного контекста». Контекст ситуации оказывается как бы частью социального процесса, в котором речевое событие является центральным. Будучи составной частью этого процесса, оно должно изучаться в связи со всеми остальными элементами системы: «Высказывание, произнесенное в реальной жизни, никогда не может быть отторгнуто от той ситуации, в которой оно было произнесено», — утверждает Малиновский⁷⁰. Поясняя введение термина «контекст ситуации» (the context of situation), Малиновский пишет, что он создал его для указания «с одной стороны, на то, что понятие контекста следует расширить, и на то, с другой стороны, что никогда не следует пренебрегать, как лингвистически irrelevantной, той ситуацией, в которой произносятся слова»⁷¹.

Справедливость подобного положения, однако, весьма спорна. Слово, несомненно, обладает для человека, владеющего данным языком, вполне определенным значением, а та или иная ситуация его употребления лишь уточняет или модифицирует это значение, обычно тоже в определенном отношении: ср. такие слова, как *стол*, *операция*, *осел* и т. п. Такое владение словом не следует смешивать с возможностью обьяснения его значения говорящему на другом языке. Встречающиеся при этом трудности не могут снять положения о существовании объективного значения у той или иной лингвистической формы для целого речевого коллектива. Ошибка этого рода характерна, однако, для всех лингвистических гипотез Б. Малиновского⁷².

Будучи этнографом, Малиновский пытался в первую очередь вскрыть реальное содержание того или иного ритуала и связанных с ним языковых (часто магических) формул. Но обращаясь к такому широкому толкованию сообщаемого в общем культурном контексте, Малиновский подменял им лингвистический анализ текста в собственном смысле этого слова.

---

⁷⁰ B. Malinowski. The problem of meaning in primitive languages, стр. 307.

⁷¹ Там же, стр. 306.

⁷² Естественно, что мы касаемся некоторых положений теории Б. Малиновского только в той мере, в какой это необходимо для характеристики идей фёрсовского направления, т. е. только в смысле установления источника этих идей. Никаких целей дать общую оценку работ Б. Малиновского мы не ставим и отсылаем для этого читателя к соответствующей критической литературе: L. Ceip. *Cambridgska škola*. «Časopis pro moderní filologii», 1948, г. XXXI, č. 3 и 4; K. Judenko. *Wstęp*. — В кн.: B. Malinowski. *Szkice z teorii kultury*. Warszawa, 1958, стр. V и сл.

Последний отождествлялся им с адекватным переводом⁷³, и принципы перевода распространялись затем уже в качестве принципов лингвистического исследования. Естественно, что такое перенесение приемов этнографического (этнолингвистического) истолкования текстов в лингвистику было неправомерным и повело за собой увлечение ситуационным (весьма субъективным) анализом в ущерб референтному. Вот почему, в целом весьма положительно оценивая понятие ситуационного значения и контекста ситуации, С. Ульман в то же время предостерегает против того, чтобы это понятие использовалось в ущерб другим: исследование контекста ситуации может составить лишь предварительную фазу в исследовании лингвистического значения, утверждает С. Ульман⁷⁴.

Уязвимым местом теории Б. Малиновского, в известной мере не преодоленным до конца в Лондонской лингвистической школе, является и его положение об опоре (при исследовании значения) на данные одного информанта, т. е. опять-таки пренебрежение коллективным опытом. Комментируя этот аспект теории Малиновского, Фёрс прямо указывает, что линия Дюркгейма—Мейе мало привлекала Малиновского, ибо он находил ее «непрактичной» при анализе значения. Более того, понятие коллектива Малиновский считал необходимым отбросить, поскольку оно будто бы «для этнографа бесплодно и бесполезно»⁷⁵.

Мы уже говорили о том, что и Фёрс считает возможным установить функционирование лингвистической формы, обращаясь для этого к речи одного человека. Сочувственно цитируя слова Г. Суита о том, что язык существует только как язык индивидуума⁷⁶, Фёрс критикует с этих позиций механистический, по его мнению, структурализм Соссюра, ибо он базируется на понятии языка, определяемого как функция говорящей массы. Младограмматические идеи кажутся в этом смысле для Фёрса более приемлемыми, чем социологизм Дюркгейма и его понятие о *collectivité*. Стремление подменить изучение речи индивидуума изучением языковых особенностей отдельных личностей или типов (см. выше, стр. 315) не снимает младограмматической трактовки вопроса о соотношении индивидуума и речевого коллектива и о их роли в развитии языка.

В лингвистической концепции Фёрса понятие ситуационного контекста было значительно модифицировано с тем, чтобы более приспособить его к целям чисто языкового исследования. По мысли Фёрса, понятие контекста ситуации должно учитывать:

---

⁷³ J. R. Firth. *Ethnographic analysis...*, стр. 108; Он же. *Linguistic analysis and translation*, стр. 134.

⁷⁴ S. Ullmann. *Semantics*. Oxford, 1962, стр. 50 и сл.

⁷⁵ J. R. Firth. *Ethnographic analysis...*, стр. 95.

⁷⁶ J. R. Firth. *Personality and language in society*, стр. 179—183.

А) релевантные признаки участников речевого акта (причем во внимание должны приниматься как речевые, так и неречевые действия этих участников), В) релевантные предметы и С) последствия речевого акта ⁷⁷.

По словам Фёрса, практическая целесообразность учета этих факторов была доказана во время второй мировой войны, когда подготовка кадров военных переводчиков в Англии была удачно завершена благодаря обучению их специальным контекстам (подобранным так, чтобы исключить контексты, нужные для повседневного общения, и заменить их военными).

По-видимому, понятие ситуационного контекста имеет и не только практическое значение (как, например, в учебных текстах). Так, введение его может принести свои результаты и при изучении функциональных стилей речи, на что неоднократно указывалось Фёрсом и его учениками. Последние предприняли также попытку использовать рассматриваемое понятие в качестве основы «иерархии технических приемов для установления значения» ⁷⁸. Смысл этого важного положения теории Фёрса можно раскрыть на следующем примере.

Произнеся английское слово [bɔ:d], мы помещаем одну из гласных этого языка в фонетический контекст b...d. На фонетическом уровне эта фонетическая данность противостоит пятнадцати другим значащим отрезкам (словам, ср. [bɔ:d], [bed], [bæd] и т. д.). Для того чтобы узнать фонетическое значение отрезка, нам достаточно факта этого противопоставления, но по отношению к более высоким уровням анализа эта форма как бы нейтральна. Чтобы снять эту «нейтральность», следует поместить форму в иной, грамматический контекст: в контексте [bɔ:d] — [bɔ:dz] форма определяется как существительное, в контексте [bɔ:d] — [bɔ:dz] — [bɔ:did] — [bɔ:diŋ] перед нами глагол. Наконец, лишь в таких контекстах, как [bɔ:d tə deθ], в отличие от [bɔ:d əv stædiz], мы выясним лексическое значение формы ⁷⁹.

Вводя такие виды значения, как «фонетическое», «грамматическое», «лексическое» и т. д., Фёрс полагает, что общее значение формы можно выразить через сумму подобных «видов» или аспектов значения — the modes of meaning ⁸⁰. При этом для того, чтобы выяснить, как конкретно рассеяно значение или на какие именно виды значения может быть разложена данная форма, рекомендуется прибегнуть к методике, аналогичной методу спектрального анализа. Подобно тому, как цвет разложим на определенные компоненты (световые волны с разными ампли-

⁷⁷ Там же, стр. 183; Он же. *Ethnographic analysis...*, стр. 111—112.

⁷⁸ J. R. Firth. *Personality and language in society*, стр. 183.

⁷⁹ См.: J. R. Firth. *The technique of semantics*, стр. 20 и сл.

⁸⁰ Этому посвящена специальная работа Фёрса «Modes of meaning», впервые опубликованная в 1951 г. (*PiL*, стр. 190—215).

тудами колебания), высказывание или текст делятся на такие части, каждая из которых обладает своим собственным содержанием. Значение как своеобразный лингвистический спектр также состоит из отдельных элементов, и их выявление достигается не в результате однократного анализа, но в результате послойного членения, устанавливающего — каждое — отдельное у р о в н е в о е значение.

Техническим приемом, позволяющим подобный спектральный анализ, является определение контекста формы, или контекстуализация⁸¹. Если у Малиновского применялась, собственно, лишь ситуационная контекстуализация, которая означала обязательное привлечение к лингвистическому анализу экстралингвистических данных⁸², то в Лондонской лингвистической группе контекстуализация приобретает форму чисто лингвистической процедуры.

Для того чтобы продемонстрировать, как варьируются технические приемы, связанные с контекстуализацией на разных уровнях, обратимся к нескольким конкретным примерам.

На лексическом уровне контекстуализация той или иной формы производится путем установления ее типичного и постоянного окружения, ее обычной «компании»⁸³. По мысли Фёрса, значение на лексическом уровне может быть раскрыто лишь подобной контекстуализацией, которая здесь получает название *коллокации*. «Одним из значений слова *ночь*, — пишет Фёрс, — является его сочетаемость (*collocability*) со словом *темная*, и, наоборот, одним из значений слова *темная* — его связь со словом *ночь*»⁸⁴. Если освободить эту формулировку от известной неточности (значение слова *ночь* раскрывается установлением его обычного словесного окружения, но оно не может свестись к этому окружению), то следует признать, что предложенная методика весьма целесообразна. Она справедливо привлекает внимание к тому очевидному факту, что употребление слова в том или ином языке обычно нормируется его участием во вполне определенных словосочетаниях⁸⁵. Методика их регистра-

⁸¹ Термин предложен в работе Фёрса «The technique of semantics» (стр. 14, 32 и др.).

⁸² Ср., например, анализ шести слов, обозначающих сад, в языке аборигенов Австралии — киривини (B. Malinowski. The Coral gardens and their magic. London, 1935 и др. работы).

⁸³ См. об этом подробнее в работах Фёрса «The modes of meaning» (стр. 194 и сл.) и «A synopsis of linguistic theory», стр. 11—13.

⁸⁴ J. R. Firth. The modes of meaning, стр. 195.

⁸⁵ В качестве примера Фёрс приводит английское слово *ass* 'осел', буквальный смысл которого в разговорном языке настолько стирается благодаря его частому употреблению в таких контекстах, как *He is an ass; You, silly ass; Don't be an ass и т. д.*, что в ответ на замечание о том, что *An ass has been frightfully mauled at the Zoo* 'Какого-то осла изрядно отдубасили в зоопарке', репликой будет служить 'А каким образом он там оказался?'. См.: J. R. Firth. A synopsis of linguistic theory, стр. 11.

ции, давно практикуемая в лексикографии, должна быть, однако, пересмотрена с тем, чтобы руководствоваться при отборе подобных примеров более строгими критериями. Попытка создания метода коллокации поэтому заслуживает несомненного внимания. Актуальна она и в связи с тем, что приемы лексического моделирования были вплоть до настоящего времени изучены лишь чисто эмпирически.

Установление контекстуализации формы на уровне грамматическом также связано с описанием конкретных рамок ее использования. Так, Т. Ф. Митчелл, исследуя причастные формы в одном из арабских диалектов, указывает, что буквальный перевод этих форм приводит к двусмысленности. Она может быть снята, если одновременно с причастием учитывать и другие глагольные временные формы, сопровождающие причастные. В соответствии с концепцией Фёрса, Митчелл предлагает анализировать рассматриваемые им причастия в их возможном сочетании с формами перфекта и имперфекта. Он устанавливает четыре грамматических контекста, отличающихся друг от друга различным взаиморасположением (порядком следования) причастных и других временных форм. Благодаря этому значение причастия в каждой из таких конструкций получает точное определение⁸⁶.

Прием соположения взаимосвязанных грамматических категорий получает в Лондонской школе название коллигации. Здесь представляется, например, целесообразным рассматривать в западноевропейских языках такие категории, как существительное и прилагательное, в коллигации с артиклем и указательным местоимением; в китайском языке категория имени, по мнению Г. Симона, коллигируется с категорией детерминаторов⁸⁷ и т. д. Нетрудно видеть, что предлагаемая методика базируется на факте взаимосвязи различных категорий и направлена на то, чтобы обнаружить эту связь явлений как некую сеть формальных отношений.

Если коллокация — это обычное окружение конкретных слов, то коллигация — это связь целых классов или категорий слов. В английском предложении *I watched him* 'Я наблюдал за ним' с грамматической точки зрения существенны связи не между словами *I, watched* и *him*, но между теми категориями, экспонентами которых эти слова являются, т. е. связи между личным местоимением 1-го лица ед. ч. в именительном падеже, прошедшим

⁸⁶ См.: T. F. Mitchell. The active participle in an Arabic dialect of Cyrenaica. — BSOAS, 1952, vol. 14, pt 1. — О понятии контекстуализации на уровне грамматики см. также: W. S. Allen. Structure and system in the Abaza verbal complex. Hertford, 1956, стр. 164.

⁸⁷ H. F. Simon. Two substantival complexes in Standard Chinese. — BSOAS, 1953, vol. 15, pt 2, особ. стр. 327—328.

временем переходного глагола и личным местоимением 3-го лица в косвенном падеже⁸⁸. В соответствии с этим коллигация представляет собой один из видов грамматической абстракции, служащей раскрытию контекстуальных отношений различных форм на уровне грамматики. Подобно коллокации на уровне лексики, коллигация тоже способствует установлению значения формы, но только в ином его аспекте — грамматическом.

Интересно отметить, что в конечном счете методика контекстуализации формы приводит к установлению сопологающихся форм, т. е. того, что в американской дескриптивной лингвистике получает наименование окружения (*environment*), или релевантного обрамления (*frame*)⁸⁹. Различие номенклатуры не может скрыть здесь известной общности в поисках объективных критериев лингвистического анализа. Особого внимания заслуживает в этой связи работа Фёрса «Употребление и распределение некоторых английских звуков», написанная им в 1935 г.⁹⁰

Утверждая в этой работе, что с помощью фонетической контекстуализации отождествление всех английских гласных сможет произвести даже фонетист, незнакомый со значениями английских слов, Фёрс приводит в доказательство употребление каждой из гласных «в различных сходных контекстах между начальным *b* и конечным *d*», т. е. серию [bi : d], [bid], [bed], [bæ d] [bɔ : d] и т. п. Таким образом то, что здесь именуется «фонетическим контекстом», любой американский лингвист назвал бы окружением. Более того, в развернутом виде здесь излагается и методика подбора примеров, получившая впоследствии название методики «минимальных пар»⁹¹ — в соответствии со своей теорией Фёрс называет ее контекстуализацией. Если учесть, что понятия «окружения» и «распределения» были разработаны американскими дескриптивистами лишь в 40-е годы⁹², остается только пожалеть, что эта интересная статья Фёрса не получила должного признания в мировом языкознании и не была вовремя оценена по достоинству.

Хочется также отметить и то, что если американские ученые не дали точного определения понятию окружения (см. выше, стр. 207), а в практике своей работы были в основном ограничены установлением непосредственного фонетического окружения лин-

---

⁸⁸ J. R. Firth. A synopsis of linguistic theory, стр. 13—14.

⁸⁹ См., например: Э. Хауген. Направления в современном языкознании. «Новое в лингвистике», вып. I. М., 1960, стр. 254—255.

⁹⁰ J. R. Firth. The use and distribution of certain English sounds. Phonetics from a functional point of view. — PiL, стр. 34—46.

⁹¹ См. Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, стр. 49 и сл.

⁹² Ср., например, по данным Э. Хэмпса (E. Hamp. A glossary of American technical linguistic usage. 1925—1950. Utrecht—Antwerp, 1957, стр. 27 и др.).

гвистических форм⁹³, то в школе Фёрса была сделана попытка исследовать окружение на всех и чаще на более высоких уровнях языка и дать этому понятию более точное терминологическое определение. Несмотря на то, что в практике лингвистического анализа лондонцев методика контекстуализации языковых единиц путем коллокации (на уровне лексики) и коллигации (на уровне грамматики) была пока использована в основном лишь применительно к неевропейским языкам⁹⁴, есть все основания предполагать, что применение этого метода может привести к весьма ценным результатам: проблема установления релевантного окружения формы или проблема установления связей между сопряженными формами есть по существу проблема моделирования в языке, проблема системности языковых фактов.

Проблема моделирования в языке ставится представителями фёрсовского направления и в другом аспекте: резко критикуя в лингвистической теории американских ученых следование формальным процедурам, приводящим лишь к установлению мельчайших единиц описания — фонемы и морфемы, английские ученые ставят своей задачей определение более объемных разрядов языкового моделирования. Именно в этом плане ими ведется полемика с американскими лингвистами по поводу морфемы. По мнению лондонцев, ей необоснованно приписываются такие признаки, которые на самом деле присущи единицам более высокого уровня — слову и более длинным отрезкам высказывания⁹⁵. В этом же русле оформляется и мысль о необходимости ввести на фонологическом уровне новую единицу описания — просодию (см. подробнее ниже). С идеей нового описания центральных единиц языкового моделирования связано, наконец, и введение в практику лингвистического анализа таких категорий, как «система» и «структура». Оперирование этими категориями является здесь логическим следствием того, что отправной точкой исследования служат более крупные отрезки высказывания — слова,

---

⁹³ Известным исключением здесь является, пожалуй, попытка определить диагностическое окружение формы у З. Харриса (см.: Z. Harris. *Methods in structural linguistics*. Chicago, 1951, стр. 256), однако и здесь в качестве показательных примеров выбираются сочетания с флексиями, т. е. опять-таки исследуется непосредственное окружение. В отличие от этого для английских ученых более показательным стремление установить релевантное, но далеко не обязательно соседнее, окружение формы. Речь идет скорее о моделях функционирования различных форм.

⁹⁴ Ср., например: M. A. K. Halliday. *The language of the Chinese «Secret history of the Mongols»*. Oxford, 1959, а также работы, указанные в предыдущих сносках (87, 88 и др.).

⁹⁵ Ср.: J. R. Firth. *A synopsis of linguistic theory*, стр. 21—23; R. H. Robins. *In defence of WP.* — *TPS*, 1959, стр. 127—128; M. A. K. Halliday. *Categories of the theory of grammar*, стр. 286 и др.

предложения или даже определенный текст в целом⁹⁶. По мнению английских ученых, такое исследование позволяет увидеть за языковым материалом не только его минимальные и элементарные составные части, но и более общие способы упорядочения текста — лингвистические категории. Обеспечивая определенную схему научного описания языковых фактов, сами эти категории устанавливаются независимо для каждого языка, и цель их — «отразить существующие в нем системы и структуры»⁹⁷. Два этих понятия следует строго различать, и дифференциация «систем» и «структур» объявляется важным принципом лингвистического исследования⁹⁸. Системы устанавливаются в результате абстракции наблюдаемых отношений на парадигматическом уровне, структуры — в результате абстрагирования на уровне синтагматики⁹⁹. В этом смысле термины «система» и «структура» используются не применительно к языку в целом и даже не по отношению к каким-либо конкретным частям изучаемого языкового материала, но лишь по отношению к тем обобщенным категориям, которые выявит лингвист и которые отразят реальные связи отдельных языковых форм¹⁰⁰.

Внутри структуры, которая, как правило, «горизонтальна», устанавливаются ее составные компоненты — элементы структуры; внутри системы, которая обычно «вертикальна», выделяются ее члены. Каждый из членов системы может подвергнуться коммутации; последнюю следует отличать от сублиституции, которая возможна лишь для любого из элементов структуры¹⁰¹.

Системы объемны и многомерны, они складываются из определенного конечного числа компонентов, каждый из которых является взаимоисключающим. В противовес этому структуры

---

⁹⁶ Как это продемонстрировал М. А. К. Холлидей в своей работе «The language of the Chinese „Secret history of the Mongols“».

⁹⁷ См. М. А. К. Halliday. [Выступление на Эрфуртском симпозиуме]. — В сб.: «Zeichen und System der Sprache», Bd. I. Berlin, 1961, стр. 68, а также J. Ellis. Там же, Bd. II. Berlin, 1962, стр. 46.

⁹⁸ J. R. Firth. A synopsis of linguistic theory, стр. 17 и 30.

⁹⁹ Там же, стр. 5. Ср. также выступление Дж. Карнохана на VIII Международном съезде лингвистов («Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists». Oslo, 1958, стр. 197). Интересно отметить, что необходимость разграничения понятий «система» и «структура» в советском языковедении подчеркивалась А. А. Реформатским. В отличие от английских ученых он, однако, считает, что «система — это связь и взаимосвязь по горизонтали, а структура — это связь и взаимосвязанность по вертикали» (см.: А. А. Реформатский. Принципы синхронного описания языка, стр. 30; он же. Что такое структурализм? — ВЯ, 1957, № 6, стр. 28—29).

¹⁰⁰ На вопрос о том, в каких отношениях стоят языковые категории к языковой системе, Дж. Эллис на Эрфуртском симпозиуме ответил, что «лингвистическая категория образует простую или относительно простую лингвистическую систему». См. сб.: «Zeichen und System der Sprache», Bd. I, стр. 51.

¹⁰¹ J. Carnochan. Glottalization in Hausa. — TPS, 1952, стр. 79.

одномерны и в каждой из них действительна лишь одна единица измерения¹⁰².

Системы устанавливаются в определенных местах структуры, и только это гарантирует их релевантность. Этот принцип, по мнению В. Аллена, прямо противоположен тем вариантам «структуральной» лингвистики, которые оперируют всеобъемлющими, тотальными системами, оторванными от их фактического положения в той или иной структуре¹⁰³. В этом отношении проявляется большая близость лингвистов Лондонской школы к представителям Пражского лингвистического кружка (особенно к Р. Якобсону), которые еще в своих «Тезисах» 1929 г. выдвинули положение о том, что «ни одно явление в языке не может быть понято без учета системы, к которой этот язык принадлежит»¹⁰⁴. Аналогичные высказывания встречаются и у Фёрса: так, попадая в разный лингвистический контекст, одна и та же языковая категория приобретает разное значение: именительный падеж в четырехпадежной системе отличен от этой же категории в двухпадежной или четырнадцатипадежной системе¹⁰⁵.

Принципиальное сходство в требованиях учета системного положения той или иной языковой единицы не означает, однако, что понятие системности языковых явлений мотивируется в двух указанных направлениях одинаково. Напротив, если члены Пражского лингвистического кружка исходят в своей работе из допущения о системном характере языка и подчеркивают всячески условный характер этого допущения (т. е. отрицают полное упорядочение и «равновесие» лингвистических фактов), то в Лондонской лингвистической группе онтологическая природа системности языка отрицается¹⁰⁶.

К понятию системности языка английские ученые приходят окольным путем — лишь в результате сопоставления лингвистических явлений с биологическими, параллелизм которых видят в тенденции тех и других способствовать сохранению жизни (the conservation of the pattern of life)¹⁰⁷. В то же время, несмотря на подобные расхождения в понимании причин системности языковых фактов, трактовка рассматриваемого понятия

¹⁰² R. H. Robins. Formal divisions in Sundanese. — TPS, 1953, стр. 109, прим. 2. — Иное понимание этого вопроса изложено в работе: W. S. Allen. Structure and system...

¹⁰³ W. S. Allen. Там же, стр. 131.

¹⁰⁴ Тезисы Пражского лингвистического кружка. — В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1960, стр. 69.

¹⁰⁵ См.: J. R. Firth. General linguistics and descriptive grammar, стр. 227. — Сходные мысли высказывались в это время и многими советскими языковедами.

¹⁰⁶ J. Vachek. The London group of linguistics, стр. 108. — Особенно категорические высказывания по этому поводу принадлежат В. Аллену (см.: W. Allen. On the linguistic study of languages, стр. 14).

¹⁰⁷ J. R. Firth. The semantics of linguistic science, стр. 143.

в конечном итоге оказывается во многом одинаковой: интересно отметить, например, что обе школы приходят к выводу о сложном характере языковой системы, т. е. о том, что язык является по существу системой систем (или подсистем)¹⁰⁸. Как это сформулировано английскими учеными, язык «многоструктурен» и «полисистемен»¹⁰⁹, и описать его как некую единую структуру или одну систему вряд ли возможно. Ошибочно, по их мнению, и представление о языке как сумме или конгломерате систем: любая лингвистическая категория — это результат абстрагирования какой-либо одной особенности языковой формы, реально функционирующей в определенном языке в тесной связи и неразрывном взаимодействии с другими формами. Существует лингвистический спектр: выделение в нем отдельных компонентов и объективно и условно одновременно.

Абсолютных граней нет поэтому и между категорией системы, с одной стороны, и категорией структуры, с другой. Все зависит от избираемой точки зрения, и поскольку одно и то же явление может изучаться одновременно и с синтагматической, и с парадигматической точек зрения, оно может представлять собой и экспонент структуры и экспонент системы. Более того, «один и тот же формальный отрезок (item) может в одно и то же время и в одинаковом смысле быть экспонентом определенной лингвистической единицы (a unit), структуры (a structure), элемента структуры (an element of a structure), класса (a class) и члена какой-либо системы (a term in a system)», — утверждает М. А. К. Холлидей¹¹⁰. Начиная анализ языка, исследователь как бы все глубже проникает в механизм его функционирования, но экспонентом различных категорий может оставаться одна и та же форма. Выявление же конкретной категории связано с относительной «глубиной» анализа, т. е. подчиняется определенному уровню абстракции. Лингвистический анализ выступает поэтому всегда как анализ послойный, или уровневый. Переходим к краткой характеристике его принципов.

Определяя сущность своей теории, Фёрс неоднократно указывал, что она является монистической¹¹¹. Отрицая дуализм направлений сосюррианского толка и ставя под сомнение целе-

---

¹⁰⁸ В этом отношении английские ученые близки к пониманию системы языка в советском языкознании.

¹⁰⁹ J. R. Firth. A synopsis of linguistic theory, стр. 30.

¹¹⁰ М. А. К. Halliday. The categories of the theory of grammar, стр. 265.

¹¹¹ См., например: J. R. Firth. General linguistics and descriptive grammar, стр. 226—227; он же. A synopsis of linguistic theory, стр. 2. Ср. также: G. L. Bursill-Hall. From Anglo-Canadian Publications. —

сообразность теоретической дифференциации плана выражения и плана содержания в духе Л. Ельмслева, он писал: «Мой собственный подход к значению в языке был всегда независим от таких дихотомических концепций, как ум и тело, язык и мышление, слово и понятие, signifiant и signifié, выражение и содержание»¹¹². Подобные дихотомии, по его мнению, — совершенно ненужная обуза (nuisance), и они должны быть отброшены¹¹³. В связи с этим Фёрс отрицает и принципиальное различие между анализом формальным и анализом семантическим. По Фёрсу, когда мы изучаем форму высказывания, мы тем самым вскрываем и часть его содержания, а потому любой лингвистический анализ направлен, по своей сути, на раскрытие значения. Различие заключается лишь в том, что в зависимости от используемых при этом технических приемов или процедур обнаруживаются разные аспекты функционирования формы, т. е. разные стороны значения¹¹⁴ (см. также стр. 323—324). Выбор же этих приемов при спектральном анализе обусловлен уровнем исследования, под которым понимаем определенную ступень абстракции от структуры языка¹¹⁵.

Предупреждая о том, что понятие уровня в практике Лондонской школы не соответствует тому, что называется этим термином у американских ученых, следующих по стопам Л. Блумфилда¹¹⁶, Фёрс призывает учитывать качественное своеобразие абстракции при исследовании разных языковых явлений: «Лишь удостоверившись в социальной реальности данных на социологическом уровне языка, „спектральный“ анализ приступает к разложению комплексного значащего намерения на семантические, грамматические, лексические, фонологические и фонетические компоненты, с каждым из которых имеют дело на соответствующем уровне абстракции и применяя особые технические приемы»¹¹⁷.

Специфика уровневого анализа в понимании английских ученых стала предметом обсуждения на VIII Международном съезде лингвистов. Как показано в докладе К. Пайка¹¹⁸,

---

JLAL, 1962, vol. 28, № 4, стр. 256; L. J. Prieto [Рец.] J. R. Firth. Papers in linguistics; Studies in linguistic analysis. «Words», 1958, vol. 14, № 1, стр. 84 и др.

¹¹² Ср. J. R. Firth. Modes of meaning, стр. 192; Он же. Applications of general linguistics, стр. 2 и цит. выше работы.

¹¹³ J. R. Firth. General linguistics and descriptive grammar, стр. 227.

¹¹⁴ Ср.: R. H. Robins. John Rupert Firth, стр. 194.

¹¹⁵ См. об этом подробнее в работе Фёрса «Modes of meaning» (стр. 192 и сл.).

¹¹⁶ J. R. Firth. A synopsis of linguistic theory, стр. 7.

¹¹⁷ J. R. Firth. Atlantic linguistics, стр. 170—171.

¹¹⁸ См.: K. L. Pike. Interpenetration of phonology, morphology and syntax. «Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists», стр. 364 и сл., особ. 367—368.

лондонцы отличаются, с одной стороны, от тех языковедов, которые ратуют за строгую сепаратизацию отдельных уровней исследования и за описание каждого из более высоких уровней в единицах более низкого уровня (их Пайк называет компарменталистами). С другой стороны, лондонцы не приемлют и такой методики анализа, когда считают невозможным строго разграничить явления разных уровней (таковы, по мысли Пайка, интегралисты). Представители Лондонской школы характеризуются Пайком как «абстракционисты» на том основании, что в качестве отправной точки анализа можно, по их мнению, выбрать любую лингвистическую форму, причем для ее характеристики будут важны данные как более низких, так и более высоких уровней¹¹⁹. Обобщение же, или абстракция, возможны в любом месте структуры или системы языка. Важно лишь, чтобы сведения об изучаемой форме были представлены в виде согласующихся, а не взаимоисключающих данных. Одним из главных понятий уровневого анализа является в этом плане понятие согласования или непротиворечивости данных (*congruency of statement*)¹²⁰. Имеется в виду, что констатация фактов на одном уровне должна быть представлена в таком виде, чтобы облегчить и упростить подачу материала на другом уровне. Согласно этой точке зрения, лингвист с самого начала должен предусмотреть тот наиболее рациональный способ изложения или классификации, при котором выбор единиц описания отвечал бы принципам компактности, экономности, простоты и т. д. сразу на нескольких уровнях исследования. При возможности различной интерпретации материала на фонологическом уровне следует предпочесть ту, которая упрощает описание на уровне грамматики¹²¹.

---

¹¹⁹ Отсюда понятие «переключения» с одного уровня на другой (*shunting*), которое не следует путать с понятием «смешения» или «взаимопроникновения» уровней. Речь, таким образом, идет о комплексном учете любых признаков формы. Эту сторону недостаточно учитывают К. и Ф. Вёглины (С. F. and F. M. Voegelin. *On the history of structuralizing in 20th century America. «Anthropological linguistics», 1963, vol. 5, № 1, стр. 29—30*), указывающие на известную зависимость тагемемики К. Пайка (т. е. интегралиста) от учения Фёрса—Холлидея. Замечание К. и Ф. Вёглинов о якобы «смешанной стратегии» Фёрса—Холлидея следует отнести скорее к порядку рассмотрения одного и того же явления, но не к уровневому анализу как таковому. В требовании разграничения отдельных уровней исследования лондонцы, пожалуй, более близки компарменталистам.

¹²⁰ Ср., например: R. K. Sprigg. *Junction in spoken Burmese.* — SLA, стр. 135, а также: G. L. Bursill-Hall. Указ. соч., стр. 257.

¹²¹ Ср., например, аргументацию Р. Спринга по этому поводу в работе: R. K. Sprigg. *Vowel harmony in Lhasa Tibetan: prosodic analysis applied to interrelated vocalic features of successive syllables.* — BSOAS, 1961, vol. 24, pt 1, стр. 135—138.

Критикуя эти положения лондонцев, Р. Фаукс отмечает, что ему непонятно, как можно практически заранее предусмотреть «согласование» данных¹²², и подобное требование кажется ему неосуществимым. Естественно, что с точки зрения обязательного описания языка в терминах фонем и морфем специфика многих явлений оказывается на втором плане. Но ведь, как мы уже говорили выше, лондонцы стоят в принципе за описание *ad hoc*, и любые предвзятые схемы описания кажутся им недопустимыми. «Наука не должна навязывать своих систем языку, — писал Фёрс, — она должна отыскивать их в речевой деятельности и, обнаружив их, излагать факты, используя для этого адекватный язык»¹²³.

Следствием указанных теоретических соображений явился в Лондонской школе отказ от сведения всего многообразия фонологических данных к фонеме и резкая критика фонемного принципа, проповедуемого американскими лингвистами (см. гл. III, сн. 34)¹²⁴. По мнению английских ученых, описания многих, особенно неиндоевропейских языков целесообразнее проводить не в терминах фонемы. Так, Р. Робинс, исследуя грамматические особенности сунданского глагола¹²⁵, пришел к выводу, что правила словоизменения удобнее всего описать, введя новую единицу — просодему назальности. В терминах этой единицы то, что казалось раньше произвольной субституцией одних звуков другими (ср. *pikir, mikir* 'думать'), можно представить в виде трех простых формул, констатирующих в фонологической записи правила формообразования сунданского глагола.

Аналогичными рассуждениями наполнена и статья Дж. Карнохана, посвященная анализу глагола в языке хауса¹²⁶. Здесь продемонстрировано, что формальной характеристикой, служащей основанием для выделения семи видовых категорий глагола, является глоттализация. С фонологической точки зрения ее нельзя свести к фонеме, но так как для констатации грамматических правил нужна фонологическая единица — ею можно считать просодему глоттальности.

Как показал М. А. К. Холлидей, фонологический строй пекинского диалекта китайского языка может быть описан благодаря

¹²² R. A. Fowkes. [Ред.] *Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists*. «Word», 1960, vol. 16, № 3, стр. 403.

¹²³ J. R. Firth. *The semantics of linguistic science*, стр. 144.

¹²⁴ В особенности на VIII Международном съезде лингвистов в Осло — ср. выступления Дж. Карнохана (стр. 492—493), Э. Уитли (стр. 485—486), поддержанных Э. Фишер-Йоргенсен (стр. 497) и даже Р. Якобсоном (стр. 491). Ср. также более ранние высказывания Фёрса по этому поводу в работах «*Sounds and prosodies*» (PiL, стр. 123) и «*The semantics of linguistic science*» (стр. 145—146).

¹²⁵ R. H. Robins. *The phonology of the nasalized verbal forms in Sundanese*. — BSOAS, 1953, vol. 15, pt 1, особ. стр. 144—145.

¹²⁶ J. Carnochan. *Glottalization in Hausa*, стр. 109.

введению такой единицы измерения, как слог¹²⁷ и т. д. Подобные примеры можно было бы умножить, но и приведенных данных, по всей вероятности, достаточно, чтобы утверждать, что идея оперирования некоторыми новыми единицами описания, выделяемыми на разных уровнях изучения языка, оказалась в целом весьма плодотворной.

Вообще в целом следует отметить, что понятие уровневого анализа было здесь применено гораздо шире, чем в дескриптивной лингвистике (см. стр. 198 и сл.), и разработано более детально. Так, широкому обсуждению здесь подверглись такие вопросы, как иерархия уровней¹²⁸, формы взаимосвязи между отдельными уровнями языка¹²⁹, порядок рассмотрения лингвистических явлений на разных уровнях и т. д. и т. п.

Предлагая дифференцировать программу исследования (по ступеням анализа) и последовательность изложения материала¹³⁰, английские лингвисты в общем обычно рекомендуют начинать исследование с рассмотрения более высоких уровней языковой структуры и постепенно переходить к анализу более низких уровней¹³¹. Положение о нисходящем пути исследования мотивируется здесь тем, что лишь при таком подходе от внимания лингвиста не ускользают наиболее существенные черты языкового моделирования — «инструментальные», т. е. функциональные значимости отдельных языковых явлений и форм¹³².

Хотя обратный порядок изложения или анализа материала в принципе не отвергается¹³³, в большинстве случаев он признается нецелесообразным или даже логически неоправданным. Крайнюю позицию в этом вопросе занимает В. Хаас. Рецензируя книгу А. Хилла, в которой описание системы английского языка строится по принципу «от звука к предложению»¹³⁴, В. Хаас отмечает, что здесь искажается понятие об иерархии языковых уров-

---

¹²⁷ M. A. K. Halliday. The language of the Chinese «Secret history of the Mongols», стр. 192 и сл.

¹²⁸ F. R. Palmer. Linguistic hierarchy.

¹²⁹ См., например, специальную работу Р. Робинса, посвященную проблеме соотношения фонологического и грамматического уровней исследования: R. H. Robins. Some considerations on the status of grammar in linguistics.

¹³⁰ См. F. R. Palmer. Linguistic hierarchy, стр. 228.

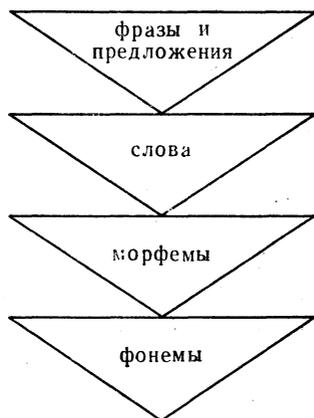
¹³¹ Ср.: J. R. Firth. Atlantic linguistics, стр. 171, особенно сноска 1, где Ферс указывает, что подобная программа исследования была предложена им еще в 30-е годы и что она нашла поддержку со стороны А. В. Исаченко; M. A. K. Halliday. Some aspects of systematic description and comparison in grammatical analysis. — SLA, стр. 58, особенно прим. 3.

¹³² W. Haas. Linguistic structures. «Word», 1960, vol. 16, № 2, стр. 263 (разбор этой работы Хааса см. также выше, стр. 279—280).

¹³³ Ср.: J. R. Firth. Modes of meaning, стр. 192; Он же. A synopsis of linguistic theory, стр. 7.

¹³⁴ A. A. Hill. Introduction to linguistic structures: from sound to sentence in English. N. Y., 1958.

ней¹³⁵. По образному его выражению, система языка, рассматриваемого «экспансионистски», предстает перед нами в виде серии перевернутых треугольников, образующих весьма шаткую и неустойчивую структуру:

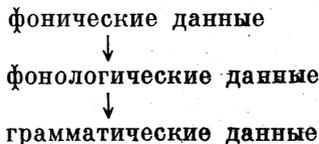

ударение, тон, суперфиксы
ударение, тон, морфемы
стык (juncture)

ударение, стык, тон

Как видно из приводимой схемы, каждый из таких треугольников соприкасается со следующим лишь в одной точке (уже это, по его мнению, неверно отражает связи между различными уровнями), так что в целом малейший сдвиг угрожает разрушением всей пирамиде¹³⁶. Не логичнее ли, замечает В. Хаас, перевернуть пирамиду и поставить ее на твердую основу, приступая к исследованию с анализа языковых высказываний?

Подчеркивая сложность отношений, складывающихся между различными уровнями языковой структуры, а также невозможность однопланового и изоморфного описания высших и низших уровней, английские ученые выдвигают мысль о том, что отдельные уровни связаны между собой вполне определенными, по качественно различающимся способам¹³⁷. В каждом особом случае эти отношения варьируются, но в принципе прямолинейных соответствий фонетического, фонологического и грамматического не наблюдается. Поэтому названные отношения могут быть представлены не в виде схемы:

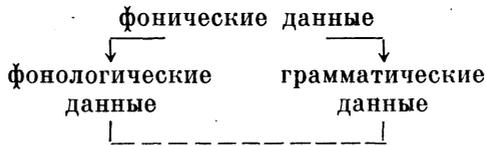

¹³⁵ W. H a a s. *Linguistic structures*, стр. 267.

¹³⁶ Там же, стр. 267—268.

¹³⁷ Ср., например: F. R. P a l m e r. *Linguistic hierarchy*, стр. 241.

которая бы предполагала переход от одного уровня на другой в форме элементарной корреляции, но в виде схемы:

которая демонстрирует, что хотя фонологические и грамматические данные одинаково опираются на данные фонетические, характер связи между первыми и вторыми носит опосредствованный характер¹³⁸.

Таким образом, одна и та же фонетическая данность, обладая разной значимостью на разных уровнях, должна получить разную интерпретацию в фонологии и грамматике¹³⁹, причем для того, чтобы связать фонологические явления с грамматическими, приходится прибегать к «переводу», т. е. к своеобразному перекодированию. «Может оказаться, — писал Фёрс, — что экспоненты разных фонологических категорий смогут служить также и в качестве представителей синтаксических категорий. Но может случиться и так, что экспоненты ряда грамматических категорий потребуют особых описаний — описаний *ad hoc* или каких-либо прямых фонетических описаний»¹⁴⁰. Следует, однако, строго различать, что именно является экспонентом какой-либо категории, а что отражает (или не отражает) ее сущности. Такой фонетический (или орфографический) ярлык как «санскритский корень *sad-*» по существу скрывает за собой реально функционирующие единицы: *satsyati*, *asiṣadat*, *saśāda*, *sedur*, *sīdati* и т. п., и мы совершаем ошибку, говоря, например, что в определенных условиях *sad-* становится тем-то и тем-то, — он является таковым по своей природе¹⁴¹. Чтобы избежать ошибок подобного рода, надлежит для называния лингвистических категорий пользоваться не фонетическими или орфографическими отрезками (типа англ. I для называния личного местоимения 1-го лица ед. ч. им. п.), но условными обозначениями. Последние не вызовут нежелательных ассоциаций

¹³⁸ W. S. Allen. *Structure and system...*, стр. 145; Он же. [Выступление на VIII Международном съезде лингвистов]. «*Proceedings...*», стр. 375—376.

¹³⁹ R. H. Robins. *John Rupert Firth*, стр. 197; ср. также работу Дж. Карнохана, в которой фонетическое явление — геминация — рассматривается как экспонент разных категорий на фонологическом и грамматическом уровнях: J. Carnochan. *Gemination in Hausa*. — SLA, стр. 149—181.

¹⁴⁰ J. R. Firth. *A synopsis of linguistic theory*, стр. 16.

¹⁴¹ См.: W. Allen. *Structure and system...*, стр. 144.

и не будут рождать неправильных представлений о характере связей между фонетическим и другими уровнями языка.

Следует все же возразить английским ученым, ибо, хотя, быть может, с точки зрения научной точности подобная постановка вопроса и оправдана, задача создания метаязыка лингвистического исследования должна преследовать также и цели простоты изложения. Вплоть до настоящего времени, однако, большинство попыток введения условных обозначений и формул было достаточно неудачным, ибо затрудняло, а не облегчало знакомство с соответствующим материалом. Думается, что и упреки, обращенные непосредственно к английским ученым¹⁴² (за сложность и тяжеловесность изложения), в значительной мере обоснованны. К тому же весьма не просто провести разграничительную черту между подобной техникой изложения и той алгебраизированной лингвистикой, против которой возражали сами лондонцы, критикуя Л. Ельмслева.

Характеризуя позицию английских языковедов в отношении принципов уровневого анализа, следует отметить также как положительный факт то, что вопросы процедуральные (порядок проведения анализа, выбор отправной точки исследования, определение единицы измерения и т. д.) были здесь теоретически отграничены от постановки и решения вопроса о мере зависимости и взаимодействия разных уровней языка. По-видимому, у представителей Лондонской группы не вызывает сомнения, что ни одному из уровней не следует приписывать иерархической значимости¹⁴³. Точка зрения лондонцев отчетливо сформулирована М. А. К. Холлидеем. «Я бы сказал, — пишет Холлидей, — что существует упорядоченность в отношениях между уровнями, но: а) здесь нет иерархии и б) нет определенного (обязательного) направления в проведении исследования»¹⁴⁴ (подчеркнуто мною. — *Е. К.*).

Естественно, что если исходить из понятия уровня как определенной абстракции в условно выбираемой точке структуры, то число возможных уровней исследования может варьироваться. Э. Хауген, указывая, что Фёрс в разных работах называет разное количество уровней языка (фонетический, лексический, морфологический, синтаксический, семантический¹⁴⁵, или фонэстетический, фонетический, фонологический, просодический, грамма-

---

¹⁴² См., например: R. P. Stockwell. [Рец.] «Studies in linguistic analysis». — IJAL, 1959, vol. 25, № 4, стр. 259; C. E. Bazell. [Рец. на ту же работу]. — BSOAS, 1959, vol. 22, pt 1, стр. 183 и др.

¹⁴³ См.: J. Carnochan. Выступление на VIII Международном съезде лингвистов. «Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists», стр. 197.

¹⁴⁴ М. А. К. Halliday. The categories of the theory of grammar, стр. 248, прим. 20.

¹⁴⁵ См., например: J. R. Firth. The technique of semantics, стр. 33.

тический и коллокационный¹⁴⁶), рассматривает это как теоретическую неясность¹⁴⁷. Дело, однако, заключается как раз в том, что, по мнению лондонцев, априорное установление конечного числа уровней анализа неправомерно. Несмотря на известную привлекательность подобной точки зрения, следует все же, по видимому, полагать, что уровни анализа должны прежде всего отражать уровни структурирования языкового материала. Последние же объективно демонстрируют настолько значительное сходство в общих принципах упорядочения языковых фактов, что беспредельное выделение новых уровней анализа, по всей вероятности, и невозможно. Релятивизм указанной точки зрения опровергается и всем ходом развития нашей науки, приведшим к установлению более или менее четко отграниченных разделов языкознания, каждому из которых соответствует определенный уровень анализа. Фактически и в конкретных работах лондонцев разработанными оказались ситуационный уровень языка (см. выше), фонологический и грамматический.

Переходим к краткой характеристике того, какое реальное содержание вкладывалось представителями Лондонской лингвистической школы в понятия фонологического и грамматического уровней языка.

Хотя область грамматики была освещена представителями Лондонской лингвистической школы гораздо менее полно, чем область фонологии, в целом здесь — особенно в последние годы — наблюдается заметное оживление¹⁴⁸. В работах В. Хааса, Р. Робинса, М. Холлидея и ряда других английских ученых отчетливо выражена тенденция сформулировать некоторые теоретические установки по вопросам грамматического анализа и вынести их на широкое обсуждение.

Определяя грамматику как научную дисциплину, имеющую дело с самыми общими категориями¹⁴⁹, лондонцы указывают

---

¹⁴⁶ См. J. R. Firth. *Modes of meaning*, стр. 192 и сл., где выделяется также и орфографический уровень.

¹⁴⁷ E. Haugen. [Рец.] J. R. Firth. *Papers in linguistics*, стр. 501.

¹⁴⁸ Ср., например, такие работы, как: R. H. Robins. *Some considerations on the status of grammar in linguistics*; Он же. *Syntactic analysis*. «Archivum Linguisticum», vol. 13, 1961, fasc. 1; M. A. K. Halliday. *Some aspects of systematic description and comparison in grammatical analysis*; Он же. *Categories of the theory of grammar*; W. Haas. *On defining linguistic units*; Он же. *Linguistic structures*.

¹⁴⁹ Ср. H. E. Palmer. *A grammar of spoken English*. Cambridge, 1939, стр. XXIX; R. H. Robins. *Ancient and mediaeval grammatical theory in Europe. With particular reference to modern linguistic doctrine*. London, 1951, стр. 93.

также на то, что эта область языкознания оперирует в основном лишь замкнутыми системами¹⁵⁰; остальное, что не может быть отнесено к области этих замкнутых систем, является предметом изучения в лексикологии¹⁵¹.

В более узком смысле слова грамматика — это область языкознания, противопоставленная фонологии. Хотя обе эти формальные дисциплины изучают два главных способа структурирования языковой данности, присущих каждому языку, и в этом смысле их исследование равно существенно, описания на фонологическом уровне должны быть поставлены в зависимость от описаний грамматики. Их цель — обеспечить в первую очередь адекватность анализа фактов на грамматическом уровне¹⁵². Остаётся, однако, неясным, возможен ли в принципе грамматический анализ текста без предварительного фонологического обследования языка или нет¹⁵³. По-видимому, рекомендуемый здесь нисходящий порядок рассмотрения материала не исключает вместе с тем и необходимости одновременного учета тех фонологических данных, которые служат реализации анализируемых грамматических категорий¹⁵⁴.

В современном языкознании, пишет Р. Робинс, обычно усматривают различие между фонологией и грамматикой в том, что первая будто бы имеет дело с единицами, не наделенными значением, в то время как грамматика занимается значащими отрезками высказывания. Подобное мнение, однако, ошибочно¹⁵⁵. Следуя этой точке зрения, мы должны были бы признать, что морфема — этот минимальный грамматический отрезок — наделена значением и является минимальным «переносчиком» семантических ценностей. В понимании лондонцев, однако, грамматика отражает принципы формального моделирования и потому ее

¹⁵⁰ Под замкнутыми системами здесь понимаются системы, число членов которых ограничено и введение нового члена в которую меняет всю систему и значение всех остальных членов.

¹⁵¹ См. M. A. K. Halliday. *Categories of the theory of grammar*, стр. 246—247.

¹⁵² J. R. Firth. *General linguistics and descriptive grammar*, стр. 222.

¹⁵³ См. по этому поводу: R. H. Robins. *Some considerations...*, стр. 103 и 112, где проводится мысль о том, что грамматический строй языка может быть восстановлен по тексту более полно, чем фонологический, несмотря на то, что ряд фонических черт в этом тексте вообще не находит никакого изображения.

¹⁵⁴ Так, судя по конкретным работам английских ученых, трудно было бы представить себе описание грамматической структуры сунданского глагола без анализа явлений назализации (см. R. H. Robins. *The phonology of the nasalized verbal forms in Sundanese*), или описание глагола в одном из кушитских диалектов вне исследования моделей высоты тона и гармонии гласных (см. F. R. Palmer. *The verb in Bilin*. — BSOAS, 1957, vol. 19, pt 1) и т. д.

¹⁵⁵ См. R. H. Robins. *Some considerations...*, стр. 93.

компоненты не могут определяться на основе их семантических ассоциаций¹⁵⁶.

«В описании грамматической системы, — писал Фёрс, — главный принцип заключается в том, чтобы избежать априорных классификаций и устанавливать лишь те лингвистические различия, которые выражены формально»¹⁵⁷. Требования объективного анализа, опирающегося на формальные критерии, отчетливо сформулированы и в работах других представителей Лондонской лингвистической группы. Таким образом, грамматика, которая, по мнению английских лингвистов, как и всякий уровень структуры языка, отражает лингвистическое значение, сама должна изучаться вне обращения к семантическим факторам. Исключение последних в качестве релевантных признаков лингвистической формы не означает, однако, что лингвист производит грамматический анализ, не учитывая значения. Это не так, поскольку основным допущением лингвистики является допущение, что в ней оперируют не бессмысленными, а значащими отрезками высказывания, содержание которых, разумеется, известно лингвисту. Такое «неаналитическое» знакомство с языком составляет органическую, неотъемлемую часть лингвистического исследования¹⁵⁸.

Для того чтобы определить англ. *wheat* 'пшеница' и *oats* 'овес' соответственно как существительные единственного и множественного числа, нам, однако, не надо обращаться к реальному лексическому содержанию слов, и мы анализируем их на основе их функционирования в таком контексте, как *Wheat is a standard crop* в отличие от контекста *Oats are a standard crop*.

«Значения используются не для того, чтобы установить грамматические категории, — пишет Р. Робинс, — но лишь для того, чтобы назвать их там, где это удобно, после того как их статус как грамматических категорий был определен с помощью формальных критериев»¹⁵⁹.

Фундаментальными категориями грамматического анализа являются структуры и системы (см. выше), классы и лингвистические единицы. Только они необходимы, чтобы исчерпать все грамматические модели исследуемого языка¹⁶⁰.

¹⁵⁶ См. резкую критику этого положения со стороны представителей английского традиционного языкознания в работе: P. Hacker. On the problem of a method for treating the compound and conjunct verbs in Hindi. — BSOAS, 1964, vol. 24, pt 3, стр. 501 и сл.

¹⁵⁷ J. R. Firth. General linguistics and descriptive grammar, стр. 222.

¹⁵⁸ См., например: W. Haas. Relevance in phonetic analysis. «Words», 1959, vol. 15, № 1, стр. 17. Ср. также: R. H. Robins. Some considerations..., стр. 100.

¹⁵⁹ R. H. Robins. Ancient and mediaeval grammatical theory in Europe, стр. 95; ср. также: M. A. K. Halliday. Some aspects of systematic description and comparison in grammatical analysis, стр. 58.

¹⁶⁰ См.: M. A. K. Halliday. The categories of the theory of grammar, стр. 247. Ср. также: J. R. Firth. A synopsis of linguistic theory, стр. 17.

В принципе можно говорить о существовании классов слов, объединяемых по сходству их формального распределения в языке (*formal scatter*)¹⁶¹, и классов слов, объединяемых по характеру функций, выполняемых ими в предложении. Это деление примерно соответствует делению на морфологические и синтаксические классы слов, и в некоторых языках дифференциация этих классов имеет известное оправдание. Выделение морфологических классов, однако, релевантно только в том случае, если слова, входящие в этот класс, выполняют сходные синтаксические функции¹⁶². Естественно, что с этой точки зрения традиционное деление грамматики на морфологию и синтаксис вообще непопулярно, и лондонцы защищают положение о том, что «две эти части грамматики не следует разделять»¹⁶³.

Центральными единицами описания являются в грамматике не только морфема, но слово, группа слов, предложение и т. д. Число таких единиц зависит от анализируемого языка и представляет собой важную черту описания; меньше двух единиц, однако, выделять в языке, по-видимому, невозможно¹⁶⁴. Резко критикуя то, что в дескриптивной лингвистике такой элементарной единице, как морфема, приписываются признаки более объемных и крупных единиц (слов и комплексов слов)¹⁶⁵, английские ученые считают, что через констатацию линейной последовательности морфем и даже правил их аранжировки нельзя установить те отношения, которые складываются в каждом лингвистическом тексте между отдельными языковыми единицами. Но ведь суть структурного анализа заключается как раз в выявлении этих отношений¹⁶⁶.

В схему научного описания языка на уровне грамматики следует поэтому ввести не только понятия различных компонентов (элементов структуры и членов системы), но и понятия о типах отношений, существенных для функционирования этих компонентов. Так, М. Холлидей предлагает описывать грамматический строй языка, оперируя понятием взаимной соподчиненности яв-

---

¹⁶¹ См.: J. R. Firth. *The technique of semantics*, стр. 25.

¹⁶² См.: R. H. Robins. *Ancient and mediaeval theory of grammar in Europe*, стр. 94. — Ср. также указание М. Холлидея, что классами лучше называть определенные синтаксические, а не морфологические разряды слов, оставив для последних (т. е. морфологических группировок) наименование «парадигма». См. М. А. К. Halliday. *The categories of the theory of grammar*, стр. 262.

¹⁶³ R. H. Robins. *Ancient and mediaeval grammatical theory in Europe*, стр. 95; ср. также М. А. К. Halliday. *The categories of the theory of grammar*, где указывается, что деление грамматики на морфологию и синтаксис теоретически не оправдано (стр. 261).

¹⁶⁴ М. А. К. Halliday. *The categories of the theory of grammar*, стр. 252.

¹⁶⁵ См., например: R. H. Robins. *In defence of WP*, стр. 127—128.

¹⁶⁶ См.: W. Haas. *On defining linguistic units*, стр. 58.

лений (rank), которое имеет такое же право на существование, как и понятие формальной реализации категории (exponency) и ее конкретной детализированности (delicacy)¹⁶⁷.

Уточняя характер связей, наблюдаемых между различными языковыми единицами, В. Хаас указывает на два типа отношений в каждом тексте: дистрибутивные, определяющиеся как отношения компонентов единицы к другим единицам того же уровня, и функциональные, определяемые как отношения данной единицы к единицам другого уровня. В свою очередь дистрибутивные отношения делятся на синтагматические, проявляющиеся в совместной встречаемости единиц, и парадигматические, проявляющиеся в возможности взаимозаменяемости единиц, ср. отношения между англ. $p + i + n$ или $t + i + n$ по сравнению с pin , tin , и отношения p , $t... + in$ по сравнению с этими же комплексами¹⁶⁸.

Поскольку наличие парадигматических и синтагматических отношений не означает обязательного существования функциональных отношений (ср. комплекс *ling* в *must not linger* или комплекс *столе у самого* в сочетании *на столе у самого края*), а обратное всегда верно (т. е. наличие функциональных отношений обязательно свидетельствует о факте дистрибутивных отношений), дистрибутивный анализ никогда не может исчерпать анализ всех отношений, релевантных для данного языка. Принципиально важен, следовательно, анализ лишь тех дистрибутивных отношений, которые сопутствуют функциональным отношениям¹⁶⁹. В противном случае он теоретически не оправдан и не вскроет реальных закономерностей использования той или иной формы. «Логика отношений дистрибуции, иногда весьма важных, не может стать главным принципом ни в одной из теорий анализа структур, связанных с установлением значимостей элементов структуры по их соотношению с системами языка», — указывал Фёрс¹⁷⁰.

Оспаривая сведение всех формальных критериев формы к ее дистрибутивным особенностям и резко критикуя неправомерное расширение метода дистрибутивного анализа в американской лингвистике, английские ученые справедливо указывают на ряд принципиальных ограничений, связанных с применением этого метода¹⁷¹. Так, ими доказывается, например, нецелесообразность отождествления лингвистических единиц на основе их дистрибу-

¹⁶⁷ М. А. К. Halliday. The categories of the theory of grammar.

¹⁶⁸ См. подробнее: W. Haas. On defining linguistic units, стр. 56 и сл.

¹⁶⁹ Там же, стр. 59. Ср. также: W. Haas. Relevance in phonetic analysis, стр. 17.

¹⁷⁰ См.: J. R. Firth. A synopsis of linguistic theory, стр. 18.

¹⁷¹ Особенно в указанных выше работах В. Хааса. Ср. также материалы VIII Международного съезда лингвистов («Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists»).

ции — ср. распределение английских существительных и прилагательных перед суффиксом *-ly*: *lovely, manly, но quickly, certainly*. По мысли Дж. Карнохана, следующего в этом отношении за Фёрсом, неправомерным оказывается даже идентификация англ. *p, t* и *k* в начальной, срединной и конечной позициях¹⁷², ибо каждый из указанных звуков в каждой из позиций противостоит разным сериям звуков! Подобная точка зрения, которую проф. Вахек называет номиналистской¹⁷³, действительно, не учитывает не только того факта, что история конкретных языков изобилует примерами, когда звуки, находящиеся в разной позиции, претерпевали вместе с тем аналогичные изменения¹⁷⁴, но и того, что в практике лингвистического анализа следование этой точке зрения может привести к чрезвычайному разобщению принципиально сходных явлений и — как следствие — к фрагментарности и раздробленности описания, против чего сами английские ученые решительно возражают. Справедливости ради следует, однако, отметить, что в целом направление исследовательской работы английских ученых имеет как раз синтезирующий характер¹⁷⁵ и в центре ее внимания оказываются, как мы уже говорили выше, не столько элементарные и минимальные единицы описания, сколько те реальные речевые отрезки, которыми оперирует говорящий. Релевантными для изучаемого языка считаются при этом не только неделимые далее части целого, но и складывающиеся из этих частей конструкции¹⁷⁶ и, главное, отношения между ними.

Используя слова В. Хааса, резко критикующего дескриптивную программу лингвистического анализа «от звука к предложению», можно сказать, что в противоположность дескриптивистам лондонцы придают решающее значение не компонентному, но функциональному анализу, т. е. что описание и определение лингвистических единиц дается не в терминах их составных частей, но в терминах их функций¹⁷⁷. Конечной целью анализа на данном уровне признается поэтому создание функциональной (категориальной) грамматики.

---

¹⁷² См. выступление Дж. Карнохана на VIII Международном съезде лингвистов («Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists»).

¹⁷³ J. V a c h e k. The London group of linguistics, стр. 109.

¹⁷⁴ Там же, стр. 110.

¹⁷⁵ На что указывал еще Фёрс. См.: J. R. Firth. Linguistic analysis and translation, стр. 133.

¹⁷⁶ Так, исследуя китайский текст XIV в., М. Холлидей устанавливает в нем в качестве значимой единицы отрезок высказывания, меньший, чем отдельный параграф, который он называет «куском». Функционируя как нечто целое, такой кусок формально ограничивается определенными частями, т. е. представляет собой особую конструкцию, не всегда тождественную предложению (см.: The secret history... разд. IV).

¹⁷⁷ См.: W. H a a s. Linguistic structures, стр. 262.

Создание функциональной дисциплины — «системной фонетики», или фонологии, — определяет задачи лингвистического анализа и на фонологическом уровне. Характеризуя то направление, которое должны иметь исследования в области фонологии, Фёрс говорит о необходимости построения науки более интегральной, более прагматичной, более функциональной и более «лингвистичной», чем традиционная фонетика¹⁷⁸. Выступая против «моносистемного» описания фонической данности какого бы то ни было языка и сведения всего многообразия фонологических особенностей к понятию фонемы¹⁷⁹, представители Лондонской лингвистической группы выдвигают положение о том, что в принципе следует установить и описать столько фонологических систем, сколько нужно для адекватного соотнесения фонетических данных с грамматическими категориями того или иного конкретного языка. «Фонологическую структуру предложения и слов, из которых оно состоит, следует выразить как множество систем взаимосвязанных между собою фонемных и просодических категорий»¹⁸⁰, — указывает Фёрс. По его мнению, в основе фонемных категорий лежат «определенные признаки одних лишь согласных и гласных, систематически установленных ad hoc для каждого языка»¹⁸¹. Им противостоят просодические категории, базирующиеся на признаках, которые «отмечают начало слова или слога, конец слова или слога, а также стыки слов в отличие от стыков слов, словосочетаний и предложений»¹⁸².

В основе разграничения фонемных и просодических категорий лежит мысль о двояком способе членения потока речи — парадигматическом, с одной стороны, и синтагматическом, с другой.

В ходе парадигматического анализа приходят к установлению фонем, или, как предпочитал говорить Фёрс, фонематических единиц, в качестве которых признаются лишь гласные и согласные¹⁸³. В соответствии с традицией Пражского лингвистического кружка, но в отличие от традиции Английской фонетической школы, фонема определяется как звук, замена которого другим звуком ведет к изменению значения формы. В отличие от обоих этих направлений, лондонцы, однако, отказываются отождествлять фонетически сходные звуки, если они находятся в разных позициях (например, начальной, срединной и конечной, или интервокальной и неинтервокальной) под тем предлогом, что такая идентификация противоречила бы системному положе-

¹⁷⁸ См.: J. R. Firth. The use and distribution of certain English sounds, стр. 34—35.

¹⁷⁹ Как мы уже говорили выше, особенно показательны в этом отношении материалы VIII Международного съезда лингвистов.

¹⁸⁰ J. R. Firth. Sounds and prosodies, стр. 137.

¹⁸¹ Там же, стр. 122.

¹⁸² Там же, стр. 122—123.

¹⁸³ Там же, стр. 122.

нию звука, т. е. тому, что в разных позициях данный звук противопоставлен разным сериям звуков. В связи с этим лондонцам чуждо понятие об архифонеме или о нейтрализации звуков¹⁸⁴.

До сих пор в языкознании разрабатывались преимущественно принципы парадигматического анализа речи, и они были непропорционально расширены, применяясь, в частности, для исследования ударения, интонации и т. д., а потому ряд важных вопросов фонологии отходил на задний план. Наступило время обратиться к синтагматическому членению и освещению его результатов. В первую очередь при этом следует изучать межфонемные и межслоговые связи. Для их характеристики лондонцы и вводят новую фонологическую единицу — просодию.

Термин «просодия» был впервые применен в работах Д. М. Бича, проводившего свои исследования под руководством Д. Джоунза. Термин «просодический» применялся здесь по отношению к явлениям тона, ударения, интонации и т. д.¹⁸⁵ В ином значении использовался этот термин у Н. С. Трубецкого и его последователей: под просодемой понимается минимальная просодическая единица, т. е. слог или мора¹⁸⁶, а под просодическими признаками — в основном признаки, релевантные для построения слога, или даже вершины слога¹⁸⁷. Наконец, иную интерпретацию получают просодические явления в американском языкознании, где под просодемой чаще всего понимают единицу тона, ударения и т. д. конкретного языка¹⁸⁸. В школе Фёрса понятию «просодия» придается настолько большое значение и в него вкладывается настолько специфическое содержание, что многие языковеды говорят об этой школе как о «просодической»¹⁸⁹.

Интерпретируя просодическую концепцию Фёрса и его последователей, пишут обычно, что речь идет здесь о своеобразной трактовке тех же явлений, что описываются в американском языкознании под названием суперсегментных¹⁹⁰. Такая интерпретация, однако, не соответствует действительности. Ведь сущность теории заключается не только в осознании специфики

¹⁸⁴ J. Vachek. The London group of linguistics, стр. 109.

¹⁸⁵ См.: D. Jones. The history and meaning of the term «Phoneme» (Suppl. to «Le Maître Phonétique»). London, 1957, стр. 12—13.

¹⁸⁶ См.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 222.

¹⁸⁷ См., например: Р. Якобсон и М. Халле. Фонология и ее отношение к фонетике. «Новое в лингвистике», вып. II, стр. 247 и сл.

¹⁸⁸ Подробнее см.: A. A. Hill. Suprasegmentals, prosodies, prosodemes. «Language», 1964, vol. 37, № 4, pt 1.

¹⁸⁹ См., например: R. A. Fowkes. [Рец.] Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists, стр. 403.

¹⁹⁰ См., например: A. Cohen. The phonemes of English. The Hague, 1952, стр. 49—50; G. L. Bursill-Hall. J. R. Firth's theories of linguistic analysis. «The Journal of the Canadian Linguistic Association», vol. 6, 1960—1961.

некоторых звуковых характеристик (sound attributes) в отличие от элементарных звуков (sounds) и не только в справедливом требовании изучать те и другие разными методами, но прежде всего в преимущественном интересе к принципам организации связной речи, к синтагматическому ее членению и — в конечном счете — к проблемам фонологической структуры слова. Исследование суперсегментных явлений играет поэтому в учении Фёрса в известном смысле лишь второстепенную роль и центральное место отводится не самим просодическим характеристикам (тону, интонации, ударению), но слогу. «В фонологическом анализе слова главное — это его слоговая структура», — пишет Фёрс¹⁹¹. В этом отношении Фёрс, несомненно, близок Трубецкому, в учении которого слог также рассматривается как фонологически релевантная единица¹⁹². В построении слога Фёрса интересуют в первую очередь не составляющие слога — ими Фёрс считает фонемные единицы, гласные и согласные, но правила его моделирования. Согласно его концепции, «просодические черты слова включают:

1. Число слогов.
2. Природу слогов — открытый или закрытый характер слога.
3. Слоговые (слоγοобразующие) единицы.
4. Последовательность слогов
5. Последовательность согласных
6. Последовательность гласных
7. Позицию, природу и количественную характеристику главного (ударного) слога.

8. Темный или светлый характер слога»¹⁹³.

Из приведенного ясно следует, что описание структуры слова концентрируется вокруг понятия слога. Слоговой, или просодической, — часто пишет Фёрс. Просодии, однако, не исчерпываются одними слоговыми признаками. «Про слоги, как составляющие слова, говорят, что они обладают такими признаками (features), как ударение, долгота, назализация, аспирация, тональность и ряд других. Их можно назвать просодическими признаками, или просто просодиями»¹⁹⁴. В этом определении Фёрса обращает на себя внимание то, что в качестве просодических рассматриваются такие явления, как назализация и т. д. В просодическом анализе существенными оказываются, следовательно, такие характеристики, которые приурочены не к произнесению

¹⁹¹ J. R. Firth. The semantics of linguistic science, стр. 146.

¹⁹² Необходимость введения этого понятия в качестве элементарной фонологической единицы, по своей значимости не уступающей фонеме, была, по-видимому, осознана и американскими лингвистами. См.: K. L. Pike. [Выступление]. «Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists».

¹⁹³ J. R. Firth. Sounds and prosodies, стр. 130.

¹⁹⁴ J. R. Firth. The semantics of linguistic science, стр. 146.

«изолированного» звука¹⁹⁵, но которые могут быть как бы вынесены за скобку по отношению к определенной последовательности звуков. Понятие просодии вводит, таким образом, понятие временной протяженности и направлено против понятия дискретности и линейности звуков¹⁹⁶. На эту сторону учения Фёрса до сих пор не обращалось достаточного внимания.

Сказанное можно пояснить на нескольких примерах. В случаях типа франц. *temps* назальность приписывается обычно отдельной фонеме; строго говоря, однако, она характеризует все слово в целом, а потому может рассматриваться как признак всего слова — просодия назальности. Примеры, аналогичные приведенному, разбираются также в работе В. Аллена, исследующего ретрофлексию в санскрите не по отношению к отдельным фонемам, обнаруживающим ретрофлексию, но по отношению к целой протяженности звуков, которую можно представить

R

в виде формулы $r \dots \dots T$, где T — артикуляция, ограничивающая ретрофлексию, а R — просодия ретрофлективности. Подобное объяснение, по мнению Аллена, упрощает описание сложных правил сандхи и снимает ложное представление о том, что начальное r меняет p на pr и т. д., — признать это значило бы признать, что r обладает какими-то мистическими гравитационными силами¹⁹⁷. Сходную интерпретацию получают в Лондонской школе и такие явления, как глоттализация, аспирация, гармония гласных и т. п.¹⁹⁸

Стремление к фонологическому истолкованию всевозможных акустических явлений, имеющих место при соединении звуков в потоке связной речи, приводит Фёрса и к изучению закономерностей стыка (ср. *Grenzsignale* Трубецкого). Так, он замечает, что в разговорном английском языке последовательность *IS SHE?* звучит не [ɪz ʃu], а [ɪzʃu], а потому [ʃʃ] «является в современном разговорном английском показателем спайки (junction), которая здесь рассматривается как просодия»¹⁹⁹ (курсив мой. — Е. К.).

¹⁹⁵ Существование таковых Фёрс отрицал, т. е. полагал, что это понятие является следствием абстракции наблюдаемых особенностей речи.

¹⁹⁶ По мысли Фёрса, понятие «отдельности» лингвистических единиц еще требуется тщательно проверить. По всей вероятности, введение его было лишь следствием гипостазирования факта линейности нашего письма и принятого в нем последовательного расположения отдельных букв. См.: J. R. Firth. *The semantics of linguistic science*, стр. 147.

¹⁹⁷ W. S. Allen. *Some prosodic aspect of retroflexion and aspiration in Sanscrit*. — BSOAS, 1951, vol. 13, pt 4.

¹⁹⁸ Cp. F. R. Palmer. 'Openness' in Tigre: a problem in prosodic statement. — BSOAS, 1956, vol. 18, pt 3; R. K. Sprigg. *Vowel harmony in Lhasa Tibetan: prosodic analysis applied to interrelated vocalic features of successive syllables*.

¹⁹⁹ J. R. Firth. *Sounds and prosodies*, стр. 123.

Если, таким образом, свести воедино все определения просодий, которые встречаются в работах Фёрса, можно, по-видимому, сказать, что просодии — это структурные признаки слов и предложений, структурные признаки начала и конца лингвистических единиц и их спайки²⁰⁰.

Естественно, что при таком широком понимании просодических особенностей содержание термина «просодия» становится не вполне ясным. Так, работы Фёрса не дают ответа на вопрос, является ли просодией ударение, определенная интонация, долгота звука и т. д., или их непосредственный результат, или даже вообще результаты всех преобразований, происходящих с отдельными звуками в потоке речи (например, явления антиципации звуков или их перекрестного влияния). По-видимому, есть все основания полагать, что в теории Фёрса под понятие просодии подводятся одновременно:

а) отдельные компоненты синтагматического членения речи, имеющие большую временную протяженность, чем элементарные звуки, т. е. сопровождающие произнесение нескольких элементарных звуков (тон, интонация, ударение);

б) способы соединения и разграничения отдельных речевых форм (сингармонизм, ретрофлексия, назализация и т. д.);

в) результаты объединения фонемных и нефонемных единиц (слог);

г) результаты объединения слогов в более длинные цепочки.

Нетрудно видеть, что, протестуя против одной крайности — истолкования всех фонетических явлений, служащих дифференциации форм, в терминах фонемы, Фёрс приходит к другой крайности — к их интерпретации в терминах просодий. Подобное расширительное толкование приводит Фёрса к весьма уязвимому выводу о том, что «мы говорим просодиями и слышим их»²⁰¹.

Отсутствие детально разработанной техники установления просодий и, главное, отсутствие «четкого и всестороннего определения просодий», на которое совершенно справедливо указывает А. Хилл²⁰², составляет, разумеется, существенный недостаток просодической теории лондонцев. Вместе с тем нельзя не отметить ряд положительных сторон этой теории и в первую очередь пристальное внимание в ней к вопросам фонологического моделирования — построению слога, слова, словосочетания. Важно подчеркнуть также, что оперирование просодическими данными не только помогло освещению и классификации материала на уровне фонологии, но и значительно способствовало упроще-

---

²⁰⁰ J. R. Firth. General linguistics and descriptive grammar, стр. 226.

²⁰¹ J. R. Firth. Sounds and prosodies, стр. 138.

²⁰² A. A. Hill. Suprasegmentals, prosodies, prosodemes, стр. 458.

нию подачи материала в области грамматики²⁰³. Выдвижение принципов просодического анализа было весьма плодотворным и в том отношении, что оно проложило дорогу многим частным исследованиям языков Африки, Индии и т. д., описание которых явилось большой заслугой английских лингвистов. С точки зрения широкой исторической перспективы несомненно был прав Фёрс, предупреждая против одностороннего увлечения узкофонемным принципом и особенно против его распространения на явления иного плана. Лингвистическая практика лондонцев, действительно, подтвердила целесообразность описания многих языков путем оперирования новыми фонологическими единицами. Наконец, существенно и то, что уточнение основ просодического анализа сочеталось у Фёрса и его последователей не только с изучением языков самых различных систем, но и с исследованием этих языков методами инструментальной фонетики²⁰⁴. Не случайно поэтому английские лингвисты не без основания утверждают, что данные палатографии, кимографии и т. д. согласуются скорее с результатами не фонемной, а просодической теории.

Заслуги Фёрса и его учеников не должны заслонить все же того факта, что просодическая теория существует пока только в самом общем виде и что границы ее применения нуждаются в серьезном уточнении. Основное здесь, по-видимому, заключается в более строгом отграничении понятия просодий и более развернутом и детальном исследовании отдельных просодических признаков. Думается, однако, что сама мысль о необходимости ввести в фонологию специальный раздел, связанный с изучением закономерностей сочетания звуков в потоке связной речи, вполне актуальна²⁰⁵.

В заключение еще раз можно подчеркнуть, что в своей сущности просодическая теория значительно отличается от того, что известно под этим названием у Н. С. Трубецкого и в американском языкознании (см. выше, стр. 225 и сл.). Это дает нам право утверждать, что просодическая теория Фёрса, разработка которой и

---

²⁰³ Ср., например, такие конкретные работы, как: F. R. Palmer. *The verb in Bilin*, где в качестве просодии выделяются модели высоты тона и гармонии гласных; R. K. Sprigg. *Verbal phrases in Lhasa Tibetan*. — BSOAS, 1954, vol. 16, pt 1—3, где в качестве просодий описываются открытость и закрытость, округление губ и их нейтральность и т. д.; R. H. Robins. *The phonology of the nasalized verbal forms in Sundanese*, где словоизменение глагола описывается с помощью просодий назализации, и т. д. и т. п.

²⁰⁴ Ср., например, такие работы самого Фёрса, как «*Word palatograms and articulation*» (BSOAS, 1948, vol. 12, pt 3/4), «*Improved techniques in palatography and kymography*» (BSOAS, 1950, vol. 13, pt 3), «*Linguistics in laboratory*» («*Panconcelli-Calzia Festschrift*»).

²⁰⁵ Аналогичные мысли были недавно высказаны П. Гарвином и М. Матьо без всякого упоминания о работах лондонцев. См.: P. L. Garvin, M. Mathiot. *Fused units in prosodic analysis*. «*Word*», 1958, vol. 14, № 2—3.

сейчас успешно продолжается, составляет вполне оригинальную черту английского структурализма.

Итак, мы рассмотрели разностороннюю и во многих отношениях весьма плодотворную деятельность английских языковедов, составляющих так называемую Лондонскую лингвистическую школу, или Лондонскую группу лингвистов. Наше внимание было сосредоточено при этом на тех узловых моментах, которые наиболее ярко характеризуют эту группу, как представляющую особое структуральное направление в современном языкознании. Естественно, что при таком подходе некоторые из важных аспектов деятельности английских ученых не нашли адекватного отражения. Это относится в основном к освещению той значительной работы, которая была проделана англичанами в области изучения и описания многих редких неиндоевропейских языков Востока и Африки. Это относится также и к тем частным исследованиям представителей Лондонской группы, которые казались нам менее показательными для характеристики всей лингвистической доктрины этого направления в области общего языкознания, или общей теории языка.

В заключение, не повторяя тех частных оценок, которые были даны по поводу отдельных положений рассматриваемой теории в ходе изложения, подытожим некоторые основные особенности концепции языка в понимании «лондонцев».

Согласно этой концепции, язык рассматривается как значащая деятельность, имеющая в конечном счете чисто прагматический характер. Язык существует как система лишь потому, что он выполняет в обществе вполне определенную функцию, означающую «способ делать вещи, способ получить вещи сделанными, способ вести себя и заставить правильно вести себя других, способ жить»²⁰⁶. Подобный функционально-прагматический подход отражается и на формулировании основных задач языкознания.

Основным звеном изучения языка объявляется изучение значения «с тем, чтобы мы могли увидеть, как мы используем язык, чтобы жить»²⁰⁷. Значение определяется как пересечение всех функций высказывания в том контексте ситуации, в котором это высказывание было создано. Важнейшим методом лингвистического анализа является поэтому контекстуализация формы, т. е. установление всех особенностей ее функционирования. Различные виды контекстуализации, сводящиеся к определению окружения формы, варьируются в зависимости от уровня анализа.

Язык описывается первоначально не в терминах мельчайших единиц его членения, но прежде всего в терминах лингвистических категорий — структур и систем, отражающих наиболее су-

²⁰⁶ J. R. Firth. The use and distribution of certain English sounds, стр. 35.

²⁰⁷ J. R. Firth. A synopsis of linguistic theory, стр. 23.

щественные закономерности упорядочения языкового материала, т. е. основные типы лингвистического моделирования. Структуры и системы, а далее и их компоненты, устанавливаются для каждого языка в отдельности (*ad hoc*), и их описание составляет задачу конкретного лингвистического исследования. Общее же — обычно синхронное — направление исследования определяется теми задачами в рамках предлагаемой теории, которые были сформулированы выше.

Основные достижения рассматриваемого направления следует, по-видимому, связать с разработкой двух аспектов науки о языке: с ситуационной теорией значения, которая была здесь распространена за рамки собственно семантического анализа и явилась ключом к пониманию языка вообще, и с просодическим анализом, который не только определяет специфические методы исследования на фонологическом уровне, но оказывается связующим звеном между фонической данностью и манифестируемыми ею явлениями на более высоких уровнях языка.

К достоинствам Лондонской лингвистической школы следует также отнести попытку постановки и решения таких сложных вопросов, как язык и общество, и стремление связать с этой проблемой другие, более частные проблемы (например, проблему функционального расслоения языка и функциональных стилей речи, проблему ситуационного контекста, проблему движущих сил в развитии языка и т. д. и т. п.). К сожалению, однако, эта сторона ее деятельности получила в целом недостаточное развитие. К тому же в этой области сказывалось более ощутимо влияние бихевиористских концепций, что во многом снижало теоретическую ценность выдвигавшихся гипотез.

Несомненным достоинством рассматриваемого направления следует признать и широкое обращение к исследованию семасиологических аспектов языка и требование повернуть лингвистику к изучению значения. Существенным в этом плане представляется и то, что признание семасиологии лингвистической дисциплиной не означало крена в сторону опоры исключительно на семантические критерии. Определяя значение как совокупность функций, выполняемых формой, английские ученые признали вместе с тем функционально релевантным лишь то, что находит себе в языке формальное выражение²⁰⁸. Тем самым, постулируя необходимость рассмотрения значения в ряду лингвистических категорий, они одновременно постулировали необходимость изучения его объективными, т. е. формальными методами и указали некоторые конкретные пути подобного изучения. Следует также отметить, что ориентация на объективные критерии не приводит здесь к той крайней формализации исследований, которая свойственна многим другим зарубежным направлениям современного языкознания.

²⁰⁸ Ср.: В. Н. Топоров. Указ. соч., стр. 254.

Последнее обстоятельство можно в известной мере связать с тем, что к числу формальных критериев здесь не были причислены одни дистрибутивные признаки формы, против чего английские ученые вполне справедливо возражали и в теоретическом плане. Основной упор делался здесь на функциональные особенности языковых форм, и в соответствии с этим школа полностью отвечает определению функциональной.

Интересно отметить и то, что функциональный и структурный подходы в Лондонской лингвистической школе не только не были противопоставлены друг другу, но были объявлены логически взаимосвязанными. Структурный анализ — это по своему существу анализ отношений, и исследование функциональных связей составляет поэтому его основное содержание²⁰⁹.

Исходя из всего вышесказанного, можно было бы определить лондонское направление как функционально-структурное, или как школу функционального структурализма.

Последние замечания касаются места Лондонской лингвистической группы среди других современных направлений и школ. Хотя, по-видимому, этот вопрос требует специальной аргументации, можно — в общих чертах — отметить, что наиболее значительное сходство в исходных теоретических установках наблюдается между представителями Лондонской школы и Пражского лингвистического кружка²¹⁰. Напротив, как теория глоссематиков (в силу ее универсальности, «алгебраичности» и дуализма), так и теория дескриптивизма (в силу ее априоризма, непризнания важности семиологических аспектов языка, фрагментарности и т. д.) — обе кажутся лондонцам неприемлемыми. Знаменательно в этом отношении, что по многим вопросам лингвистики лондонцы предлагают решения, прямо противоположные тем, которые выдвигаются американскими лингвистами (ср. вопрос о месте значения в языке и языкознании, о терминах описания, о релевантных признаках категорий и критериях их установления и т. д. и т. п.). Как мы пытались показать выше, существенны и расхождения в разрабатываемой тематике научных исследований. В этом смысле Лондонская лингвистическая школа может быть охарактеризована как вполне оригинальное направление, сказавшее свое новое слово по многим спорным вопросам современного языкознания.

Всякий, кто поставит своей целью ознакомиться с концепцией этой школы не в ее частностях, но в целом, не может не отметить тесной взаимообусловленности всех ее частей. И если в ряде отношений эта теория изложена недостаточно ясно или аргументиро-

---

²⁰⁹ Ср.: W. Haas. On defining linguistic units, стр. 58, а также: J. R. Firth. Applications of general linguistics, стр. 1.

²¹⁰ См. также: J. Vachek. The London group of linguistics, где намечены как сходные линии развития двух указанных школ, так и некоторые расхождения, существующие в их теориях.

вана не вполне убедительно (а это, несомненно, так), а также если достаточно часто ряд ее положений имплицитен по своему характеру, то это вполне объяснимо, — вряд ли можно было бы требовать иного от теории, которая охватывает самые разные аспекты языка. К тому же перед нами не законченное учение, но развивающаяся теория, постоянно дополняемая и уточняемая новыми исследованиями. Высказывалось мнение, что «положительные качества этой теории и ее неоспоримые достоинства будут становиться гораздо более ощутимыми по мере того, как она будет применена к описанию языков, которые нам лучше известны»²¹¹. Теория Лондонской лингвистической школы могла бы занять достойное место среди других современных теорий о языке лишь в случае отказа от неопозитивистских установок бихевиористского толка, расширения тематики исследований, углубления и совершенствования выдвинутых методов анализа языка.

---

²¹¹ См.: G. L. Bursill-Hall. From Anglo-Canadian publications, стр. 257.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- BCLC** — «Bulletin du Cercle Linguistique de Copenhague» (Копенгаген, с 1936 г.)
- BPTJ** — «Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego» (Вроцлав—Краков, с 1927 г.)
- BSL** — «Bulletin de la Société de Linguistique de Paris» (Париж, с 1864 г.)
- BSOAS** — «The Bulletin of the School of Oriental and African Studies» (Лондон, с 1917 г.)
- ČMF** — «Časopis pro moderní filologii» (Прага, с 1911 г.)
- IJAL** — «International Journal of American Linguistics» (Нью-Йорк—Балтимора, с 1917 г.)
- PiL** — J. R. Firth. Papers in Linguistics. London, 1957.
- RiL** — «Readings in Linguistics. The development of descriptive linguistics in America since 1925». Ed. by M. Joos. New York, 1958.
- SaS** — «Slovo a slovesnost» (Прага, с 1935 г.)
- SLA** — «Studies in Linguistic Analysis». Oxford, 1957.
- TCLC** — «Travaux du Cercle Linguistique de Copenhague» (Копенгаген с 1945 г.)
- TCLP** — «Travaux du Cercle Linguistique de Prague» 1—8 (Прага, с 1929 по 1939 г.)
- TPS** — «Transactions of the Philological Society» (Лондон, с 1854 г.)
- Trends...** — «Trends in European and American Linguistics. 1930—1960». Antwerp, 1961.
- VPSJ** — «O vedeckém poznání soudobých jazyků». Praha, 1958.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аванесов Р. И. 81—82, 233
 Айдукевич К. (Ajdukiewicz K.) 165
 Аксаков К. 103
 Аллен В. С. (Allen W. S.) 308, 312, 320, 325, 329, 336, 347
 Артимович А. (Artymovič A.) 53—54
 Арутюнова Н. Д. 207, 225, 255, 258, 266
 Ахманова О. С. 46, 81, 112, 123, 129, 167, 181, 223, 272, 310

 Базелль К. (Bazell C. E.) 128, 144, 172—173, 337
 Базилиус Г. (Basilius H.) 136
 Балли Ш. (Bally Ch.) 55
 Бар-Хиллел И. (Bar-Hillel Y.) 165, 221, 267
 Бастид Р. (Bastide R.) 30
 Бах Э. (Bach E.) 294
 Бейссанс Э. (Buysse E.) 16, 52, 57, 79, 81
 Бенвенист Э. (Benveniste E.) 6—7, 14, 23—24, 27—28, 31, 47, 55, 58.
 Бенеш Э. (Beneš E.) 132
 Бервилл-Холл Дж. (Bursill-Hall G. L.) 286, 330, 332, 345, 353
 Бернштейн С. И. 14, 237, 238
 Бич Д. М. (Beach D. M.) 345
 Блок Б. (Bloch B.) 39, 93, 179, 187—188, 191, 198, 204, 206, 208—214, 217, 219—220, 222—224, 226—227, 231, 238, 242—244, 249, 252
 Блумфилд Л. (Bloomfield L.) 7, 10—11, 21—22, 25, 32, 37—40, 124—125, 131, 134—135, 140, 177—179, 184, 187—190, 192—195, 197—198, 205, 209, 211—212, 214, 215, 219, 224—227, 235, 242—243, 245—247, 253, 255—256, 269—270, 273, 288, 291, 331

 Боас Ф. (Boas F.) 180, 186, 239—240, 288
 Бодуэн де Куртене И. А. 10, 12, 19, 49, 59, 60, 63, 81, 101, 179, 230
 Болингер Д. (Bolinger D.) 204—205, 294
 Боргстрём К. (Borgstrøm C.) 27, 52
 Брøndаль Б. (Brøndal V.) 9, 14, 23, 26, 28—29, 127, 130, 139
 Бругман К. (Brugmann K.) 57
 Булл В. (Bull W.) 288
 Бюлер К. (Bühler K.) 23—24, 54, 60, 62, 64, 96, 116

 Вагала Ф. (Vahala F.) 122
 Ван-Вейк Н. (van Wijk N.) 57, 69, 86, 90
 Ванчуря З. (Vančura Z.) 116
 Вахек Й. (Vachek J.) 16, 33, 42, 48—49, 53, 55, 58, 60, 63, 67, 75, 84, 86—87, 97—98, 122, 124, 126, 173, 308—311, 314—315, 329, 343, 345, 352
 Вегенер Ф. (Wegener Ph.) 320
 Вёглин Ф. (Voegelin F. M.) 24, 29, 40—41, 186, 200, 289—290, 332
 Вёглин Ч. (Voegelin Ch. F.) 24—25, 29, 40—41, 186, 194—195, 200, 202, 214, 216, 236, 240, 244, 289—290, 305, 332
 Вейк Н., ван (см. Ван-Вейк Н.)
 Вейс А. П. (Weiss A. P.) 38, 193
 Вейсгербер Л. (Weisgerber L.) 6—7, 10, 44
 Веллек Р. (Wellek R.) 117—119
 Виноградов В. В. 13—14, 114
 Витгенштейн Л. (Wittgenstein L.) 21—22, 319
 Востоков А. X. 103

- Габеленц Х. фон (Gabelentz H. G. C. von) 12
 Гавранек Б. (Havránek B.) 48, 51, 54, 85, 88, 97, 112, 115—118, 120—123
 Гарвин П. (Garvin P.) 128, 130, 139—140, 149, 156, 172, 251, 254, 256, 349
 Гардинер А. (Gardiner A.) 23, 96, 112, 310
 Гаузенблас К. (Hausenblas K.) 47, 97, 120
 Гебауэр Я. (Gebauer J.) 47—48
 Гемелли А. (Gemelli A.) 91
 Глисон Г. (Gleason H. A.) 135, 188, 196—197, 199, 204, 208, 213, 216—217, 221, 228, 236, 326
 Глушков В. М. 167
 Годель Р. (Godel R.) 133, 137, 153, 154, 156, 158, 160
 Горалек К. (Horálek K.) 54, 94, 97, 99, 120, 123
 Горжейши В. (Hořejši V.) 97
 Готье М. (Gauthier M.) 187
 Граймс Дж. (Grimes J. E.) 238
 Грей Л. (Gray L.) 39
 Гринберг Дж. (Greenberg J. H.) 144, 181, 183—184, 198, 258
 Гроот А. В. де (de Groot A. W.) 24, 60, 65
 Гугенэм Г. (Gougenheim G.) 85—86
 Гуджинская С. (Gudschinsky S. C.) 183
 Гуденаф У. (Goodenough W. H.) 144—145
 Гумбольдт В. фон (Humboldt W. von) 11, 13—14
 Гуссерль Э. (Husserl E.) 20, 28, 42
 Гухман М. М. 10, 193

 Дал И. (Dal I.) 61
 Джос М. (Joos M.) 166, 177, 180, 183, 187, 189—191, 199, 205, 212
 Джоунз Д. (Jones D.) 124, 222—224, 308—310, 345
 Дидерихсен П. (Diderichsen P.) 207, 223, 267
 Диксон Р. (Dixon R.) 300
 Докулил М. (Dokulil M.) 110—111, 122—123
 Долежел Л. (Doležel L.) 97, 120, 123
 Доросевский В. (Doroszewski W.) 15, 17, 83
 Дюркгейм Э. (Durkheim E.) 17, 322

 Едличка А. (Jedlička A.) 121
 Ельмслев Л. (Hjelmstev L.) 7, 19, 21—22, 24—27, 34—36, 38, 41—43, 45—46, 49, 67, 123—125, 127—142, 144—149, 152—166, 168, 171, 174—176, 196, 207, 209, 311, 313, 330, 337
 Есперсен О. (Jespersen O.) 311, 316
 Жюйлан А. (Juilland A. C.) 252, 263, 286, 291, 300

 Звегинцев В. А. 46, 129, 154, 159, 179, 183, 207
 Зибенштейн Г. (Siebenstein H.) 116

 Иванов Вяч. Вс. 167
 Ингве В. (Yngve V.) 183
 Иохансен С. (Johansen S.) 128
 Исаченко А. В. (Isačenko A. V.) 79, 91, 102, 334

 Кантино Ж. (Cantineau J.) 73, 79, 81, 99
 Каплан Л. И. 259
 Карнап Р. (Carnap R.) 21—22, 30, 34, 36, 153, 159, 161—163, 170, 192
 Карнохан Дж. (Carnochan J.) 308, 328, 333, 336—337, 343
 Карцевский С. (Karcevskij S.) 23, 48, 55—56, 100, 103, 105, 112
 Кастильоне С. (Castiglione S.) 195
 Келемен Б. (Kelemen B.) 46
 Климов Г. А. 183
 Коллиндер Б. (Collinder B.) 307
 Конт О. (Comte A.) 17
 Копал В. (Copál V.) 123, 126
 Копецкий Л. (Koreckij L.) 116
 Коржинек Й. (Kořinek J. M.) 48, 53, 73, 91, 97, 120
 Косериу Э. (Coseriu E.) 16—17, 40, 54, 86, 90, 154, 156, 210
 Коэн А. (Cohen A.) 345
 Крёбер Л. (Kroeber A. L.) 181, 183
 Крейчи Т. (Krejčí T.) 116
 Кретъен Ч. (Chretien Ch.) 183
 Крушевский Н. В. 81
 Крушельницкая Р. Г. 114
 Кубрякова Е. С. 207, 225, 255, 258, 266, 316
 Кузнецов П. С. 86, 233, 319
 Курилович Е. (Kuryłowicz J.) 27, 77, 108—110, 119, 174
 Кутсудас А. (Koutsoudas A.) 203
 Кьюрат Г. (Kurath H.) 235
 Каролл Дж. (Carrol J. B.) 137, 185, 197

 Лазизиус Ю. (Laziczius J.) 68
 Лаптева О. А. 113
 Ласель М. (Lascelles M.) 267

- Лаунсбери Ф. (Lounsbury F. G.) 144—145, 181, 256
 Леви-Стросс К. (Levy-Strauss C.) 24, 131
 Лейбниц Г. (Leibnitz G. W.) 147
 Лейн Дж. (Lane G. S.) 185
 Лекомцев Ю. К. 129, 169
 Леман В. (Lehmann W. P.) 27, 235
 Ленин В. И. 22, 159
 Леонтьев А. А. 13—15, 59, 156, 181, 315
 Лешка О. (Leška O.) 102, 119
 Лиз Р. (Lees R. B.) 186, 189, 201, 207, 233, 241—242, 259—261, 267—268, 275, 289, 292, 295, 297, 303—305
 Лонгакр Р. (Longacre R. E.) 235, 249, 276
 Лукофф Ф. (Lukoff F.) 199
 Людтке Г. (Lüdtke H.) 123

 Макаев Э. А. 50
 Мак-Куин Н. (McQuown N.) 268
 Макрис Дж. (Macris J.) 252, 263, 286
 Малиновский Б. (Malinowski B. K.) 314—315, 318—322, 324
 Мальмберг Б. (Malmberg B.) 90—92, 179, 307
 Мандельбаум Д. (Mandelbaum D.) 179
 Марков А. А. 163—164
 Маркс К. 30, 190
 Марти А. (Marti A.) 12—13, 16, 50
 Мартин С. (Martin S. E.) 221
 Мартине А. (Martinet A.) 5—7, 16, 24—27, 33, 35—36, 46, 55, 58—60, 62, 65, 68, 71—72, 74, 86—87, 90, 102, 123, 125—126, 128, 130, 144, 165, 167, 169—170, 172—173, 175, 185
 Масарик Т. Г. (Masarik T. G.) 50
 Матезиус В. (Mathesius V.) 10, 13, 18, 48—51, 53—55, 58, 75, 86, 89, 94—98, 100—102, 110—114, 121, 308
 Матьо М. (Mathiot M.) 349
 Мах Э. (Mach E.) 21
 Махачек Я. (Machaček J.) 98
 Мачавариани М. В. 164
 Мейе А. (Meillet A.) 13, 322
 Менделеев Д. И. 132
 Мёллер К. (Møller K.) 156
 Мельчук И. А. 95, 306
 Мёрфи С. (Murphy S.) 256
 Метьюс В. К. (Matthews W. K.) 90
 Мизес Р. фон (Mises R. von) 21, 159
 Микаэлян Г. Б. 112, 129, 167, 272

 Милль Дж. Ст. (Mill J. St.) 20
 Митчелл Т. Ф. (Mitchell T. F.) 325
 Михельсон Т. (Michelson T.) 235
 Молошная Т. Н. 320
 Морган Л. Г. (Morgan L. H.) 30
 Мотш В. (Motsch W.) 173
 Мукаровский Я. (Mukařovský J.) 48, 117—119
 Мултон В. (Moulton W.) 198, 213, 235
 Мэлоун К. (Malone K.) 218
 Мюллер Г. (Müller H.) 180, 226, 229

 Найда Ю. (Nida E. A.) 184, 188—189, 192, 195, 199, 204, 206, 215, 244, 255, 262, 265
 Нарский И. С. 159—160
 Неринг А. (Nehring A.) 128, 130, 165, 175
 Новак Л. (Novák L.) 69, 84, 87, 101—102
 Новак П. (Novák P.) 111
 Новиков П. С. 163—164
 Ньюмен С. (Newman S.) 241, 243

 Огден К. (Ogden C. K.) 318
 Олмстед Д. (Olmsted D. L.) 201, 256, 268
 Осгуд Ч. (Osgood Ch. E.) 144
 Остин В. (Austin W. M.) 217

 Павлов И. П. 20
 Пайк К. Л. (Pike K. L.) 71, 139, 187—190, 193, 197—201, 204—205, 209, 212, 215—219, 221—223, 226—227, 232, 244, 248—250, 255—256, 260, 272—273, 331—332, 346
 Пайк Э. В. (Pike E. V.) 221
 Палмер Г. (Palmer H.) 213, 338
 Палмер Ф. (Palmer F. R.) 310, 320, 334—335, 339, 347, 349
 Панов М. В. 267
 Пасси П. (Passy P.) 224
 Паулини Э. (Pauliny E.) 97
 Пауль Г. (Paul H.) 10, 12, 32, 214
 Персиваль К. (Percival C.) 217
 Пешковский А. М. 103, 108
 Пизани В. (Pisani V.) 223
 Питтмен П. (Pittman R.) 273, 275
 Плас В. (Plath W.) 183
 Поливанов Е. Д. 14
 Польдауф И. (Poldauf I.) 107, 110, 123—124
 Пос Х. (Pos H.) 65
 Престон В. (Preston W. D.) 196
 Прието Л. (Prieto L.) 308, 331
 Прохазка В. (Procházka V.) 122
 Пулгрэм Э. (Pulgram E.) 236, 255

Рамишвили Г. В. 13
Рассел Б. (Russell B.) 21—22, 153, 173, 191
Рейхлинг А. (Reichling A.) 52
Реформатский А. А. 31, 65—66, 70, 77—78, 80, 82—83, 136, 140, 211, 233, 235, 265, 319, 328
Рис И. (Ries J.) 96
Ричардс И. А. (Richards I. A.) 318
Робинс Р. (Robins R. H.) 286, 308, 317, 319—320, 327, 329, 331, 333—334, 336, 338—341, 349
Росс А. (Ross A.) 310

Сапорта С. (Saporta S.) 254
Сводеш М. (Swadesh M.) 188, 208, 211, 214, 216, 218, 222, 224—225, 230—231, 235—237
Сепир Э. (Sapir E.) 135—136, 177—179, 187—188, 193, 202, 211, 214, 235—236, 241, 288
Сёренсен Х. Ст. (Sørensen H. St.) 144, 147, 173
Сешэ А. (Secheyaye A.) 55
Сидоров В. Н. 82
Сиертсема Б. (Siertsema B.) 129, 140, 149, 151, 156, 169—170, 172—173
Симон Г. (Simon H. F.) 325
Скаличка (Skalička V.) 6, 26—27, 31, 48, 53—54, 63—64, 69, 88—89, 100—102, 112, 120, 123, 126
Скотт Н. (Scott N. C.) 308
Следд И. (Sledd J.) 280
Смирницкий А. И. 215, 233, 257—258
Смирнов В. А. 90
Смит Г. Л. (Smith H. L.) 93, 187, 194—195, 197, 199, 218, 230

Соммерфельт А. (Sommerfelt A.) 46
Соссюр Ф. де (de Saussure F.) 10, 12—19, 47, 49—54, 57, 59, 65—66, 96, 125, 133, 137, 153, 154, 156—158, 160, 179, 208, 322
Спанг-Ханссен Х. (Sprang-Hanssen H.) 35—36, 129, 161—162, 167, 170, 172—173
Спринг Р. (Sprigg R.) 308, 332, 347, 349
Станкевич Э. (Stankiewicz E.) 238
Стокуэлл Р. (Stockwell R. P.) 308, 337
Странг Б. (Strang B.) 267
Субботин А. Л. 166, 168—169
Суйт Г. (Sweet H.) 10, 224, 309, 311, 322
Сучи Дж. (Suci G. J.) 144
Схрейнен Й. (Schrijnen J.) 55

Танненбаум П. (Tannenbaum P.) 144
Тарский А. 163—164
Тводдел Б. (Twaddell W. F.) 60, 67, 171, 211, 214, 221, 223, 237, 239
Теньер Л. (Tesnière L.) 88, 92
Тернер Р. Л. (Turner R. L.) 308
Тогебу К. (Togebuy K.) 111, 125, 175, 286
Томсен В. (Thomsen W.) 39
Топоров В. Н. 48, 90, 308, 314, 351
Трейгер Дж. Л. (Trager G. L.) 39, 93, 137, 177, 185, 187—188, 191, 194, 196—199, 208, 210—213, 218—219, 222, 226—227, 230—231, 238, 242—245
Трнка Б. (Trnka B.) 7, 10, 16, 35, 48, 51—52, 61—62, 64—65, 69—70, 72, 85—90, 96—97, 109—111, 114—115, 119—120, 220
Трост П. (Trost P.) 54, 85, 120
Трубецкой Н. С. 9, 23—24, 28, 47—48, 51—64, 66—71, 73—77, 79—84, 87—89, 91, 99, 103—104, 124—125, 230—231, 236, 239, 345—347, 349

Уайтфилд Ф. (Whitfield F.) 129
Уайтхед А. Н. (Whitehead A. N.) 21—22, 153
Уитли Э. (Whitley E.) 333
Улашин Г. (Ułaszyn H.) 230
Ульдаль Х. (Uldall H.) 127, 129—132, 135, 139—140, 144, 147, 150—151, 159—161, 163—166, 172—173, 176
Ульман С. (Ullmann S.) 95, 310—311, 317—320, 322
Уондерли Б. (Wonderly W.) 188
Уорс Д. (Worth D. S.) 242, 294
Уорф Б. Л. (Whorf B. L.) 135—136, 177, 181, 187, 231
Уотерхауз Б. (Waterhouse V.) 284
Уотмоу Дж. (Whatmough J.) 183, 185
Успенский Б. А. 129
Уэллс Р. (Wells R.) 25, 33, 40—41, 129, 134, 140, 149, 174, 179, 190—191, 193, 199—200, 206, 208, 211, 213, 226, 239, 246, 273—274, 287—288, 290

Фаяукс Р. (Fowkes R.) 187, 333, 345
Фаулер М. (Fowler M.) 128, 259
Ферс Дж. Р. (Firth J. R.) 9, 27, 33, 36—37, 42—43, 227, 288, 307—320, 322—334, 336—350, 352
Финк Ф. (Finck F.) 12
Фирбас Я. (Firbas J.) 114

Фишер-Йоргенсен Э. (Fischer-Jørgensen E.) 90—91, 124—125, 128, 134, 158, 170—172, 223, 333
Фогт Х. (Vogt H.) 129—130, 140, 160, 163, 171
Фортунагов Ф. Ф. 12
Фосслер К. (Vossler K.) 10, 13
Франк Ф. (Frank Ph.) 21
Фрей А. (Frei H.) 156
Фриз Ч. (Fries Ch.) 137, 188, 192—193, 238, 256, 270, 280—284
Фурке Ж. (Fourquet J.) 27

Хаас В. (Haas W.) 198, 279—280, 308, 316, 334—335, 338, 340—343, 352
Хаймс Д. (Hymes D.) 182—183
Хакер П. (Hacker P.) 340
Халле М. (Halle M.) 94, 199, 228, 345
Хаммерих Л. (Hammerich L.) 128—130, 165, 175
Хансен К. (Hansen K.) 14, 46, 119
Харрис З. С. (Harris Z. S.) 25, 31—32, 39, 52—53, 124, 131, 139, 144, 179, 182, 184, 187—192, 194—195, 198—199, 202, 204—209, 216—218, 222, 224, 226, 231—232, 238—239, 241—243, 245—247, 249—250, 258—271, 273—274, 276—280, 284, 289, 292—293, 298—299, 327
Хауген Э. (Haugen E.) 46, 126, 128, 130, 138, 149, 169, 179, 196, 199, 206, 222, 227—228, 237—238, 308, 326, 338
Хаусхолдер Ф. (Householder F. W.) 40, 203, 205, 224
Хенигсвальд Г. (Hoenigswald H.) 27, 235
Хермодсон Л. (Hermodsson L.) 46
Хестерманн Ф. (Hestermann F.) 55
Хилл А. (Hill A.) 177, 198, 205, 208, 228—230, 235, 279, 285, 300, 334, 345, 348
Хинце Ф. (Hintze F.) 71
Хоккет Ч. (Hockett Ch.) 25, 39, 48, 83, 171, 188—191, 195—196, 198—199, 202—206, 209—214, 217—219, 221—222, 224, 226, 228, 230—232, 234, 236—238, 242, 244—246, 251, 253—254, 261—266, 286
Холл Р. (Hall R.) 179, 185, 188, 236, 248
Холлидей М. (Halliday M.) 253—254, 291, 308, 313, 317, 327—328, 330, 332—334, 337—343

Хомский Н. (Chomsky N.) 189, 199, 201, 205, 233—234, 242, 248, 253, 268, 289, 291—295, 300—301, 304—306

Хомски Ч. С. (Chomsky Ch. S.) 182
Хойер Г. (Hoijer H.) 181—182, 188
Хэмп Э. (Hamp E.) 187, 216, 326
Хэррис З. С. см. Харрис З. С.

Цвирнер Э. (Zwirner E.) 90—91
Цейп Л. (Ceip L.) 321

Чжао Юань-жень (Yuen-Ren Chao) 203, 224, 237, 251, 290
Четмен С. (Chatman S.) 273—274
Чешко Е. В. 110
Чижевский Д. (Tschizewskij D.) 60, 103

Шафф А. (Schaff A.) 24, 160
Шаумян С. К. 46, 63, 72, 78, 129, 133, 167—168, 189, 292—293, 297, 305

Шахматов А. А. 47, 103
Шахтер П. (Schachter P.) 294—295
Шлаух М. (Schlauch M.) 193
Шмелев Д. Н. 108
Шор П. О. 39
Шпицер Л. (Spitzer L.) 38
Штейнгаль Г. (Steinthal H.) 11
Шухардт Г. (Schuchardt H.) 40, 17

Щерба Л. В. 14, 284

Эбелинг К. (Ebeling C.) 72, 109—110, 217, 221
Эддингтон А. (Eddington A.) 29
Эллис Дж. (Ellis J.) 328
Энгельс Ф. 30
Эндрус Ш. (Andrews Sh.) 185
Эссен О. фон (Essen O. von) 90
Эттингер А. (Oettinger A.) 183

Юденко К. (Judenko K.) 321

Якобсон Р. (Jakobson R.) 16, 23, 25, 48—51, 55—56, 59—60, 64—66, 68, 73—74, 80—81, 84—85, 87—88, 94, 99—111, 116—117, 121—122, 183, 217, 221—222, 228, 238, 329, 333, 345
Якубинский Л. П. 14, 117
Яновская С. А. 164

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Введение. Исторические и методологические основы структурализма (М. М. Гухман)	5
Глава 1. Пражская лингвистическая школа (Т. В. Булыгина)	46
Исторические предпосылки возникновения и общетеоретические основы Пражской школы	46
Фонология	58
Грамматика	92
Исследования функциональных языков и стилей. Проблема «культуры языка»	115
Отношение Пражской школы к другим направлениям структурализма	122
Глава 2. Глоссематическая теория (В. П. Мурат)	127
Глава 3. Американский структурализм (Н. Д. Арутюнова, Г. А. Климов, Е. С. Кубрякова)	177
Истоки и проблематика американского структурализма	177
Фонология	211
Грамматика	239
Глава 4. Из истории английского структурализма (Лондонская лингвистическая школа) (Е. С. Кубрякова)	307
Список сокращений	354
Именной указатель	355

Коллектив авторов

Основные направления структурализма

Утверждено к печати Институтом языкознания Академии наук СССР

Редактор издательства В. А. Ицкович. Технический редактор В. И. Зудина

Сдано в набор 2/IV 1964 г. Подписано к печати 22/VI 1964 г. Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 22,5.
Уч.-изд. л. 24,8. Тираж 2600 экз. Изд. № 3049. Тип. зак. № 703. Темплан 1964 г. № 395.
Цена 1 р. 59 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография изд-ва «Наука». Ленинград, В-34, 9 лин., д. 12

Исправлено

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
57	12 сн.	переневелиярность	передневелиярность
64	16 сн.	в особенности, Й. Вахка	в особенности, работы Й Вахка
68	10 сн.	М. Мартине	А. Мартине
98	3 сн.	I. Vachek.	J. Vachek.
102	13 сн.	минимумом	минимумов
106	7 сн.	allgemeine	allgemeinen
113	10 сн.	Phonominální	Pronominální
123	13 сн.	Serbokroatischem	Serbokroatischen
157	3 сн.	цание	цание } .
203	1 сн.	linguistics	linguistic
288	20 сн.	направления,	направления
294	1 сн.	bassi	basis
295	4 сн.	прочитанной	прочитанных
306	9 сн.	остро с программиро- ванием	остро в связи с програм- мированием
332	4 сн.	P. Спригга	P. Спринга
356	справа 25 сн.	Cont A.	Comte A.
358	слева 11 сн.	Спригг P.	Спринг P.
358	справа 27 сн.	Ulaszyn H.	Ułaszyn H.

Основные направления структурализма

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОСНОВНЫЕ
НАПРАВЛЕНИЯ
СТРУКТУРАЛИЗМА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«НАУКА»